ПОСЛЕДНИЕ ГЕРОИ ИМПЕРИИ

Валентин Рунов
Ричард Португальский

Легендарный КОЛЧАК

Адмирал и Верховный Правитель России

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба отпустила А.В. Колчаку меньше полувека, но в этот недолгий срок вместилось столько переломных событий, трагедий и бурь, что хватило бы на несколько жизней: великие войны и великая любовь, огромная власть и государственная катастрофа. Один из последних героев Империи, награжденный за храбрость Золотым Георгиевским оружием, он исследовал полярные льды и защищал Порт-Артур, минировал Финский залив и командовал Черноморским флотом, планировал десант на Стамбул и был Верховным Правителем России – правда, совсем недолго, всего 13 месяцев. Не справившись с миссией спасителя страны, преданный союзниками, Колчак был расстрелян без суда 7 февраля 1920 года. Большевики считали его «злейшим врагом Советской власти и «воплощением всей старой неправды русской жизни" (выражение Троцкого). А Иван Бунин, выступая на панихиде, помянул Верховного Правителя такими словами: «Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано Его имя в Летописи Русской земли…"

- Валентин Рунов
  - Введение
  - Глава 1. Становление моряка и ученого
  - Глава 2. В поиске «земли санникова»
  - Глава 3. Первая боевая награда
  - Глава 4. Защитник Порт-Артура
  - Глава 5. На благо флота российского
  - Глава 6. В канун грозных испытаний
  - Глава 7. Флаг-капитан флота Балтийского моря
  - Глава 8. Во главе Черноморского флота
  - Глава 9. На перепутье
  - Глава 10. Заграничная одиссея
  - Глава 11. В маньчжурии
  - Глава 12. Возвращение на родину
  - Глава 13. Путь к диктатуре
  - Глава 14. Будни правителя
  - Глава 15. Апогей верховной власти
  - Глава 16. Начало конца
  - Глава 17. Отречение
  - Глава 18. Финал
  - Эпилог
  - Хронологическая таблица

    - Комментарии
    - Библиографические ссылки
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19

Валентин Рунов
Легендарный Колчак. Адмирал и Верховный Правитель России

Введение

Александр Васильевич Колчак – личность в отечественной истории весьма яркая. Потомственный дворянин, полярный исследователь – искатель «Земли Санникова», специалист в области океанографии, гидролог, магнитолог, первооткрыватель ряда островов Северного архипелага, военный моряк – командир ряда судов российских Военно-морских сил, большой знаток минного оружия, преподаватель Военно-морской академии, эксперт по военно-морским вопросам третьей Государственной думы, командир Минной дивизии, флаг-капитан штаба Балтийского флота, командующий Черноморским флотом, адмирал, начальник Российской военно-морской миссии в Соединенных Штатах Америки, военный и морской министр Директории (Временного всероссийского правительства), Верховный правитель России, Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России, он прожил всего 45 лет. 23 года из них было отдано морской службе.

За эту недолгую жизнь Александр Васильевич многое познал, немало пользы принес Отечеству, хотя последние годы его политической деятельности вряд ли заслуживают позитивной оценки. Он побывал в Средиземном, Японском, Желтом, Чукотском, Баренцевом, Карском, Охотском, Северном, Балтийском и Черном морях, Северном Ледовитом, Индийском, Атлантическом и Тихом океанах, посетил Китай, Корею, Японию, США, Норвегию, Великобританию, увлекался восточной философией, коллекционировал кинжалы японских мастеров, изучал китайский язык, в совершенстве владел французским языком, знал английский и немецкий. Этот незаурядный человек поддерживал добрые отношения с лауреатом Нобелевской премии мира Ф. Нансеном, академиком Ф. Б. Шмидтом, был соратником полярного исследователя барона Э. В. Толля, ближайшим помощником в совершенствовании российского флота адмиралов С. О. Макарова и Н. О. Эссена, пользовался расположением великих князей Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего с начала Первой мировой войны, генерала от кавалерии, и Константина Константиновича, президента Императорской академии наук, генерала от инфантерии.

А. В. Колчак участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Моряк-профессионал, мужественный и храбрый воин, он кавалер 11 российских и 8 иностранных орденов, в том числе Св. Георгия 4-й степени, награжден золотой

саблей с надписью «За храбрость». Российская академия наук вручила ему свою высшую награду – большую «Константиновскую золотую медаль» за № 3. Действительный член Российского географического общества А. В. Колчак – автор более двух десятков научных работ, некоторые из которых переизданы и ныне как в России, так и за рубежом, в частности, в Соединенных Штатах Америки.

«Японцы, наши враги – и те оставили мне оружие. Не достанется оно и вам!»

О нем уже немало написано. Правда, в основном это литература о деятельности адмирала Колчака в Сибири во время Гражданской войны в Советской России. Весьма полное

освещение получила исследовательская деятельность Александра Васильевича особенно в период полярной экспедиции 1900–1902 годов. Вышел ряд статей о его личной жизни. Однако лишь в энциклопедических изданиях кратко упоминается об участии А. В. Колчака в Русско-японской войне, о его деятельности как офицера Морского генерального штаба, оперативного управления Балтийского флота во время его воссоздания и подготовки к Первой мировой войне. Только в 1994 году читатель получил возможность познакомиться с адмиралом Колчаком как командиром Минной дивизии и командующим Черноморским флотом. Особо следует подчеркнуть, что большая часть литературы вышла либо в местных изданиях, причем в 20–30-е годы, либо за рубежом. Часть ее была переиздана в России в конце XX – начале XXI века.

Десятилетиями на родине А. В. Колчака о его сложной, нередко противоречивой судьбе либо вообще умалчивали, либо упоминали только в негативном плане. С начала 90-х годов начала формироваться несколько иная тенденция. В связи с проявившимся огромным общественным интересом как к далекому, так и недавнему прошлому Отечества, немало непрофессионалов обратилось к истории с чисто конъюнктурными целями. Статьи в газетах и журналах, радио– и телепередачи начали соревноваться в изобретении всяческих легенд, подаче непроверенных, но привлекающих внимание читателя фактов, в том числе и об адмирале Колчаке, что искажает его реальный облик, порождает неверную оценку его роли и места в тех или иных исторических событиях. В целом ряде случаев он слишком идеализируется, превращаясь чуть ли не в «святого». Исключением является, пожалуй, лишь работа К. А. Богданова. Ее основное достоинство в том, что автор обратился к документальным источникам, на основе чего сделал небезуспешную попытку переосмыслить стереотип образа своего героя. Весьма удачно использована им, в частности, переписка Александра Васильевича с женой Софьей Федоровной и любимой им женщиной Анной Васильевной Тимиревой (во втором браке Книпер). Однако опять-таки большая часть этой повести-хроники посвящена Колчаку как Верховному правителю России, в результате чего внимание читателя акцентируется на том этапе его жизни, когда он проявил себя как диктатор, весьма неудачный политик и посредственный командующий войсками белой армии.

Авторы предлагаемой читателю монографии об Александре Васильевиче Колчаке сделали попытку проникнуть в исторические события, на фоне которых проходили его жизнь и деятельность, как бы изнутри, более детально исследовав не

только внешне проявившиеся факты, но и воздух той или иной эпохи, понимая, что отечественная история – это национальное достояние со своими славными и отнюдь не славными страницами. Ее основа – документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ), бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), ныне Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ), Русского архива, сборника документов и директив Главного командования РККА в период Гражданской войны, сборника архивных источников, воспоминания сослуживцев и близких. Это послужные списки А. В. Колчака, его служебная переписка, оперативные сводки, боевые приказы, отчеты, протоколы допроса Иркутской чрезвычайной следственной комиссии. В труде также использованы ранее вышедшие работы о человеке, интерес к которому еще долго будет проявляться как у соотечественников, так и у зарубежного читателя, а также изданные в последние годы.

Глава 1. Становление моряка и ученого

Примерно в 15 верстах от столицы Российской империи летом 1863 года на базе Александровской мануфактуры был основан один из казенных (государственных) военных заводов России по производству стали, вооружения, главным образом артиллерийских систем, и другой продукции различного назначения. Для руководства постройкой завода были привлечены полковник корпуса горных инженеров, известный специалист в области металлургии П. М. Обухов, горный инженер Н. И. Путилов и петергофский купец С. Г. Кудрявцев, которые составили Товарищество. 15 апреля 1864 года была проведена первая отливка тигельной стали по способу, изобретенному Павлом Матвеевичем Обуховым, за что двумя годами ранее на Всемирной выставке в Лондоне он был удостоен золотой медали. В начале семидесятых годов на заводе, названном в честь скончавшегося в январе 1869 года талантливого русского металлурга Обуховским, был введен новейший способ литья – бессемеровский. Он стал выполнять крупные заказы военного ведомства, железных дорог и частных предприятий. Налаживался выпуск башенных установок, броневых плит для корпусов строящихся броненосцев.

Здесь, в селе Александровском, в Петровском переулке, в доме, расположенном почти рядом со зданием заводоуправления, и родился Александр Васильевич Колчак. О его появлении на свет сохранилась запись в метрической книге Троицкой церкви: «У штабс-капитана морской артиллерии Василия Иванова Колчака и законной жены его Ольги Ильиной, обоих православных и первобрачных, родился сын Александр, четвертого ноября, крещен пятнадцатого декабря 1874 года»[1].

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, корни рода Колчаков восходили к Илиас-паше. Это имя и почетный титул высших должностных лиц в Османской империи, главным образом визири, правители провинций и генералы, принадлежали принявшему мусульманство сербу, который дослужился до начальника Хотинской крепости и стал визирем, то есть высшим сановником турецкого султана. В 1739 году, в самом конце очередного вооруженного выяснения отношений России с Турцией, Илиас-паша с сыном оказался в плену и был вывезен в Центральную Россию. Затем они перебрались на юг Малороссии, где и осели основательно. Следующие поколения

Колчаков приняли присягу на верность русскому царю, честью и правдой служили новой родине в Бугском казачьем войске, созданном в 1803 году на реке Южный Буг в составе трех полков, но затем вскоре переведенном в разряд военного поселения.

Мать Александра, Ольга Ильинична, в девичестве Посохова, родилась в 1855 году в Одессе. Происходила она из дворян Херсонской губернии. Отец ее был военным, в чине штабс-капитана участвовал в походе русских войск в Хиву, а затем в Крымской войне, был награжден медалью «За защиту Севастополя», чем очень гордился. В последующем он вышел в отставку и занимался земскими делами, почти все свое время отдавал семье, очень любя молодую супругу. Это была «красивая казачка», спокойная, тихая, добрая и строгая, воспитывалась в Одесском институте, была весьма набожна. Александр и его старшая сестра Катя на всю жизнь сохранили память о долгих вечернях, на которые они ходили с ней в церковь.

Отец, Василий Иванович, потомственный дворянин, тоже родился в Одессе, в 1837 году. Он был воспитанником Ришельевской гимназии, человек сдержанный, большой франкофил. Военную службу начал в 18 лет, спустя шесть месяцев стал прапорщиком морской артиллерии, во время Крымской (Восточной) войны при обороне Севастополя состоял помощником батарейного командира на Малаховом кургане. «За сожжение огнем гласисной батареи 4-го августа фашин и туров во французской траншее, – записано в журнале боевых действий, – награжден Знаком отличия Военного ордена. В бою на Малаховом кургане 27-го августа контужен в плечо, ранен в руку и взят в плен» и направлен на Принцевы острова, расположенные в Мраморном море. По возвращении из плена он закончил в Петербурге двухгодичные курсы в Институте корпуса горных инженеров и был командирован на уральские горные заводы.

В 1863 году Василий Иванович назначается на Обуховский сталелитейный завод членом комиссии морских артиллерийских приемщиков орудий и снарядов, спустя 30 лет производится в генерал-майоры. Здесь же в 1871 году и женился на привезенной с родины шестнадцатилетней красавице. Несмотря на существенную разницу в возрасте, у Колчаков, кроме сына, было и две дочери – Екатерина и Любовь. Правда, последняя умерла еще в детстве. Вскоре он вышел в отставку в чине генерал-майора. Затем работал на Обуховском заводе заведующим сталепудлинговой мастерской. Был автором ряда специальных работ («О сталелитейном производстве», «Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном производстве», «История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом

артиллерийской техники»), а также ряда публикаций в «Морском сборнике» и воспоминаний.

Василий Иванович Колчак – отец.

«Моя семья, – показывал на допросе в феврале 1920 года А. В. Колчак, – была чисто военного характера и военного направления. Я вырос в военной семье. Братья моего отца были моряками. Один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был морской артиллерист и много плавал. Вырос я, таким образом, под влиянием военной обстановки и военной среды».

До поступления в 6-ю Петербургскую классическую гимназию, где он проучился до третьего класса, Александр получил хорошее домашнее образование, мать обучила французскому языку, отец – математике, истории, географии. В 1888 году он перевелся в Морской кадетский корпус. Много читал, что, естественно, повлияло на его формирование как личности. Особенно увлекался историей, в том числе военной. Не случайно, конечно, спустя годы в письме жене Софье Федоровне за границу, беспокоясь о сыне Ростиславе (Славушке), Александр Васильевич просил «…положить в основание его воспитания

историю вообще и историю великих людей в частности, так как примеры их есть единственное средство развить в ребенке те наклонности и качества, которые необходимы для жизни».

Морской Его Императорского высочества наследника цесаревича кадетский корпус как специальное учебное заведение, предназначенное для подготовки морских офицеров, имел богатую историю.

Он был основан императором Петром Великим 14 января 1701 года под названием школы «математических и навигацких, то есть мореходных, искусств учения». Навигацкая школа состояла в ведении Оружейной палаты и помещалась в Москве в Сухаревой башне. За отсутствием других высших по тому времени училищ из нее выходили, кроме моряков, артиллеристы, инженеры, чиновники, архитекторы, геодезисты, учителя, а также просто писари и мастеровые. Первыми преподавателями школы были приглашенные Петром Великим профессор Абердинского университета А. Форварсон, учителя Р. Грейс и С. Гвин. Из русских преподавателей Навигацкой школы особенно известен математик Л. Ф. Магницкий, автор «Арифметики». В 1706 году заведование делами Навигацкой школы перешло в Приказ морского флота, а в 1717 году – в Адмиралтейств-коллегию. За первые 15 лет своего существования Навигацкая школа принесла огромную пользу флоту, создав кадры морских офицеров, инженеров и других. Вскоре одной школы оказалось мало, и 1 октября 1715 года Петр I издал указ об учреждении в Санкт-Петербурге Морской академии с курсом преподававшихся ранее в Навигацкой школе высших наук, в которую перешли из Москвы лучшие преподаватели. Навигацкая же школа превратилась в морское училище.

Ольга Ильинична Колчак – мать.

Как Морской кадетский корпус училище стало существовать с 1802 года. Его первым директором назначается контр-адмирал П. К. Карцов, а инспектором классов – капитан 1 ранга П. Я. Гамалея, хорошо поставивший преподавание основных учебных дисциплин. Способнейшие из гардемаринов стали посылаться волонтерами во французский и английский флоты. В 1817 году был утвержден новый штат корпуса на 700 воспитанников с содержанием 466 364 руб. 18,5 коп.

В 1827 году директором Морского корпуса был назначен высокообразованный и гуманный контр-адмирал И. Ф. Крузенштерн – один из основоположников океанографии, мореплаватель, почетный член Петербургской академии наук, автор двухтомного «Атласа Южного моря», член-учредитель Русского географического общества, член Лондонского королевского общества. К подготовке кадетов он предъявлял

особые требования, для учебы отбирал только лучших. В связи с этим комплект воспитанников был уменьшен до 505 человек.

Император Николай I особенно любил Морской кадетский корпус, часто его посещал и ставил в пример другим учебным заведениям. В составе преподавателей в это время состояли известный историк Шульгин, географ Максимович. Типография была расширена, в ней печаталось много оригинальных и переводных учебников, библиотека увеличена, учреждены корпусной музей и обсерватория, образована особая эскадра Морского корпуса и поставлена в столовом зале модель брига «Наварин» для парусных учений зимой. В курс обучения были введены военное судопроизводство, химия, начертательная геометрия, расширены курсы морских наук и иностранных языков.

Вскоре при корпусе был основан офицерский класс. В 1835 году учреждены сверхкоштные воспитанники с платой 850 руб. ассигнациями в год. В 1842 году Крузенштерна сменил вице-адмирал Н. П. Римский-Корсаков, обративший особое внимание на программу летних практических занятий, которую он значительно расширил. В 1843 году утвержден герб корпуса, а 15 декабря 1852 года, в годовщину его 100-летия, высочайше даровано новое знамя. С 1856 года при Морском корпусе учреждаются юнкерские классы, в которых юнкерам флота читались лекции по математике, морским наукам и словесности.

После Восточной (Крымской) войны, обнаружившей отсталость российского флота от английского, французского и даже турецкого, генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич обратил особое внимание на Морской корпус и значительно изменил его организацию. Число воспитанников уменьшилось до 240 человек, а возраст поступления был повышен до 14 лет. Курс обучения разделился на две части – общую (1 год) и специальную (3 года). Для практического летнего обучения были оборудованы корвет «Баян» и фрегат «Кастор».

Назначение в 1861 году директором корпуса контр-адмирала В. А. Римского-Корсакова способствовало реформе учебного заведения. При нем в дело воспитания были привлечены лучшие офицеры и ряд выдающихся педагогов из других ведомств. По учебной части выпускается много новых, отвечающих требованиям времени пособий, учреждается классная библиотека с читальней, оборудуется железная вращающаяся платформа для преподавания девиации, на учебной батарее устанавливаются орудия новых образцов. Внешняя муштра обучаемых была ослаблена в пользу развития их большей самостоятельности, сознательного отношения к своим обязанностям. Программа

летнего плавания была резко увеличена. Эти традиции во многом сохранились и при поступлении Колчака в корпус, который в то время возглавлял адмирал Д. С. Арсеньев, герой Крымской и Русско-турецкой 1877–1878 годов войн, флаг-капитан флота Тихого океана, член Адмиралтейств-совета.

У Александра рано пробудилось сознание собственной одаренности и даже исключительности. С детства он стремился к лидерству, быть первым учеником в гимназии, в Морском кадетском корпусе – старшим над сверстниками. Он стремился к знаниям. Полюбившуюся ему морскую артиллерию, например, он, помимо официальной программы, изучал на практике на Обуховском заводе. Здесь же, на заводе, юный Колчак по собственной инициативе приобрел навыки слесарного дела. Мечтал он и о том, как прославить свое имя в науке. Он вынашивал, в частности, идею: ни больше ни меньше, как открыть Южный полюс. Сам он по этому поводу говорил: «Я готовился к южнополярной экспедиции… писал записки, изучал южнополярные страны. У меня была мечта найти Южный полюс». Мечте не суждено было осуществиться, но надежда оставить свой след в науке не покидала его никогда.

Юноша пользовался большим авторитетом у одноклассников. И не только у них. Администрация элитного морского учебного заведения неоднократно отмечала его в числе лучших учеников и заслуженно доверила быть фельдфебелем младшей роты. Управляющий морским министерством будущего Верховного правителя М. И. Смирнов так вспоминал о том времени: «Я впервые с ним познакомился, будучи воспитанником младшей роты. Колчак, молодой человек невысокого роста, с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков, внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак».

Весной 1894 года Александра, как отличника, пригласили на обсуждение результатов выпуска. Ему прочили многообещающее первое место. Но он наотрез отказался от этого, считая более достойным своего товарища по учебе. Из корпуса Колчак был выпущен вторым по списку с денежной премией русского мореплавателя Петра Ивановича Рикорда (1776–1855), члена-корреспондента Петербургской академии наук, а осенью того же года произведен в мичманы.

Радостное событие омрачила безвременная смерть матери. Ольгу Ильиничну похоронили недалеко от дома, на Успенском кладбище в деревне Мурзинка.

Еще в ученические годы будущий адмирал с головой окунулся в точные науки. Часто посещая Обуховский завод, он хорошо узнал артиллерийское и минное дело. Отец познакомил его с британским заводчиком-миллиардером Армстронгом, нажившимся на производстве пушек и удостоившимся впоследствии звания лорда. Он предложил ему продолжить обучение на английских заводах. Но у юноши возобладало желание служить на флоте.

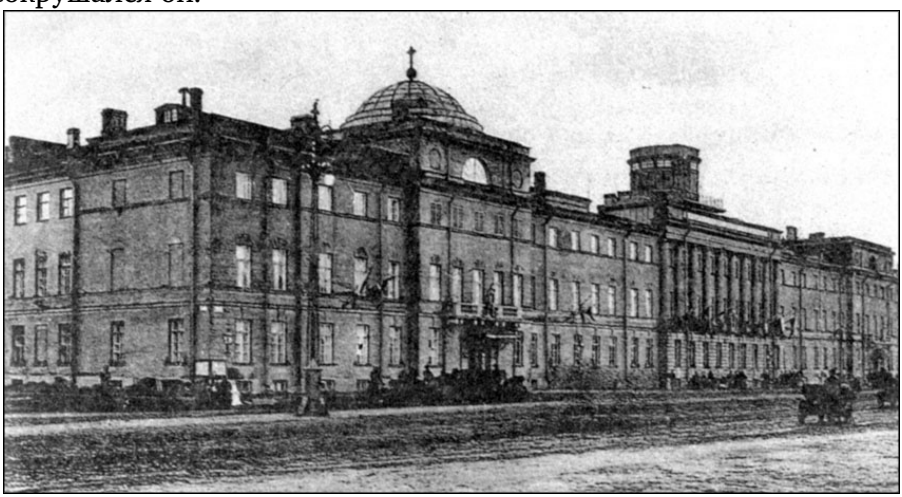
В 1895 году, после нескольких месяцев совершенствования в штурманском деле, Колчак назначается помощником вахтенного начальника на броненосный крейсер 1 ранга «Рюрик». В первом же своем выходе в море, не оставляя замыслов сказать свое слово в науке, он по собственной инициативе производит океанографические работы по специально разработанной программе. Затем был Владивосток, та же должность на крейсере 2 ранга «Крейсер» и необъятные просторы Тихого океана. «Это было первое мое большое плавание. Главная задача была чисто строевая, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Готовился к южнополярной экспедиции, но занимался этим в свободное время, писал записки, изучал южнополярные страны. Итогом того плавания стали опубликованные «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные с мая 1897 года по март 1898 года». В них уточнялись методы наблюдений, выверялась правильность карт холодных течений у берегов Кореи.

Тогда же он увлекся восточной философией, особенно учением секты Дзен, проповедующей аскетизм и пренебрежение к быту, пытался самостоятельно освоить китайский язык. Интерес ко всему восточному у Александра Васильевича остался надолго. Позднее Колчак пристрастился к коллекционированию японского холодного оружия. Спустя годы во время посещения Токио он часто бродил по лавкам отдаленных кварталов, надеясь найти знаменитый нож Майошин (чаще всего им самураи совершали харакири). И только в 1918 году удача улыбнулась Александру Васильевичу – японский полковник преподнес долгожданный подарок работы одного из учеников мастера. Для адмирала он стал своеобразным талисманом: «Когда мне становится очень тяжело, я достаю этот клинок, сажусь к камину, включаю освещение и при свете горящего угля смотрю на него. Какие-то тени появляются, исчезают на поверхности клинка, который

точно оживает какой-то внутренней в нем скрытой силой – быть может, действительно частью живой души воина».

Много и других незаурядных качеств Александра отмечали современники. В частности, адмирал Г. Ф. Цывинский – тогда командир крейсера и его начальник – писал: «Было прислано с эскадры сто человек лучших, здоровых и грамотных матросов для подготовки в унтер-офицеры. Они были разделены на четыре вахты, и в каждую вахту назначен офицер, он же учитель своей вахты. Одним из вахтенных учителей был мичман А. В. Колчак. Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер. Он обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, историю всех почти европейских флотов и морских сражений. Прослужил он на крейсере младшим штурманом до возвращения в Кронштадт в 1898 году».

Лейтенант Колчак (это звание Александр получил в декабре 1898 года) несколько раз пытался разобраться в себе: «Еще во время пребывания на Тихом океане я подумывал о выходе из военного флота и о службе на коммерческих судах», чтобы заняться научной деятельностью. Для того чтобы попасть к адмиралу С. О. Макарову на «Ермак», который должен был уйти через несколько дней в Ледовитый океан, Александр Васильевич хотел даже выйти в отставку. Но не успел – пришлось довольствоваться лишь внутренним плаванием на фрегате Балтийского флота, вступившем в строй в 1867 году, «Князе Пожарском». «Худшее, что только я мог представить», – сокрушался он.



Морской кадетский корпус, где с 1888 по 1894 г. учился А. В. Колчак.

Вскоре молодой лейтенант был переведен на эскадренный броненосец «Полтава». Но, узнав о готовящейся Русской полярной экспедиции под начальством полярного исследователя барона Э. В. Толля, он обратился за протекцией к Ф. Б. Шмидту, академику Петербургской академии наук, известному геологу, палеонтологу, ботанику. Но тот не смог помочь, порекомендовав подождать барона, находившегося в плавании на «Ермаке». «Убедившись, насколько неприятно и трудно кого-либо просить о чем-нибудь, я принял меры к тому, чтобы уйти на Тихий океан, и подал рапорт о переводе в Сибирский экипаж», – позже написал Колчак.

Оценивая спустя годы свои помыслы того времени, Александр Васильевич подчеркивал главное – он всегда в душе был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место. «Но я не мог никогда согласиться, – писал он, – со многими деталями постановки этого дела у нас на флоте. Главное основание всех недостатков и неудобств военно-морской службы я вижу в малой подготовке личного состава, ничтожной практике, истекающей из огромной материальной стоимости плавания современного судна, и происходящего из этих двух оснований характера чего-то показного, чего-то такого, что не похоже на жизнь. На наших судах служат, но не живут, а мнение мое, что на судне надо жить, надо так обставить все дело, чтобы плавание на корабле было бы жизнью, а не одной службой, на которую каждый смотрит как на нечто преходящее, как на средство, а не как на цель».

Тем временем дома, в старой квартире в Петровском переулке, Александра ожидали две важные новости.

Во-первых, отец только что оставил службу на Обуховском заводе. Все время, будучи в отставке, он решил посвятить литературным занятиям, в частности, воспоминаниям о прожитых годах. Кстати, в свои 62 года он не выглядел стариком. На сохранившейся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота фотографии он запечатлен в генеральском мундире, с эполетами, станиславовской лентой, орденами и медалями. Голова – голая, как бильярдный шар, глаза – живые, лицо – моложавое, холеное, с ухоженными, слегка седыми усами и совершенно седой бородой-эспаньолкой.

Вторая новость – вышла замуж сестра. Ее избранником стал некто Крыжановский, офицер военной приемки. Николая Николаевича Александр знал давно, еще женихом, и вполне одобрил выбор Кати. Молодожены сняли квартиру неподалеку от Петровского переулка. Вскоре у них родилась девочка, а затем мальчик, любимый племянник будущего адмирала.

В сентябре Александр получил отпуск. Большую его часть он

провел в обществе Сони Омировой – девушки, вызывавшей у него симпатию и интерес. Она родилась в Каменец-Подольской губернии, в дворянской семье, в раннем возрасте лишилась матери, а позже и отца – действительного статского советника, судебного следователя. Тем не менее она успела получить хорошее образование, приличное знание французского и приобрести склонность к изучению других иностранных языков, развить в себе вкус к серьезному чтению. От родителей она, как и ее старшие брат и сестра, никакого наследства не получила и вынуждена была добывать средства к существованию собственным трудом.

Дни отпуска пролетели быстро. Лейтенант Колчак получил назначение на эскадренный броненосец «Петропавловск», снаряжавшийся к плаванию из Кронштадта через Суэцкий канал на Дальний Восток, войдя в последующем в состав 1-й Тихоокеанской эскадры. «Прекрасное новое боевое судно, – писал Александр, – первое время снова вернуло меня к прежним занятиям». Пока шла подготовка корабля к походу, из экспедиции на «Ермаке» к Шпицбергену вернулся Эдуард Васильевич Толль. Он любезно принял молодого офицера, но относительно его зачисления в состав полярной экспедиции ничего определенного не обещал, так как принял уже на службу двух лейтенантов и имел два десятка заявлений от других морских офицеров, желающих принять участие в экспедиции. Для Колчака оставался реальным лишь поход на «Петропавловске».

Свое 25-летие Александр отметил в кругу семьи и близких ему людей. Было весело и шумно. Соня вызвала восхищение у собравшихся своей эрудицией, Катя – кулинарным мастерством. Шел задушевный разговор. Вспоминали детство, юношеские годы, забавные эпизоды прошедших лет. В основном же говорили о будущем. Одним оно казалось радостным и перспективным, другим – туманным. Точку зрения последних разделял и юбиляр. Пребывая в смятении, молодой флотский офицер с неподдельной радостью воспринял известие об англо-бурской войне: «Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать». Однако помыслам не суждено было свершиться.

«На Рождество, – вспоминал Колчак, – когда я сидел у себя в каюте и обдумывал вопрос о том, чтобы кончить службу и уйти в Южную Африку для занятий военным делом, мне принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Матисеном, где мне предлагалось принять участие в Русской полярной экспедиции. Я немедленно ответил полным согласием на все условия и отправился к командиру капитану 1 ранга Греве поговорить о

своем решении. Я прямо сказал, что решил выйти из военной службы, если она явится препятствием для поступления моего в состав экспедиции, и, конечно, Греве, вполне сочувствуя моим желаниям, посоветовал мне немедленно подать в запас, так как иначе списание мое с «Петропавловска», да еще ввиду моего перевода в Сибирский экипаж, затянется, а броненосец должен скоро уходить в Порт-Саид.

Адмирал Д.С. Арсеньев – начальник Морского кадетского корпуса.

Я телеграфировал лейтенанту Матисену, которого считал за командира судна, что я подаю в запас и еду, как могу скорее, в Петербург. Но выйти в запас мне не пришлось. Благодаря участию президента Академии наук великого князя Константина высшее морское начальство телеграммой потребовало моего списания с «Петропавловска» и возвращения в Петербург. Все устроилось лучше, чем я ожидал. На первом пароходе Русского общества, простившись с броненосцем честь честью, как говорится, я в первых числах января ушел из Пирея в Одессу и явился в Петербург около середины января. Встретившись с Матисеном, я узнал, что он поступал первым помощником на шхуну «Заря», командиром которой был лейтенант Коломейцев, бывший минным офицером на «Варяге», строившемся в Америке и только недавно прибывшем в Петербург. Лейтенанта Матисена я знал еще по плаванию на «Рюрике», о Коломейцеве же я много слышал, но знал его очень мало, во всяком случае, я знал его как отличного моряка, и это все, что было надо. Я поступил вторым помощником на судно экспедиции. На другой день по приезде я увиделся с бароном Толлем и согласился на все условия, которые, к слову сказать, не оставляли желать ничего лучшего в смысле положения, материального вознаграждения и проч. Я лично ни на что не рассчитывал, так как считал, что участие в такой экспедиции само по себе уже делает незначительным все остальные вопросы».

Эдуард Васильевич Толль предложил Колчаку взять на себя часть научных работ: гидрографических, гидрологических и магнитометрических наблюдений. Он рекомендовал заняться в Павловской магнитной обсерватории, чтобы подготовиться к магнитным наблюдениям для помощи астроному и магнитологу экспедиции Ф. Г. Зеебергу. Но прежде чем приступить к этим занятиям, он предложил съездить в Архангельск и оттуда в Мезень или Кемь для найма трех человек поморов из бывших на Шпицбергене или Новой Земле.

Русская полярная экспедиция Академии наук имела целью найти легендарную «Землю Санникова», которую, как уверял Толль, он видел с северо-западного мыса острова Котельный в августе 1866 года, когда участвовал в экспедиции А. А. Бунге. Другой важной задачей своей экспедиции Толль считал комплексное обследование Таймырского полуострова и других берегов, островов и акваторий Карского и Сибирского морей. В Норвегии Толлем была закуплена деревянная, требующая

некоторого переоборудования парусно-паровая шхуна «Гаральд Харфагер», переименованная в «Зарю». В состав экспедиции, помимо начальника и команды, входили ученые А. А. Бялыницкий-Бируля, доктор медицины Г. Э. Вальтер и Ф. Г. Зееберг и три офицера, лейтенанты: Н. Н. Коломейцев – командир судна, Ф. А. Матисен – старший офицер и А. В. Колчак – 2-й помощник командира и гидрограф. Всего же команда «Зари» насчитывала 12 человек, в том числе боцман Н. Бегичев, механик Э. Огрин, машинист Э. Червинский, кочегар И. Клух, старший рулевой В. Железников, матросы Г. Пузырев, Т. Носов, Е. Евстафьев, С. Толстой, Н. Безбородов, А. Семяшкин, повар Ф. Яскевич.

Гидрограф А.В. Колчак по время экспедиции за работой.

«Уже в первое время, – отмечал в дневнике Колчак, – явились некоторые несогласия между Толлем и Коломейцевым по вопросам большею частью чисто принципиального характера. Коломейцев, будучи крайним формалистом, стал на точку зрения командира военного судна и даже предложил Э. В. Толлю ходатайствовать о даровании «Заре» военного флага – вещь крайне неудобная для такого рода плавания, которое нам предстояло. Практика же показала, что военный флаг крайне стеснителен по многим обстоятельствам, во-первых, уже потому, что связанные с ним военное положение и порядок трудно применимы при малочисленной команде, условиям зимовки и прочее. Толль никак не мог согласиться на это уже потому, что тогда он фактически терял на судне всякую власть как не моряк и

не могущий фактически командовать кораблем. Это было уже предвестником всего того, что имело быть в течение всей экспедиции. Основная же ошибка в ее организации состояла в том, что на судне и всем характере жизни, связанном с этим судном, главным распорядителем было лицо, не знающее морского дела.

Относительно своей части, то есть гидрологии и снаряжения, касающегося ее, пока еще ничего не было сделано. Первоначальный план экспедиции, которая должна была пройти в Берингов пролив и закончить свои работы во Владивостоке, заставил меня очень широко взглянуть на это дело. Со стороны барона была полная предупредительность во всем, что касалось научного снаряжения. Я обратил особое внимание на то, что гидрологическое оборудование отвечало глубоководным работам, на которые я рассчитывал главным образом по выходе в Тихий океан. В этом же направлении распорядился своей частью и старший зоолог экспедиции А. А. Бялыницкий-Бируля, специалист по морской фауне, которого особенно привлекали работы в северной части Тихого океана и возможность получить свежие последовательные исследования от Атлантического океана через Северный до Великого. Как оказалось впоследствии, нашим планам сбыться не удалось, и теперь становится прямо жаль, когда подумаешь, какое ценное и редкое научное снабжение по гидрологии и морской зоологии осталось неиспользованным».

Через несколько дней после прибытия в Петербург Александр уехал через Москву в Архангельск. Почти в то же время Коломейцев убыл в Христианию (ныне город Осло). Приехав в Архангельск, Колчак посетил губернатора Энгельгардта и, переговорив с ним, убедился, что в Мезень ехать уже поздно: промышленники уже в первых числах февраля выходили на промыслы. То же самое он встретил и на зимнем берегу и потому дальше Мудьюга на север не поехал, а отправился летним берегом на Онегу и Сумской Посад. В Архангельске он нанял одного человека, бывшего в экспедиции Джексона и зимовавшего на Земле Франца-Иосифа. На лошадях Александр проехал до Сумского Посада, убеждаясь на каждом шагу в крайне сомнительной пригодности этой части Приморья для экспедиции. Тем не менее он отыскал и нанял в Суме еще двух человек, ранее бывших на Новой Земле, из которых один по фамилии Евстафьев зимовал там. Из этих трех поморов только один Евстафьев ушел впоследствии с нами в плавание и оказался полезным работником, во всяком случае, не хуже всей остальной команды. Двух других пришлось уволить, так как они оба страдали застарелым ревматизмом. Из Сумского Посада Колчак вернулся в

Петербург к середине февраля через Повенец, Петрозаводск и Олонецк на лошадях, по одной «из самых гнусных дорог, какие мне когда-либо приходилось видеть».

В Петербурге он поселился вместе с Ф. А. Матисеном, продолжая заниматься снаряжением своей части и работами с инструментами в Павловской физической обсерватории при участии и помощи начальника обсерватории В. А. Дубинского. Свое гидрологическое снаряжение Александр заказал частью в Англии, частью в Швеции, частью в России. Около 10 апреля была собрана вся команда, и Колчак с Матисеном и нижними чинами по Финляндской железной дороге уехал через Гангеуд в Стокгольм и далее через Христианию в Ларвик, где на эллинге известного строителя «Фрама» Колина Арчера готовилась под наблюдением командира Н. Н. Коломейцева «Заря». Вооружив судно, они должны были привести его в Петербург и в начале июня, приняв грузы, все снабжение и ученый состав, идти в Ледовитый океан.

«Одной из слабых сторон нашей экспедиции, – отмечал впоследствии Александр Васильевич, – была крайняя сиюминутность ее, мы все время торопились, как на пожар, в очень многих случаях приходилось поступать, даже не думая о выборе: скорее, скорее. Эта черта, насколько я знаю, многих экспедиций, и, кажется, только один «Hauss» германской экспедиции под начальством Дригальского ушел в Южный океан как следует, не торопясь и испытав предварительно судно и его снаряжение в особом пробном плавании. У нас, конечно, об этом не могло быть и речи. По приезде в Ларвик мы были встречены Н. Н. Коломейцевым и поселились вначале на берегу, так как каюты еще не были готовы; команда поселилась на судне. «Заря» стояла в это время в плавучем доке. С первого же осмотра судно оставило очень симпатичное впечатление. Это был китобойный или, вернее, тюленебойный барк выработанного уже давно типа для плавания по льду одного с «Вегой», «Stella Polare», «Windward» и прочими судами последних экспедиций. Он был вооружен сначала барком, но ввиду малочисленной палубной команды в семь человек Коломейцев снял реи с грот-мачты и оставил прямые паруса только на фок-мачте, то есть вооружение «Зари» отвечало шхуне-барку, или баркентине»

Герб Морского кадетского корпуса.

На «Заре», как второй помощник, Колчак исполнял обязанности ревизора, лейтенант Матисен – старшего офицера. Работали все дружно и весело и по окончании конопатки судна, и обжигания, и тировки подводной части вышли из дока. В первых числах мая они должны были идти из Ларвика в Христианию принять заказанный уголь и кое-какие предметы полярного снабжения. Переход в Христианию по фиорду не представлял никаких случайностей, и они уже через полтора суток сидели на бочках в гавани. Еще в Петербурге барон Толль рекомендовал Александру повидаться с профессором Нансеном и воспользоваться его советами по снаряжению и работам по части гидрологии. Нансен побывал на «Заре», правда, короткое время. Колчак же получил возможность несколько раз повидаться с ним в его университетской лаборатории, где профессор с большой предупредительностью и любезностью сообщил и показал свои методы по определению удельных весов воды. В университете же Александр познакомился с доктором Hiort'ом, специалистом по океанографическим и зоологическим работам. Доктор Hiort с особенной любезностью и вниманием показал новые приборы для океанографических работ, а также для газового анализа морской воды, получившего в последнее время важное значение. В этот год профессор Нансен и доктор Hiort собирались уйти в северную часть Атлантического океана для зоогидрологических исследований на специальном судне «Michael Sors».

Окончивши погрузку угля и приняв заказанное ранее снабжение, нарты, лыжи и прочее, экипаж ушел из Христиании к эллингу Арчера в Ларвик, чтобы принять кое-какие оставшиеся на берегу в складе запасы по судовому вооружению и два китобойных вельбота. Не хватило, правда, времени на

исправление шлюпок, которые сильно рассохлись и текли. Решено было исправить их в Петербургском порту, откуда командир хотел взять еще две или три новые шлюпки. Наконец, судно вышло из Ларвика в Скагеррак и вошло в Зунд в Копенгаген.

В Скагерраке и Каттегате «Зарю» встретил свежий ветер, на пути под парусами она зашла на несколько часов, чтобы исправить небольшое повреждение в машине. В Копенгагене простояли несколько часов, приняли сети и рыболовный снаряд и ушли по окончании приемок в Мемель, где также должны были принять запас снаряжений, одеял и белья, а также ковры и другие мелочи, заказанные в Германии. В Мемеле же экипаж должен был встретить Эдуарда Васильевича. Простояв там два дня и приняв барона Толля, «Заря» вышла в Петербург, пришла на Кронштадтский рейд и стала на якорь близ форта «Меншиков». После отдания обычных формальностей она прошла каналом в Петербург и вечером стали на бочку у Николаевского моста. На другой день по приходе яхта перешла к набережной Васильевского острова, отшвартовалась против 14-й линии.

Начались дни погрузки и приемов всевозможных запасов и провизии. Шлюпки отправили в Адмиралтейство для исправления. Кроме этого, Морское министерство выделило один спасательный вельбот, одну четверку и одну двойку. Кроме этих шлюпок, экипаж имел два китобойных вельбота. Вельботы эти, построенные из дуба с очень толстой обшивкой вгладь, были в высшей степени пригодны для плавания по льду. Был также на «Заре» и паровой катер с котлом Фильда. Первый год плавания экипаж использовал его главным образом во время стоянки в норвежских портах и во время вынужденной стоянки в заливе Миддендорф, где были блокированы льдом. Гидрографическое управление с величайшей заботливостью снабдило экспедицию всем, чего только экипаж мог пожелать, не отказывая ни в одной просьбе.

Накануне ухода из Петербурга прошло заседание в Академии наук в присутствии великого князя Константина Константиновича. На нем были Толль, Коломейцев и Колчак. Еще ранее Коломейцев настаивал на выяснении и точном определении прав и положения его как командира судна по отношению к начальнику экспедиции. Александр мало интересовался этими вопросами, считая их лишними, и полагал, что все, идя для одного дела и связанные одними идеями и желаниями, могут обойтись без формальных бумаг и инструкций. Последствия, однако, показали, что эти вопросы имели большое значение и отразились на ходе всей экспедиции. Дело в том, что в результате

обострения отношений между руководителем экспедиции и командиром «Зари» Толль заменил Коломейцева Матисеном и, воспользовавшись формальным предлогом отправки почты экспедиции на материк, удалил Коломейцева с судна. В мае 1901 года, преодолев 768 верст по Таймыру, он добрался до Дудинки, постоянно ведя маршрутную съемку, позволившую внести существенные изменения в карту полуострова. Из Дудинки Коломейцев направился в Иркутск, собрал там сведения об устройстве угольного склада на острове Котельном и в октябре 1901 года вернулся в Петербург.

На проведенном заседании все же была выдана коротенькая инструкция, в сущности говоря, ровно ничего не поясняющая да еще могущая быть истолкована в различных смыслах. С одной стороны, это казалось очень удобным, но на практике недостатки такой системы обнаружились. «Основное противоречие, – писал Колчак, – ясно осознанное мною только впоследствии, лежало в том, что начальником предприятия, носящего чисто морской характер, являлся человек, совершенно незнакомый с управлением судном. Начальник полярного или арктического предприятия, конечно, должен иметь полную власть над всеми частями его и участниками, но власть тогда только власть, когда она существует de facto. Власть же юридическая, так сказать, в подобных делах есть nonsense и является на практике совершенной фикцией. Какую власть фактическую может иметь на корабле человек, не могущий отдать якоря, дать ход машине, править рулем и не знающий всей той массы очень простых и, так сказать, органически привычных для моряка вещей? Конечно, раз судно плавает, фактическим начальником его и всех, кто на нем находится, является командир, как лицо компетентное во всех вопросах, связанных с плаванием и жизнью корабля. Смешно читать, например, у Нансена или даже в отчетах Толля выражения: «я снялся с якоря» или «изменил курс», когда эти «я», вероятно, не сумели бы выходить с якоря и даже скомандовать рулевому, чтобы привести судно на желаемый румб.

Англичане, как моряки, прекрасно понимали всегда эти вопросы, и последняя антарктическая экспедиция на «Дискавери» ушла под начальством командира лейтенанта Скотта, германский «Hauss» ушел так же, как и мы, под начальством Дригальского, но что из этого выйдет – покажут результаты. Мне приходилось слышать, что начальником ученого предприятия должен быть ученый, вообще человек с научной подготовкой. Я полагаю, что начальником должен быть просто образованный человек, ясно и определенно сознающий задачи и цели предприятия, а будет ли он специалистом по геологии, не имеющей никакого отношения к

ходу самого дела, – это не имеет значения. Для начальника удобнее не иметь никакой специальности, а иметь побольше способностей управлять и руководить всем делом, заходить в жизнь и внутренние мелочи хозяйства, а не «экскурсировать» с «казенными» целями, часто преследуя в ущерб всему свои специальные или «научные задачи». Вот подчиненный ему состав должен обладать научной подготовкой, а для того, чтобы выполнять и руководить ходом морского предприятия, прежде всего надобно быть моряком, а затем что значат «научные работы» в море: хороший боцман сумеет поднять тяжелую драгу или трал на палубу лучше всякого ученого, не знающего, как и сколько положить шлагов линя на барабан лебедки, наложить стопор. Я знаю, что не моряки не согласятся со мною, но я пишу эти строки вовсе не для того, чтобы кого-либо в чем убеждать, а вношу то, что думаю и вывел из собственного опыта и знания условий многих подобных предприятий и работ.

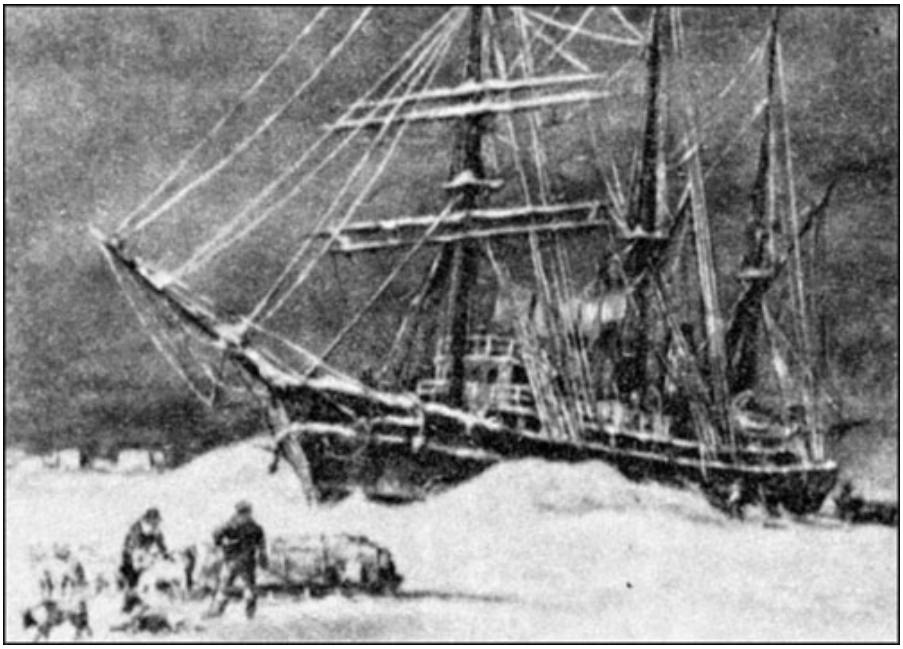
Последнее заседание, в общем, ничего не выяснило по отношению к организационным вопросам: там мы прощались с великим князем и членами комиссии и на следующий день должны были уйти в море или, вернее, в Кронштадт, где надо было принять уголь, хронометры и инструменты из Морской обсерватории, и затем уже идти в Ревель, где барон Толль хотел нас оставить и приехать на «Зарю» в Бергене».

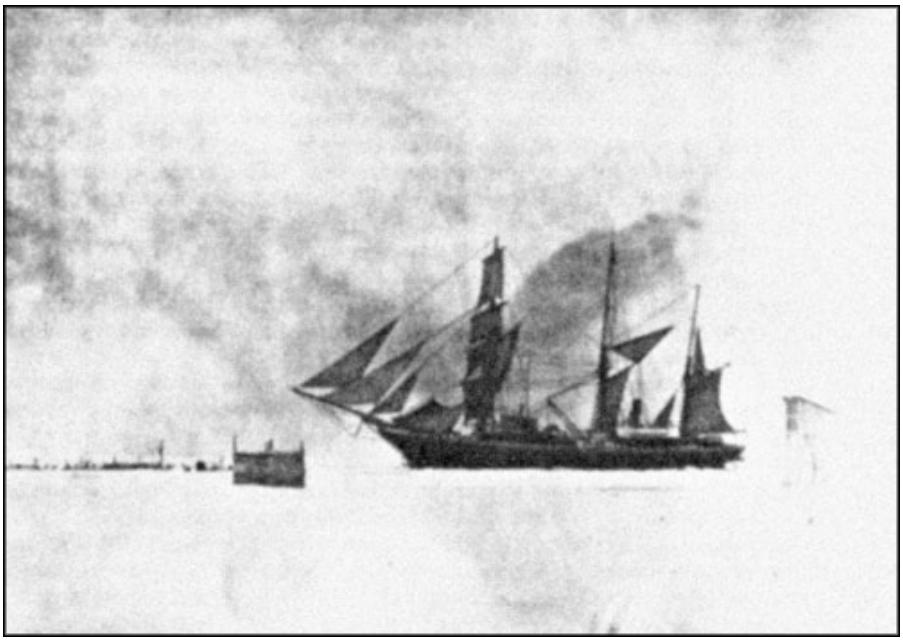
Итак, мечта Александра о научных планах постепенно начинала сбываться. Она становилась реальностью.

Глава 2. В поиске «земли санникова»

21 июня 1900 года «Заря» покинула Санкт-Петербург. Проводы были почти торжественные. В основном, правда, это были родные и близкие участников экспедиции. Александр распрощался с пришедшими Василием Ивановичем, Соней, Катей и племянниками. Немало было представителей морской и научной общественности. Среди них вице-адмирал С. О. Макаров, полковник А. Н. Крылов, капитан А. К. Цвингман. Разговор шел больше всего о задачах этой полярной экспедиции, ставшей важным научным событием начала нового века. Так как главная ее цель была изучение условий мореплавания по Северному морскому пути, а также поиск «Земли Санникова», то вспомнили еще раз и о посещении бароном Э. В. Толлем острова Котельный в 1885–1886 годах, откуда он впервые увидел контуры четырех гор, и самого промышленника Я. Санникова, заметившего эту загадочную землю еще в 1811 году.

В Кронштадтском порту экспедиция встретила полное содействие и гостеприимный прием у адмирала С. О. Макарова, который в день выхода из Кронштадта лично с супругой провожал ее до выхода за бочки Большого рейда. На пути Н. Н. Оглоблинский докончил уничтожение девиации экипажных компасов, простился с командой и на катере отвалил от борта. К вечеру «Заря» прошла мимо Голландского маяка, а к утру случилось повреждение питательного клапана котла. Пришлось прекратить пары и вступить под паруса. Ветер был очень слабый, остовый, и лишь через сутки «Заря» отдала якорь на Ревельском рейде, где стоял в это время артиллерийский отряд. Барон Толль и В. И. Бианки, провожавший команду до Ревеля, съехали с «Зари». Один за другим появлялись и исчезали знакомые Александру еще с первых кадетских плаваний мысы и маяки: Суроп, Пакеротр, Тахкона, Дагерорт. Копенгаген прошли не останавливаясь. На другой день в Каттегате встретили свежий северный ветер и небольшое волнение. При слабой машине «Зари» яхта еле продвигалась вперед, паруса помогали мало.





Яхта «Заря» на зимовке.

Не желая терять времени, Н. Н. Коломейцев изменил курс и лег на Фридрихсгавн – небольшой датский порт на северном берегу Ютландии, за мысами которого и стали рано утром. Здесь запаслись свежей провизией, немного отдохнули. Ветер тем временем стих. После полдня «Заря» уже шла вдоль берега

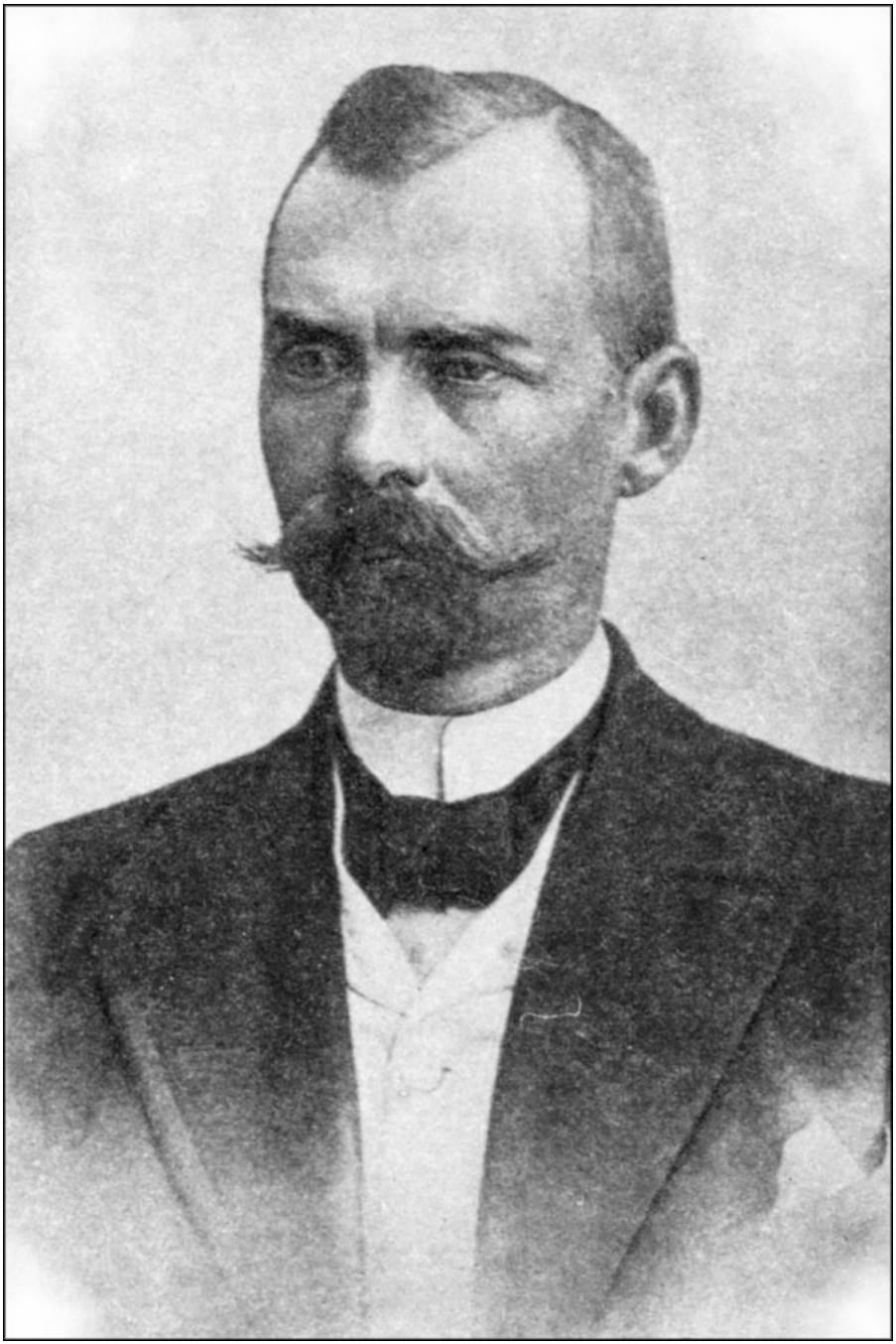
Ютландии, под вечер вышли в Скагеррак и пошли к норвежскому берегу. Как вспоминал в своем отчете Александр, режим у команды был следующий: стояли на три вахты, причем Коломейцев стоял вахты с четырех до восьми утра и четыре часа днем, остальное время Матисен и Колчак сменяли друг друга. Завтракали в 12 часов, в 3 часа дня пили чай и в 6 часов вечера обедали. Свободное от вахты время уходило на всякие необходимые дела – разборку, укладку инструментов и другие подготовительные работы. Где можно, несли паруса, хотя погода мало благоприятствовала парусному плаванию. Было большею частью тихо или же маловетрие от противных курсам румбов. Держались, чтобы иметь больше свободы для парусов, вдали от берегов, посетив в ходе перехода только несколько маяков. Наконец стали на якорь в гавани Бергена.

В Бергене нашли лоцмана для проводки норвежскими шхерами до Трансё. По окончании работ в машине и всяких поделок на палубе, главным образом по устройству приспособлений и установке приборов для зоологических и гидрографических работ, вышли из Бергена и пошли шхерами в Трансё. Местами шхеры были удивительно красивы. Они представляли оригинальные картины своими высокими отвесными скалами, нередко суживающими проход до какого-то узкого ущелья, по стенам которого тонкими нитями и пыльными столбами струятся потоки воды и небольшие водопады. Местами они приближались к характеру хорошо знакомых Александру финляндских шхер, только в большем масштабе. Чем дальше на север, тем шхеры становились величественнее и оригинальнее, принимая мрачный и суровый вид огромных утесов и скал, падающих под большими углами в море. Отсутствие растительности придавало безжизненный арктический вид ландшафту, скорей импонирующему своим безобразием, нежели красотой.

Погода стояла большей частью ясная, иногда туманная. В общем, переход, как считал экипаж, был сделан очень спокойно. Вечером вышли на рейд Трансё и отдали якорь против города. Здесь застигли шведскую канонерку «Swenksund», готовившуюся идти на Шпицберген к зимовке шведской экспедиции. Первая попытка пройти туда не удалась из-за льда. Вообще сведения о состоянии льда в Ледовитом океане были очень неблагоприятны: в этом году лед спустился очень далеко к югу и держался в таких широтах, где его обыкновенно в это время не бывает. В Трансё «Зарю» задержали около недели брикеты, не пришедшие еще из Англии. Пополнили кое-какие запасы, приняли лес для постройки магнитного дома, запасные доски, сушеную рыбу и прочее.

Плавали на байдарках, ходили на стрельбу на противоположный берег, наконец дождались парохода, привезшего брикеты, и после погрузки их снялись с якоря и пошли в Екатерининскую гавань. К утру обогнули Нордкап и продолжали идти, имея попутный ветер под парусами и парами. Море было спокойно, и на другой день рано утром увидели берега Рыбачьего полуострова. К полудню стали на якорь в Екатерининской гавани.

Екатерининская гавань, получившая только за год до прибытия экспедиции официальное значение военного порта и угольной станции, представляла собой узкий фиорд, окруженный крутыми, скалистыми, но большею частью сглаженными каменистыми берегами. Отсутствие растительности придавало безжизненный вид каменистым холмам и склонам, среди которых в самой глубине бухты находился вновь построенный небольшой городок, состоящий из немногих домов местной администрации, церкви и около 10–15 частных построек. Это небольшое селение производило приятное впечатление прекрасными дорогами, чистотой и внешним видом новых построек. Скорей всего это обусловливалось новизной и недавним их существованием. Деревянная пристань у города, другая такая же, но меньших размеров в южной части бухты, да две-три бочки на рейде представляли все удобства для стоянки судов. Стоянка в гавани имела, однако, недостаток в глубине и неважном грунте. У пристаней приходилось считаться также с порядочным приливом. От волнения же бухта была совершенно закрыта.



Барон Э. В. Толль.

В Екатерининской гавани имелся склад провизии и местного угля, часть его была в сараях, другая лежала прямо на воздухе. По качеству этот уголь был смешанный. Население гавани, или, вернее, города, состояло из нескольких человек администрации и

небольшого количества поселенцев, ссыльных, среди которых были даже поляки. В южной части бухты располагались постройки Научно-промысловой мурманской экспедиции, состоявшей тогда под начальством Н. М. Книповича, пароход которой «Андрей Первозванный» стоял у пристани экспедиции. Кроме него на рейде стоял небольшой казенный пароход «Печора», пробиравшийся на эту реку.

Придя на рейд, команда получила два известия. Во-первых, она узнала, что собаки уже прибыли в Екатерининскую гавань: 40 из них были доставлены Торьерсеном, уже доставлявшим с Оби остальных собак Нансену, Джексону и герцогу Абруцкому, а 20 – из Восточной Сибири прибыли вместе с каюрами, Расторгуевым и устьянским мещанином Стрижевым. Второе известие касалось шхуны, зафрахтованной в Архангельске для доставки угля в Югорский Шар, в бухту Варнека. Оказалось, что она при первом шторме встретила лед, пройдя Колгуев, получила повреждения и вернулась обратно в Архангельск. Таким образом, расчет на пополнение запасов угля в Югорском Шаре становился более чем сомнительным.

Вскоре состоялась встреча с начальником Мурманской экспедиции Николаем Михайловичем Книповичем и его помощником Францем Брейтфусом. Книпович предложил желающим выйти на «Андрее Первозванном» в море для производства гидрологических и зоологических работ. На другой день вечером Толль, Бируля и Колчак ушли на «Андрее Первозванном» в море. Под утро «Андрей Первозванный» пришел в Екатерининскую гавань. Тем временем «Заря» отшвартовалась у пристани и хотела принимать уголь, но последний в складе, расположенном у пристани, оказался слишком плохого качества. Тогда Коломейцев решил перейти к другому складу у пристани, где стоял «Андрей Первозванный».

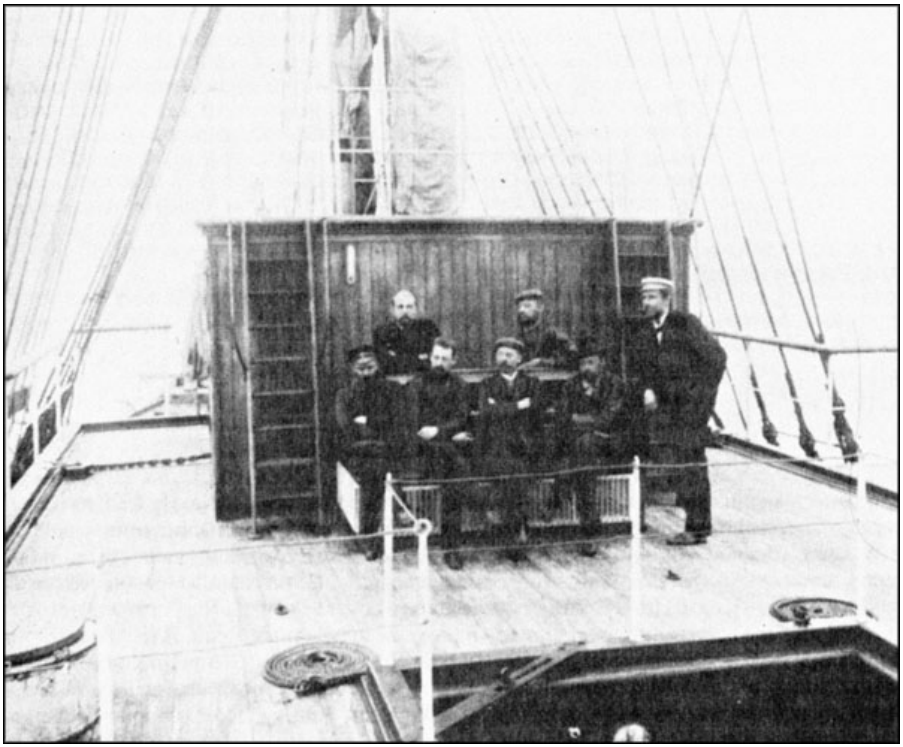
Наполнив трюмы углем, «Заря» получила осадку 181/2 футов. Течь в результате усилилась, каждые два часа необходимо было откачивать воду. На палубе негде было повернуться, все было завалено рыбой. Пришлось около 30 тонн ее оставить на берегу. Положение несколько выправилось. Оставалось, таким образом, принять собак и идти дальше.

Еще в Петербурге Н. Н. Коломейцев расходился несколько раз с бароном Толлем на почве всяких принципов и взглядов на полномочия, главным образом взаимных отношений их как командира судна и начальника экспедиции. Ненормальное положение начальника чисто морского предприятия – не моряка – выясняться стало с первых дней, и все усилия Коломейцева регламентировать и оформить эти отношения не привели ни к

чему, так как Толль избегал касаться этого вопроса. Колчак не придавал сперва никакого значения этим вопросам, считая, что здравый смысл вполне достаточен для определения всяких отношений, но вскоре убедился, что, как всегда, пресловутый «здравый смысл» имеет массу значений свойства чисто субъективного: что ясно для одного, то представляется совершенно иначе другому, хотя, быть может, и с меньшей ясностью.

Н. Н. Коломейцев, например, с первых же дней плавания четко показал своим отношением, что он на всякую работу, не имеющую прямого отношения к судну, смотрит как на неизбежное зло, и не только не желает содействовать ей, но даже относится к ней с какой-то враждебностью. Александр очень скоро убедился в этом, как только начались работы по гидрологии. Прекрасный моряк, положивший всю свою энергию и знание на судно, заботившийся и думавший все время о нем, он не мог войти в положение члена научной экспедиции, и об этом можно было только сожалеть. С другой стороны, барон Толль стоял только на научной стороне и, по существу дела, совершенно не мог входить в судовую жизнь. Первое время он почти ни во что не вмешивался и редко даже выходил на мостик. В результате между ним и Коломейцевым отношения с внешней стороны были безукоризненны.

Первое и очень серьезное столкновение между Толлем и Коломейцевым произошло в Екатерининской гавани, где погрузили уголь и оставалось принять собак. Команда была увезена на берег. Среди команды нашелся один негодяй, который явился однажды на судно мертвецки пьяный. Он вел себя таким образом, что Коломейцев нашел, что его надо или перевести в разряд штрафованных и наказать телесно, или же списать с судна. Первое, конечно же, не могло быть применимо на судне, идущем в полярную экспедицию, и пришлось прибегнуть ко второму, то есть списать с корабля. Тут же подоспел еще один случай: один из очень хороших матросов заболел в Трансё венерической болезнью. Выяснить характер ее было по недостатку времени нельзя, и доктор Вальтер совершенно правильно настоял на списании его с судна. Таким образом, команда лишилась двух человек. Из малочисленного состава палубной команды осталось только пять человек, их не хватало даже на три вахты.



На палубе яхты «Заря» Э. В. Толль, А. В. Колчак и др.

Съехавшая в этот несчастный вечер команда устроила проводы двум своим товарищам, результатом чего было усиленное пьянство и безобразия на берегу, кончившиеся дракой и ножами. На барона Толля эта драка с ножами произвела, по-видимому, очень тяжелое впечатление. Несколько саркастическое замечание Коломейцева по поводу этого случая вызвало разговор между Толлем и Коломейцевым в кают-компании при всех. Оба в течение двух часов в вежливой форме наговорили друг другу кучу всякой дряни, в конце концов Толль заявил, что он считает дальше плавать с Коломейцевым невозможным и списывает его, на что последний немедленно заявил, что он не желает оставаться на «Заре» далее следующего утра и сдает все обязанности старшему после себя лейтенанту Матисену.

Колчак, наблюдая и присутствуя при этом разговоре, убедился, что дело не стоит выеденного яйца, что сущность всего та принципиальная рознь, которая установилась еще в Петербурге между Толлем и Коломейцевым. Но тем не менее он пришел к убеждению, что так оставить это дело нельзя, что если с первых дней плавания начинаются списывания да еще командира, то это обещает полное разложение всей экспедиции – уже одно влияние на команду такого случая, как списание командира, стоит

многого. Обдумав это дело, Александр попробовал сначала поговорить с Коломейцевым, а потом пошел к Толлю и, убедившись, что говорить с ними нельзя, решил прибегнуть к последнему средству, зная, что оно заставит задуматься барона. Он заявил ему, что в случае списания Коломейцева просит списать и себя, так как считает, что плавать на судне, где удаляют командира с первых дней плавания, считает неудобным и участвовать далее в предприятии, носящем такой характер, не желает. Он отлично понимал, что его уход поставит судно в положение критическое, так как с одним офицером плавать было невозможно, а найти двух или даже одного офицера летом, да еще стоя в Екатерининской гавани, заняло бы столько времени, что трудно сказать, состоялась бы тогда в этом году экспедиция.

Офицеры яхты «Заря» А. В. Колчак, Н. Н. Коломейцев, Ф. А. Матисен.

Передав Толлю свой взгляд на дело, Колчак снова обратился к Коломейцеву. Матисен, как всегда, слишком был благоразумен и сначала ни во что не вмешивался, выжидая, что будет. Под утро Александр вместе с Матисеном в то время, когда Вальтер и Зееберг принялись уговаривать барона, несколько часов упрашивали Коломейцева бросить все это дело и примириться с бароном, доказывая, что вечерний разговор произошел без всякой причины, что уход его ставит в невозможное положение всю экспедицию. Наконец дело кончилось примирением, пожалуй, даже с излишней трогательностью, что, впрочем, извинительно

ввиду бессонной ночи и страшного нервного напряжения. Этот инцидент, возникший по самому пустому поводу, ясно показал, что едва ли, несмотря на состоявшееся примирение, будущее будет обеспечено от подобных столкновений.

Тем временем экипаж продолжал переход к Югорскому Шару. При подходе к острову Матвеева, а затем к обрывистым берегам Вайгача произошла встреча с другой экспедицией, возглавляемой полковником А. И. Вилькицким. Не задерживаясь, экипаж «Зари» полным ходом устремился через льды к Ямалу.

«Жизнь понемногу урегулировалась, – писал Колчак, – она вошла в предельные рамки вахты, очередных работ и наблюдений. Мне было немного трудно сначала – я не успевал обработать всю добытую со станции воду, вымыть приборы, особенно много уходило времени на опыты, которые я старался делать со всеми предосторожностями, проверяя образцы воды по нескольку раз, и взятие проб, которые я фильтровал и брал сначала в большом количестве.

При наличии трех офицеров работать было вполне возможно, и я всегда вспоминал это время, когда приходилось в два следующих плавания стоять на две вахты и свести всю научную работу к самым необходимым и крайне узким размерам. Н. Н. Коломейцев всю штурманскую часть вел один, я был совершенно свободен после вахты и проводил большую часть времени в лаборатории, равно как и А. А. Бируля, также едва успевавший за день разобрать добытый драгами материал. Все были заняты, и все шло тихо и спокойно.

Приближаясь к параллели острова Белого, мы опять встретили туман и лед, довольно густой, но без особых затруднений обогнули его массу, держащуюся, по-видимому, ближе к берегам острова. На другой день я, стоя на вахте с 12 до 4 часов утра, сдал ее Н. Н. Коломейцеву почти свободной ото льда, мы легли на Ost к острову Кузькину, намереваясь пройти в порт Диксон, где хотели остановиться на несколько дней, перегрузить уголь, вычистить котел и дать отдых команде. К постоянной значительной течи мы стали уже привыкать и мириться как с неизбежным злом; неприятно было то, что после каждой работы во льду она заметно усиливалась, но потом опять немного уменьшалась. Во всяком случае, трюм держался все время сухой…»

Как известно, найти «Землю Санникова» тогда не удалось. В 1901 году барон Толль и лейтенант Колчак совершили экспедицию на полуостров Челюскина. За 41 сутки в сильную пургу они прошли более 500 верст. Во время зимовок «Зари» Александр Васильевич, находясь в санных поездках, выполнил

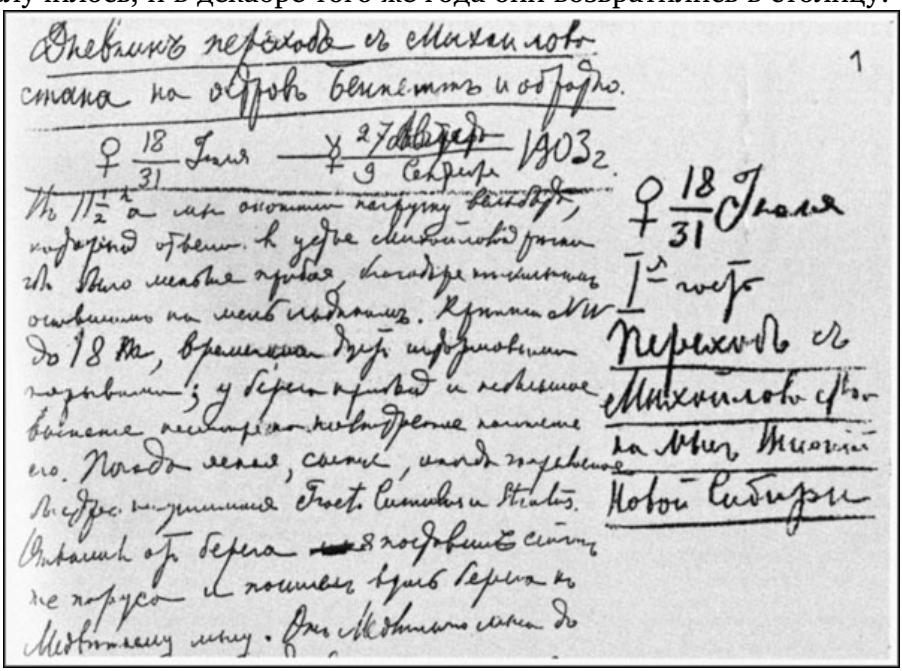
маршрутную съемку побережья Таймырского залива, пересек остров Котельный, побывал на земле Бунге, островах Фадеевский и Бельковский, открыл остров Стрижева.

30 августа 1901 года «Заря» вырвалась из ледового плена и перешла к острову Котельный в море Лаптевых. Здесь началась вторая зимовка экспедиции. За время ее Колчак совершил две санные поездки, в которых определил несколько астропунктов, произвел съемку острова Бельковский (к западу от Котельного), выполнил ряд других работ.

А. В. Колчак в одежде полярника, 1900–1901 гг.

В экспедиции, к сожалению, не обошлось без жертв. Толль с тремя спутниками, отправившиеся в начале июня 1902 года на остров Беннетта для изучения его геологического строения, не вернулись к крайнему сроку возвращения на судно. «Заря», пытавшаяся позже пробиться к этому острову, чтобы снять группу Толля, из-за тяжелых льдов вынуждена была возвратиться

обратно. Матисен, не рискуя оставлять судно с ограниченным запасом угля на третью зимовку и выполняя инструкцию начальника экспедиции, 7 октября 1902 года привел «Зарю» в бухту Тикси. Матисен и Колчак распорядились организовать летовку на острове Новая Сибирь, надеясь, что Толль со спутниками все же обнаружатся. К сожалению, этого не случилось, и в декабре того же года они возвратились в столицу.


Дневникъ перехода съ Михайловскаго стана на островъ Беннетта и обратно.

♀ 18/31 Іюля — ♀ 27 Августа / 9 Сентября 1903 г.

1

♀ 18/31 Іюля
1-й годъ
Переходъ съ Михайловскаго стана на мысъ Южный Новой Сибири

Первая страница рукописи А.В. Колчака «Дневник перехода с Михайлова стана на остров Беннета и обратно».

Почти все отчеты лейтенанта Колчака были напечатаны в «Известиях» Русской академии наук. В них сообщалось о глубоководных исследованиях, о форме, состоянии, толщине льда, участии в сборе ископаемых останков млекопитающих. Были сделаны и некоторые практические выводы, высказаны рекомендации.

«Со времени Большой Северной экспедиции, – отмечал Александр Васильевич, – наиболее трудным местом для навигации представлялись берега Таймырского полуострова, самая северная оконечность которого – мыс Челюскин – является в то же время крайней северной точкой материков Старого Света и даже обоих полушарий. Высокие широты Таймыра, отсутствие значительных рек, вносящих массы сравнительно теплой воды в сибирские моря под другими меридианами, дают основание полагать, что лед, составляющий специфическое препятствие в практической навигации, получает у этих берегов наибольшее

значение.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание, что последние экспедиции без труда обогнули этот мыс на судах, хотя и имеющих несомненные преимущества перед ботами экспедиции Беринга, но тем не менее совершенно не приспособленных для активной борьбы даже с очень слабым льдом.

Таймырские шхеры, при условии их исследования, скорее благоприятствуют навигации, давая возможность легкого укрытия от ледяного напора, и отсутствию значительных масс мощного многолетнего льда, – делал выводы Александр Васильевич. – Годовалый лед шхер по своим свойствам и мощности в период возможной навигации не представляет непреодолимого препятствия для современных ледоколов».

Итак, был создан и получил признание первый научный труд молодого полярного исследователя. Его заслуги были высоко оценены. 16 декабря 1903 года ему, а также Ф. А. Матисену и Н. Н. Коломейцеву были пожалованы награды – ордена Св. Владимира 4-й степени за «…выдающийся и сопряженный с трудом и опасностью географический подвиг…». Колчак спустя год был представлен Русским географическим обществом к большой Константиновской золотой медали, которой ранее удостаивались Н. А. Норденшельд и Ф. Нансен. В феврале 1906 года Александр Васильевич был избран в действительные члены этого общества. Участие в Русской полярной экспедиции принесло Александру Васильевичу популярность. Среди моряков его стали называть Колчак-Полярный.

В архиве сохранился документ, дающий оценку деятельности А. В. Колчака в экспедиции.

Отношение вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского А. А. Бирилеву.

С.-Петербург
№ 88 *28 февраля 1906 г.*

«Милостивый государь Алексей Алексеевич.

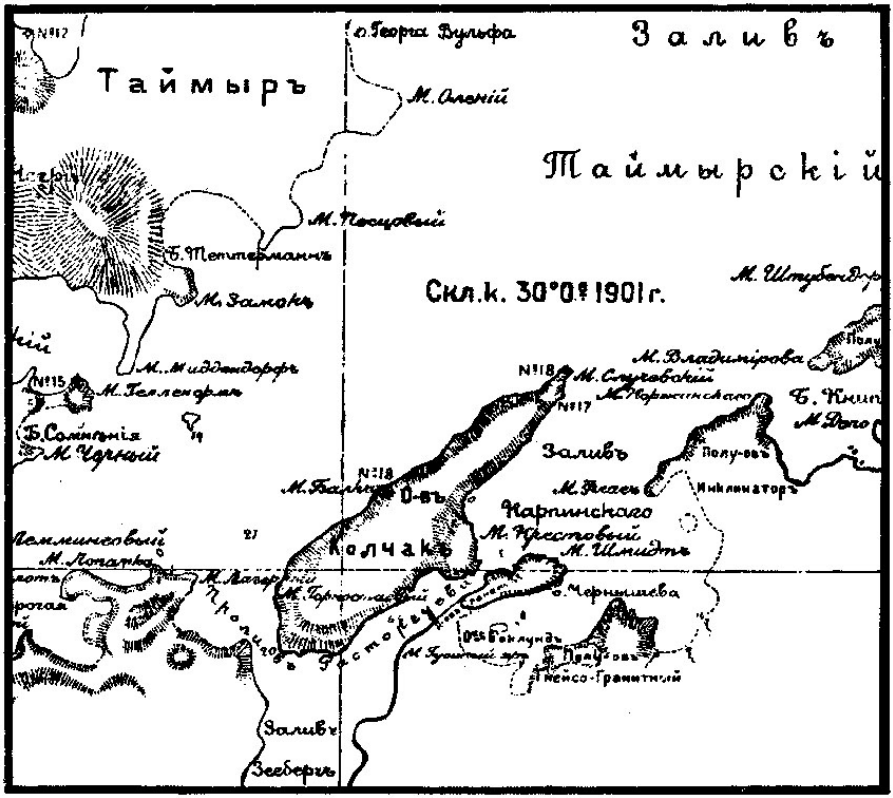
Совет Императорского Русского географического общества в заседании 30 января с. г. присудил действительному члену Общества лейтенанту Александру Васильевичу Колчаку за участие в экспедиции барона Э. В. Толля и за путешествие на о-в Беннета, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни, свою высшую награду – «Константиновскую медаль».

С особенным удовольствием считаю своим долгом довести до

сведения Вашего высокопревосходительства об этом почетном награждении лейтенанта А. В. Колчака.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вашему высокопревосходительству чувства моего глубокого уважения и совершенной преданности».

Высоко оценивал полярную деятельность А. В. Колчака и руководитель экспедиции. «Наш гидрограф Колчак – прекрасный специалист, преданный экспедиции, – писал он жене, – к тому же весьма начитанный человек». Эдуард Васильевич отмечал в дневнике высокую работоспособность Александра. «Он попеременно с командиром судна нес ходовую вахту, производил промер, брал пробы воды, делал магнитные наблюдения, вел подробное навигационное описание берегов и островов Северного Ледовитого океана, льда и других физико-географических и навигационных объектов в районах плавания. За время первой зимовки у западного берега Таймырского полуострова гидрограф сделал топосъемку вокруг стоянки судна и составил карту рейда «Зари», изучал состояние и развитие морского льда, продолжал вести научные наблюдения на берегу, совершил две санные поездки вдоль побережья Таймыра. Как в этих походах, сопряженных с немалыми трудностями и лишениями, так и в охотничьих экскурсиях (за зверем и птицей) и при производстве экспедиционных работ, требовавших в суровых условиях Арктики огромной затраты физических сил и энергии, Колчак показал себя выносливым и мужественным человеком. По признанию Толля, совершившего с Колчаком поход к мысу Челюскин, гидрограф возвращался на «Зарю» более бодрым и энергичным, чем он сам, тренированный полярник. А ведь пройден был путь в 500 верст, на что ушло более сорока суток.



Часть навигационной карты с островом Колчак в Таймырском заливе, составленная в 1901 году.

Геологическая комиссия Академии наук, встревоженная судьбой Э. В. Толля, решила снарядить на поиски пропавшей группы специальную экспедицию на остров Беннетта. Возглавить ее поручили лейтенанту Колчаку, организацию – академику Ф. Н. Чернышеву, в прошлом также морскому офицеру.

Эта весть и обрадовала, и озадачила Александра Васильевича – на середину февраля 1903 года намечалось его бракосочетание с Софьей Федоровной Омировой. Но личные интересы были без колебаний принесены в жертву морскому и научному долгу.

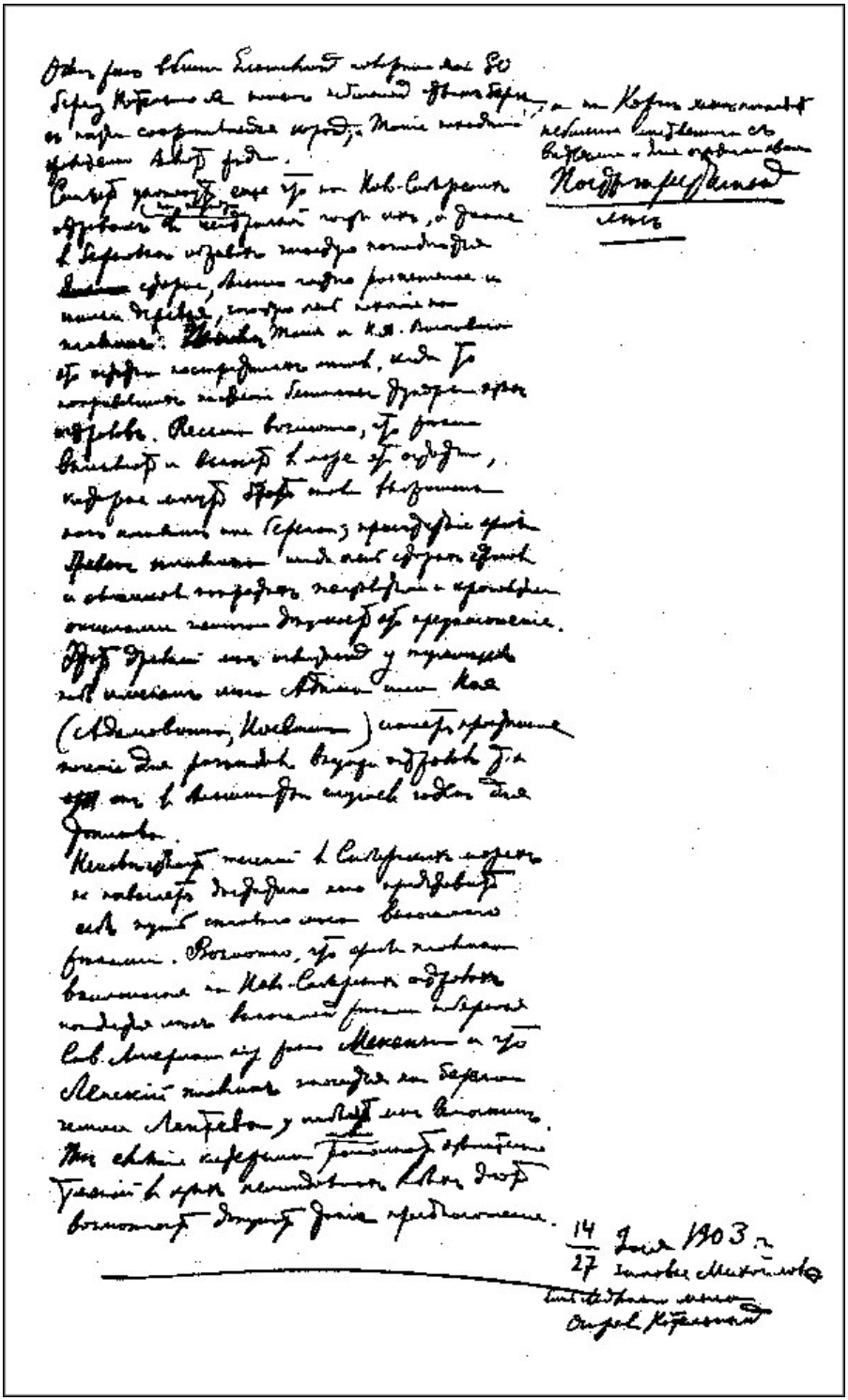
Софья Федоровна Колчак.

9 февраля Колчак со своими новыми спутниками-матросами выехал из Петербурга в Иркутск. Его спутником стал и лейтенант Матисен для передачи в бухте Тикси яхты «Заря» ее новым владельцам. В это же время боцман Н. А. Бегичев и несколько

матросов по распоряжению Географического общества Российской академии наук переправили вельбот с яхты в селение Казачье, расположенное в устье реки Яна.

5 мая экспедиция в составе 17 человек на 12 нартах, запряженных 160 собаками (из них 30 тянули две нарты с вельботом), вышла из Казачьего по направлению на остров Котельный. Путь оказался трудным, маршрут проходил через торосы, команде приходилось помогать собакам тянуть нарты с грузом. Лишь спустя три недели экспедиция выбралась на южный берег острова. Немного отдохнув, продолжили путь уже по группам. Несколько человек Александр Васильевич отправил на материк, две группы отослал на противоположные концы острова. Сам же с шестью членами экспедиции остался на месте готовить вельбот к плаванию и к походу по льду, для чего к вельботу прикрепили полозья, изготовленные из плавника.

Во второй половине июня, когда лед отошел от берега, экспедиционная группа во главе с Колчаком вышла в море. Этот поход оказался невероятно трудным и опасным. Семеро «колчаковцев» пробивались к цели через битые льды, мелкую ледяную крошку, стопорившую движение лодки, через крутые волны, бушевавшие в широких разводьях между ледяными полями. Они прорубали топорами проходы в грядах ледяных торосов, вместе с обессилевшими собаками впрягались в лямки и перетаскивали 36-пудовую шлюпку сквозь хаос ледяных глыб и обломков. В Петербурге мало кто верил, что этот худенький, похожий на подростка лейтенант дойдет до цели, а он, задыхаясь от непомерных усилий, то и дело проваливаясь в мокрый снег, теряя сознание от усталости и болезней, шел, плыл, пробивался к своей великой и благородной цели – на помощь к Толлю.



Последний лист рукописи А. В. Колчака.

Тем временем начались обильные снегопады. Шли под парусами, но часто приходилось тащить вельбот на себе, снимая его с мелей. Люди не раз купались в ледяной воде. Не избежал этого и командир – при переходе по льду в одном из заливов он чуть не утонул, провалившись в трещину.

Обогнув с юга остров Котельный и Землю Бунге, мореходы прошли вдоль восточного берега острова Фадеевский и переправились через Благовещенский пролив на остров Новая Сибирь. На северном берегу острова моряки встретились с участником прошлогодней экспедиции М. И. Брусневым, летовавшим на острове по заданию Матисена. 2 августа после двухдневного отдыха путники вышли в море к острову Беннетта. Шли то под парусами, то на веслах, изредка отдыхая на плавающих льдинах.

Через двое суток, преодолев расстояние в 70 с лишним миль, достигли острова и вскоре натолкнулись на предметы, оставленные группой Толля. В районе мыса Преображения спасательная экспедиция обнаружила бутылку с записками Э. В. Толля и его товарищей, а несколько дальше – ящик с кратким отчетом, из которого следовало, что, обследовав остров и собрав богатую геологическую коллекцию, в ноябре 1902 года Толль покинул его и направился к Новосибирским островам. Добраться до них ему так и не удалось. Письмо заканчивалось словами: «Отправляемся сегодня на юг, провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. 26.X – 8.XI.1902 г.».

Забрав документы и часть геологической коллекции Толля, поисковая группа отправилась с острова Беннетта в обратное плавание и без особых осложнений 9 августа добралась до Новой Сибири. Два дня отдыха – и снова в путь. Преодолев трудности, не меньшие, чем в первом походе, моряки достигли острова Котельный. Сюда вернулись и другие группы, обошедшие этот остров, а позже прибыл и Бруснев, обогнувший остров Новая Сибирь.

Последняя надежда найти пропавших без вести людей рухнула. Колчак пришел к убеждению, что Толль и его спутники погибли на переходе между островами Беннетта и Новая Сибирь, поскольку такой переход на шлюпке и байдарке в условиях полярной ночи, ноябрьских снежных штормов и кашеобразного состояния льда практически невозможен. 17 ноября весь экспедиционный состав покинул Котельный и 7 декабря благополучно прибыл в Казачье.

Так закончилась почти семимесячная поисковая экспедиция с беспримерным 90-дневным морским санно-шлюпочным походом семерки отважных моряков. Это был, по оценке вице-

председателя Российского географического общества П. П. Семенова, «в полном смысле слова необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого сопряжено с трудом и опасностью».

Правда, непосредственные руководители более чем скромно оценили заслуги участников экспедиции. За это рискованное предприятие, исполненное на пределе человеческих возможностей, участники его были отмечены всего лишь медалями.

Более долгую память о себе оставил только один активный участник поисковой экспедиции, одинокий полярный скиталец Михаил Иванович Бруснев. Его имя получил остров за рейдом Лены, а в 1968 году на берегу бухты Тикси в честь М. И. Бруснева был установлен бетонный обелиск.

До 4 января 1904 года Колчак находился в Казачьем, занимаясь делами, связанными со сдачей имущества экспедиции. 26 января он с командой прибыл в Якутск, где узнал о начале войны между Россией и Японией. С телеграфного разрешения Морского министерства и с согласия Академии наук Александр Васильевич направился в Иркутск для дальнейшего следования в Порт-Артур. Все документы и материалы экспедиции он передал в Якутске для отправки их в адрес Академии заведующему местным музеем Н. С. Оленину.

6 марта в Иркутске состоялась радостная встреча: к Колчаку прибыли из Петербурга невеста Соня и отец. Не откладывая более, молодые люди обвенчались в одной из иркутских церквей.

Через несколько дней, распрощавшись с женой и отцом, передав им свои личные вещи и собственные материалы исследований, Колчак с Бегичевым выехал поездом в Порт-Артур с намерением вступить в действующую 1-ю Тихоокеанскую эскадру. Лишь спустя три года Александр Васильевич сумеет на материалах последней экспедиции в Географическом обществе сделать доклад: «О современном положении Русского Заполярья». Тогда же по итогам спасательной экспедиции он составил «Предварительный отчет начальника экспедиции на землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю» и опубликовал статью «Последняя экспедиция на остров Беннетт, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля». Кстати, и поныне один из островков, открытых А. В. Колчаком, в архипелаге Литке, а также южный мыс на полуострове Чернышева (острове Беннетта) носят имя Софьи Федоровны Омировой, «милой Сони», как называл чаще всего ее Александр Васильевич. Возможно, это был самый дорогой свадебный подарок Колчака будущей жене.

Небезынтересно и то, что один из островов в Таймырском

заливе барон Толль окрестил в честь А. В. Колчака (в 1932 году переименован в остров Расторгуев в честь одного из матросов «Зари»).

Глава 3. Первая боевая награда

В Порт-Артур лейтенант Колчак прибыл 17 марта 1904 года и в тот же день представился командующему 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралу С. О. Макарову. Тот принял его как старого знакомого. О тщетности поисков группы барона Толля Степан Осипович знал еще в Петербурге. Тем не менее у него еще теплилась надежда, что его ученый-единомышленник объявится где-нибудь на островах Полярного бассейна. После же обстоятельного доклада Александра Васильевича о том, с какой тщательностью велись поиски пропавших, адмиралу оставалось одно – выразить глубокое сожаление о потере для Отечества страстного полярного исследователя, специалиста высшего класса и замечательного человека.

Спросил Степан Осипович и о дальнейших намерениях Колчака. Тот выразил горячее желание принять активное участие в боевой деятельности флота. Попросил миноносец. Но Макаров, подумав, отказал лейтенанту в его просьбе, отдав распоряжение о назначении Александра Васильевича вахтенным начальником на крейсер «Аскольд», где сам отдыхал и ночевал после полного забот дня на штабном «Петропавловске». Таким назначением он, видимо, преследовал две цели: предоставить Колчаку после трудной экспедиции на какое-то время службу поспокойнее, а также поближе познакомиться с честолюбивым молодым офицером. Бегичева же, прибывшего вместе с Александром Васильевичем, командующий эскадрой и флотом Тихого океана (такое назначение С. О. Макаров получил в тот же день) определил боцманом на миноносец «Бесшумный», на котором отважный моряк вскоре был награжден Георгиевским крестом «за отличия в аварийной обстановке».

В штабе флота Колчак встретил немало знакомых по учебе в Морском корпусе, службе на «Рюрике», «Крейсере», «Князе Пожарском», «Полтаве» и «Петропавловске». Они и поведали ему о прошедших событиях Русско-японской войны, особенно о действиях Тихоокеанского флота и буднях Порт-Артура. Утешительного в их рассказах было мало.

…Ночь с 26 на 27 января 1904 года в далеком от столицы Порт-Артуре почти ничем не отличалась от всех предшествовавших. Главные силы русской Тихоокеанской эскадры стояли на внешнем рейде. Дежурные и караулы несли свою службу, личный же состав кораблей, крепости и береговых батарей отдыхал после обычных трудовых будней. Приближалась полночь. В офицерском собрании заканчивалось чествование

супруги коменданта Порт-Артура генерала А. М. Стесселя – ей исполнилось 40 лет. В 23 часа 30 минут отряд японских миноносцев атаковал русские корабли в Порт-Артуре. Почти одновременно другой японский отряд кораблей совершил нападение на корейский порт Чемульпо, где находились крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» (на которую мичман Колчак пытался перевестись весной 1898 года). С рассвета к Порт-Артуру подошли главные силы японской эскадры под командованием адмирала Х. Того. Меткий огонь русской артиллерии вынудил японского командующего отдать приказ прекратить огонь и вывести эскадру из-под обстрела крепостных орудий. В 5 часов утра 27 января царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев направил императору телеграмму. «Всеподданнейше доношу Вашему императорскому Величеству, – говорилось в ней, – что около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру… Подробности представлю Вашему императорскому Величеству дополнительно»

Общий вид Порт-Артура в 1904 г.

«К пяти часам вечера 27 января, – вспоминал граф А. А. Игнатьев, в то время слушатель курсов офицерской кавалерийской школы, – все офицеры гвардии и Петербургского гарнизона были созваны в Зимний дворец. По окончании молебна в дворцовой церкви в зал вошел Николай II в скромном пехотном мундире и с обычным безразличным ко всему видом. Все заметили, что он был бледен и более возбужденно, чем всегда,

трепал в руке белую перчатку. Повторив известное уже всем краткое сообщение о ночном нападении на нашу порт-артурскую эскадру, он закончил бесстрастным голосом:

– Мы объявляем войну Японии!

Тут раздалось «ура»…»

Вице-адмирал С. О. Макаров.

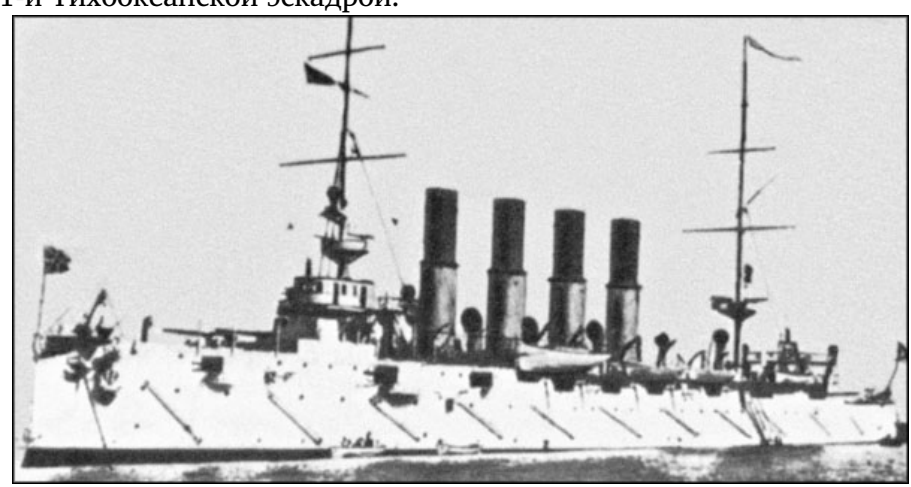
Так закончился первый день Русско-японской войны, которая продолжалась затем еще около девятнадцати месяцев и завершилась поражением России и гибелью лучшей части ее Военно-морского флота.

Что же представлял собой российский Тихоокеанский флот к началу 1904 года?

1-я Тихоокеанская эскадра составляла главные силы флота на Тихом океане. Она состояла из кораблей, переведенных с Балтики, и части кораблей Сибирской военной флотилии. В составе эскадры действовало 7 эскадренных броненосцев, 10 крейсеров, 7 канонерских лодок, 2 минных крейсера и 25 миноносцев, базируясь на Порт-Артур. Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» находились в корейском порту Чемульпо, две канонерские лодки – в китайских портах Инкоу и Шанхае. Владивостокский отряд имел 4 крейсера и 10 миноносцев.

Русский флот на Тихом океане уступал японскому по количеству броненосных крейсеров, крейсеров и миноносцев. И не только числом, но и качеством кораблей (в основном по дальнобойности, бронированию борта и скорости хода). Русские военно-морские базы на Тихом океане Порт-Артур и Владивосток были удалены одна от другой примерно на 1200 миль (1800 км). Порт-Артур имел узкий мелководный выход, доступный для прохода больших кораблей только в полную воду, доков для них не было. Владивосток, хотя и представлял собой лучше оборудованную базу, был настолько удален от главного театра военных действий, что не мог быть использован для базирования Тихоокеанской эскадры. Морские сообщения между этими двумя портами проходили через зону, которая контролировалась японским флотом.

Наиболее яркой личностью среди руководящего состава войск Дальнего Востока был, по оценке Колчака, вице-адмирал С. О. Макаров, помощник главнокомандующего по морским вопросам и одновременно (с 24 февраля 1904 года) командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой.



Крейсер «Варяг».

Степан Осипович родился 27 декабря 1848 года в Николаеве. В 17 лет он окончил морское училище в Николаевске-на-Амуре, в 21 произведен был в мичманы. Последующие семь лет Макаров служил на кораблях тихоокеанской эскадры, затем на Черном море. К началу Русско-турецкой войны он получил уже известность как основоположник теории непотопляемости кораблей. Во время войны впервые в русском флоте была применена самодвижущаяся мина-торпеда. В 1881 году, командуя пароходом «Тамань», Степан Осипович исследовал пролив Босфор, открыв в нем глубинное течение, на основе чего написал труд, удостоенный премии Российской академии наук. С 1882 года Макаров служит на Балтийском флоте. В 1886–1889 годах, командуя корветом «Витязь», он совершил кругосветное плавание, во время которого вел систематические океанографические работы, особенно детальные в северной части Тихого океана. Проведенное исследование принесло Степану Осиповичу мировую славу. Он получил премию от Петербургской академии наук и золотую медаль Русского географического общества.

В 1890 году капитан 1 ранга Макаров назначается младшим флагманом Балтийского флота, в следующем году – главным инспектором морской артиллерии. Возглавив в конце 1894 года эскадру Средиземного моря, он совершил второе кругосветное путешествие. По возвращении в Россию контр-адмирал Макаров занимается разработкой капитального труда, посвященного основам ведения эскадренного боя кораблями броненосного флота. В свет он выходит в 1897 году под названием «Рассуждения по вопросам морской тактики». Став академическим учебником, он был переведен на ряд иностранных языков.

Несколько последующих лет деятельность Степана Осиповича связана с освоением Арктики. Он участвовал в постройке ледокола «Ермак», на котором в марте 1899 года перешел из Ньюкасла в Кронштадт, преодолев льды Финского залива, затем осуществил поход в Ревель. Спустя год он совершил на «Ермаке» арктические рейсы к Шпицбергену, Земле Франца-Иосифа и к северо-западному берегу Новой Земли. С 1899 года адмирал Макаров назначается главным командиром Кронштадтского порта, много работает над его устройством, пишет труд «Без парусов», посвященный обучению и воспитанию личного состава флота.

Бой «Варяга» с японской эскадрой.

Как известно было Колчаку, в планах японского командования на ведение войны с Россией военные действия на море занимали весьма важное место. На японский флот возлагалась задача уничтожить дальневосточный русский флот, тем самым обеспечить полное господство на тихоокеанских просторах, прежде всего в Японском, Желтом и Охотском морях, а в итоге беспрепятственную высадку японских сухопутных войск в Корее, на Квантунский полуостров, Сахалин и Владивосток. Особое внимание уделялось фактору внезапности, что, по мнению командующего японским флотом адмирала Х. Того, можно было достичь ночной атакой миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре и Чемульпо с последующим уничтожением уцелевших из них огнем артиллерии и захватом главной военно-морской базы русской Тихоокеанской эскадры – Порт-Артура.

Командир крейсера «Варяг» капитан 1 ранга В. Ф. Руднев.

Лейтенант Н. Степин, однокашник по Морскому корпусу, поведал Колчаку, что зима 1903 года для личного состава 1-й Тихоокеанской эскадры, насчитывавшей в строю около 40 тысяч человек, выдалась тяжелой. Возникла масса трудноразрешимых проблем. Одна из них – финансовая. Военно-морское министерство в последнем квартале уходящего года выделило лишь 48 проц. средств, предусмотренных программой реорганизации русского флота на Дальнем Востоке. Прибывшие с Балтики эскадренные броненосцы «Севастополь», «Назаревич» и «Петропавловск», а также крейсер 1 ранга «Баян» требовали ремонта. Доков же в порту не было. Большой объем работы необходимо было затратить на переработку плана использования морских сил на Дальнем Востоке в связи с перебазированием в Порт-Артур части кораблей Сибирской флотилии (2 крейсера, 2 минных крейсера, 12 миноносцев, 5 канонерских лодок), в результате чего общая численность боевых кораблей в базе

доводилась до 48 единиц. Эту задачу решал штаб эскадры под руководством вице-адмирала В. К. Витгефта. Тревожные вести поступали от командира отряда крейсеров во Владивостоке контр-адмирала К. П. Иессена – по его данным, японский флот приступил к проведению ряда мероприятий по приведению его в повышенную боевую готовность. Между тем и там из 14 боевых кораблей 6, в том числе крейсер «Россия», требовали текущего ремонта.

Командир «Корейца» капитан 2 ранга Г. П. Беляев.

В пятницу 23 января 1904 года командующий эскадрой вице-адмирал О. В. Старк, у которого на днях состоялась встреча с царским наместником адмиралом Е. И. Алексеевым, собрал совещание. На нем присутствовали начальники отделений штаба, командиры кораблей, комендант крепости Порт-Артур генерал А. М. Стессель, начальник крепостной артиллерии генерал В. Ф.

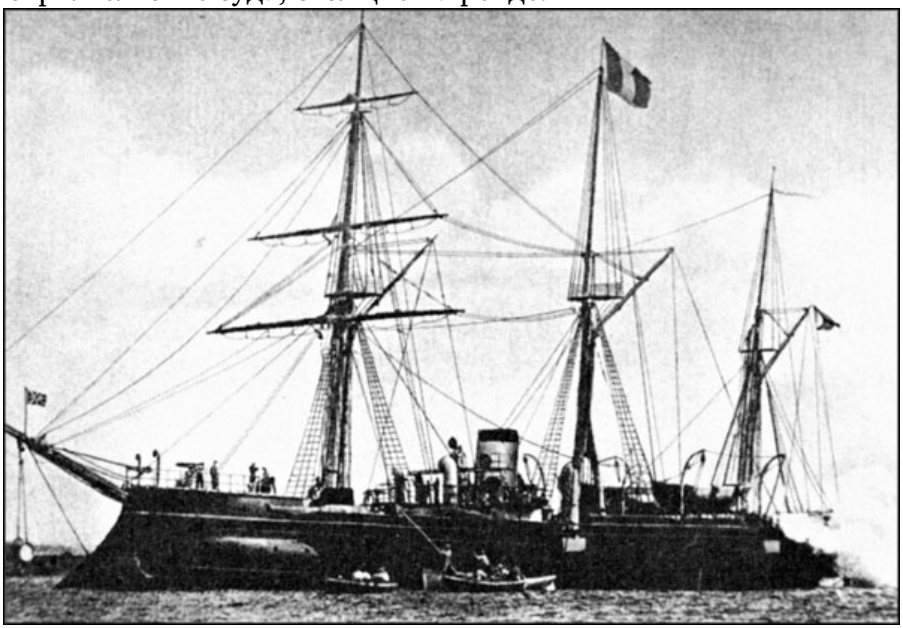
Белый, другие должностные лица. Доклад об укомплектовании эскадры и основных положениях плана боеготовности сделал начальник штаба. Затем выступили командиры кораблей. Остро поставил вопросы связи с береговой артиллерией капитан эскадренного броненосца «Ретвизан» капитан 1 ранга Э. Н. Щенснович. Вопросы материально-технического обеспечения подняли командиры крейсеров «Аскольд» и «Диана», минного крейсера «Всадник». О задержке ремонтных работ информировал собравшихся командир минного заградителя «Амур» капитан 2 ранга Ф. Н. Иванов. В заключение выступил командующий. Он довел требования адмирала Алексеева, отдал указания начальнику штаба к 1 февраля разработать совместно с комендантом крепости план взаимодействия и оповещения, командирам кораблей – представить заявки на февраль по материальному обеспечению личного состава и проведению ремонтных работ.

Награждение Николаем II оставшихся в живых членов экипажей «Варяга» и «Корейца» на площади у Зимнего дворца 16 апреля 1904 г.

Планам, однако, не суждено было сбыться.

Еще 23 января вице-адмирал Того, собрав всех флагманов и командиров судов, объявил им свое решение: «Теперь же со всем флотом направиться в Желтое море и атаковать суда неприятеля, стоящие в Порт-Артуре и Чемульпо. Начальнику 4-го боевого отряда контр-адмиралу Урио со своим отрядом (пять легких крейсеров) и присоединенным крейсером «Асама», а также 9-му и 14-му отрядам миноносцев (восемь судов) немедленно выйти в Чемульпо, атаковать там неприятеля, после чего охранять высадку войск в этом районе». 1-й, 2-й и 3-й отряды по его

решению вместе с отрядами истребителей выдвигались к Порт-Артуру, где отряды истребителей должны были атаковать ночью неприятельские суда, стоящие на рейде.



Канонерская лодка «Кореец».

Во исполнение принятого решения японский флот утром 24 января вышел из Сасебо, захватывая по пути русские торговые пароходы. Его главные силы приближались к Порт-Артуру. Разведка донесла, что русская эскадра располагалась на внешнем рейде по «диспозиции мирного времени», в четыре линии в шахматном порядке. Суда стояли на якоре без паров. Подходы со стороны моря освещались прожекторами дежурных судов – броненосца «Ретвизан» и крейсера «Паллада». На некоторых судах производилась погрузка угля с угольных барж, освещаемых электрическим светом с верхних палуб. Дозорную службу несли два миноносца с отличительными огнями. С наступлением темноты основные силы японского флота, отделившись от миноносцев, двинулись к островам Эллиот, своеобразной маневренной базе, чтобы, используя результаты ночной минной атаки, утром напасть на русские суда.

В 23 часа 30 минут 26 января десять миноносцев эскадры адмирала Х. Того вошли на внешний рейд Порт-Артура и атаковали русские корабли, выпустив 16 торпед. Три из них достигли цели, повредив эскадренные броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» (командиры капитаны 1 ранга Э. Н. Щенснович и И. К. Григорович), а также крейсер 1 ранга «Паллада» (командир капитан 1 ранга В. С. Сарновский). Ввиду отсутствия связи

кораблей с береговой артиллерией она была приведена в боевую готовность лишь через час после вражеской атаки. В итоге три боевых корабля русской эскадры сели на мель у входа в гавань. Потери русских составили 56 убитых и раненых, японцев – 58 человек, главным образом на миноносцах.

Ущерб, нанесенный русскому флоту, был весьма существен. Вместе с тем главная цель, которую ставило перед собой японское командование, идя на нарушение норм международного права – одним ударом уничтожить большую часть русского флота на Дальнем Востоке, – не была достигнута. Утром 27 января в завязавшемся бою с японской стороны участвовало шесть эскадренных броненосцев, десять крейсеров, ряд вспомогательных судов, с русской – пять броненосцев и пять крейсеров. Корабли русской эскадры вели бой под прикрытием огня десяти береговых батарей полуострова Тигровый хвост, имевших пушки калибра от 152 до 254 мм и 280-мм мортиры, всего 53 орудия. Противник вынужден был перенести огонь на береговые батареи и ослабить обстрел кораблей. Бой продолжался около 30 минут, в течение которых береговые батареи выпустили 151 снаряд.

Основную роль в бою с кораблями противника сыграли батареи № 2, 9, 15 и Артиллерийская. Даже японцы, всячески умалявшие успехи русского оружия и пытавшиеся скрыть свои потери, в официальном труде «Описание военных действий на море» были вынуждены признать: «Когда бой был в полном разгаре, выпущенный с батареи Мантоушан (№ 2) снаряд попал в передний мостик «Фуджи», причем были убиты старший артиллерийский офицер, ранены состоявший в его распоряжении гардемарин, сигнальный кондуктор и два нижних чина. Этот снаряд, пронизав переднюю часть дымового кожуха, пробил дымовую трубу и, взорвавшись, разбил стоявшую у левого борта шлюпку, в результате чего были ранены мичман и пять человек нижних чинов… Около 11 часов 25 минут часть неприятельских батарей, пользуясь нашим невыгодным положением во время поворота, с близкой дистанции осыпала нас снарядами разных калибров. Было много жертв».

Командир крейсера «Новик» капитан 2 ранга Н. О. Эссен.

Орудийная прислуга, как рассказывали Колчаку очевидцы, действовала самоотверженно, со знанием дела. Особенно отличился личный состав двух из батарей – тринадцатой и пятнадцатой. Невзирая на падающие поблизости вражеские снаряды и свистящие вокруг осколки, артиллеристы работали спокойно, сноровисто и уверенно, проявляя мужество и самоотверженность. Канонир батареи № 13 Никифор Алехин, например, будучи ранен в голову осколком снаряда, отказался идти в лазарет, продолжая выполнять свои обязанности. «Бросались в глаза… необыкновенное старание нижних чинов и выдающаяся их смелость», – докладывал в тот день коменданту крепости генерал-майор В. Ф. Белый. Войска гарнизона крепости заняли подготовленные позиции. Подразделения 27-го и 10-го Восточно-Сибирских полков по боевой тревоге вышли на позиции

Тигрового полуострова, а также Приморского фронта от Золотой горы до группы Крестовых батарей. На западном побережье развернулись подразделения 28-го Восточно-Сибирского полка. Для усиления наблюдательных застав были высланы две роты 25-го Восточно-Сибирского полка. Три кавалерийские заставы приступили к несению службы: у деревни Суанцайгоу по Мандариновой дороге, в деревне Шининцзы по Средней дороге на Дальний, в деревне Домагоу по прибрежной дороге.

Командир броненосца «Победа» капитан 1 ранга В. М.

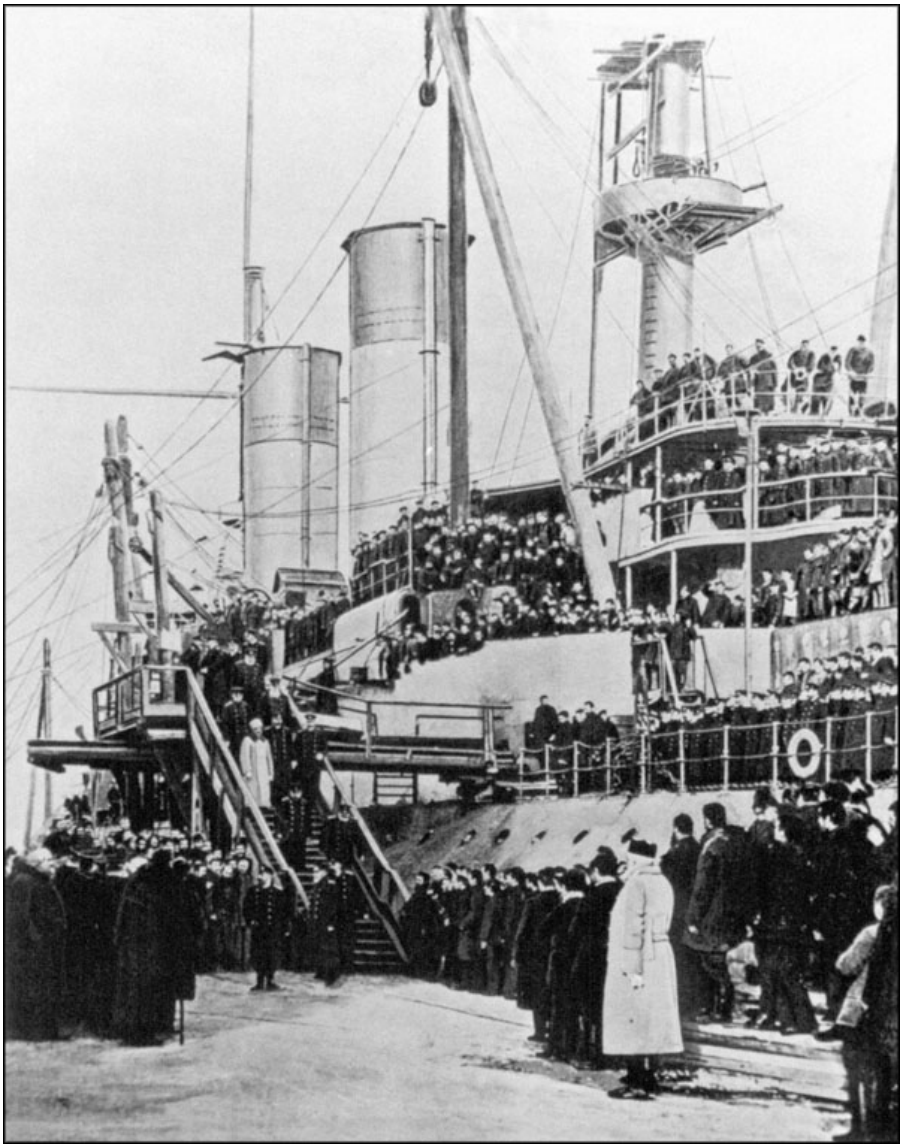
Зацарённый.

Мужественно сражались моряки кораблей эскадры с первых минут боя. Вот как описывался один из эпизодов действий кораблей в Иллюстрированной летописи Русско-японской войны:

«Утром «Новик» (командир капитан 2 ранга Н. О. Эссен), получив приказание выйти вслед за «Боярином» (командир капитан 2 ранга А. Д. Сарычев) на разведку, исполнил таковое и к 10 часам вернулся в полной уверенности, что неприятель сегодня не покажется, и стал на свое место на якорь. Вдруг показывается «Боярин» и на полном ходу, отстреливаясь кормовыми орудиями, держит сигнал о приближении неприятельской эскадры… «Новик» тотчас же получил приказание атаковать неприятеля. Быстроходный крейсер (24,5 узла) должен был первым вступить в открытый бой. Впереди надвигающаяся масса неприятельских крейсеров и броненосцев, сзади наша эскадра и батареи крепости. Спокойствие командира отлично отозвалось на нравственном состоянии экипажа, среди которого много молодых матросов. Все горели желанием драться и победить. Выйдя вперед эскадры, «Новик» стремительно понесся на неприятельскую эскадру. Заметив огонь на флагманском судне неприятеля, он тотчас же открыл огонь из своих батарей. Ему ответили беглым огнем японцы. Зарокотали орудия нашей эскадры. Загремели батареи фортов. Начался бой. «Новик», дав полный ход, с тем чтобы лишить противника возможности пристреляться, летел, громя его носовыми орудиями, и, на полном ходу разворачиваясь, осыпал его снарядами кормовых батарей. Крейсер оказался в самой середине огня неприятеля и наших. Снаряды со страшным свистом перелетали, другие в окружности падали в воду, поднимая огромные водяные столбы…

Приказания немедленно и отчетливо исполнялись.

Снаряды, давая то перелеты, то недолеты, падали в воду у самых бортов, обдавая палубу водой, а крейсер продолжал свои маневры, то приближаясь, то удаляясь от неприятеля. Вдруг на последнем галсе раздался страшный взрыв с правой стороны кормовой части. Туча осколков полетела на судно. Убитым оказался лишь командир Бобров. Вестовой командира, оглушенный взрывом, был выброшен из кают-компании в каюту капитана. Крейсер получил пробоину в кормовой части. Энергично поддерживая огонь из всех своих орудий, он стал отходить к берегу. В это время на флагманском судне противника был замечен столб огня и дыма…»



Николай II на борту броненосца «Князь Суворов».

В итоге три японских броненосца и крейсер получили серьезные повреждения. Враг был вынужден, так и не выполнив своих задач, отойти в море. После этого боя неприятельский флот в течение двух недель не появлялся в районе Порт-Артура. Испробовав силу огня русских береговых батарей, японская эскадра и в последующем держалась на значительном расстоянии от крепости, не приближаясь ближе 8–10 км. Командование сухопутной обороны получило, таким образом, возможность осуществить комплекс работ по совершенствованию крепости и укреплению побережья. На их строительство ежесуточно

привлекалось до пяти тысяч военнослужащих и до шести тысяч местных жителей, в основном китайцев. Начались ремонтно-восстановительные работы на «Ретвизане», «Цесаревиче» и «Палладе». Усилена была разведывательная и сторожевая службы на море.

Одновременно с атакой Порт-Артура японцы совершили нападение на нейтральный корейский порт Чемульпо (Инчхон). Здесь в распоряжении русского посланника в Сеуле находились крейсер «Варяг» (командир капитан 1 ранга В. Ф. Руднев) и канонерская лодка «Кореец» (командир капитан 2 ранга Г. П. Беляев). Там же стояли на рейде русский пароход «Сунгари» и в качестве стационаров – ряд военных кораблей и транспортов других стран: английский крейсер «Тальбот», французский «Паскаль», итальянский «Эльба», американская канонерская лодка «Виксберг».

Японский заградитель «Хококу-мару», потопленный на внутреннем рейде Порт-Артура 11.02.1904 г.

26 января японская эскадра под флагом контр-адмирала Уриу в составе одного броненосца и пяти легких крейсеров, восьми миноносцев и трех транспортов с десантом, отделившись от главных сил японского флота, следовавшего в Порт-Артур, блокировала выходы из Чемульпо. В 15 часов 40 минут канонерская лодка «Кореец» снялась с якоря для следования с донесением русского посланника в Порт-Артур (связи с этим портом и крепостью не было). Японская эскадра преградила ей выход в море. Вражеские миноносцы атаковали торпедами

канонерскую лодку. Торпеды прошли за кормой. Капитан 2 ранга Беляев принял решение возвратиться к месту своей якорной стоянки, доложив о происшедшем командиру отряда Рудневу.

Адмирал Е. И. Алексеев.

Утром следующего дня Всеволод Федорович Руднев получил ультимативное требование до 12 часов покинуть Чемульпо. Японское командование извещало, что в противном случае русские корабли будут атакованы на рейде нейтрального порта. Это было грубым нарушением международного морского права. Тем не менее командиры иностранных судов, собравшись на совещание, по сути дела, никак не отреагировали на агрессивные действия японцев и отказались принять предложение командира отряда о сопровождении ими «Варяга» и «Корейца» до выхода из территориальных вод Кореи. Это было явным попустительством беззакония. Руднев окончательно убедился, что оказался в сложном положении. Рассчитывать в создавшейся ситуации можно было только на собственные силы. Тогда он принял решение с боем прорваться в Порт-Артур. «Сделаю попытку прорваться и приму бой с японской эскадрой, – заявил командир крейсера «Варяг», – сдаваться не буду, так же как и сражаться в нейтральном порту, на нейтральном рейде». На крейсер Руднев возвратился в 10 часов. Времени на подготовку к бою оставалось мало. Постарались сделать все возможное, чтобы привести корабли в полную боевую готовность. Перед выходом из порта на верхней палубе «Варяга» был построен по большому сбору весь личный состав. Командир обратился к нему с краткой речью: «Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с неприятельской эскадрой… Никаких вопросов о сдаче не может быть – мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте каждый обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушите его без огласки, давая мне знать…

Пойдем смело в бой!»

Прибытие адмирала Е. И. Алексеева в Порт-Артур 2.04.1904 г.

Над палубой прокатилось мощное троекратное «Ура!». Его слышали моряки всех стоявших в порту судов и население Чемульпо. Аналогичная подготовка к бою прошла и на канонерской лодке «Кореец».

Командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал О. В. Старк.

В 11 часов 30 минут русские корабли снялись с якоря и двинулись по фарватеру. Японская эскадра, находясь в десяти милях от Чемульпо, занимала выгодную позицию, позволявшую ей маневрировать. Русские же корабли, следуя в узости, были лишены этой возможности, неизбежно попадали под снаряды противника. Неравными были и силы: японцы имели семикратное превосходство в кораблях, пятикратное – в количестве орудий. К тому же русские корабли уступали в скорости.

Японцы открыли огонь первыми с дистанции 45 кабельтовых (8,3 км). Это произошло в 11 часов 45 минут. «Варяг» и «Кореец» приняли бой. Они ответили огнем своих орудий, повредив

первым же залпом кормовую башню на броненосном крейсере «Асама» и вызвав на нем пожар. Темп стрельбы с обеих сторон непрерывно нарастал. За час боя русские корабли выпустили 1105 снарядов. Был потоплен японский миноносец. Серьезные повреждения получили два японских крейсера. На «Асама» был разрушен ходовой мостик. Море вокруг «Варяга» бурлило от разрывов снарядов. Их осколки сеяли смерть на верхней палубе. Один из снарядов разрушил дальномерный пост и вызвал пожар в штурманской рубке. Другой, разорвавшись возле третьего орудия, вывел из строя почти всю прислугу, оставшиеся в живых комендоры, несмотря на тяжелые ранения, продолжали стрельбу.

Контр-адмирал В. К. Витгефт.

Русские моряки проявляли в этом бою героизм, бесстрашие, верность воинскому долгу, воинское мастерство. Пример

высокого самообладания показывал командир крейсера. Узнав о том, что на корабле пронесся слух, будто он убит, Руднев, как был без фуражки, в запачканном кровью мундире, выбежал на мостик и крикнул:

– Братцы, я жив! Целься верней!

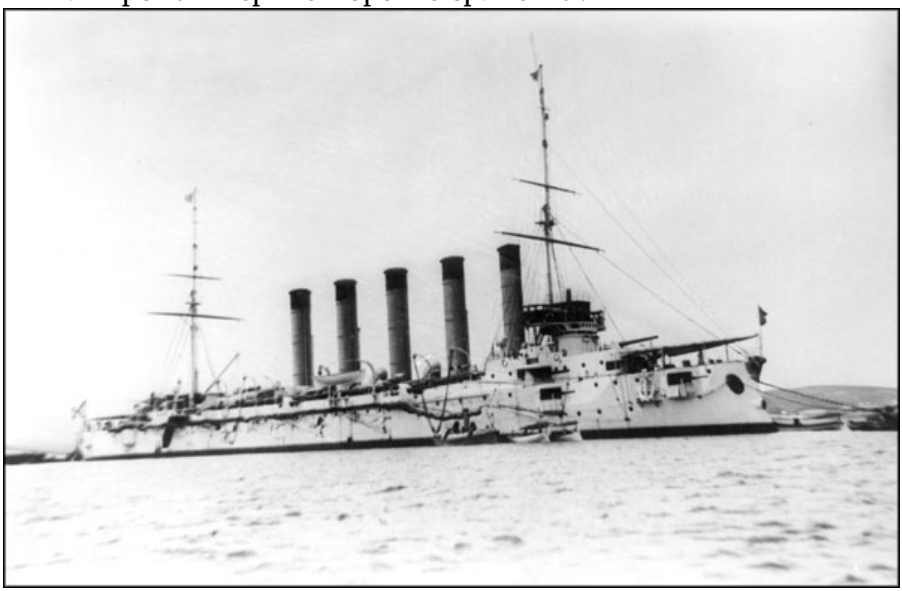
Призыв командира, тяжело раненного в голову, но продолжавшего руководить боем, еще больше воодушевил команду. Однако обстановка осложнялась. Вражескими снарядами была выведена из строя почти половина артиллерийских орудий, поврежден рулевой привод. Для его починки и тушения возникшего пожара в 12 часов 15 минут командир решил на время выйти из района обстрела. Однако как только с помощью ручного управления крейсер удалось повернуть на другой галс, он получил попадание снаряда ниже ватерлинии. Вода стала заливать одну из кочегарок. Корабль кренился на левый борт. Героическими усилиями матросов удалось на пробоину завести пластырь, однако крен продолжался. Вскоре неприятельским снарядом пробило палубу, из-за чего снова начался пожар. Как доложил помощник командира Рудневу, к этому времени было убито тридцать человек, ранено более девяноста (по уточненным данным – 191). Командир крейсера решил, чтобы устранить повреждения, вернуться на рейд. За «Варягом» последовал «Кореец».

Контр-адмирал П. П. Ухтомский.

Осмотр кораблей на рейде показал, что все возможности вести бой были исчерпаны – «Варяг» получил пять подводных пробоин, из строя вышли все орудия, «Кореец» имел три пробоины, ранено было до 40 процентов личного состава, в том числе командир капитан 2 ранга Г. П. Беляев. На совете было

принято решение уничтожить корабли, чтобы они не достались неприятелю. Русские моряки были приняты иностранными кораблями как спасенные при кораблекрушении по сигналу командира отряда «Терплю бедствие».

Так прошли первые морские сражения.



Крейсер «Аскольд».

24 февраля в Порт-Артур прибыл вице-адмирал С. О. Макаров. Одним из его начинаний стала резкая активизация боевой деятельности флота. Боевые корабли стали ежедневно выходить в море, держа тем самым противника в постоянном напряжении и вынуждая его распылять силы. Русские моряки проявляли мужество, высокое воинское мастерство. Уже 25 февраля миноносцы «Стерегущий» и «Решительный», выйдя из Порт-Артура на разведку, у восточного побережья Квантунского полуострова встретились с японскими миноносцами и отошли к острову Дасаньшаньдао. В 6 часов они были атакованы в проливе Лаотешань четырьмя вражескими миноносцами, действовавшими при поддержке легких крейсеров «Унтозе» и «Токива». Ведя интенсивный огонь, они начали окружать русские корабли. Командир миноносца «Решительный» капитан 2 ранга Ф. Э. Боссе пошел на прорыв. Нанеся повреждение двум неприятельским миноносцам, он вырвался из окружения, взяв курс на Порт-Артур, чтобы сообщить командующему эскадрой о действиях противника.

«Стерегущий» из-за повреждений в машинном отделении не смог развить полный ход, ведя бой в окружении вражеских кораблей. Командир корабля лейтенант А. С. Сергеев был тяжело

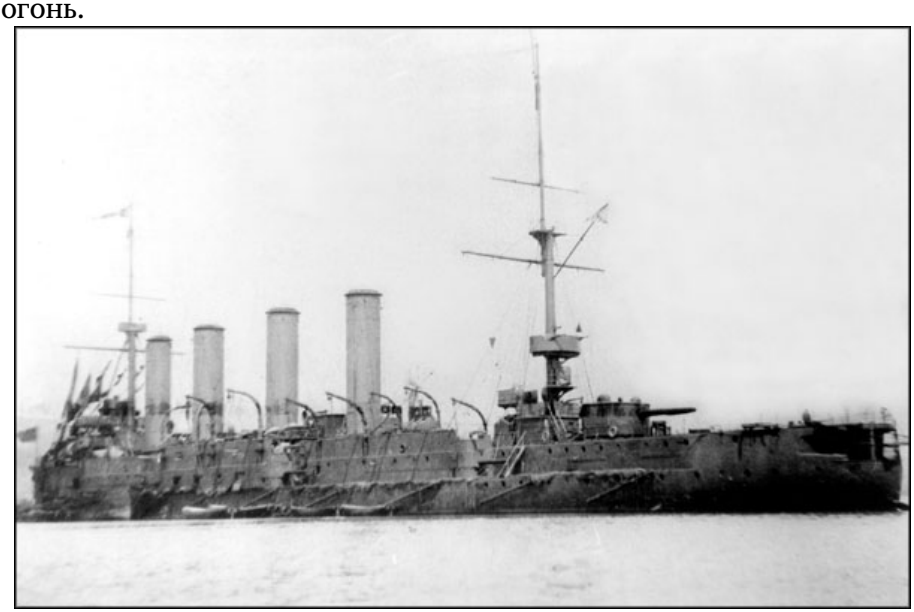
ранен, но продолжал выполнять свои обязанности. Вражеский снаряд разорвался в кочегарке, разбив паровые котлы и паропроводы. Окутанный облаком пара миноносец застопорился. Бой, однако, продолжался. Уцелевшие орудия миноносца, засыпаемые японскими снарядами, ни на минуту не прекращали вести огонь по противнику. Погиб командир. Его заменил лейтенант Н. С. Головизнин. Вскоре и он был смертельно ранен. Места выбывших комендоров у орудий заняли матросы машинной команды.

Бой длился уже более часа. Погибли все офицеры и почти все матросы. Оставшиеся в живых прибили гвоздями к мачте Андреевский флаг. Смертельно раненный сигнальщик В. Крутов выбросил за борт секретный свод сигналов. Противник тоже понес урон. Получив до тридцати прямых попаданий, окутался дымом и отошел миноносец «Акебонс». Отстал «Сазанами», получивший до десяти пробоин. Когда замолчало последнее орудие «Стерегущего», а его надводная часть представляла собой груду обгоревшего и покореженного металла, японцы попытались захватить миноносец, взяв его на буксир. Матросы И. Бухарев и В. Новиков, открыв кингстоны, затопили корабль. Японские корабли, завидев подходившие русские корабли, спешно покинули поле боя.

Броненосец «Пересвет».

На следующий день по приказу адмирала Макарова в море вышла вся эскадра. Не обнаружив противника, он провел учения, а вечером вернулся в гавань. Успешный выход основных сил в море повысил моральный дух экипажей, позволил вскрыть

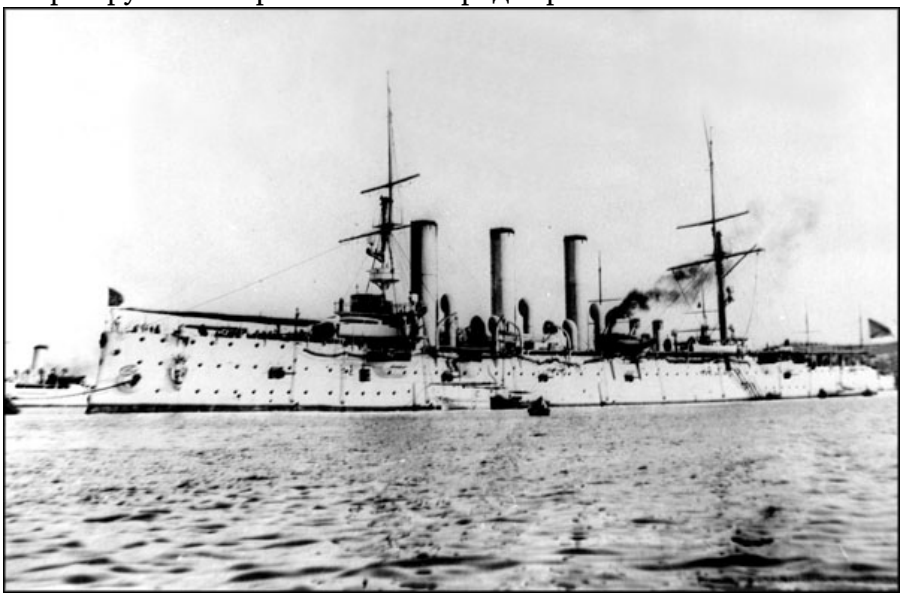
недочеты в подготовке эскадры. Основываясь на полученном опыте, Степан Осипович разработал ряд инструкций, которые повышали тактическую и специальную подготовку личного состава. Не бездействовал и японский флот. Первая попытка бомбардировки Порт-Артура была сделана еще 12 февраля. Шесть японских эскадренных броненосцев и шесть броненосных крейсеров заняли позиции между бухтами Тахе и Лунвантан. Этот район находился в мертвом пространстве береговых батарей левого фланга. Батарея № 15 сделала несколько выстрелов по японским кораблям, и они сразу же ушли за Плоский мыс. Выйдя из сектора обстрела, противник открыл артиллерийский огонь по кораблям, стоявшим на внутреннем рейде, и береговым батареям. Бомбардировка продолжалась около 30 минут и оказалась малоэффективной. По ее окончании защитники крепости, учитывая полученный опыт, установили на левом фланге батарею № 22 и минировали район, из которого японские корабли вели огонь.



Крейсер «Баян».

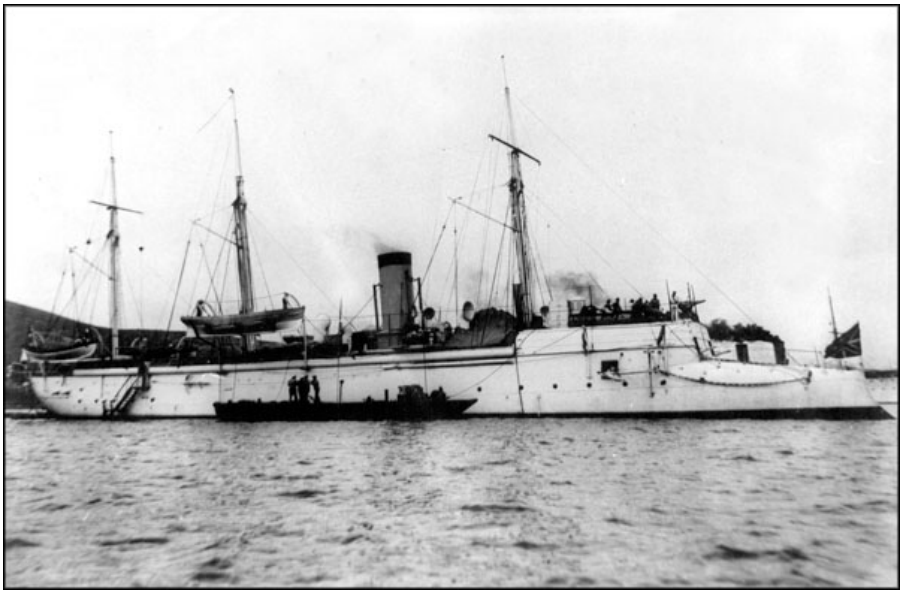
Спустя две недели была предпринята вторая попытка. На этот раз японские корабли (шесть эскадренных броненосцев и восемь легких крейсеров) вели так называемую перекидную стрельбу через возвышенность Лаотешань, на которой не было русских береговых батарей, по правому флангу береговых укреплений Порт-Артура и по кораблям, стоявшим в гавани. Огонь корректировали крейсера, маневрировавшие перед входом в гавань. Противник выпустил 154 12-дюймовых снаряда. Ответный огонь вели корабельная и береговая артиллерия. Особенно

результативным стал огонь батареи № 15. Один из ее снарядов попал в крейсер «Тагасаго», пробил паропровод, что вынудило его уйти в море. На другом крейсере артиллеристы сбили фок-мачту. Японский адмирал Того доносил в тот день в Токио: «Береговые батареи русских поражали наш отряд страшным огнем».



Крейсер «Паллада».

С учетом выявленных недостатков на следующий день началось сооружение нескольких береговых батарей на Лаотешане, а к югу от него – постановка минного поля. Спустя два дня адмирал Макаров организовал перекидную стрельбу броненосцев с внутреннего рейда через Лаотешань, разработал правила ее ведения. Для корректировки огня броненосцев, находившихся на внутреннем рейде, был создан специальный наблюдательный пост, откуда наблюдатель передавал по телефону на броненосец «Ретвизан» номер квадрата, в котором находился неприятельский корабль. С броненосца данные передавались на другие корабли эскадры.



Канонерская лодка «Бобр».

В ночь на 10 марта приблизившиеся к Порт-Артуру вражеские миноносцы пытались атаковать русские сторожевые суда. Отражением их атаки руководил адмирал Макаров. Корабли противника попали в зону огня Лаотешаньской батареи и русских броненосцев, стрелявших с внутреннего рейда. Атака миноносцев была отбита. Утром, когда на горизонте показались главные силы вражеского флота, адмирал Макаров вывел из гавани почти всю эскадру и двинулся навстречу неприятелю. Японский командующий адмирал Того не решился принять бой и отступил, провожаемый выстрелами русских кораблей. Это был серьезный успех русского флота.

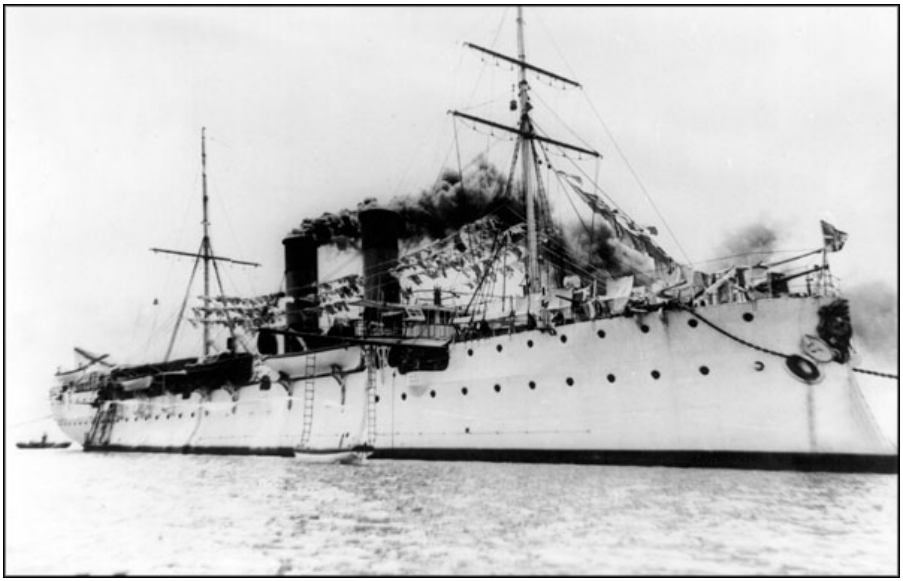
Используя возникшую паузу, Степан Осипович осуществил ряд мероприятий, направленных на совершенствование обороны и охраны внешнего рейда Порт-Артура. Были установлены, в частности, стационарные батареи, которые могли вести борьбу с миноносцами противника, приближающимися к рейду, а также подготовлены бонные и минные заграждения, у входа в рейд затоплены старые корабли. Эти и другие мероприятия были направлены против попыток японского командования заблокировать русский флот.

Так, 17 марта, в день прибытия Колчака в Порт-Артур, пять вражеских пароходов (брандеров), груженных камнем, под прикрытием 12 миноносцев направились к Порт-Артуру. В 3 часа утра они были обнаружены прожектористами Тигрового полуострова и обстреляны батареями правого фланга, а также орудиями с броненосца «Ретвизан». Под градом снарядов

пароходы сбились с курса и, не дойдя до намеченного района, потоплены. Эта же участь постигла и один из японских миноносцев. Понимая, что противник может повторить попытки заграждения входа в гавань, русское командование установило дополнительные батареи по обоим берегам входа в гавань, установило дежурство миноносцев и минных катеров с целью преградить противнику подходы к внутреннему рейду. В результате этого очередные попытки японцев блокировать вход в гавань оказались безуспешными.

Тогда японцы, стремясь снизить эффективность стрельбы русской артиллерии, стали загружать брандеры камнем. Это вызвало большой расход боеприпасов. Во время стрельбы по брандерам 21 марта, например, береговые батареи израсходовали 1936 снарядов, из них около 300 9– и 10-дюймового, почти 550 – 6-дюймового и 1094 снаряда малого калибра. Стрельба же по брандерам из орудий малого калибра вообще оказалась малоэффективной. Для этой цели требовались скорострельные пушки и снаряды большой разрушительной силы.

Важное значение для успешных действий береговой артиллерии Порт-Артура имело четкое взаимодействие между кораблями и орудиями батарей крепости и побережья. Для решения этого вопроса по приказанию адмирала Макарова на береговые батареи были направлены сигнальщики, которые поддерживали связь, помогали артиллеристам опознавать японские корабли. Специальной инструкцией, разработанной по его указанию Колчаком, определялся характер действий кораблей и береговой артиллерии по охране внешнего рейда. Чтобы в темное время не принять свои корабли за вражеские, береговым батареям разрешалось вести огонь только по целям и пространству, находящемуся за боновыми ограждениями. Кроме того, дежурные миноносцы должны были одну из труб выкрасить в белый цвет. В инструкции подчеркивалось, что «главной задачей всех сил обороны как днем, так и ночью – преградить путь прорывающимся неприятельским судам и уничтожить их возможно дальше и раньше достижения ими входа в гавань».



Минный транспорт «Амур».

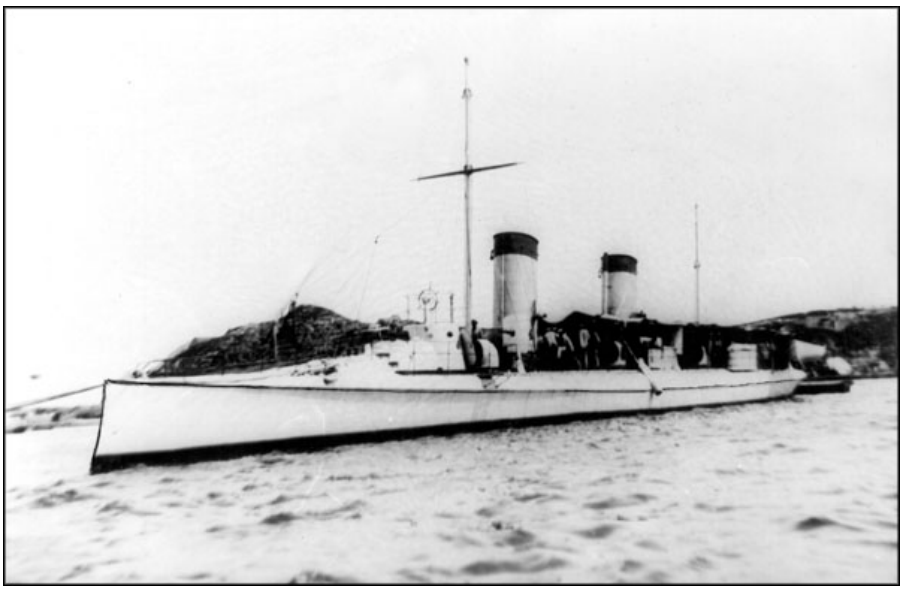
Именно в эти дни произошли изменения и в службе лейтенанта Колчака. Он был назначен командиром эсминца «Сердитый». Под его командованием была поставлена к югу от устья Амура минная банка, на которой подорвался японский крейсер «Такасаго». При отсутствии более значимых морских побед это событие было весьма знаменательным для порт-артурской эскадры.

В воспоминаниях контр-адмирала С. Н. Тимирева говорится, кстати, о плане экспедиции для прорыва блокады Порт-Артура с моря и активизации действий против японских транспортов в Желтом море и на Тихом океане. В его разработке участвовал и Колчак. Однако сменивший погибшего Макарова адмирал В. К. Витгефт отменил реализацию плана. Провел эсминец и ряд смелых атак на японские корабли, пытавшиеся подойти к Порт-Артуру. Успешные действия «Сердитого» были замечены командованием. Лейтенант Колчак был награжден орденом Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», носившимся на морском кортике, в связи с этим получившим название «Анненское оружие».

Тогда же он подружился с командиром одного из миноносцев, несшего дежурную службу в устье Амура, Георгием Седовым. Это был опытный, несмотря на свой возраст (родился в 1877 году), гидрограф, в последующем полярный исследователь. Он скончался 20 февраля 1914 года вблизи острова Рудольфа на пути к Северному полюсу.

20 марта японский флот приступил к постановке мин

заграждения. Мины на подходах к базе ставили в темное время суток вражеские миноносцы. Спустя сутки по указанию адмирала Макарова было усилено наблюдение за внешним рейдом, организовано траление. Оно производилось катерами и специально приспособленными для этой цели минными крейсерами «Всадник» и «Гайдамак», использовавшими трал конструкции Шульца – специальное устройство, буксируемое кораблем и предназначенное для поиска и уничтожения морских мин.



Миноносец «Сердитый», которым командовал лейтенант А. В. Колчак.

Выход же кораблей русской эскадры в море стал обеспечиваться предварительным тралением фарватера и проводкой кораблей непосредственно за тральщиками. Однако выход в море далеко не всех кораблей мог быть обеспечен тральщиками, в результате чего опасность подрыва на японских минах не исключалась.

Одним из первых на минах, выставленных японцами на внешнем рейде, подорвался и затонул эскадренный броненосец «Петропавловск». Он был заложен в Петербурге в 1892 году, спущен на воду спустя год, вступил в строй в 1897 году, спустя два года включен в состав Тихоокеанской эскадры в качестве флагманского корабля. Его водоизмещение 11 000 тонн, скорость 17 узлов (31 км в час). Броненосец имел на вооружении четыре 305-мм, двенадцать 152-мм, десять 47-мм и двадцать восемь 37-мм орудий, а также шесть торпедных катеров. Экипаж насчитывал 633 человека.

Утром 31 марта «Петропавловск» под флагом командующего вице-адмирала Макарова в составе эскадры вышел из Порт-Артура с целью атаковать отряд японских кораблей, преследовавших русский крейсер «Баян». В ходе завязавшегося боя было обнаружено приближение главных сил японского флота. Учитывая превосходство противника в силах, командующий решил отойти к Порт-Артуру и продолжать бой под прикрытием береговых батарей.

Трагедия произошла в 9 часов 39 минут. Флагман подорвался на японской якорной мине. От взрыва мины произошла детонация боезапаса в носовом артиллерийском погребе. Корабль быстро (через две минуты после взрыва) затонул. Среди погибших были адмирал С. О. Макаров, его начальник штаба контр-адмирал М. П. Молос, художник В. В. Верещагин, сотни других офицеров и матросов.

В тот же день в дневнике Николая II появилась следующая запись: «31-го марта. Среда. Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о том, что при возвращении нашей эскадры к Порт-Артуру броненосец «Петропавловск» наткнулся на мину, взорвался и затонул. Погибли адмирал Макаров, большинство офицеров и команды. Кирилл (Кирилл Владимирович – великий князь), легко раненный, Яковлев (Н. М. Яковлев – командир броненосца «Петропавловск», капитан 1 ранга), несколько офицеров и матросов – все раненые – были спасены. Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья».

К вечеру стало известно, что моряки на шлюпках начали доставлять в Порт-Артур своих товарищей, погибших на «Петропавловске». Александр Васильевич вместе с другими офицерами и свободными от службы матросами поспешили в порт, надеясь узнать о судьбе адмирала Макарова и других знакомых товарищей. Утешительных известий не было. Стало ясно, что большинство погибли. Одна за другой причаливали шлюпки с трупами, и матросы сносили на берег печальный груз. За этой картиной молча наблюдали сотни других моряков, стоя на борту находившегося «раненого» крейсера «Победа». Колчак ушел с порта в самых расстроенных чувствах и, не заходя на свой корабль, направился в церковь.

Броненосцы «Петропавловск», «Севастополь» и «Полтава» на рейде перед выходом в море.

2 апреля в Порт-Артур прибыл адмирал Е. И. Алексеев. Наместника встречали торжественно, с почетным караулом, построением войск и оркестром. Колчак был среди встречавших и с нескрываемым интересом наблюдал за человеком, которому была вверена судьба армии и флота в войне с Японией.

Евгений Иванович Алексеев считался внебрачным сыном Александра II. Он родился 11 мая 1843 года в Петербурге, где в 1863 году окончил Морской кадетский корпус. В следующие десять лет он совершил несколько кругосветных плаваний на корвете «Варяг», клиперах «Яхонт» и «Жемчуг». Затем «проверил» себя на дипломатической службе, будучи морским агентом (атташе) во Франции. В 1886–1891 годах командовал крейсером «Адмирал Корнилов», выслужив чин контр-адмирала. С 1892 года помощник начальника Главного морского штаба. В 1895–1897 годах начальник Тихоокеанской эскадры, вице-адмирал, в 1897–1899 годах старший флагман Черноморской флотской дивизии. С августа 1899 года главный начальник и командующий войсками Квантунской области, а также морскими силами на Тихом океане. Командовал русскими войсками при подавлении Ихэтаньского восстания в Северном Китае, руководил штурмом Дату и Тяньцзиня. С 1901 года генерал-адъютант.

30 июля 1903 года Евгений Иванович был произведен в адмиралы и назначен наместником царя на Дальнем Востоке. Под его руководством проводился ряд мероприятий по подготовке к предстоящей войне, строительству оборонительных сооружений,

подготовке местного ополчения. С начала Русско-японской войны адмирал Алексеев был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке.

С гибелью Степана Осиповича Макарова активные действия русского флота, базировавшегося в Порт-Артуре, фактически прекратились. Командование эскадрой принял на себя Алексеев, сразу же отказавшийся от всякой борьбы за инициативу на море. В начале мая в связи с угрозой блокады Порт-Артура он выехал в Мукден, передав командование русским флотом контр-адмиралу В. К. Витгефту. Получив указания наместника придерживаться оборонительного характера действий, он укрыл эскадру на внутреннем рейде Порт-Артура.

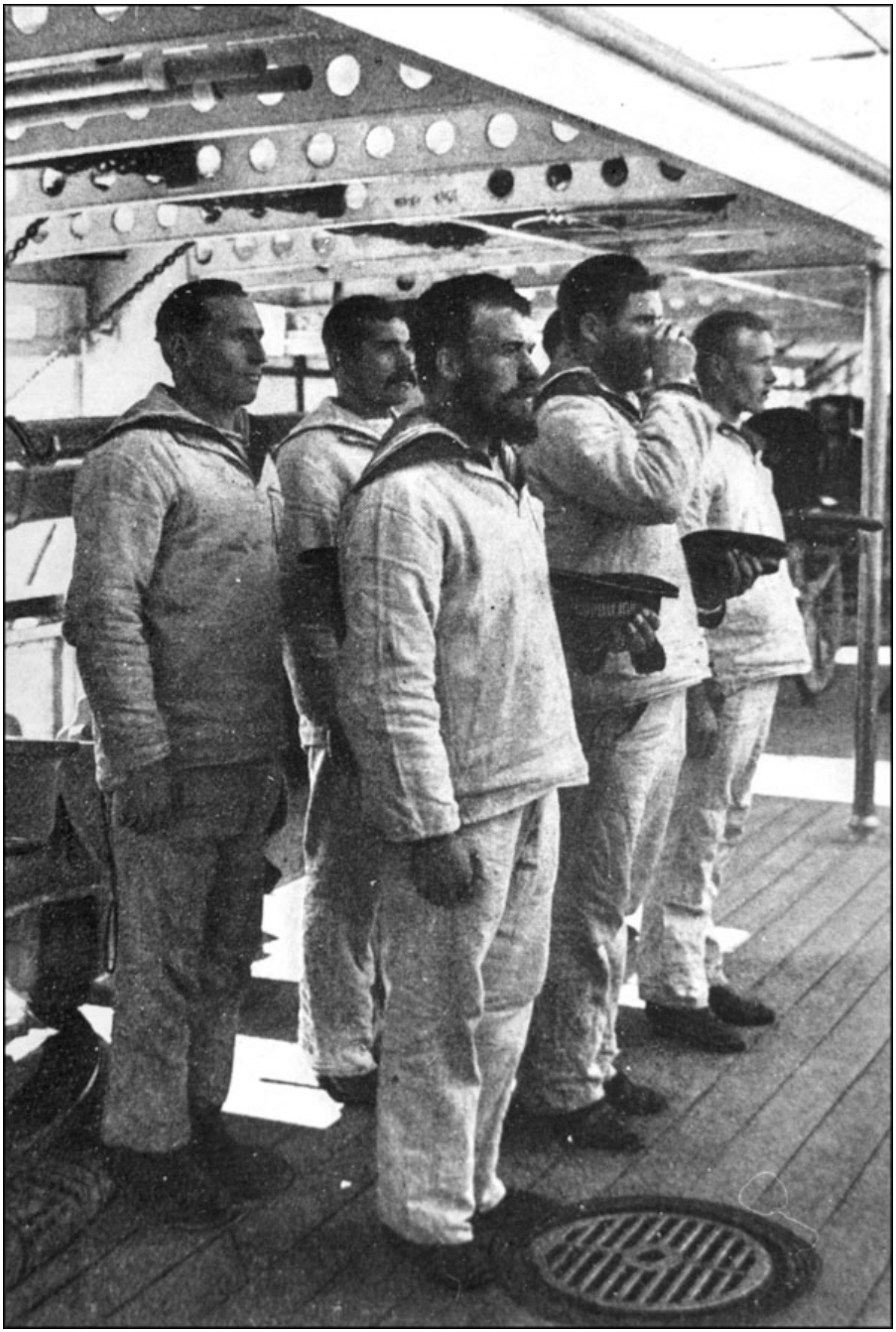
Священник на палубе броненосца «Петропавловск» перед последним выходом в море.

Между тем обстановка в районе Порт-Артура усложнилась. 13 июля в наступление перешла 3-я японская армия. Позиции на перевалах, ставшие объектом их атаки, оборонялись отрядом, насчитывавшим 16 000 человек. Он имел 70 орудий и 30 пулеметов. Весь день шел бой с превосходящими силами противника. Было отбито около десяти вражеских атак. К вечеру 16 июля японцам удалось прорвать фронт обороны у Зеленых гор. Генерал Фок принял решение на отход отряда к Волчьим горам. Здесь русские войска продержались недолго. Утром 17 июля японцы атаковали Волчьи горы. К полудню генерал Фок отдал приказ на отход отряда в крепость Порт-Артур. Таким образом, ряд выгодных по местности позиций на Квантунском полуострове, опирающихся своими флангами в море, не был

использован для удержания противника. Занимаемые русскими войсками позиции поспешно оставлялись без оказания неприятелю организованного сопротивления. Правда, наступление японцев стоило им больших потерь: в боях от Цзиньчжоу до Порт-Артура противник лишился почти 12 000 человек (потери русских составили 5400 человек).

Уже с момента выхода противника на дальние подступы к Порт-Артуру создалось угрожающее положение для русского флота. Держать корабли в Порт-Артуре под угрозой обстрела и захвата их с суши становилось нецелесообразным. Это и обусловило первую попытку русского Тихоокеанского флота прорвать блокаду базы. Произошло это, как запомнил Александр Васильевич, 10 июля (в этот день он получил легкое ранение от разорвавшегося поблизости вражеского снаряда). Решить задачу тогда не удалось по ряду причин, и прежде всего в результате крайне нерешительных действий контр-адмирала Витгефта.

Прошло почти три недели.



Молитва моряков на палубе корабля перед боем.

Положение по мере выхода 3-й японской армии на ближние подступы к Порт-Артуру резко ухудшилось, начался обстрел стоящих на рейде русских кораблей артиллерийским огнем. Русское командование приняло решение перебазировать эскадру

во Владивосток. Выход ее в море был назначен на 28 июля. В состав эскадры включается 6 эскадренных броненосцев, 4 крейсера и 8 эскадренных миноносцев, в том числе «Сердитый». Противостоявший русской эскадре японский флот имел 4 эскадренных броненосца, 4 броненосных крейсера, 8 крейсеров и 18 эскадренных миноносцев, то есть превосходил русских в легких силах. Соотношение броненосных кораблей было не настолько неблагоприятным для русской эскадры, чтобы исключить возможность успешной борьбы с японским флотом, тем более что русские матросы и офицеры готовы были к решительному бою с противником, обладая высокими моральными качествами и достаточным профессионализмом. Неуверенность в исходе сражения проявлял высший командный состав, прежде всего командующий эскадрой. Свидетельством этого стал отказ от разработки им плана предстоящего боя. На проведенном перед выходом совещании, где присутствовал и лейтенант Колчак, адмирал Витгефт ограничился изложением общего замысла – скрытно от противника пройти восточнее острова Цусима и ночью оторваться от вражеского флота.

Корабли порт-артурской эскадры перед выходом на операцию.

В 5 часов 28 июля русская эскадра снялась с якоря и вслед за тральщиками вышла в море. В голове кильватерной колонны шли броненосцы, за ними – крейсера, на траверзе флагманского броненосца «Цесаревич» – миноносцы. Японские дозорные

корабли, постоянно державшиеся у Порт-Артура, обнаружили выход эскадры и донесли об этом командующему японским флотом адмиралу Х. Того, который с главными силами (4 эскадренных броненосца и 2 броненосных крейсера) находился в районе острова Юаньдао (Раунд). Получив сообщение о выходе из Порт-Артура русской эскадры, он направился на ее перехват.

В 11 часов 30 минут японская эскадра появилась в зоне видимости русских. Адмирал Того стремился охватить впереди идущие русские корабли, сосредоточенным огнем вывести из строя флагман эскадры и тем самым лишить управления русский флот. В 12 часов 20 минут, подойдя на дистанцию 80 кабельтовых, японцы открыли огонь. Когда дистанция уменьшилась до 65 кабельтовых, ответный огонь открыли русские броненосцы. Однако вместо того, чтобы атаковать противника и этим самым попытаться обеспечить успех прорыва, адмирал Витгефт стал уклоняться от боя. Не лучшим образом действовал и японский флот. Адмирал Того, неудачно рассчитав маневр, оказался за кормой русских. В 14 часов 30 минут дистанция настолько увеличилась, что бой временно прекратился. Ни одной из сторон из-за больших дистанций не удалось добиться существенных результатов.

Спустя два часа японцы, имея преимущество в скорости хода, догнали русскую эскадру и на дистанции 40–45 кабельтовых снова вступили с ней в бой. Он шел на параллельных курсах. Японцы вели сосредоточенный огонь по «Цесаревичу», русские – по флагманскому броненосцу «Миказа». В течение часа бой протекал с переменным успехом. Был момент, когда адмирал Того из-за серьезных повреждений своего флагманского корабля и большого расхода снарядов, запас которых подходил к концу, готов был выйти из боя. Но примерно в 17 часов обстановка резко изменилась. Осколком снаряда были убиты адмирал Витгефт и флагманский штурман эскадры. 12-дюймовый снаряд попал в рубку «Цесаревича». Поврежденный броненосец начал описывать циркуляцию влево. За ним последовала часть кораблей эскадры. Боевой порядок нарушился. Создалась угроза уничтожения русских кораблей артиллерийским огнем. Тогда командир броненосца «Ретвизан» капитан 1 ранга Э. Н. Щенснович принял решение таранить противника, отвлечь на себя его огонь и тем самым дать возможность эскадре восстановить боевой порядок. Хотя «Ретвизану» не удалось нанести таранный удар, его маневр значительно облегчил положение остальных кораблей.

Оказавшись в довольно затруднительном положении, личный состав русской эскадры сражался стойко и храбро. «Офицеры и матросы мужественно выполняли свой долг», – записал в своем

дневнике Александр Васильевич. Однако их отвага и воинское мастерство не могли изменить исхода сражения. К 18 часам стало очевидно, что русская эскадра его проиграла.

Вступивший в командование эскадрой младший флагман контр-адмирал П. П. Ухтомский принял решение о возвращении в Порт-Артур. С наступлением темноты японские корабли прекратили артиллерийский огонь и направились в Корейский пролив. Против отходившей русской эскадры адмирал Того выслал миноносцы, которые из-за слабой подготовки к ночным действиям не смогли атаковать торпедами русские корабли. В Порт-Артур вернулось пять броненосцев, крейсер и четыре миноносца, в том числе «Сердитый», получивший незначительные повреждения. Остальные корабли, имея различные повреждения, зашли в нейтральные порты, где были интернированы. Лишь быстроходный крейсер «Новик», обойдя Японские острова со стороны Тихого океана, пытался прорваться во Владивосток. Однако у южного побережья острова Сахалин он встретил два японских крейсера. Вступив в ними в бой, «Новик» получил ряд пробоин. Он был затоплен своей командой у берегов Сахалина.

Доставка на шлюпках в порт моряков, погибших на «Петропавловске».

Таким образом, русская эскадра не выполнила поставленной перед ней задачи. Морское сражение не принесло, правда, ощутимой победы и японскому флоту. Корабли, вернувшиеся в Порт-Артур, стали использоваться для содействия сухопутным войскам в обороне крепости. Развернувшаяся к этому времени 3-я японская армия имела в своем составе три пехотные дивизии, две

резервные пехотные и одну артиллерийскую бригады. Она насчитывала 48 тысяч человек личного состава при 386 орудиях, из которых 198 были осадные (крупных калибров), и 72 пулемета.

Гарнизон крепости состоял из девяти стрелковых полков 4-й и 7-й Восточно-Сибирских дивизий, трех запасных пехотных батальонов, двух рот пограничной стражи, Квантунского флотского экипажа, сводной команды 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, нескольких отдельных рот и команд. Общая численность этих частей и подразделений составляла около 42 тысяч человек. Они имели 646 орудий, в том числе 350 крепостных, 62 пулемета. Кроме того, на рейде Порт-Артура находилась Тихоокеанская эскадра, насчитывавшая 38 боевых судов. Общая численность их команд составляла около 12 тысяч человек.

Глава 4. Защитник Порт-Артура

За полгода пребывания в Порт-Артуре Колчак стал свидетелем огромной работы, выполненной защитниками крепости, особенно в инженерном отношении, создании системы огня крепостной и корабельной артиллерии. Руководил всеми работами командир 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Р. И. Кондратенко, с 17 июля назначенный начальником сухопутной обороны крепости.

Роман Исидорович родился в 1857 году в Тбилиси, окончил военную гимназию в Полоцке, Николаевское инженерное училище и Академию Генерального штаба. Занимал ряд командно-штабных должностей. Командовал стрелковым полком в городе Сувалки, с 1903 года – 7-й Восточно-Сибирской стрелковой бригадой, в январе 1904 года развернутой в дивизию. Разносторонние знания общевойскового командира и военного инженера позволили ему решать вопросы профессионально грамотно, со знанием дела. По оценке современников, генерал-лейтенант (это звание он получил в сентябре 1904 года) Кондратенко отличался инициативой, целеустремленностью, мужеством. Он пользовался исключительным авторитетом в войсках.

Его ближайшим помощником был начальник артиллерии крепости генерал-майор В. Ф. Белый (с 1906 года генерал-лейтенант, с 1911 года – генерал от артиллерии). Василий Федорович происходил из кубанских казаков. Он родился в Екатеринодаре в 1854 году, начал службу в артиллерии Кубанского казачьего войска, в 1873 году был произведен в хорунжии. Отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, особенно при штурме Карса, затем служил в крепостной артиллерии Карса, Варшавы, Севастополя, с 1900 года командовал крепостной артиллерией Квантуна. Профессионально подготовленный военачальник, генерал Белый высоко оценивал моральные и боевые качества личного состава, с уважением относился к офицерам и солдатам, проявляя о них всестороннюю заботу. В подчинение его и поступил в конце августа лейтенант Колчак, получив в командование батарею 47– и 120-миллиметровых орудий в секторе Скалистых гор на северо-восточном участке обороны.

Помощником начальника сухопутной обороны Порт-Артура по инженерной части был инженер-подполковник (полковник – посмертно) С. А. Рашевский. Сергей Александрович родился в 1866 году, в 1886 году окончил Николаевское инженерное

училище, в 1890 году – Николаевскую инженерную академию. Занимал ряд командно-штабных должностей, проходя службу в Средней Азии, Варшавском военном округе, с 1902 года на Дальнем Востоке в должности отрядного инженера. С начала Русско-японской войны руководил фортификационными и минно-подземными работами на фортах Порт-Артура, с октября 1904 года начальник инженеров Восточного фронта крепости. Автор «Дневника», который он вел с первого дня войны до своей гибели 2 декабря 1904 года. Записи Рашевского, имеющие большую историческую ценность, свидетельствуют о высоком уровне подготовки этого офицера, его умении творчески организовать выполнение порученных работ. Наличие фотодокументов к «Дневнику» свидетельствует, насколько смело и в значительных масштабах использовал Сергей Александрович новую для того времени фототехнику при решении фортификационных задач.

Общая протяженность фронта обороны Порт-Артура составляла 29 км. Из них 9 км занимал приморский фронт, на котором к началу августа располагались 22 долговременные батареи для прикрытия стоявшей на внутреннем рейде эскадры, крепости и города от бомбардировок вражеского флота. Протяженность сухопутного фронта обороны составляла 20 км. Он представлял собой систему долговременных и полевых инженерных сооружений.

Основу обороны к началу боевых действий непосредственно за Порт-Артур составляли пять фортов, три долговременных укрепления и пять отдельных батарей. В промежутках между укреплениями были возведены стрелковые окопы, которые прикрывались проволочными заграждениями, на отдельных направлениях – фугасами. На одном из участков, где, кстати, размещалась батарея Колчака, были применены электризованные проволочные заграждения – «электрическая изгородь». Впереди линии фортов находились передовые позиции, располагавшиеся по высотам Дагушань, Сяогушань, Панлуншань, Высокая, Длинная и Угловая. Центр обороны прикрывали Кумерненский, Водопроводный и Скалистый редуты. В тылу главной линии наряду с Центральной оградой (Китайская стенка) находилось несколько десятков батарей крепостной артиллерии и отдельных орудий с круговым обстрелом. На всех фортах, долговременных укреплениях и некоторых батареях устанавливались прожектора.

Весь сухопутный участок обороны крепости был разбит на три фронта. Наиболее сильным являлся 8-километровый Восточный фронт, проходивший от берега бухты Дахэвань (Тахе) до реки Лунхэ. Его обороняли 16-й и 25-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. Начальником Восточного фронта обороны был

командир 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор В. Н. Горбатовский. Северный фронт (начальник – командир 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник В. Г. Семенов) протяженностью 5,3 км – от реки Лунхэ до горы Плоской – оборонялся 15-м и 26-м Восточно-Сибирскими стрелковыми полками. Полковнику В. Г. Семенову был непосредственно подчинен лейтенант Колчак. Менее укрепленным участком сухопутной обороны был Западный фронт, проходивший от горы Плоской до бухты Голубиной. Его возглавлял командир 4-й артиллерийской бригады полковник В. А. Ирман, оборонялся подразделениями 5-го, 27-го и 28-го Восточно-Сибирских стрелковых полков.

Общий резерв, которым командовал генерал А. В. Фок, состоял из 13-го и 14-го Восточно-Сибирских полков, а также нескольких отдельных частей и подразделений. Он располагался вблизи штаба крепости, который имел достаточно устойчивую телефонную связь с начальниками фронтов, штабами полков, фортами и отдельными укреплениями. Телефонная сеть оборудовалась на передовых позициях, выводилась на сигнальные посты. С некоторыми участками обороны штаб крепости имел даже радиосвязь. В системе обороны крепости были и существенные недостатки. Один из них – отсутствие глубины, позволявшей осуществлять маневр силами и средствами на угрожаемые направления. Фортификационные сооружения находились на небольшом расстоянии от города, что позволяло противнику вести обстрел жилых кварталов и порта. Слабое внимание было уделено маскировке. Возникали проблемы с боеприпасами и продовольствием, подвоз которых прекратился, а также с питьевой водой. Острая потребность ощущалась в линейных материалах – в телефонном и телеграфных кабелях. Трудно приходилось флоту, блокированному с моря.

Командующий войсками в Порт-Артуре генерал А. М. Стессель.

25 июля начались бомбардировка Порт-Артура и бои на флангах за отдельные полевые позиции, прикрывавшие подступы к долговременным укреплениям. Ко 2 августа ценой больших потерь японцам удалось захватить ряд высот (Дагушань, Сяогушань, Передовая, Боковая, Трехголовая), по которым проходила передовая линия обороны. На следующий день

японское командование предложило гарнизону Порт-Артура капитулировать. Предложение было отвергнуто.

6 августа начался первый штурм крепости, осуществляемый противником методом так называемой «ускоренной атаки» (без проведения осадных работ). Ему предшествовала бомбардировка всего сухопутного фронта обороны. Главный удар наносился на участке Восточного фронта, вспомогательный – на участке Западного фронта в районе горы Угловая.

Генерал-лейтенант К. Н. Смирнов, комендант крепости Порт-Артур.

Находясь на наблюдательном пункте, Александр Васильевич Колчак видел, как вслед за огнем артиллерии японская пехота густыми цепями устремилась в атаку. Как выяснилось позже, командующий 3-й японской армией генерал Ноги бросил в наступление все наличные силы, оставив в резерве лишь 4-ю бригаду. На правом фланге действовала 1-я дивизия, левее (в

районе Волчьих гор) – 9-я дивизия. Левый фланг армии составляла 11-я дивизия. С огромными потерями враг сумел выйти к проволочным заграждениям. Однако попытка приблизиться к фортам и редутам не увенчалась успехом. Неприятель был остановлен ружейно-пулеметным огнем. Интенсивную поддержку пехоте оказала артиллерия береговых батарей, а также кораблей, находившихся на внутреннем рейде.

В ожесточенных боях артиллеристы несли большие потери, но не теряли мужества. Особенно трудно пришлось батарее капитана П. И. Цветкова на высоте Угловой (4 км северо-западнее Порт-Артура). Во время бомбардировки противника она потеряла почти весь личный состав, оставшись, по сути, без прикрытия. Тем не менее командир батареи с оставшимися солдатами встретил ворвавшуюся на вершину горы японскую пехоту шрапнельным огнем в упор. Капитан Цветков был тяжело ранен. Батарея умолкла. Помощь своим товарищам срочно оказали артиллеристы Седловой горы, открыв беглый огонь из четырех 76-мм пушек прямой наводкой, а также укрепления № 4 под командованием штабс-капитана В. Н. Янушевского, который корректировал с этой высоты по телефону огонь девяти орудий.

Генерал В. Н. Горбатовский.

В первый день штурма особенно отличился 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, уже покрывший себя славой в бою при Цзиньчжоу. Он стойко оборонялся, отражая непрерывный натиск превосходящих сил противника. Командир полка полковник Н. А. Третьяков не раз лично водил солдат в штыковые контратаки. «5-й полк стоит, как скала», – доносил генерал Кондратенко, утром прибывший на высоту Угловая и возглавивший ее оборону.

При отражении штурма японских войск в районе Зеленых гор две роты моряков, воевавших на сухопутном фронте, попали в полуокружение, то есть оказались отрезанными от главных сил.

Двое суток они удерживали одну из высот, отбивая яростные атаки превосходящих сил противника. Когда кончились патроны, моряки начали обрушивать на голову врага камни. Но вскоре и камней не оказалось под рукой. Тогда портартурцы сбросили на японцев несколько старых громоздких пушек и через пробитую таким образом брешь в рядах атакующих вышли из окружения на соединение с главными силами оборонявшихся.

Генерал В. Ф. Белый.

В ночь на 8 августа японцы атаковали Куропаткинский люнет, первый и второй редуты. Как только у люнета появились неприятельские цепи, командир расположенной здесь батареи подпоручик Э. И. Дудоров и его артиллеристы открыли по ним

беглый огонь из четырех мортир шрапнелью, а затем картечью. Японцы несли потери, но, укрываясь в оврагах, сумели подойти к брустверу и атаковали люнет. Подпоручик Дудоров повел артиллеристов и стрелков в атаку. Тяжело раненный, с трудом передвигаясь, он вел людей за собой, пока не был сражен насмерть. Воодушевленные подвигом своего командира, защитники люнета смяли неприятеля, и лишь немногим из японских солдат удалось бежать. Овладеть люнетом противнику не удалось и на следующий день.

С большими потерями для врага закончились попытки захватить укрепления Большое Орлиное гнездо, Скалистый кряж, Заредутную батарею, Кумерненский редут. Устойчивости обороны крепости во многом способствовала хорошо организованная поддержка сухопутных войск тяжелой корабельной артиллерией, которая вела огонь по артиллерийским позициям и скоплениям вражеских войск согласно заявкам общевойсковых командиров. Батарея Колчака, например, выпустила по противнику более 120 снарядов, поразив до 70 процентов целей.

Полковник В. А. Ирман, начальник Западного сектора обороны Порт-Артура.

Третий и четвертый дни штурма существенно не изменили обстановку. Многочисленные атаки врага разбивались о стойкость защитников крепости. Тогда японский командующий решил перейти к ночным боевым действиям. Однако и они не дали ожидаемых результатов. Для русских войск стали типичными ночные контратаки. «К ночи наступила временная тишина, – писал С. А. Рашевский. – Какой ужасный вид имели укрепления, подвергшиеся огню больших орудий: орудия почти все уничтожены, бетон местами обвалился довольно крупными

глыбами… Батареи, наконец, замолкли, и это затишье, видимо, перед грозой. Так оно и было. Ночью контратаковали неприятеля. Редуты № 1 и 2 снова в наших руках».

Начальник артиллерии Порт-Артура генерал В. Н. Никитин.

Последняя попытка прорвать русскую оборону была предпринята японским командованием в ночь на 12 августа. Сосредоточив в направлении между вторым и третьим фортами четыре бригады, в том числе и 4-ю резервную, генерал Ноги около полуночи отдал приказ ударной группировке начать штурм. Используя внезапность и огромное численное

превосходство, неприятель сумел прорваться в районе между Заредутной батареей и Большим Орлиным гнездом. Он был остановлен контратакой подразделений 13-го, 14-го, 16-го и 27-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, поддерживаемых огнем артиллерии, в том числе батареи Колчака. Первая атака врага была отбита. Приведя свои войска в порядок, японское командование вновь начало штурм. Русская артиллерия в упор била по густым цепям японцев, которых освещали прожектора, пехота контратаковала их с обоих флангов и с тыла. Остатки частей врага в беспорядке отошли в исходное положение. Охваченных паникой японцев не смог остановить даже огонь своих войск, которые в темноте бежавших приняли за русских[2].

Многие защитники Порт-Артура проявили в этом бою беспредельную храбрость, инициативу, находчивость, воинское мастерство.

Так, в момент, когда японцы ворвались на Заредутную батарею, гарнизон которой, насчитывавший более 50 человек, почти полностью погиб, прапорщик И. Н. Зеленевский, собрав находившихся вблизи солдат 27-го Восточно-Сибирского полка (около 30 человек), контратаковал врага, штыками выбив его с батареи. Умело руководили подчиненными командиры рот капитаны Шабуров и Галицинский. Высокое личное мужество, распорядительность и организаторские способности проявил генерал Горбатовский, руководивший боем на этом участке фронта.

Генерал Р. И. Кондратенко

Генерал-адъютант Стессель направил Николаю II телеграмму следующего содержания: «Начиная с 6 августа неприятель беспрерывно штурмовал Северный и Восточный фронты крепости… Одновременно велась сильнейшая бомбардировка фортов и редутов, а также города и порта орудиями крупного калибра… Расход снарядов огромный. Убыль у нас громадная,

особенно в офицерском составе. Но бог нам помощник, и я имею счастье донести Вашему Императорскому Величеству, что все штурмы японцев храбростью войск Вашего Величества отбиты. Груды тел японцев тысячами трупов кольцом обогнули форты, батареи и укрепления… Назвать особенно отличившихся трудно. Все начальники и солдаты – герои. Много офицеров с двумя-тремя ранами на фронте… Но и среди достойных есть достойнейшие. Таковы генерал Кондратенко, полковник Ирман, генерал Смирнов, комендант крепости полковник Третьяков и полковник Семенов, начальник штаба вверенного мне корпуса полковник Рейс, подполковник Иолшин… Егермейстер Иван Петрович Балашов своей ревностью, знанием, при необыкновенном мужестве облегчает участь не одной сотне раненых»[3].

Капитан Л. И. Гобято, изобретатель миномета.

По оценке Н. А. Левицкого, общие потери японцев на 11 августа под Порт-Артуром достигли 20 000 человек, русских – 6000 человек. «Подталкиваемый общественным мнением японской военщины, – отмечает исследователь, – заинтересованный в скорейшем утверждении в Порт-Артуре, Ноги

не жалел жертв в борьбе за крепость».

Капитан И. М. Сычев, комендант горы «Высокая», где сражался А. В. Колчак.

Возникшую оперативную паузу использовали защитники крепости. Восстанавливались крепостные сооружения. «Сегодня, 12 августа, – отмечал начальник инженеров Восточного фронта обороны С. А. Рашевский, – комиссия осматривала бетонные постройки первого форта, батареи литера «Б» и третьего форта.

Впечатление такое, что бетон легко отбивается кусками значительных размеров от удара 6-дюймовых снарядов. От одного попадания на форт № 1 выпало, например, 18 куб. футов, однако, несмотря на это, ни один свод не пробит и казематы представляют вполне безопасные помещения… Наметили необходимые работы… В тот же день, осматривая Большое Орлиное гнездо, пришлось снова убедиться, насколько легкомысленно ставить орудия на открытой установке»[4].

Главной чертой оборонительных действий стала высокая огневая активность. Только крепостная артиллерия выпустила по противнику около 65 тысяч снарядов, причем до 40 процентов больших калибров. Одной из важнейших задач береговой артиллерии становится контрбатарейная борьба с осадной артиллерией противника. Учитывая это, в середине августа она разделяется на две группы. В первую вошли батареи левого фланга, а также броненосцы «Ретвизан» и «Севастополь». На нее возлагалась задача ведения борьбы с японской артиллерией, располагавшейся в северо-восточной части сухопутного фронта – от горы Дагушань до хребта Панлуньшань. Вторая группа, включавшая в себя батареи Тигрового полуострова, а также броненосцы «Пересвет», «Победа» и «Полтава», должна была подавлять осадную артиллерию противника в северо-западной части сухопутного фронта – от хребта Панлуньшань до побережья бухты Голубиная.

Морские орудия на боевой позиции в Порт-Артуре.

Привлекалась береговая артиллерия и для нанесения ударов по скоплению вражеских войск. Утром 20 августа, например, у деревни Шуйшин сосредоточилось до пехотной роты противника. Восемь береговых батарей, в том числе лейтенанта Колчака, метким огнем рассеяли группировку японцев. 7 сентября седьмая мортирная батарея, расположенная по соседству с батареей Колчака, обстреляла гору Мертвая голова, разрушила там все блиндажи, разбила пять пулеметов, уничтожила до взвода вражеских солдат.

В условиях взаимного сближения сторон на 70–100 метров ощущалась необходимость в орудии ближнего боя, способном поражать противника в траншеях, за укрытиями мощным снарядом с высокой точностью и обладавшем крутой траекторией. Существующие артиллерийские системы этого не обеспечивали. Лейтенант Н. Подгурский предложил использовать для этой цели морские мины для стрельбы с помощью морских метательных аппаратов.

Заманчивая идея была развита помощником начальника артиллерии крепости по технической части капитаном Л. Н. Гобято. Небезынтересна судьба этого человека, с которым Колчак познакомился в осажденной крепости.

Родился Леонид Николаевич в Таганроге в 1875 году в семье офицера. В 1896 году он закончил артиллерийское училище, а спустя пять лет – артиллерийскую академию. Занимал ряд командных должностей. В конце 1903 года был направлен на Дальний Восток. В бою под Цзиньчжоу, командуя артиллерийской батареей, впервые в боевой обстановке применил стрельбу с закрытых огневых позиций с помощью угломера. Летом 1904 года капитан Гобято назначается помощником начальника артиллерии крепости Порт-Артур по технической части. Тогда он и возглавил работы по созданию «минных мортир» (орудий для метания морских мин). Леонид Николаевич изобрел надкалиберную мину со стабилизатором, в качестве метательных аппаратов для которой, по предложению мичмана С. Н. Власьева, использовались стволы 47-мм морских орудий, установленные на колесных лафетах, или металлические трубы, крепившиеся к деревянным колодам. Так был создан первый в мире миномет.

Они появились у защитников Порт-Артура в середине августа, позволяя вести огонь по вражеским окопам, находившимся в непосредственной близости от оборонявшихся. Противник был ошеломлен, когда в его окопы, располагавшиеся в 250 метрах от русских, стали падать первые мины. Тогда же было налажено производство ручных гранат («бомбочек») из снарядных гильз от 37-мм и 47-мм орудий, получивших широкое

распространение среди стрелковых подразделений и артиллеристов.

Активизировались действия флота. Корабли русской эскадры стали чаще выходить в районы бухт Тахэ, Голубиная, Луиза, обстреливая оттуда японские войска и укрепления. Японские миноносцы не раз пытались атаковать русские корабли во время их выхода с внутреннего рейда и в момент развертывания на позициях. В этой обстановке береговая артиллерия прикрывала корабли, обеспечивала им безопасный выход и развертывание для боя. Эту же задачу она решала во время траления подступов к внешнему рейду. На береговую артиллерию возлагалась и защита оборонительных минных заграждений. Особенно часто береговые батареи вели огонь по вражеским миноносцам. Каждый день они виднелись на горизонте, а с наступлением сумерек пытались прорваться на внешний рейд, атаковать находившиеся там сторожевые корабли, обстрелять город и береговые батареи. Стрельба по миноносцам требовала большого количества снарядов. 17 августа, например, батарея Колчака израсходовала 26 снарядов, нанеся существенный ущерб одному из вражеских миноносцев. Стрельба велась на дистанции 6–7 миль. Следует подчеркнуть, что в августе и первой половине сентября ни одна атака японских миноносцев успеха не имела, что было результатом высокой боевой готовности береговых артиллеристов, в том числе дежурных батарей.

Матросы – защитники Порт-Артура у своего орудия.

С середины августа противник приступил к строительству

минных галерей с целью приблизиться и взорвать русские оборонительные сооружения. На подступах к Порт-Артуру создавался укрепленный район, состоявший из комплекса полевых и долговременных сооружений. Они прикрывались инженерными заграждениями, фугасами, минами. Начались работы по восстановлению железной дороги от Дальнего до станции Чанлинзы. Она перешивалась на узкую колею. Для срыва минных работ неприятеля защитники крепости начали постройку контрминных галерей. Для уничтожения вражеских окопов применялись начиненные пироксилином минные шары, которые скатывались по специальным деревянным желобам. Предпринимались контратаки, смелые вылазки. Команды охотников направлялись во вражеский тыл как для проведения разведки, так и диверсионных действий (подрыва складов, нарушения линий связи, разрушения железнодорожной ветки, подводимой противником к артиллерийским и пехотным позициям).

Церковь в Порт-Артуре.

К началу сентября японская осадная армия получила пополнение более 15 тысяч человек, а также 11-дюймовые (280-мм) гаубицы, снаряд которых весил 200 килограммов и мог разрушать самые мощные перекрытия крепостных сооружений[5]. Пополнились склады боеприпасов и продовольствия. Они были максимально приближены к передовым позициям. Активизировалась разведка, в том числе агентурная. Проведен

был ряд рекогносцировок на всех участках обороны русских. Очевидцем одной из них стал лейтенант Колчак, о чем он немедленно доложил по команде. Его инициативные действия были отмечены начальником оборонительного сектора полковником Семеновым. 6 сентября начался второй штурм Порт-Артура. Этот день для Колчака был памятен тем, что он получил письмо от Софьи, датированное, кстати, 12 апреля. Оно было трогательным и тревожным за судьбу Александра. Штурму предшествовала многочасовая артиллерийская подготовка. Главные удары противник наносил по северному участку обороны в направлении Кумирненского и Водопроводного редутов (их гарнизоны состояли из пехотной роты, усиленной минометами и пулеметами), а также против северо-западного участка в направлении гор Длинная и Высокая. Захват горы Высокая, господствовавшей над городом и портом, открывал возможность японцам вести прицельный огонь по жилым кварталам и по стоявшей на рейде порт-артурской эскадре. В районе горы Высокая, комендантом которой был капитан И. М. Сычев, и развернулись основные бои. Ее обороняли три роты 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и рота моряков. Они имели семь орудий и четыре пулемета. К началу штурма гора была достаточно хорошо укреплена. Все ее скаты опоясывали сплошные линии окопов, на вершине подготовлены огневые позиции батарей. Оборонявшимся противостояло до двух полков пехоты при 88 орудиях.

Весь день 6 сентября кипел бой, не раз переходивший в рукопашные схватки. На рассвете следующего дня вновь начался артиллерийский обстрел гор Высокой и Длинной. Русские артиллеристы по команде начальника артиллерии Западного сектора полковника Н. А. Романовского за ночь подготовили сосредоточенный огонь всех батарей, они вступили в артиллерийскую дуэль. Все атаки противника были отбиты с большими для него потерями. Занимаемые позиции у горы Высокой продолжали удерживаться защитниками крепости.

Японцы в захваченной траншее.

9 сентября японское командование в сражение за гору Высокая ввело резерв в составе трех пехотных батальонов, усиленных артиллерией и саперами. С рассвета противник сосредоточил свои свежие силы для нанесения удара по подразделениям русских, оборонявших высоту. Неожиданно для врага огневые позиции заняла у подножия русская батарея. По приказу ее командира штабс-капитана В. Л. Ясенского она открыла огонь шрапнелью во фланг изготовившегося для атаки противника, нанеся ему огромный урон. Японские солдаты в панике бросились бежать, попав под огонь пятого форта. Интенсивный огонь открыла береговая артиллерия – только одна батарея Колчака выпустила в этот день по неприятелю 405 снарядов. «Находясь под орудийным и ружейным огнем русских с фронта и с флангов, осыпаемая градом бомбочек, колонна была почти полностью уничтожена», – доносил командир одного из полков в штаб дивизии.

Таким образом, все атаки японцев на гору Высокая, а вместе с тем и второй штурм Порт-Артура были отбиты. В ходе его противнику удалось овладеть лишь двумя редутами (Водопроводным и Кумерненским), а также горой Длинная. Решить же главную задачу он так и не смог, хотя и потерял более шести тысяч человек.

15 сентября в 16 часов открылось заседание Совета обороны крепости Порт-Артур, подводившее итоги деятельности войск во время второго штурма. Как свидетельствует протокол заседания, на нем присутствовали: комендант крепости генерал-лейтенант

Смирнов, командир 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко, командир квантунской крепостной артиллерии генерал-майор Белый, командир 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Горбатовский, и. д. начальника штаба укрепленного района полковник Рейс, и. д. начальника инженеров крепости полковник Григоренко, и. д. начальника штаба крепости подполковник Хвостов.

«На основании всего изложенного члены Совета пришли к следующим выводам:

а) Выход контрапрошами из второго форта в настоящее время невозможен. Контрминные галереи следует продолжать хотя бы для вывода слуховых окон к стороне противника.

б) Необходимо для обороны фортов применять в самых широких размерах фугасы и мины.

в) Вылазки в крупных масштабах недопустимы. Мелкими же подразделениями и охотниками вылазки должны вестись непрерывно и в самых широких размерах.

г) Артиллерийский огонь из крупных калибров должен быть весьма ограничен. Из мелких орудий (до полевого калибра включительно) огонь необходимо вести более интенсивно и, сколько возможно, мешать тем производству осадных работ противника».

Итак, во второй половине сентября и в начале октября противник развернул широким фронтом инженерные работы. Медленно и упорно враг подкапывался к сооружениям русских, в первую очередь к фортам. Борьба японцев принимала все больше черты, характерные для ведения боевых действий в условиях укрепленного района.

Защитники Порт-Артура противопоставили противнику свои способы борьбы. Это были тактические приемы, найденные российскими солдатами еще в дни обороны Севастополя в 1854–1856 годах. Тогда важным средством борьбы с осаждавшими была максимальная активность обороны. Под Порт-Артуром этот подход к обороне крепости получил свое дальнейшее развитие. Защитники крепости проводили частые вылазки, срывали инженерные работы врага, подрывали его минные галереи, организовывали поиски и засады. Проводились вылазки и в ночное время. Для облегчения их действий и организации эффективной поддержки артиллерией широко применялись ручные светящиеся ракеты, созданные в мастерских крепости.

Развалины фортов Порт-Артура.

По решению Совета обороны в двадцатых числах сентября были проведены организационные мероприятия. Для улучшения системы управления войсками сухопутный фронт разделился на Восточный, Северный и Западный. Усиливался общий резерв. Тактические плотности войск составили: по пехоте – на Восточном фронте 1500 человек на километр, на Северном и Западном – около 500 человек, по артиллерии – до 20 орудий на километр на всех трех фронтах. Теперь батарея, которой командовал лейтенант Колчак, находилась в Северном фронте обороны. Она составляла резерв командующего.

Несмотря на все меры, направленные на экономию снарядов, запасы их быстро иссякали. Поэтому уже во второй половине сентября сосредоточенная стрельба проводилась лишь в исключительных случаях по особо важным целям: по дальнобойным осадным батареям, обстреливавшим город и корабли, и по штурмующим войскам. Огонь русских береговых батарей по наземным целям отличался высокой точностью и причинял противнику большие потери в личном составе и технике. «Нередко один удачно попавший снаряд, – писал участник обороны В. Соломонов, – выводил из строя десятки людей, а на батареях производил большие разрушения».

Третий штурм Порт-Артура начался 17 октября. Ему предшествовал трехдневный артиллерийский обстрел крепости, города и кораблей, стоявших на внутреннем рейде. Массированный обстрел производился в том числе и 11-

дюймовыми гаубицами, обладавшими большой разрушительной силой. Положение усугублялось тем, что долговременные укрепления Порт-Артура были рассчитаны на снаряды не выше 6-дюймового калибра. Несколько снарядов разорвалось на огневых позициях орудий батареи Колчака. Из строя вышли три 47-мм пушки, погибли три солдата, семь человек получили ранения.

Главный удар враг наносил силами трех пехотных дивизий на центральном фронте обороны в полосе протяженностью в два километра. Основные усилия были направлены против второго и третьего фортов. «Противник, – доносил генерал Стессель императору, – огнем 11-дюймовых бомб уничтожил все закрытия, бетоны и траншеи на атакованном фронте… и под прикрытием непроницаемой пелены удушливого лидитного дыма полез на приступ. Его колонны взобрались на укрепление № 3, форты второй и третий, Куропаткинский люнет, временное укрепление № 2 и поставили уже свои флаги, но ударом в штыки резервы и доблестные стрелки повсеместно опрокинули врага, очистили от него все форты и батареи… масса тел его осталась на поле боя». 12-й японский полк, наступавший на батарею литера «Б», попав в огневой мешок, был почти полностью уничтожен.

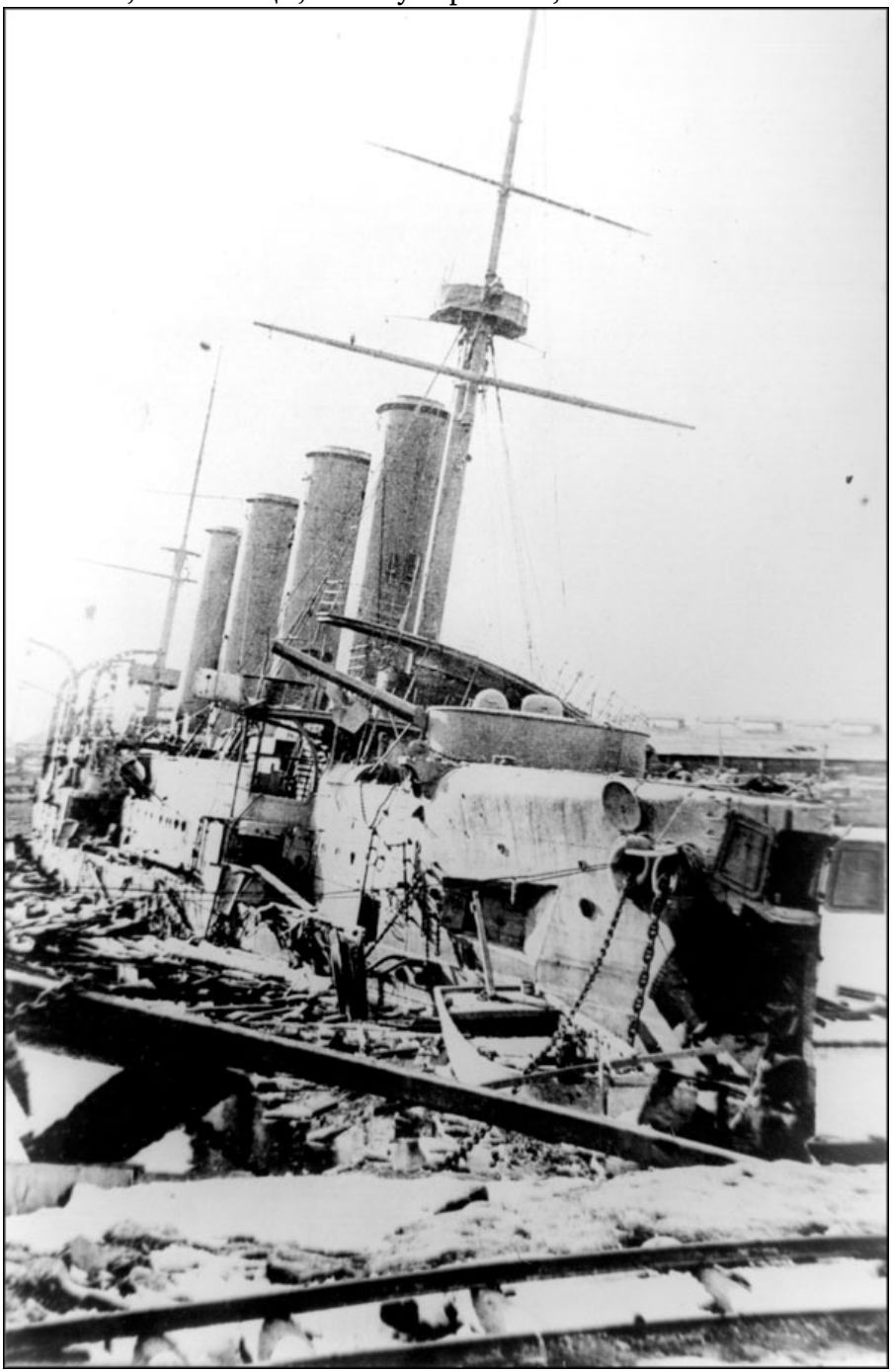
«18 октября, – отмечалось в донесении, – противник два раза бросался на штурм почти уничтоженного второго форта (в 4 часа дня и в 9 часов), но оба раза был выбит штыками и пироксилиновыми шашками. Убито офицеров восемь, ранено: генерал один, офицеров – 46, нижних чинов – 2010 …Гарнизон сильно уменьшился, полки остаются в составе немного более батальона. Дух войск геройский». В течение последующих двух дней штурм также был отбит. Японцы сумели овладеть лишь несколькими второстепенными укреплениями.

Броненосец «Победа» и крейсер «Паллада» после потопления их огнем японской артиллерии на рейде Порт-Артура 24.11.1904 г.

В ноябре положение гарнизона крепости стало еще более сложным. Потери в личном составе и вооружении не восполнялись, в то время как противник получил пополнение: из Японии прибыла еще одна пехотная дивизия, три роты саперов, значительное количество осадных орудий. «Японцы не пропускают ни одной шаланды, – писал начальник Квантунского укрепленного района, – стрельба по крепости и порту идет беспрерывно, причиняя большие разрушения и пожары. Японцы начали снаряжать бомбы лидитом, отравляющим людей… С нетерпением ждем выручки. Медицинский персонал работает выше всякой похвалы, наши славные хирурги под руководством Гюббинента совершают чудеса. Потери японцев очень велики. Китайцы определяют их от семи до десяти тысяч».

После неудачного третьего штурма крепости японское командование вернулось к методам постепенной атаки, в широком масштабе прибегнув к подземно-минным работам для сближения с русскими укреплениями. В течение почти месяца японские саперы вели минные галереи к фортам второму и третьему, чтобы взорвать их. И снова, как прежде, смелыми и активными действиями защитники крепости срывали намерения противника. Русские саперы разрушали вражеские галереи, разведывательные группы делали вылазки, захватывая окопы неприятеля, откуда велись инженерные работы. Большой эффект давало применение метательных минных аппаратов.

Выпускаемые с их помощью мины значительной разрушительной силы мешали японцам проводить подкопы. 27 октября, например, по подземным траншеям врага в районе горы Высокой было произведено шесть выстрелов минами. Взрывы были настолько сильными, что японцы, покинув траншеи, в панике бежали.



Крейсер «Баян», после подрыва его экипажем 20.12.1904 г.

4 ноября 1904 года Александр Васильевич Колчак отметил свое 30-летие. Радости особой не было, с днем рождения поздравили офицеры соседних батарей, сослуживцы с оставшихся в строю кораблей «Полтава», «Ретвизан», «Пересвет» и др. Внимание проявил начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант Стессель, приславший вестового с приветствием и памятным подарком. С некоторым опозданием пришли письма от отца, Софьи и Кати.

Прошло более недели.

С рассвета 13 ноября начался четвертый штурм Порт-Артура. Численность японских войск, выделенных для него, составляла около 50 тысяч человек (более трех вражеских дивизий). Удар наносился на участке второго и третьего фортов. Здесь оборонялось до 60 рот ослабленного состава общей численностью 5717 человек. После четырехчасового массированного артиллерийского обстрела позиций русских войск противник перешел в атаку. Ружейно-пулеметным огнем и ручными гранатами штурмующие цепи неприятеля были остановлены. Когда 19-й японский полк все же ворвался на бруствер третьего форта, он был встречен ружейными залпами гарнизона и кинжальным огнем двух пулеметов. Штыковой контратакой противник был отброшен в ров.

С наступлением темноты враг ввел в бой особый отряд, прошедший специальную подготовку, численностью 2600 человек. Ему была поставлена задача в ходе ночной атаки овладеть Курганной батареей и выйти в тыл фортам. Бесшумно поднявшись в ночной темноте по скатам высоты, японцы в 20 часов 30 минут внезапно для защитников ворвались на батарею, которую обороняли четыре роты 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и рота моряков. Здесь же находилось 16 орудий. Гарнизон батареи оказал врагу упорное сопротивление. В ожесточенном рукопашном бою противник понес существенные потери. Закрепиться ему на батарее не удалось. Находившийся в соседних окопах отряд моряков в составе трех рот был поднят его командиром лейтенантом Б. В. Мисниковым, однокурсником Колчака по Морскому корпусу, в контратаку. Разумная инициатива решила исход боя. Ударом во фланг моряки восстановили положение.

Русская эскадра, взорванная и затопленная экипажами на рейде Порт-Артура 20.12.1904 г.

На следующий день командующий 3-й японской армией перенес направление главного удара. Он наносился по гарнизону горы Высокой, насчитывавшей до пяти рот личного состава из 5-го, 14-го и 15-го Восточно-Сибирских стрелковых полков с 12 орудиями. Для штурма горы генерал М. Ноги сосредоточил 1-ю пехотную дивизию, усиленную рядом специальных подразделений. В полдень на гору Высокая обрушился шквал артиллерийского огня, в том числе из 11-дюймовых орудий (было выпущено более 800 снарядов этих калибров). При поддержке артиллерии враг устремился в атаку. Ее успешно отбили защитники Порт-Артура. Как отмечали очевидцы, все склоны горы оказались заваленными вражескими трупами. Атаки повторялись. Все они были безуспешны. Спустя сутки японское командование вынуждено было вывести 1-ю пехотную дивизию на переформирование. Ее место заняла 7-я пехотная дивизия, недавно прибывшая из Японии.

Общий вид Порт-Артура и затопленных на рейде кораблей на момент капитуляции его гарнизона.

В течение последующих семи суток противник продолжал делать попытки захватить гору Высокая. Оборону этого опорного пункта возглавил генерал Кондратенко. Задействована была значительная часть резервов. Снимались подразделения с других участков обороны и вводились в бой с неприятелем, силы которого постоянно увеличивались. Личный состав оборонявшихся проявлял массовый героизм, высокое воинское мастерство.

Бои за гору Высокая стали кульминацией четвертого штурма, наиболее ожесточенного, продолжительного и кровопролитного из всех, какие пришлось выдержать защитникам Порт-Артура. При обороне этого опорного пункта русские потеряли около пяти тысяч человек, японцы – более десяти тысяч. Развить успех обескровленная японская армия не смогла и с захватом горы прекратила атаки. Оборудовав там наблюдательный пункт, противник начал прицельным огнем артиллерии расстреливать стоявшую на внутреннем рейде Порт-Артура русскую эскадру[6].

25 ноября состоялось очередное заседание Совета обороны Порт-Артура. Оно началось, как свидетельствует протокол, в 5 часов дня, закончилось в 7 часов 30 минут вечера. На заседании присутствовали: комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Фок, начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко, начальник артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-майор Никитин,

командир квантунской крепостной артиллерии генерал-майор Белый, командир 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Горбатовский, и. д. начальника инженеров крепости полковник Григоренко, и. д. начальника штаба крепости подполковник Хвостов, и. д. начальника штаба укрепленного района полковник Рейс.

Пленные портартурцы.

Заседание Совета обороны было собрано по предложению начальника Квантунского укрепленного района «для обсуждения некоторых вопросов относительно дальнейшей обороны крепости в зависимости от изменившейся обстановки». «Комендантом крепости были предложены Совету для обсуждения следующие вопросы:

а) о способе обороны оставшихся еще за нами передовых пунктов, главным образом Лаотешаня и позиции на Голубиной бухте;

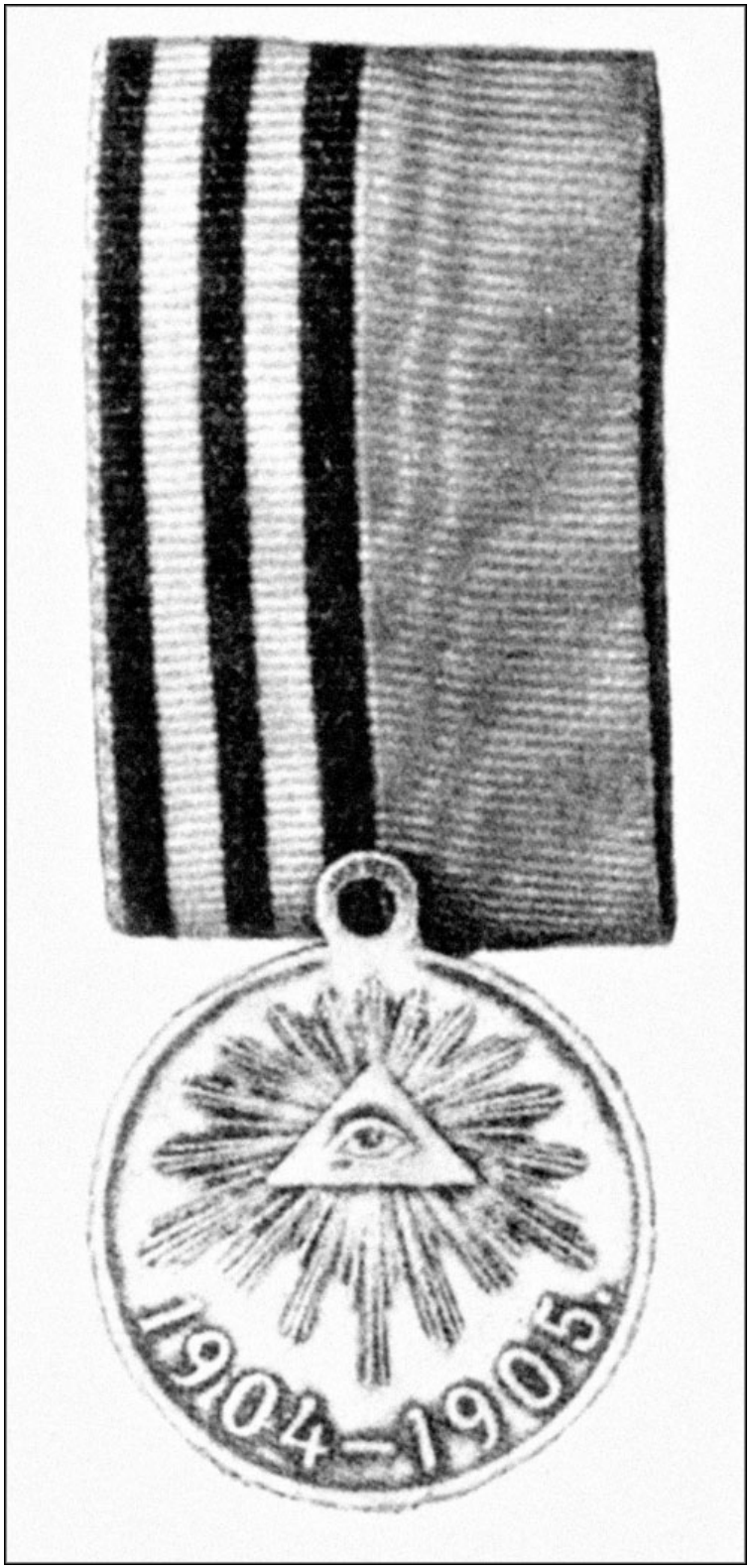
б) о необходимости образования общего резерва, полностью израсходованного в дни последних штурмов, но крайне необходимого как единственного средства парировать случайности».

Членами Совета был поднят вопрос о необходимости, ввиду растущей заболеваемости среди нижних чинов и наступающих холодов, увеличения суточной дачи всем нижним чинам

гарнизона. Решено было выдавать на человека ежедневно по половине чарки водки, одной четверти фунта конины и половине фунта сухарей (из полковых запасов) сверх положенной дачи хлеба. В конце заседания начальником штаба укрепленного района полковником В. А. Рейсом по поручению начальника укрепленного района предложен был на обсуждение Совета вопрос о пределе, до которого следует оборонять крепость, то есть когда надлежит сдать крепость, чтобы предотвратить резню внутри города, бесполезное истребление войск и жителей. Большинство членов Совета высказало мнение, что обсуждение вопроса о времени сдачи крепости преждевременно».

Защитники крепости – солдаты и сошедшие с кораблей матросы, офицеры сухопутных войск и военно-морского флота – были полны решимости сражаться с врагом. В их руках оставались все форты и главные укрепления крепости, береговая и корабельная артиллерия. На рейде находились корабли порт-артурской эскадры. Правда, 2 (15) декабря их постигла невосполнимая утрата – погиб генерал Р. И. Кондратенко. Очевидцы так описывают это печальное событие:

«В семь часов Кондратенко простился с комендантом и выехал на передовые позиции. После недолгого пути он добрался до офицерского блиндажа одного из боевых участков… Отдохнув в блиндаже, Кондратенко пригласил командира участка отправиться на второй форт, чтобы там на месте, смотря по обстановке, принять нужные меры для дальнейшей защиты этого одного из главных для крепости фортов. Путь к нему был длинен и небезопасен. Ходы сообщения были неглубоки, мало защищали от пуль и осколков. У форта прибывших встретил комендант поручик Фролов, умный и храбрый офицер, прозванный солдатами Суворовым.


1904–1905.

Медаль участнику Русско-японской войны.

Кондратенко и сопровождавшие его лица прошли в бетонный каземат, где жили офицеры. Началось совещание. Генерал расспрашивал защитников форта о боях за последние два дня, затем пригласил фельдфебеля, моряка с броненосца «Пересвет», который накануне с группой охотников, как ему донесли, произвел вылазку в неприятельскую сапу и, разрушив ее, обратил врагов в бегство. Когда фельдфебель прибыл, Кондратенко расцеловал героя и прицепил на грудь моряка боевой орден… После окончания доклада руководителя саперных работ Кондратенко заявил, что он хочет осмотреть состояние форта. Он и полковник-инженер Рашевский вышли и стали внимательно осматривать укрепления, а также подступы к форту. В это время очередной японский одиннадцатидюймовый снаряд разорвался слева от форта. Затем японцы открыли ружейный и пулеметный огонь. Прожекторный луч с Курганной батареи на мгновение осветил форт и исчез. Стало темнее, в отдалении захлопали взрывы. К небу понеслись ракеты.

Крест «Защитнику Порт-Артура».

Кондратенко вернулся в блиндаж. Шел десятый час. Среди наступившей на какой-то миг тишины послышался приближавшийся шум очередного вражеского снаряда. Кондратенко в это время работал с картой. Секунда, другая, удар – и потрясающий взрыв. Все смешалось: пыль, дым, грохот падающих камней, треск взрывающихся бомбочек, серо-бурые газы взрыва, запах крови. В углу, где только что за столом сидели Кондратенко, Рашевский, другие офицеры, только синеватое пламя перебегало зигзагами по груде трупов, заваленных обломками. Под грудами бетона, кирпича, балок, мусора и земли погиб Роман Исидорович Кондратенко».

«Третьего дня, – записал в дневнике Колчак, – нас постигло большое несчастье – 11-дюймовый снаряд влетел в каземат форта № 2 в офицерское отделение… В числе убитых – генерал Кондратенко… Его потеря незаменима. Это был самый выдающийся защитник Артура». «Не думаю, чтобы крепость была

сдана, если бы генерал Кондратенко не был убит, – писал английский корреспондент Норригаард. – Совместно с инженером-полковником Рашевским он составил план обороны, неутомимо работал днем и ночью над совершенствованием сооружений и улучшением укреплений. Вечно жизнерадостный, он постоянно бывал на позициях, где шел бой, руководя солдатами и ободряя их, разделял с ними тяжелые лишения, всегда готовый прийти на помощь и умело помешать наступлению японцев… Благодаря сильной воле, широким познаниям и большой личной храбрости он стал душой всей обороны»[7].

Назначенный начальником сухопутной обороны крепости генерал Фок проявил нерешительность и преступную нераспорядительность, что стало одной из основных причин падения 5 декабря второго, а 14 декабря третьего фортов. Обстановка резко ухудшилась. 16 декабря состоялось расширенное заседание Совета обороны. 19 присутствовавших на нем военных руководителей твердо заявили о продолжении активной обороны. Против продолжения обороны высказался полковник В. А. Рейс. Косвенно его позицию поддержали генералы Фок и Стессель. В этот день лейтенант Колчак сделал в дневнике следующую запись: «У нас много заболеваний цингой среди команды… не менее 30 процентов. Люди постоянно простужаются, не имея теплого обмундирования»[8].

19 декабря после ожесточенного боя, продолжавшегося более девяти часов, японцы овладели Большим Орлиным гнездом. В итоге защитники Порт-Артура потеряли ряд ключевых укреплений. К тому же после падения Большого Орлиного гнезда генерал Фок приказал оставить еще державшиеся укрепления Восточного фронта. Тогда же он направил генералу Стесселю доклад с выводом о невозможности дальнейшего удержания общего фронта обороны. Начальник Квантунского укрепленного района, проявив малодушие, немедленно направил в штаб японской армии своего парламентера. Вечером следующего дня полковник Рейс по поручению генерала Стесселя[9] подписал акт о капитуляции. Тогда же по войскам укрепленного района был отдан последний приказ.

Перед сдачей крепости на рейде были затоплены эскадренный броненосец «Севастополь», крейсера «Разбойник» и «Джигит». Погибли к этому времени от вражеской бомбардировки четыре эскадренных броненосца, три крейсера, ряд других судов. 19 декабря прорвались в нейтральные воды шесть эсминцев и миноносцев, не пожелавших сдаться врагу. Они были разоружены в нейтральных портах. Среди них был и миноносец «Статный»,

вывезший боевые знамена порт-артурских полков, архивы и другие наиболее важные документы, вошедший утром следующего дня в китайский порт Чифу. «Редко кое-где слышны отдельные ружейные выстрелы или отдельные удары взрывов, – сделал 20 декабря очередную запись в дневнике Александр Васильевич Колчак. – Порт и город скрылись в густом тумане и дыме горящих судов. Получено вторичное приказание ни под каким видом не открывать первыми огня – очевидно, японцы получили такое же приказание… После полудня стоит мертвая тишина – первый раз за время осады Артура. Вскоре показался перед входом во внутренний рейд «Севастополь». Он стал тонуть, через пять минут исчез под водой. Суда взорвали… Вечером нас известили, что крепость сдалась. Мы получили приказание ничего более не взрывать и не портить… Флот не существует – все уничтожено, вход в гавань прегражден затопленными мелкими судами, кранами и землечерпальными машинами».

Японцы взяли в плен свыше 30 000 русских солдат и офицеров. Им было передано 530 орудий, 35 000 винтовок, оставшиеся в крепости боеприпасы и запасы продовольствия. 329 дней гарнизон Порт-Артура мужественно отражал удары многократно превосходящих сил противника. Проявив непоколебимую стойкость, воинское мастерство, защитники крепости почти на 11 месяцев сковали под ее стенами крупную группировку вражеских войск, насчитывавшую до 200 тысяч человек, а также основные силы японского флота, тем самым оказывая большое влияние на общий ход боевых действий в Маньчжурии. В боях за Порт-Артур неприятель потерял безвозвратно свыше 110 тысяч человек, 15 боевых кораблей. Потери русских войск убитыми и ранеными исчислялись в 27 тысяч солдат и офицеров.

Еще в ноябре у Колчака обострились проявившиеся несколько ранее боли в суставах – явное последствие вынужденных купаний в ледяной воде во время последнего санно-шлюпочного перехода. Воспользовавшись окончанием военных действий в Порт-Артуре, он лег в госпиталь. Японцы, однако, подняли его с постели и вместе с другими защитниками отправили сначала в Дальний, затем в лагерь для военнопленных в Нагасаки. Там японское командование предложило больным и раненым пленным пользоваться лечебными учреждениями Японии или же через Соединенные Штаты Америки возвратиться на родину. Александр Васильевич избрал второй вариант. Его мужественные действия во время Русско-японской войны были отмечены не только орденом Св. Анны 4-й степени, но и орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, а также золотой саблей с надписью «За

храбрость». В 1906 году Колчак получил серебряную медаль «Памяти русско-японской войны», а в 1914 году – нагрудный знак «Защитник Порт-Артура».

Глава 5. На благо флота российского

4 июня 1905 года в Петербург из японского плена возвратилась очередная партия раненых и больных русских офицеров, проделавших далекий путь от Нагасаки через Тихий океан, Канаду, Атлантический океан и Балтийское море. Поскольку пароходное сообщение между японскими и дальневосточными портами России из-за продолжавшейся Русско-японской войны было прервано, прямая дорога через Сибирь стала невозможна. Полуторамесячное путешествие измотало страдающих от ран и разных недугов армейских и морских офицеров. Одни из них, не выдержав тяжелого пути, нашли могилу в пучине океана, другие, благополучно добравшись до родной земли, обрели приют в госпиталях и богадельнях.

Возвратился из Нагасаки и больной лейтенант Александр Васильевич Колчак. Первые дни он находился дома, в небольшой квартире, снятой Софьей Федоровной на Петроградской стороне, на Большой Зелениной, 3. За несколько суток пребывания в домашней обстановке, благодаря заботам жены, вниманию отца и сестры, изнуренный болезнью моряк отдохнул душой и телом, почувствовал себя намного бодрее. Однако боль в суставах не давала ему покоя, и он, следуя заключению японской медицинской комиссии, решил продолжить лечение в стационаре. Врачи морского госпиталя определили у больного обостренную форму суставного ревматизма. Лечащий врач выразил также опасение в связи с обострением раны, полученной в Порт-Артуре.

– Конечно, мы вас подлечим. Желательно, однако, чтобы вы поехали на воды, на юг, погрелись на солнышке, хорошо отдохнули, набрались сил, – завершил он свою первую беседу с больным.

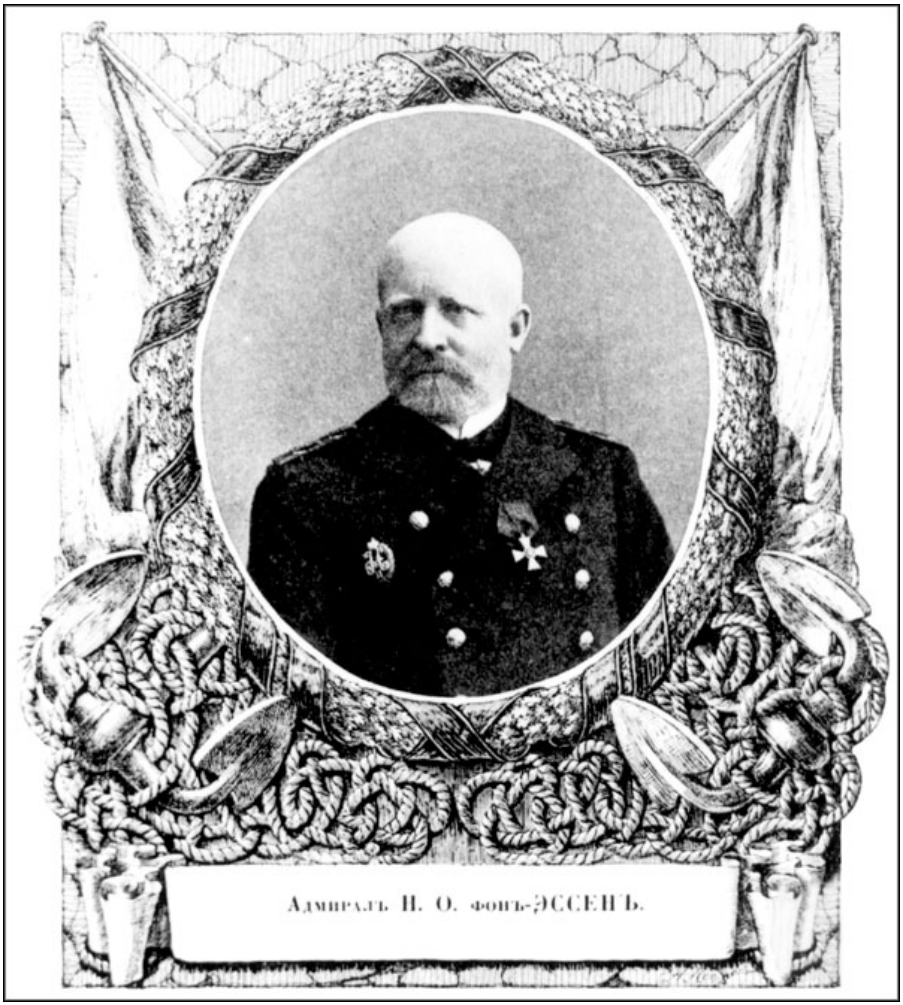
Колчак не впервые попадал на госпитальную койку. Утешением в таких случаях всегда служили книги, а теперь, к счастью, и свидания с женой и с родными. Вскоре его навестил и коллега по полярной экспедиции барона Толля зоолог Александр Александрович Бялыницкий-Бируля. Он передал больному другу привет и добрые пожелания от академика Феодосия Николаевича Чернышева, в записке которого выражалась надежда, что «уважаемый Александр Васильевич по выздоровлении до конца выполнит свои обязательства перед Академией наук и завершит обработку собственных экспедиционных материалов». Колчак и сам понимал необходимость этого, горя желанием продолжать работу над своей «ледовой» монографией.

С того дня развлекательное чтение сменилось штудированием близкой к теме русской и иностранной литературы, которую приносила супруга по составленному им списку. Из прочитанных книг Колчак извлекал сведения о прошлых ледовых наблюдениях, проведенных в арктических морях до экспедиции барона Толля соотечественниками и иностранцами. Он начал набрасывать карту льдов в Карском море и к востоку от него. Такое занятие было, пожалуй, единственно доступным в госпитальных условиях. Творческую работу больного лейтенанта прерывали неизбежные врачебные осмотры и лечебные процедуры, спонтанные подскоки температуры, а порой и вспыхивающие в палате жаркие дискуссии на различные, больше политические темы. Поводом для последней послужило сообщение о восстании матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический».

За дни пребывания в госпитале Александр впервые испытал и радость, и муки творчества, доводящие порой до головной боли. Утомленный, но удовлетворенный успешным началом, он в таких случаях откладывал в сторону книги и рукопись и давал себе отдых. Но возбужденный мозг продолжал работать. Мысли от рукописи перескакивали на житейские дела. Туманным Колчаку представлялось будущее. Особенно заботила болезнь. Если, не дай бог, ему суждено остаться инвалидом, то наперед он уже решил стать ученым, к сожалению, кабинетным. Другое дело прошлое. Там все ясно и свежо в памяти. Осмысливая его, Колчак имел основание сделать вывод, что прошедшие годы прожил не зря. От этого он получал заряд бодрости.

Политикой Александр Васильевич интересовался крайне мало и имел о ней весьма смутное представление. Чувства патриота, переживающего за судьбу отечества и обиженного его военными неудачами, заменяли всякие научные подходы в области его политологии. Примерно такие же настроения были и у большинства других армейских и флотских офицеров, прошедших огонь Русско-японской войны. Их разделяли и ветераны старших поколений.

О взглядах, сложившихся в семье Колчака на политическую обстановку в стране того времени, в определенной степени свидетельствует разговор Александра с отцом, произошедший вскоре после возвращения его из плена.



Адмирал Н. О. Эссен, командующий Балтийским флотом.

– У меня, папа, в девятьсот третьем году, во время последней экспедиции, произошел любопытный разговор с одним политическим ссыльным по фамилии Бруснев, одним из моих помощников по поискам барона Толля. У Бруснева я дважды гостил в Новой Сибири. Он оказался образованным, интеллигентным и интересным человеком, окончившим Петербургский технологический институт. Еще в студенческие годы активно участвовал в политических беспорядках и был одним из первых воспринимателей марксизма в России. Узнав, что я родился и вырос на Обуховском заводе, он засмеялся и сказал: «Под моим руководством в Петербурге действовало до двадцати рабочих революционных кружков и один из крупнейших – на вашем заводе. Там остались мои лучшие ученики – пропагандисты марксизма, которые и сейчас продолжают вести

революционную работу».

– Вот такие умники, – промолвил раздраженно Василий Иванович, – и мутят рабочие массы. И чего ему самому-то не хватало? Человек с образованием мог бы принести пользу себе и отечеству. Так не жилось, как всем порядочным людям, надо было баламутить народ. Теперь вот сам скитается, как бродяга, – ни кола, ни двора…

– Если антиправительственные идеи зреют в кругу интеллигентных людей и они подхватываются массами простых рабочих, значит, что-то в стране не так, – задумчиво произнес Александр. – Война с Японией это наглядно доказала. Нужно отказываться от пустых разговоров, крепить государственную власть, флот, армию, развивать промышленность, сельское хозяйство. В стране-победительнице народ не выходит на баррикады…

Примечательно, что в январе 1920 года на допросе в Иркутске на предложение следователей дать оценку событиям в России в 1905 году, Александр Васильевич заявил: «Революционную вспышку я приписываю исключительно народному негодованию, оскорбленному национальному чувству за проигранную войну». На вопрос же, не возникали ли у него сомнения в отношении политического строя, царской династии, личности императора, он дал отрицательный ответ.

После обследования и короткого лечения в петербургском морском госпитале медицинская комиссия вынесла заключение о переводе лейтенанта Колчака на временную инвалидность. Приказом по морскому ведомству от 24 июня 1905 года он с 27 июня был «уволен для лечения в шестимесячный отпуск внутри Империи». Рекомендовалось водолечение на бальнеологических курортах. Перед отъездом из Петербурга Александр и Софья Колчак вместе с отцом посетили могилу матери и жены на Успенском кладбище. Помянули усопшую в старой отцовской квартире в Петровском переулке. Катя приготовила подобающий случаю семейный ужин, на который пришла и разросшаяся семья Крыжановских (у них появился на свет еще сын).

После общей застольной беседы отец и сын удалились в кабинет, который теперь служил хозяину одновременно и спальней. Александр прошел к любимому старинному книжному шкафу. Большинство книг он прочитал за годы учебы в гимназии и Морском корпусе. Но здесь появились еще две новые, отцовские книги. Первую – «Историю Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники» издания 1903 года – Александр только перелистал и положил на место. Заинтересовала его другая книга: «В. Колчак. Война и плен». На

титульном листе под заголовком было напечатано: «1853–1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом». И еще ниже: «С.-Петербург, 1904».

– Молодец, отец, работаешь ты здорово. Завидую тебе, твоей устремленности…

Через несколько дней молодая чета покинула столицу. Четыре месяца Александр Васильевич с Софьей Федоровной провели на южном курорте. Больной принимал предписанные ему целебные ванны, выполнял другие врачебные назначения. Контроль Сони был жесткий. Успешный курс лечения, полнейший отдых, душевный покой и заботы любящего человека сделали свое дело – Александр вернулся в Петербург здоровым и работоспособным, полным творческих планов. Начал с обработки экспедиционных материалов, составил развернутый план труда. Основное время проводил в библиотеке Географического общества. Часто консультировался у ученых Главной палаты мер и весов. Параллельно с разработкой монографии готовил доклад об экспедиции по поиску барона Толля и его спутников.

10 января 1906 года Александр выступил с докладом об экспедиции для поисков группы Толля на заседании отделений Математической и Физической географии Императорского русского географического общества в Петербурге. Предварительный отчет об этой экспедиции Академия наук получила от него из Сибири еще в начале 1904 года.

П. Н. Новопашенный, офицер, а после отъезда Колчака – командир исследовательского судна «Вайгач».

Председательствующий на заседании академик Феодосий Николаевич Чернышев в своем вступительном слове впервые публично приветствовал Колчака, «исполнившего беспримерно смелое географическое предприятие». В конце заседания Чернышев сказал, что с гибелью барона Толля на Колчака легла громадная работа по обработке обширных картографических и

гидрологических материалов Русской полярной экспедиции, и пожелал ему довести дело до конца. Доклад Колчака в виде статьи под названием «Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля» был опубликован в «Известиях Императорского Русского Географического общества».

В тот же день на совместном заседании отделений Математической и Физической географии Чернышев доложил о том, что отпечатана карта сибирского берега от Обской губы до Таймырского полуострова, подготовленная Колчаком по результатам работ экспедиции Толля. Докладчик заметил, что эта карта имеет большое значение, поскольку еще не поступило карт от более ранней экспедиции Нансена. Позже по тем же материалам лейтенант составил еще три навигационные карты части Карского моря к западу от полуострова Таймыр.

Тогда же А. В. Колчак вступил в члены Географического общества, уплатив членские взносы за несколько лет вперед. Еще через два месяца он довел до конца работы над своей «ледовой» монографией и 22 марта доложил о ней в Академии наук. Работа получила высокую оценку и была опубликована в 1909 году в первом выпуске «Научных результатов Русской полярной экспедиции в 1900–1903 годах под начальством барона Толля». В том же году, в апреле, Александр Васильевич выступил в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта с докладом «Северо-восточный проход от устья реки Енисея до Берингова пролива». Увидела свет и самая крупная научная работа Колчака «Лед Карского и Сибирского морей», подводившая итоги экспедиции Толля. Небезынтересно, что спустя 20 лет Американское географическое общество включит в сборник «Проблемы полярных исследований» одиннадцатую главу этой книги.

1 мая 1906 года лейтенант Колчак приказом по морскому ведомству был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу – основному органу руководства флотом, только что созданному «по высочайшему повелению». Начался новый этап в жизни и деятельности полярного исследователя, получившего вскоре чин капитан-лейтенанта и должность заместителя начальника отделения статистики оперативного управления Морского Генштаба.

2 октября 1906 года начальник Морского Генерального штаба капитан 1 ранга (с января следующего года контр-адмирал) Л. А. Брусилов, младший брат генерала от кавалерии А. А. Брусилова, представил императору доклад о ближайшей перспективе развития российского флота: укрепление наличных боевых сил и

средств, создание за четыре-пять лет на Балтике и Черном море преимущественно миноносных флотов, способных противостоять германскому и турецкому флотам при ведении оборонительной войны. На основе этих соображений Морской Генеральный штаб к апрелю 1907 года разработал четыре варианта судостроительной программы, из которых Николай II одобрил так называемую малую, рассчитанную на создание оборонительного, в основном миноносного флота.

На Балтике к конкретизации морской программы и ее реализации приступили с большим энтузиазмом. Особая заслуга в этом принадлежала начальнику соединений отряда Балтийского флота (с 1908 года начальнику Морских сил Балтийского моря, с 1911 года командующему Балтийским флотом) контр-адмиралу Николаю Оттовичу Эссену[10]. Одним из его помощников стал Александр Васильевич Колчак, назначенный сперва начальником статистического отдела, а затем отдела по разработке стратегии защиты Балтийского моря. Помимо ревностного выполнения служебных обязанностей в штабе он принимал активное участие в деятельности Петербургского военно-морского кружка и вскоре вошел в его руководящий состав. Домой на Большую Зеленину возвращался, к огорчению жены, поздно вечером, а ведь она стала матерью, подарив мужу дочь. Правда, к службе мужа относилась с пониманием.

За два года службы в Морском Генеральном штабе Колчак разработал самостоятельно и при участии сослуживцев ряд важных документов оперативного и организационного характера, участвовал в разработке судостроительных программ, в том числе «малой», составил значительное количество различных справок, представительствовал от Морского Генштаба в нескольких комиссиях и совещаниях. Основные тезисы его труда «Дифференциальные морские силы» были по указанию Н. О. Эссена взяты за основу при разработке плана перспектив строительства новых судов. Его Александру Васильевичу пришлось защищать в качестве эксперта по военно-морским вопросам в Государственной Думе.

Характеризуя обстановку весной 1907 года в Государственной Думе, один из ее членов Н. В. Савич писал:

«Положение депутатов было трудное. Денег было мало… Поэтому испрашиваемая морским ведомством сумма казалась колоссальной. При этом же позор японской войны, страшный удар, нанесенный нашему флоту при Цусиме, глубоко уязвили национальное чувство общества, возлагавшего всю ответственность за происшедшее… на порядки и привычки, прочно гнездившиеся в центральном учреждении Морского

министерства и в его береговых органах. Все, казалось, осталось там по-прежнему, ответственнейшие места продолжали занимать старики или люди, имя коих было связано с недавним недоброй памяти прошлым. Единственным новшеством был организованный адмиралом Брусиловым новый орган – Морской Генеральный штаб. Туда собралось все то лучшее из молодежи, что могли выделить уцелевшие остатки боевого флота. Тут кипела жизнь, работала мысль, закладывался фундамент возрождения флота, вырабатывались понимания значения морской силы, законов ее развития и бытия. Вот с этими-то элементами морского ведомства нам и пришлось впервые столкнуться в ноябре 1907 года.

Среди этой образованной, убежденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выделялся молодой, невысокого роста офицер. Его сухое, с резкими чертами лицо дышало энергией, его громкий мужественный голос, манера говорить, держаться, вся внешность выявляли отличительные черты его духовного склада, волю, настойчивость в достижении, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность. Его товарищи по штабу окружали его исключительным уважением, я бы сказал даже – преклонением; его начальство относилось к нему с особым доверием. По крайней мере, во все для ведомства тяжелые минуты – а таких ему тогда пришлось пережить много – начальство всегда выдвигало на первый план этого человека, как лучшего среди штабных офицеров оратора, как общепризнанного авторитета в разбиравшихся вопросах. Этот офицер был капитан Александр Васильевич Колчак. Трудно было найти более блестящего защитника столь неблагодарной задачи, каковая тогда была возложена морским ведомством на Колчака, а именно: отстоять требование об ассигновании суммы на постройку четырех броненосцев».

Комиссия по обороне внесла определенное и категорическое решение – средства на постройку современного броненосного флота будут даны лишь тогда, когда прекрасные слова и благие намерения Морского Генерального штаба воплотятся или, по крайней мере, начнут воплощаться в дело, в реальное осуществление реорганизации и реформы ведомства, всех его технических и береговых органов.

«То, что так блестяще доказывал Колчак, в определенной степени было усвоено, – отмечал Н. В. Савич. – Но для момента вывод наш был диаметрально противоположен его выводу. Он и его товарищи рисовали картину, при которой начнется правильное развитие морской силы, и для начала этого процесса

требовали кредитов, говоря, что остальное само собой устроится. Мы требовали, чтобы процесс реорганизации, возрождения ведомства начался немедленно, вылился в осязаемые формы, и только тогда мы согласились давать деньги. Колчак был страстным защитником скорейшего возрождения флота, он буквально сгорал от нетерпения увидеть начало этого процесса, он вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком. И, естественно, с ним происходили наиболее жаркие словесные схватки; чаще всего ему оппонировать приходилось мне. Мы оба – он и я – шли к одной заветной цели – созданию боевого флота, способного выполнить те задания, кои на него будут возложены стратегической обстановкой вероятного конфликта. Но шли мы к этой цели разными путями, и отсюда неизбежность острого конфликта мнений. При всем том наши личные отношения ни на один миг не помрачались. Он был для меня авторитетом в его специальности, человеком энергии и знания, качеств, столь редких у нас вообще, а в его среде в особенности.

Весною 1908 года Колчак проиграл бой в Государственной Думе. Но он сделал свое дело. Он внес горячую свежую струю в ведомство, его мысли стали достоянием многих, его знания просветили среду его сослуживцев и внесли определенность и ясность в вопросы реорганизации флота».

Летом 1907 года Колчак стал членом комиссии Морского министерства, которое объявило конкурс на разработку общего проекта линейного корабля и механизмов для него. Для участия в конкурсе были приглашены и иностранные специалисты. Из сорока трех проектов, присланных различными русскими и иностранными фирмами, лучшим оказался проект Балтийского завода, представленный группой инженеров под руководством профессора Морской академии И. Г. Бубнова. Заложенные по этому проекту в июне 1909 года линейные корабли «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава» получили мощное артиллерийское вооружение из 12-дюймовых (305-мм) орудий, считавшихся лучшими в мире. Они имели также сильную противоминную артиллерию и хорошую живучесть. Их скорость хода достигала 23,5 узла. Строительство линейных кораблей осуществлялось под непосредственным руководством выдающегося ученого и кораблестроителя А. Н. Крылова. Вскоре началось строительство прошедшей конкурс подводной лодки «Барс» (проект И. Г. Бубнова). Русские инженеры и техники больших успехов добились и в развитии минного, торпедного и трального оружия. Созданные ими мины образцов 1908 и 1912 годов по своим боевым качествам не имели себе равных в мире.

Балтийский флот располагал для их постановки двумя специальными минными заградителями – «Амуром» и «Енисеем». В 1910–1912 годах русские кораблестроители построили также первые в мире тральщики с небольшой осадкой – типа «Запал», на которых были установлены мощные двигатели. Велась работа по созданию специальных средств борьбы с подводными лодками. В частности, лейтенантом Максимовым была разработана противолодочная бомба, позволявшая поражать цели на значительной глубине.

В Петербургском военно-морском кружке Колчак был одним из деятельных членов. Он принимал живое участие в обсуждении докладов, не единожды выступал с докладами и сам, нередко председательствовал на заседаниях кружка, а позже принял дела от его первого председателя, капитана 2 ранга М. Римского-Корсакова. Кружок считался созданным при Николаевской морской академии, но собирался обычно в кабинете начальника Главного гидрографического управления, расположенного в здании Адмиралтейства, где помещался и штаб. Устав кружка, насчитывавшего 36 действительных членов, утвердил морской министр.

Программным стал доклад А. В. Колчака, с которым он выступил на кружке 21 декабря 1907 года. В нем он подверг критике крайние, имевшие хождение в ту пору точки зрения на флот. Одна из них считала военно-морские силы не только излишними для «сухопутной» России, но и вредными, другая полагала, что достаточно ограничиться флотом только оборонительного характера, а третья ратовала за создание флота, равного по мощности сильнейшему тогда в мире английскому флоту.

Исходя из очевидного, хотя и неприятного факта, что выходы русских кораблей из Балтийского, Черного и Японского морей в океаны возможны только через проливы, которые не находятся в руках России, Колчак считал необходимым иметь флоты такой мощности, которая позволяла бы не только держать прочную оборону своих берегов, но и господствовать на этих морях. Особенно мощным, по его мнению, должен быть флот на Балтийском море, где преобладал пока флот Германии. Больше того, он полагал, что создание такой вооруженной силы на Балтике определило бы морское могущество России в целом.

В докладе достаточно подробно рассматривались основные составные элементы вооруженной силы на море: корабли различного назначения в зависимости от боевых и других задач, которые ими должны решаться. В итоге докладчик пришел к выводу: «России, как великой державе, необходима реальная

морская сила, которая лежит в линейном флоте, и только в нем». Доклад вызвал большой интерес в широких кругах флотского офицерства. Александр Васильевич выступил с ним в Морской академии, в Обществе ревнителей военных знаний в Морском корпусе, в клубе общественных деятелей, в Обществе офицеров флота в Кронштадте и в других аудиториях. Обсуждение его доклада в военно-морском кружке продолжалось 8 февраля 1908 года, где было принято следующее заключение: для защиты своих морских границ России нужен активный флот – линейный, соединенный с судами специального и вспомогательного назначения, обеспеченный базами. Идея создания только оборонительного флота кружком не разделялась и признавалась вредной и опасной. Это заключение побудило высшее морское начальство пересмотреть одобренную Николаем II «малую» судостроительную программу, рассчитанную на создание флота оборонительного назначения. Новая программа под названием «Распределение ассигнований на судостроение», утвержденная Государственным советом, предполагала в основном строительство линейных кораблей.

Имя Колчака, известное на флоте со времени руководимой им спасательной экспедиции 1903 года, после доклада и статьи «Какой нужен России флот» стало еще более популярным среди морских офицеров. 13 апреля 1908 года он был произведен в капитаны 2 ранга. Примерно к этому времени относится и назначение Колчака на должность заведующего одним из ведущих отделов Морского Генштаба – Балтийским театром. Огорчало одно – болезнь и смерть дочери. В тяжелом нравственном состоянии находилась и Софья Федоровна. Горе ее было безутешным…

Резко возросшие в конце XIX – начале XX столетий потребности экономического развития Сибири, укрепления государственных границ России на Севере и Дальнем Востоке и установления кратчайшей и надежной транспортной связи между Балтийским флотом и Сибирской военной флотилией[11] все настойчивее диктовали необходимость изучения и освоения Северного морского пути из Атлантического океана в Тихий. Важное государственное значение этой водной магистрали понимали не только сибиряки – представители торгово-промышленного капитала, но и военные моряки, ученые и прежде всего С. О. Макаров и Д. И. Менделеев. Они видели реальность арктического судоходства не в далекой перспективе, а уже в ближайшее время с помощью ледоколов. Однако обоснованные экономические соображения деловых кругов и убедительные доводы дальновидных военных моряков и ученых были

отклонены. Только поражение России в войне с Японией вынудило царское правительство дать добро на изучение Северного морского пути.

Назначенный морским министром в июне 1906 года председатель новой комиссии, член Адмиралтейств-совета, адмирал В. П. Верховский поручил Н. Н. Коломейцеву и А. В. Колчаку написать записки об условиях плавания Сибирским морским путем. В обстоятельной «Памятной записке о плавании Северо-Восточным проходом вдоль берегов Сибири от устья реки Енисей до Берингова пролива» Колчак привел краткую историческую справку о русских гидрографических исследованиях вдоль сибирских берегов, описал навигационно-гидрографические и ледовые условия на Северном морском пути по участкам и выделил как наиболее труднодоступные в ледовом отношении прибрежные воды Таймырского полуострова. В целом же автор записки признал плавание вдоль северных берегов Сибири возможным. К такому же выводу пришел и Коломейцев. В работе созданной комиссии принимали участие: генерал-майор А. И. Вилькицкий (он позже фактически и возглавлял комиссию), полярные ученые, офицеры бывшей экспедиции Э. В. Толля Н. Н. Коломейцев и А. В. Колчак, а позже Ф. А. Матисен и военный инженер-кораблестроитель А. Н. Крылов.

В результате подробного изучения вопроса комиссия предложила исследовать Северный морской путь с помощью двух ледоколов.

Рассмотрев многие варианты экспедиционных судов, комиссия остановилась на предложении Невского судостроительного и механического завода в Петербурге создать два однотипных ледокольных транспорта. После одобрения в высших инстанциях проекта исследования Северного Ледовитого океана, предложенного комиссией, с этим заводом морское ведомство и заключило контракт на постройку двух ледокольных пароходов. Их назвали «Таймыр» и «Вайгач». На должности командиров строившихся судов решили пригласить морских офицеров с опытом полярного плавания. Выбор пал на участников экспедиции Толля, капитанов 2 ранга Ф. А. Матисена и А. В. Колчака. 9 мая 1908 года Николай II подписал приказ о назначении Матисена командиром транспорта «Таймыр», Колчака – «Вайгач».

Первоначально предполагалось обследовать часть побережья и прилегающие воды Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья Лены, а затем, в зависимости от состояния льдов, продолжать гидрографическую опись до ранее обследованных районов. Весной 1909 года «Таймыр» и «Вайгач»

были спущены на воду. Они имели стальные корпуса с усиленным креплением и утолщенной обшивкой, с обводами подводной части, типичными для ледоколов. Все лето и начало осени на них велись достроечные работы. В итоге морское ведомство получило два относительно небольших, но вполне современных судна, пригодных для плавания в Арктике.

Наконец пришло время отплытия. Колчака провожали жена и отец. Софья Федоровна недавно сообщила мужу, что у них снова будет ребенок. Василий Иванович, одетый в форменное пальто с генерал-майорскими погонами, бодрился. Только при прощании, обнимая сына, старый генерал прослезился.

Приняв в Кронштадте уголь, воду и дополнительное необходимое снаряжение, «Таймыр» и «Вайгач» 28 октября 1909 года вышли в море. На борту каждого судна находились: 6 офицеров, врач и около 35 человек команды из матросов-добровольцев военного флота. Из-за незнания ледовой обстановки и навигационно-гидрографических условий в арктических морях организаторы экспедиции приняли решение перегонять свои новые и не испытанные еще во льдах транспортные ледоколы южным путем, через Суэцкий канал.

До Алжира суда шли три месяца, посетив пять портов. Еще в Северном море во время шторма кочегары «Таймыра» спустили воду из котлов, отчего просели топки. Авария потребовала двухмесячного ремонта в Гавре. Морское командование, не посчитавшееся с судоводительским опытом и авторитетом командира судна Ф. А. Матисена, отозвало его в Петербург. Командование ледокольным транспортом «Таймыр» принял в Порт-Саиде капитан 2 ранга А. А. Макалинский. Колчак впервые встретился с ним в Морском Генеральном штабе весной 1908 года, когда Макалинский начинал службу на штаб-офицерской должности.

Дальнейшее плавание экспедиционных судов из-за неисправности котлов еще более затянулось, и во Владивосток – базу экспедиции – «Таймыр» и «Вайгач» прибыли только 3 июля 1910 года, на два месяца позже намеченного срока. Несмотря на эти неудачи и некоторые трудности длительного похода (штормы, тропическая жара), экипажи судов оправдали доверие командования. Офицеры проделали на переходе и большую научную работу, результатом которой явились объемистые, к сожалению, несохранившиеся журналы с записями гидрометеорологических, океанографических, аэрологических, биохимических и других наблюдений.

Проводившийся во Владивостоке ремонт котлов занял полтора месяца. Значительная часть забот легла на Александра

Васильевича, поскольку командир «Таймыра» Макалинский в середине июня был отозван Главным морским штабом в Петербург. 9 августа прибыли начальник экспедиции полковник Корпуса флотских штурманов И. С. Сергеев и старший лейтенант Б. В. Давыдов (вместо Макалинского).

17 августа 1910 года экспедиция вышла в море. На нее возлагались следующие основные задачи: морская опись берегов Северного Ледовитого океана к западу от мыса Дежнева, а также близлежащих островов, определение астрономических пунктов, промер, гидрометеорологические, магнитные, ледовые наблюдения и гидрологические разрезы, измерение элементов морских течений и наблюдения над уровнем моря, сбор зоологических и биологических коллекций и материалов для составления лоций, сооружение навигационных знаков. В бухтах, устьях рек и местах якорных стоянок съемочно-промерные работы надлежало выполнять более подробно.

Миновав Берингов пролив, участники экспедиции приступили к определению координат знака, сооруженного ими на северном берегу мыса Дежнева. Пройдя 30 миль к западу от селения Уэлен, суда встретили лед; температура воздуха понизилась ночью до семи градусов мороза, начался снегопад, видимость значительно ухудшилась. Опытный гидрограф-полярник, но нерешительный в своих командирских действиях И. С. Сергеев решил прекратить работы, и 21 сентября экспедиция повернула назад. На обратном пути суда захватил шторм, и им пришлось укрываться в бухтах. Со 2 по 10 октября они простояли в Петропавловске-Камчатском и 20 октября вернулись во Владивосток.

Так закончилась первая кампания Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. Результаты ее работ были не особенно велики: планшеты описи бухт Петра и Павла, по которым позже были внесены заметные коррективы в изданные навигационные карты, а также данные проведенных наблюдений над течениями и первая коллекция донной морской фауны. Однако они оценивались весьма положительно, поскольку знаменовали собой начало изучения Северного морского пути.

14 декабря Колчак получил телеграмму от морского министра и начальника Морского Генерального штаба с приказанием сдать командование судном и дела по экспедиции и прибыть в Петербург для продолжения ответственной работы в Морском Генштабе. Сборы были недолги. Сдав «Вайгач» своему помощнику, лейтенанту Н. А. Гельшерту (вскоре командиром «Вайгача» был назначен капитан-лейтенант П. Н. Новопашенный), и распрощавшись со своими коллегами по судну и экспедиции,

Колчак поездом выехал в Петербург.

Дома Александра Васильевича ожидало радостное известие. Спустя четыре месяца после его ухода в море на свет появился сын. Ростиславу только что исполнилось десять месяцев, но в нем что-то уже угадывалось от отца. Софья Федоровна не чаяла в нем души. Она похорошела и даже как бы помолодела.

На другой день Колчак предстал перед начальником Морского Генерального штаба, князем А. А. Ливеном. Князь поздравил Колчака с успешным плаванием и тут же перешел к делу. Недолгая беседа закончилась для капитана 2 ранга неожиданным и приятным сюрпризом: ему предлагалась должность начальника 1-й оперативной части штаба. Справившись с волнением и выразив благодарность за оказанную высокую честь, Колчак принял предложение. Начальник штаба предоставил ему недельный отпуск на устройство домашних дел, пожелал успехов на новой ответственной должности, посоветовав зайти в Главное гидрографическое управление, где ожидал его Андрей Ипполитович Вилькицкий, долгие годы возглавлявший гидрографические работы от устья Печоры до Енисея, в Енисейском заливе и Обской губе.

Через несколько минут Александр Васильевич был уже там. Генерал-лейтенант корпуса флотских штурманов, известный гидрограф-геодезист, исследователь Арктики Андрей Ипполитович Вилькицкий принял бывшего командира «Вайгача» радушно. Начальника управления интересовало все о Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, о делах которой он пока знал только по телеграфным сообщениям из Владивостока. Сергеева ожидали в Петербурге не раньше середины января. Он расспрашивал о личном составе, особенно о деловых качествах офицеров, о результатах гидрографических работ, о мореходных достоинствах и недостатках «Вайгача» и «Таймыра», выявленных в длительных плаваниях, о состоянии судовых котлов после ремонта и пригодности транспортов к работе во льдах.

Глава 6. В канун грозных испытаний

в первых числах января 1911 года Колчак с помощью ответственных сотрудников штаба познакомился с общим состоянием флота и оперативной обстановкой на морях, проконсультировался по интересующим вопросам у бывшего начальника оперативной части, изучил содержание штабных дел. Лишь после этого он мог считать свое первое представление о текущем состоянии и боеготовности флота более или менее верным. А состояние флота было неоднозначным. Имелись и определенные сдвиги, и явный застой.

С удовлетворением новый начальник оперативной части отметил достаточно высокий научно-технический уровень проектирования и постройки кораблей всех классов, наметившийся прогресс в создании новых образцов артиллерийского и минно-торпедного оружия, тралов, средств наблюдения и связи, особенно радиотехнических, более организованный и целенаправленный характер боевой подготовки флота. Как должное воспринял отмену цензовой системы и создание более благоприятных условий для прохождения службы офицерами, для проявления ими своих способностей, инициативы и других командирских качеств.

Однако многое еще оставалось в запущенном состоянии, ряд важных и неотложных проблем флота не был разрешен. Средств на содержание и развитие флота, на оборудование баз и портов отпускалось недостаточно. Когда в июне 1908 года Колчак оставил службу в Морском Генеральном штабе, «малая» судостроительная программа, бесконечно обсуждавшаяся на разных высоких уровнях и за это время несколько измененная и расширенная, еще не была утверждена. Позже Александр Васильевич узнал, что эту измененную программу наконец-то с согласия Государственного совета утвердил Совет министров, но только для достройки ранее заложенных кораблей и постройки четырех новых линкоров для Балтийского флота. За отсутствием денежных средств строительство новых линейных кораблей для Черноморского флота было отложено. Летом 1909 года на Балтийском и Франко-Русском (Адмиралтейском) заводах в Петербурге были заложены линкоры «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава». И только в сентябре 1910 года Государственная Дума отпустила кредиты на постройку трех линкоров для Черного моря. Этим завершилась «малая» судостроительная программа.

Как представитель Генштаба Колчак вошел во все комиссии,

где обсуждался проект десятилетней программы. Начальство возложило на него задание завязать и поддерживать тесные контакты с членами этих комиссий, а также с людьми аппарата Государственной Думы и других высоких инстанций и тем способствовать продвижению программы. Первая часть задания оказалась для Александра Васильевича не очень трудной: он умел расположить к себе нужных людей. Прошло немного времени, и обходительный капитан 2 ранга завоевал в деловых кругах репутацию не только знающего специалиста-моряка, но и человека, приятного в общении. С некоторыми же ответственными государственными чиновниками он наладил и внеслужебные отношения.

И тем не менее дело почти не двигалось вперед. Бюрократическая олигархия не переставала требовать от него разного рода справки, дополнения и пояснения к представленным сметам. И он, и сотрудники его части терпеливо готовили эти мало кому нужные и надуманные бумаги.

Колчак, надо отдать ему должное, обладал завидной работоспособностью, порой до ночи мог засиживаться за своими занятиями в служебном кабинете. Бывший коллега его по последнему походу на Дальний Восток, командир «Таймыра», капитан 2 ранга А. А. Макалинский писал ему в мае 1911 года: «Александр Васильевич! Искренне, от души Вас жалею и желаю Вам хоть немного отдохнуть от всей этой окрошки или винегрета. Помните, я еще в декабре Вам говорил, что радуюсь за штаб с Вашим назначением, и Вас мне жалко – сидите в угловой комнате штаба, душной и тесной, несмотря на свою величину; как Вас тормошат то справками, то запросами; как Вас тягают то в комиссию, то на одно заседание, то на другое, то на совещание, то туда, то сюда… Я знаю ведь хорошо Вашу работу и Вашу упорную усидчивость».

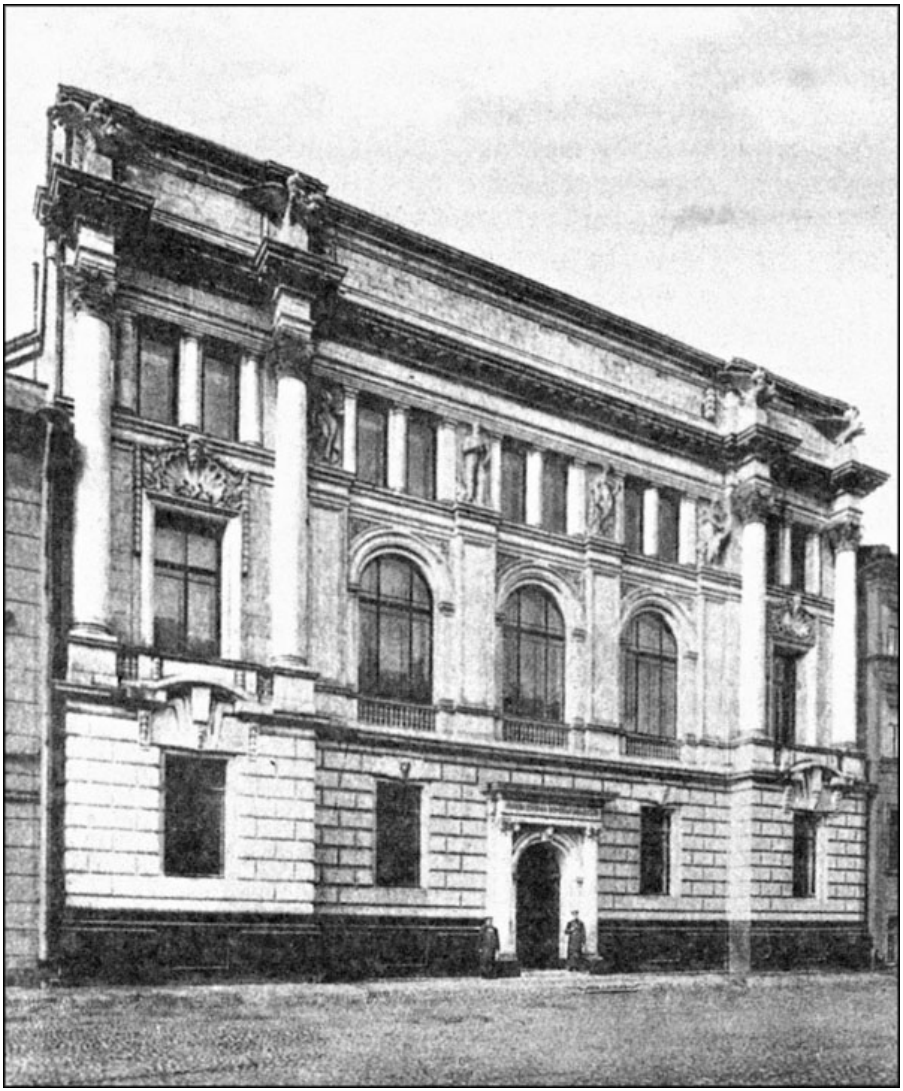
Вскоре у Колчака начали сдавать нервы, нередко срывался, вел с подчиненными себя не весьма корректно. Софья Федоровна, более других знавшая неуравновешенный, а порой и необузданный нрав мужа, больше всего боялась этих срывов.

– Саша, тебе надо отдохнуть, – мягко сказала она. – Ты не отдыхаешь фактически с девятьсот седьмого года. Да и то, какой это был отдых, когда ты постоянно пропадал в своем кружке да мотался с докладами по Петербургу и Кронштадту? Потом – экспедиция, и теперь снова штаб, эта сумасшедшая работа. Посмотри в зеркало: на кого ты стал похож! Весь серый, худущий, один нос остался. Если отпуск сейчас невозможен, так надо сменить обстановку. Или все-таки с осени пойти в академию?

К мысли о поступлении в Морскую академию он и сам

возвращался не раз. Его намерение поначалу поддерживал и Макалинский, но тот в последнее время переменил точку зрения. «Академия не даст Вам многого, – писал Макалинский, – во всяком случае не больше того, что Вы сами, совершенно самостоятельно можете себе дать, при полной свободе времени и в известной обстановке. При этих условиях, скажу совершенно искренно, Вы можете с полным правом занять место в академии, но не в качестве слушателя, а в качестве самостоятельного лектора (уверен, что не из последних были бы)».

Колчак поддерживал постоянную связь со штабом командующего флотом Балтийского моря и более всего с начальником его оперативного отдела, капитаном 1 ранга О. О. Рихтером и флагманским штурманом флота, капитаном 2 ранга В. М. Альтфатером. Неоднократно встречался он и с командующим Балтийским флотом Н. О. Эссеном, которого знал еще по Порт-Артуру как прославленного командира крейсера «Новик», а затем броненосца «Севастополь». В один из весенних дней 1912 года, будучи в Морском Генеральном штабе, Эссен заглянул в кабинет Колчака. Поздоровавшись с капитаном 2 ранга и многозначительно очертив широким жестом ворох бумаг на столе, адмирал предложил Колчаку «поменять все это бумажное творчество на живое дело на флоте». Обещал сразу же дать в командование новый эскадренный миноносец.



Николаевская морская академия, где читал лекции А. В. Колчак.

Александр Васильевич не задумываясь принял предложение.

В апреле 1912 года капитан 2 ранга Колчак вступил в должность командира эскадренного миноносца «Уссуриец». Этот эсминец-угольщик, один из минных крейсеров последней постройки, входил в состав 1-й минной дивизии. Факт назначения Колчака в эту дивизию свидетельствовал о том, что Эссен оказывал ему свое благоволение. Как показали последующие события, адмирал стремился максимально использовать знания, опыт и трудолюбие Александра Васильевича не столько как командира, а как профессионала штабной службы.

В Либаву, где находился «Уссуриец», Колчак выехал поездом в конце апреля. Здесь он получил казенную квартиру, которая нуждалась в ремонте. Подрядчик из инженерной службы обещал произвести все необходимые ремонтные работы в течение лета. Тем временем на флоте начались маневры. Включившись в них, «Уссуриец» выходил в торпедные атаки на корабли «противника», ставил минные заграждения, нес дозорную службу. Начальным этапом участия своего миноносца в учениях новый командир остался доволен. Экипаж без заметных огрехов выполнил все одиночные и групповые упражнения. Столь же успешно прошел и второй этап учений. В итоге командующий флотом объявил благодарность всему его экипажу.

В летние месяцы, насыщенные боевой учебой в море, Колчака неоднократно отрывали по делам Генерального штаба. Переходя на флот, он оставил свои проекты оперативных документов в разной степени готовности. Офицеры штаба, продолжавшие работы Колчака, предпочитали не утруждать себя, а выведать замыслы автора. А вызвать его в Петербург, не считаясь с тем, чем он занят в данное время, им ничего не стоило. Чиновники знали, что вызов, подписанный начальником Генштаба, командующий флотом не отменит. В результате этого наряду со своей основной работой он вынужден был подготовить, например, записку о реорганизации центрального аппарата военно-морского ведомства, которую представил на рассмотрение высшим чинам русского флота в январе 1913 года. Эта же тема нашла отражение в его пособии «Служба Генерального штаба: сообщения на дополнительном курсе Военно-морского отдела Николаевской морской академии». В ней со ссылкой на опыт Русско-японской войны настойчиво рекомендовалось сократить число параллельных учреждений, а также подчинить их одному начальнику – командующему.

В начале сентября отряд кораблей Балтийского флота нанес визит в Данию. Поход командиры кораблей и штурманские офицеры использовали для изучения будущего театра военных действий, связисты – для тренировки в ведении радиопереговоров между своими кораблями в условиях сильных помех «противника» и в подслушивании радиопередач между «чужими» – иностранными кораблями. В плавании Колчак внимательно следил за навигационной прокладкой штурмана, для контроля места сам сделал несколько определений по солнцу, при подходе к берегам Дании нанес не показанные на картах отдельные приметные с моря объекты.

После заграничного плавания Колчак на «Уссурийце» в составе других миноносцев ушел в Гельсингфорс, а оттуда

шхерами проследовал в район Биерке для продолжения отработки методов торпедной стрельбы. К концу сентября вернулся в порт Императора Александра III, а через несколько дней по приказу начальника 1-й минной дивизии перевел свой корабль в Либаву и поставил его на ремонт. На этом и закончилось его участие в кампании 1912 года.

В течение кампании Колчак ни разу не виделся со своей семьей. Софья Федоровна с ребенком и прислугой в конце мая выехала из Петербурга в Лифляндию, приняв приглашение дальних родственников погостить у них летом в Мюленгофе под Юрьевом. С этого времени и до поздней осени между супругами поддерживалась регулярная переписка, при этом чаще писала Софья Федоровна, а ее муж в связи со служебной занятостью отвечал редкими короткими письмами, почтовыми открытками и телеграммами. Жена писала о семейных делах, планах на будущее, своих занятиях и мечтах, здоровье своем и сына Славушки, благодарила мужа за денежную поддержку ее племянника-студента. Письма были проникнуты заботой и любовью, а также печалью о довольно долгой разлуке.

Вот некоторые из них.

*2 июня 1912 год*а

«Дорогой Сашенька!

Славушка начинает много говорить, считать и поет себе песни, когда хочет спать. Чистый деревенский воздух сначала прямо опьяняет. Славушке, по-видимому, здесь очень нравится, он все просится – «гулять».

Мне очень жаль, но вся эта возня и переезд стоили больших денег. Ведь 200 рублей в месяц у нас выходило на самое необходимое, а тут были расходы на починку одежды моей и Славушкиной.

Как твои дела? Окончил ли ремонт твоего миноносца? Где ты теперь?

С нетерпением жду от тебя письма. Крепко тебя целую.

Твоя любящая Соня».

*22 июня 1912 год*а

«Дорогой мой Сашенька!

Большое спасибо тебе за письмо от 14 июня. Как прошли маневры и цел ли твой миноносец? Я рада, что ты доволен своим делом.

Я боюсь, не было бы войны, тут об этом много говорили. Но я газет не читаю и знать ничего не хочу.

Славочка становится все забавней, конца нет выдумкам и

шалостям, очень своенравный. Недавно была сильная гроза, Славочка слышит гром и говорит: «Боженька бегает».

Читала воспоминания и письма Лизелотты герцогини Пфальцской, жившей при дворе Людовика XIV. Умная, пылкая, несколько жесткая и грубоватая, но с головой самостоятельно мыслящей, но все же интересна при оригинальности личности. Было занятно читать, так как я была в Гейдельберге и живо себе представляю обстановку.

Читала роман о генерале Гарибальди по-итальянски. Вышиваю кроме того, разговариваю по-немецки и считаю дни.

Пиши про себя. Переменилось ли к тебе начальство, получив полмиллиарда на флот?

Твоя любящая Соня».

Несколько писем получил Александр Васильевич и от Кати и отца, проживавших на даче под Петербургом. Василий Иванович жаловался на здоровье, сообщал о семейных делах, делился с сыном газетными новостями.

В середине октября Александр получил краткосрочный отпуск и приехал в Мюленгоф. Время, проведенное с мужем, для Софьи Федоровны пролетело быстро. Провожая его в Либаву, она даже не пыталась сдерживать слезы.

– Опостылел, Саша, мне этот дачный дом. Не могу я без тебя. Очень горько и трудно ждать…

Но ждать оказалось недолго. В конце октября Александр Васильевич получил ключ от отремонтированной квартиры и вскоре вызвал семью в Либаву. Правда, сам он довольно часто уезжал в Петербург для чтения лекций по отдельным дисциплинам на офицерских курсах подводного плавания. Оставшуюся часть отпуска он с семьей (супругой, сыном Ростиславом и дочерью Маргаритой) в феврале 1913 года провел в Петербурге, у родных на Таврической, заметно потеснив большую семью Крыжановских.

В марте Колчак, по предложению Эссена, принял в командование эсминец «Пограничник». Миноносец был однотипный с «Уссурийцем», но с той лишь разницей, что на нем часто держал свой флаг командующий флотом. Перемещение, видимо, объяснялось желанием Эссена приблизить к себе нового командира корабля. В начале апреля пришла телеграмма от сестры о смерти отца. Извещение о кончине генерал-майора в отставке Василия Ивановича Колчака было помещено в петербургской газете «Новое время» за 5 и 6 апреля. Там же сообщалось о часах панихиды, дне и часе выноса тела покойного в Суворовскую церковь, расположенную напротив дома, и месте

погребения. Похоронили Василия Ивановича 7 апреля на Успенском кладбище в селе Мурзинка, рядом с могилами жены и внучки[12]. Немного недотянул он до выхода в свет 18-го тома «Военной энциклопедии», в которой заботами сына была увековечена для потомков его военная биография.

Ни дня не задерживаясь в Петербурге после похорон, Колчак выехал в Либаву. Начиналась горячая пора подготовки к летней кампании с ее усиленной боевой учебой.

На совещании флагманов и штабных офицеров в начале мая, на котором присутствовал и командир «Пограничника», разговор шел о военных действиях на Балканах. Оттоманская империя, почти полностью вытесненная с Балканского полуострова, несла большие потери. Усилились противоречия и внутри Балканского союза на почве дележа территорий, освобожденных от турецкого ига. Эти противоречия, еще более обостряемые постоянным вмешательством в них Австро-Венгрии и Германии, недовольных победой балканских стран, в любое время могли привести к европейской войне. Учитывая такую опасность, адмирал Эссен считал необходимым держать наготове не только Черноморский флот, но и Балтийский. Он выдвигал перед слушателями целый ряд требований по повышению боеготовности Балтийского флота. Для обеспечения его боевой деятельности намечались широкие мероприятия по оборудованию Балтийского театра. В частности, предусматривалось установить артиллерийские батареи в районе Порккала-Удд, Ревель, создать базы: в Ревеле – главную операционную и в Кронштадте – основную тыловую. Планировалось сформировать Рижскую флотилию для действий в прибрежной зоне.

Колчак наблюдал за этим невысокого роста здоровяком в разных ситуациях: на флагманском корабле, когда флотоводец руководил боевыми учениями, отдавая приказания хорошо поставленным командным голосом, во время отдыха на «Пограничнике», где Эссен превращался в благодушного хозяина. Сейчас, в салоне крейсера «Рюрик», Александр видел перед собой прежнего, уверенного в себе командующего, настоящего боевого адмирала. После совещания адъютант командующего предупредил командира «Пограничника», чтобы он не уходил с крейсера и ждал вызова адмирала, который продолжал совещание с начальником штаба и флаг-капитаном уже в своей каюте. Через час адъютант пригласил Колчака к командующему. Он начал разговор с того, что необходимо усилить деятельность штаба, и в первую очередь оперативную работу.

– Рихтеру надо помогать, – сказал адмирал. – Был у меня на примете ему в помощники флаг-штурман Альтфатер, дельный,

мыслящий офицер. Да вот забрали его, как вам известно, в Генштаб. Видно, в отместку за вас. Раз уж произошла такая перетасовка: Альтфатер – в Генеральном штабе, вы – у меня, ничего не остается другого, как приобщать и вас по мере необходимости к оперативной работе штаба флота. С вашим оперативным кругозором да штабным опытом, Александр Васильевич, вы окажете добрую помощь Оттону Оттоновичу. Да и для себя извлечете немалую пользу. А командовать «Пограничником» я вас пока оставляю. Он ведь – мой второй штаб.

После разработки в Генштабе оперативной документации для всех флотов быть на подхвате у флаг-капитана О. О. Рихтера Колчак не считал высокой честью, а вот находиться рядом с командующим у себя на миноносце и выполнять его поручения – такое положение не могло не льстить его самолюбию.

В течение лета 1913 года боевая подготовка на Балтике проводилась в соответствии с «Планом операций морских сил Балтийского моря» 1912 года, в котором на случай войны флоту выдвигалась главная задача: защитить Петербург с моря, не допустить высадки десанта. Для обеспечения успешного решения этой задачи предусматривалось создание минно-артиллерийской позиции, первоначально гогландской, а затем нарген-порккалауддской, получившей название центральной. Предполагалось оказать упорное сопротивление на такой заранее подготовленной позиции и не допустить прорыва противника в восточную часть залива.

Оперативный план 1912 года носил преимущественно оборонительный характер, поскольку Балтийский флот, состоявший фактически из одной эскадры устаревших кораблей, значительно уступал флоту вероятного противника Германии. По этому плану русский флот на Балтике к началу войны мог выставить два новых и два старых линкора, три броненосных крейсера, из них один новый – «Рюрик», шесть тихоходных крейсеров, 20 эсминцев, построенных после Русско-японской войны на добровольные пожертвования, несколько десятков малых устаревших миноносцев, шесть канонерских лодок, столько же минных заградителей, 11 подводных лодок и несколько тральщиков. Правда, в том же году в состав подводной флотилии вошла подлодка нового типа – «Барс», состоялась закладка четырех сильнейших по тому времени линейных крейсеров. В следующем году вступил в строй первый турбинный эскадренный миноносец на нефтяном топливе «Новик», унаследовавший, по предложению адмирала Эссена, имя его бывшего прославленного крейсера. На мерной линии на полном

ходу эсминец, имевший водоизмещение 1260 т, показал мировой рекорд скорости – 37,3 узла. «Новик» оказался последним кораблем, построенным на оставшиеся средства от добровольных пожертвований. Изготовивший его Путиловский завод получил от Морского министерства заказ на постройку еще 36 таких же эсминцев. В том же году начали строить четыре легких быстроходных крейсера.

Заложенные для Балтийского флота и частично уже спущенные на воду корабли и подводные лодки в перспективе должны были значительно увеличить его боевую мощь, однако на ввод их в строй в ближайшие два-три года рассчитывать не приходилось. Поэтому подготовку к войне командование проводило с наличными морскими силами.

30 мая 1913 года в Лондоне состоялось подписание мирного договора между балканскими государствами и Турцией, а через месяц обстановка на юге Европы снова обострилась. На этот раз военный конфликт возник между Болгарией и ее бывшими союзниками – Сербией и Грецией. Яблоком раздора оказались земли Македонии. Против Болгарии выступила и Румыния, требовавшая передачи ей Южной Добруджи. Первой военные действия развернула Болгария, но, потерпев повсеместно поражение, 29 июля вынуждена была капитулировать.

Центральная минно-артиллерийская позиция Балтийского флота

Русский император, обеспокоенный ненадежностью защиты столицы с моря флотом, уповал на ее минную оборону. Пребывая в августе 1913 года с супругой на отдыхе в финляндских шхерах, он приказал провести в своем присутствии неподалеку от рейда Штандарт опытную постановку мин. В назначенный день и час к месту постановки прибыли из Ревеля минные заградители в сопровождении эсминцев, в составе которых находился и «Пограничник». Его командиру, капитану 2 ранга Колчаку, Эссен оказал большую честь: принять на свой корабль на рейде Штандарт императора со свитой.

Во время операции заградители шли строем фронта, сбрасывая мины, а «Пограничник» следовал в стороне и чуть позади флагманского минного заградителя «Амур», обеспечивая оптимальные условия для наблюдения за постановкой. Всей операцией руководил сам командующий флотом, тут же давая пояснения Николаю II. Постановка заграждения была выполнена успешно, и царь выразил свою благодарность Эссену и всему личному составу, участвовавшему в постановке. Позже на яхте

«Штандарт» государь дал завтрак, на котором среди приглашенных находился и командир «Пограничника».

Осенью того же года весь цивилизованный мир облетела весть: русская Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана под начальством капитана 2 ранга Бориса Андреевича Вилькицкого (сына недавно умершего начальника Главного гидрографического управления) открыла ранее неизвестную обширную землю к северу от Таймырского полуострова. Были описаны архипелаг Северная Земля, острова М. Таймыр и Старокадамалого, нанесен на карту остров в Восточно-Сибирском море, наименованный в честь А. И. Вилькицкого. Двенадцать лет назад Колчак и Матисен проводили «Зарю» через тот же район и тоже в августе, но никакой земли не видели, как и их предшественники Норденшельд и Нансен. Слишком близко и они, и скандинавские ученые держались берега Таймырского полуострова. А стоило тем и другим отойти от мыса Челюскина миль на 20–25 к северу, и таившаяся веками от человеческого взора земля была бы уже открыта. Ведь минимальная ширина пролива, отделяющего открытую землю от материка, оказалась всего 28 миль. А ведь кое-что знали и тогда. Колчак помнил, что барон Толль, установивший северное простирание геологических структур у мыса Челюскина, говорил о возможном существовании островов к северу от Таймыра.

«Моряки Балтики активно готовились к войне, – подчеркивал депутат Государственной Думы Н. А. Савич. – Все верили в будущее России и родного флота, все радостно готовились к подвигу, на который их позовет долг перед родиной.

Работа кипела по подготовке личного состава, и по подготовке театра войны, и особенно по разработке основных идей возможной борьбы. Приятно было видеть эту дружную семью, окружающую любимого и уважаемого адмирала Эссена такою бодрою, такою решительною, такою радостною возможностью жертвенного подвига.

Среди этого кружка лиц – мозг нашего Балтийского флота – я встретил, опять на первых ролях, капитана 1 ранга А. В. Колчака. Он работал больше всех, был душою и мозгом оперативного отдела штаба. И в дружеских интимных беседах в каюте адмирала, где говорили и спорили после еды офицеры его штаба, голос Колчака звучал наиболее веско, с его мнением больше всего считались, он опять пользовался всеобщим уважением и авторитетом. Видно было, что им гордятся, им восхищаются.

Эта репутация была вполне заслужена. Тут он был в своей сфере, он знал, что хочет, знал прекрасно людей, своих товарищей, начальников и подчиненных, отлично понимал, что

от каждого из них можно ожидать. Он ставил себе определенные, подчас очень смелые, но всегда продуманные цели, правильно оценивал обстановку и умел настоять на выполнении раз поставленных заданий. Он был правою рукой адмирала, его ближайшим и деятельным помощником. Его роль в период подготовки Балтийского флота к войне была огромна».

В сентябре 1913 года Александр Васильевич получил приглашение от начальника Николаевской морской академии прочитать в наступающем учебном году курс лекций по предмету «Служба Генерального штаба во флоте». Колчак принял предложение и зимой 1913/14 года, будучи в отпуске в столице, прочитал этот небольшой курс. Немного позже он был произведен в капитаны 1 ранга.

Тем временем начальник оперативной части флота Балтийского моря О. О. Рихтер был назначен командиром линкора «Слава». В связи с этим адмирал Эссен приказал Колчаку сдать «Пограничник», перейти на флагманский крейсер «Рюрик» и вступить в должность флаг-капитана, то есть начальника оперативной части флота. Теперь он становился одним из первых помощников командующего по разработке морских операций.

Боевая подготовка флота в 1914 году проводилась с еще большим напряжением сил. Уже в июле планировались двухсторонние маневры всего флота. Для «красной стороны» инструкцию подготовил Колчак. Однако Эссен отменил маневры, объявил повышенную боевую готовность флота и отдал распоряжения командирам и начальникам принять меры предохранительного характера и прежде всего установить постоянный дозор из крейсеров у входа в Финский залив, усилить охрану рейдов, держать отряд заградителей в полной готовности к постановке мин на центральной минно-артиллерийской позиции.

13 июня началась частичная эвакуация населения Либавы.

Назревала война. Она становилась реальностью.

Глава 7. Флаг-капитан флота Балтийского моря

Небольшой городок Сараево, центр населенной сербами Боснии, с утра 15 июня 1914 года был необычно оживлен. В этот солнечный летний день жители столицы одной из славянских провинций Австро-Венгрии ожидали приезда наследника императорского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги герцогини Гогенберг. В первых рядах встречавших была молодежь. Она высыпала на улицы для выражения не восторга, а возмущения. Дело в том, что прибытие австрийского эрцгерцога с пышной свитой имело для них символическое значение – это была годовщина поражения, нанесенного сербам турками на Косовом поле. Оно привело к порабощению маленького, но свободолюбивого народа. Почти пятьсот лет страдал он под игом султана. Не слаще оказалось и последующее владычество австрийцев. Борьбу за национальное освобождение возглавила организация молодежных патриотических сил. На ее базе создавались террористические группы. Одной из них было поручено убить Франца Фердинанда.

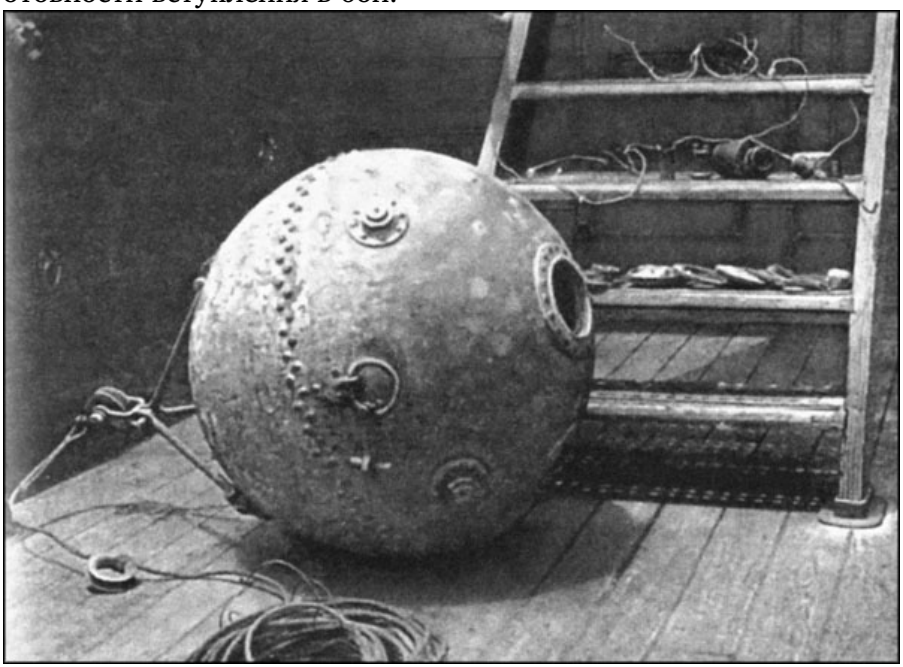
10 часов 25 минут. Автомобиль эрцгерцога въехал на центральную улицу города. В него полетел букет цветов, из которого валил густой дым. Догадавшись об опасности, наследник отбросил букет. Бомба разорвалась несколько секунд спустя. Ее взрывом были ранены офицер из свиты и шесть человек из толпы. А спустя час на набережной реки Милчки эрцгерцог и его супруга были убиты двумя выстрелами из револьвера. Стрелявший юноша – серб Гаврила Принцип был схвачен.

Происшествие взволновало весь мир. Желанный предлог для войны, который давно уже искали могущественные коалиции стран Антанты и Центрального блока, наконец-то был найден.

15 июля Австрия объявила войну Сербии и на следующий день приступила к бомбардировке ее столицы Белграда. Русское правительство ответило на это частичной мобилизацией. Германия, заранее начавшая тайную мобилизацию и сосредоточение войск к своим границам, потребовала от России прекращения мобилизации, а в ответ на отказ ее правительства 19 июля объявила России войну. Спустя четыре дня к ней присоединилась Австро-Венгрия. 21 июля Германия объявила войну Франции, а на следующий день – Бельгии. Тогда против Германии обнажила оружие Великобритания. Спустя сутки в войну на стороне России вступила маленькая Черногория. Через

несколько дней в состоянии войны с Австро-Венгрией оказались Великобритания и Франция. Почти четыреста миллионов человек в течение нескольких дней оказались втянутыми в войну, получившую название Первой мировой.

Как только поступило сообщение об объявлении Германией войны, Балтийский флот был приведен в боевую готовность. В устье Финского залива развернулся дозор из крейсеров, а перед главными минными заграждениями заняла позиции бригада подводных лодок. В районе фланговошхерной позиции сосредоточилась 2-я дивизия миноносцев. Остальные корабли флота располагались за главными минными заграждениями в готовности вступления в бой.



Русская морская мина. 1904 г.

«С этого дня, – обратился к морякам адмирал Эссен, – каждый из нас должен свести все свои помыслы и волю к одной цели – защитить родину от посягательств врагов и вступить в бой с ними без колебаний, думая только о нанесении врагу самых тяжелых ударов, какие только для нас возможны». Однако до окончательного выяснения намерений Германии флоту запрещалось предпринимать активные наступательные действия на море.

С началом войны Балтийский флот перешел в подчинение командующего 6-й армией. По его приказу от 18 июля на флот возлагалась задача: «всеми способами и средствами препятствовать производству высадки в Финском заливе».

Подтверждением этой задачи, собственно, и ограничились заботы по отношению к флоту.

А между тем командование флота находилось в полном неведении о политическом положении России, об оперативной обстановке на Балтийском театре военных действий. 21 июля Колчак в донесении в Морской Генеральный штаб, для передачи «в собственные руки» представителю ВМФ при командующем войсками Северного фронта капитану 1 ранга В. М. Альтфатеру, писал: «Мы совершенно лишены сведений о противнике. Разведке нашей цена 0. Она ничего путного не дает. Точно так же командующий не имеет даже политической ориентировки…»

Далее в донесении говорилось, что подготовка флота к войне прошла очень хорошо. «Все, конечно, надо отнести на долю Николая Оттовича. Его решимость, его энергия, отсутствие всяких личных соображений определили всю работу флота за последнюю неделю. Я убежден, что мы заслуживаем лучшего флота, чем имеем. С таким адмиралом, имея флот, – что можно сделать или, вернее, что нельзя сделать. Грустно делается, когда видишь наши «главные силы» из четырех стареньких линейных кораблей, четырех жалких «крейсеров» 1-й бригады и четырех, еще более плохих, 2-й бригады. Вчера Николай Оттович развернул свои силы на позиции, и чувство какой-то обиды явилось, глядя на наши старые, утратившие реальную боеспособность корабли. Неужели же мы не заслужили настоящих кораблей; ведь есть у нас и знание, и умение, и качества не хуже, чем у других». Донесение заканчивалось словами: «Последние дни мы ждем боя и хотим его. Долго высидеть на позиции невозможно. Офицеры и команды веселы, и подъем духа у всех большой, но долго его поддерживать нельзя… Вся надежда на Николая Оттовича, и с ним будут драться на чем угодно».

Торжественный молебен в Петербурге по случаю начала Первой мировой войны.

В письме Василию Михайловичу Альтфатеру от 24 июля Колчак высказывал предположение о ближайшем вмешательстве в военные действия Швеции на стороне Германии. Он сообщал, что Эссен – сторонник активных действий против шведов, которые под прикрытием своего нейтралитета тайно поддерживают Германию. Однако главнокомандующий запрещает такие действия со стороны флота. Далее Колчак просил ускорить постройку «новиков» и дать ответ на основной вопрос: «считает ли главнокомандующий связанными нас с обязательствами не оставлять Финский залив или нет и когда это обязательство заканчивается?»

Большое внимание уделял Колчак организации связи. По его приказу устанавливается четкий порядок прохождения информации от наблюдательных постов до заинтересованных лиц. При обнаружении кораблей противника одним из постов по всему отделению объявлялась боевая тревога. Начальник отделения лично составлял донесение по проверенным данным с подчиненных постов. Телефонисты и телеграфисты передавали его на центральную станцию, в соседние отделения, на батарею, а также в рядом расквартированную воинскую часть и находящиеся вблизи корабли. Результаты разведки морской авиации передавались в штаб флота через посты связи на аэродромах. Ежедневно составлялась оперативная сводка, которая дополнялась данными радиоперехвата и прогнозом погоды. Эти сведения наносились также на карту обстановки, находившуюся у начальника службы наблюдения и связи флота. С ней

знакомились командиры соединений и кораблей перед выходом в море.

Первые действия немецких военно-морских сил на Балтике против русских носили преимущественно демонстрационный характер. В последние дни июля крейсера «Аугсбург» и «Магдебург» обстреляли подходные к Финскому заливу маяки Бенгштер и Дагеропт (Кыпу) и пограничные посты у Палангена (Паланги). Еще ранее они поставили минные заграждения у Либавы, не ведая, что она уже эвакуирована. 12 и 13 августа эти же крейсера пытались проникнуть в Финский залив. Обходя свое минное заграждение, поставленное у южного входа в залив, «Магдебург» в густом тумане наскочил на камни у острова Оденсхольм.

Ночью 13 августа с сигнального поста на острове Оденсхольм по телефону донесли в Ревель, что на расстоянии двух кабельтовых в тумане на мели засело четырехтрубное судно, слышится немецкая речь. Адмирал Эссен сразу же направил туда дивизион миноносцев и крейсера «Богатырь» и «Паллада». Из Ревеля также вышла группа кораблей с высшими чинами флота на борту.

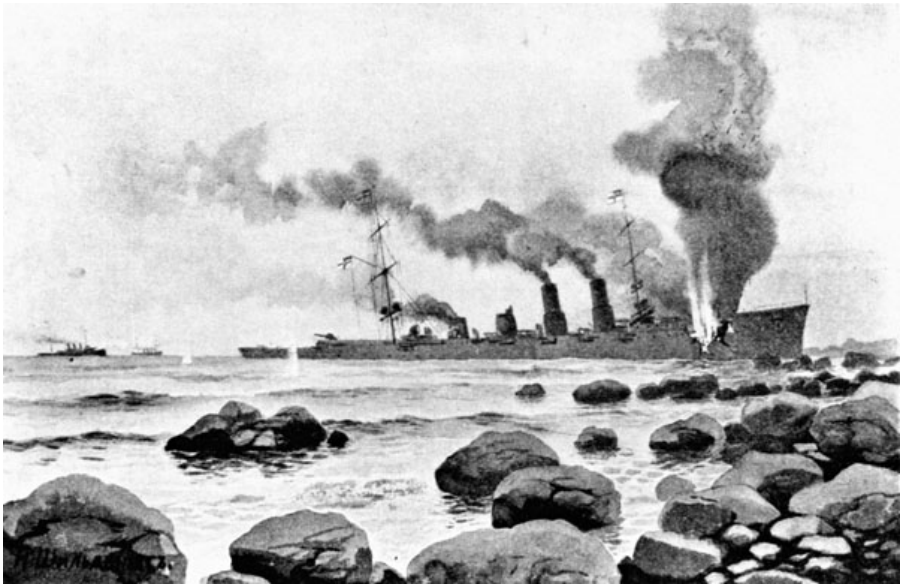
Когда с наступлением дня видимость улучшилась, обнаружили, что на мели увяз крейсер «Магдебург», а на корму ему подан буксирный трос с большого миноносца, который пытался стащить корабль на большую воду. Русские крейсера немедленно открыли огонь. Миноносец быстро ушел в открытое море. «Магдебург» попытался сопротивляться, но положение его было безнадежным. Команда взорвала носовые погреба и капитулировала. При осмотре корабля на нем были обнаружены многие документы, в том числе и радиошифрограммы германского командования и шифры.

Документы попали в штаб и были переданы для изучения Колчаку. Александр Васильевич очень заинтересовался шифрами. По его предложению неподалеку от Ревеля была установлена приемная радиостанция для прослушивания эфира. В результате была получена ценная информация о планах вражеского командования, позволившая русскому флоту перейти к активным действиям.

Лишь в начале сентября Александр Васильевич получил долгожданную весть о судьбе семьи.

С первых же часов начавшейся в августе 1914 года войны капитан 2 ранга Колчак был в море. А Софья Федоровна, квартировавшая в прифронтовой Либаве с двумя детьми, поспешно паковала под канонаду немецких батарей чемоданы. Все говорили, что Либаву сдадут, и семьи русских офицеров,

чиновников и прочего служилого люда осаждали вагоны идущего в Питер поезда. Бросив все нажитое за десять лет, жена Колчака с детьми на руках все же выбралась из прифронтового города. Так началась черная полоса ее жизни. Она честно несла свой крест офицерской жены: переезды с места на место, чужие квартиры, болезни детей, бегство из-под обстрела, соломенное вдовство и вечный страх за мужа – вернется ли из похода… И не было ей за это никаких государевых наград и почестей. Муж получал ордена и боевые кресты. А она ставила кресты на могилах своих дочерей. Сначала умерла двухнедельная Танечка, потом – после бегства из осажденной Либавы – двухлетняя Маргарита. Выжил лишь Славик, Ростислав…



Расстрел русскими кораблями германского крейсера «Магдебург».

Тем временем в море все чаще стали выходить группы крейсеров во главе с адмиралом Эссеном. В ночь под новый год крейсер «Рюрик», ходивший под флагманским флагом, поставил ряд минных заграждений непосредственно у германских берегов. Спустя месяц подобная задача была успешно решена в Данцигской бухте. В этой операции участвовал и Колчак. Он находился на борту крейсера «Рюрик», входившего в сформированную на поход бригаду из шести крейсеров под командованием начальника отряда заградителей Балтийского моря вице-адмирала Василия Александровича Канина. Бригада во главе с флагманским крейсером «Россия» полностью выполнила боевую задачу. С крейсеров «Россия» и «Рюрик» были поставлены самые удаленные минные заграждения – у мыса Аркона; другие

крейсера минировали район к востоку от острова Борнгольм.

Четвертая (Данцигская) миннозаградительная операция, начавшаяся в конце января 1915 года под руководством начальника 1-й минной дивизии контр-адмирала П. Л. Трухачева, уже на первом этапе потерпела неудачу. Флагманский корабль отряда крейсер «Рюрик» в тумане наскочил на подводные камни близ шведского маяка Фаре (к северу от Готланда) и получил пробоину. Отряду пришлось возвращаться на базу. Чтобы не сорвать важную операцию, Колчак испросил разрешения у командующего флотом выполнить ее под своим командованием силами экипажей четырех лучших (типа «Пограничник») эскадренных миноносцев. Эссен дал «добро». Операция проходила в чрезвычайных условиях: ночь, туман, плавающий лед. Из-за невозможности определить место корабли шли по исчислению, временами теряя друг друга из виду. Тем не менее запланированное минное заграждение в Данцигской бухте было поставлено, и 3 февраля все эсминцы благополучно вернулись в Ревель. Эта операция выявила Колчака как перспективного флагмана, способного решать сложные боевые задачи не только на оперативных картах и схемах, но и на практике, в море. Искренне доволен был успехом своего любимца Эссен. Он и не скрывал ни от кого, что возлагает большие надежды на этого офицера.

«В это время Колчак безвыходно жил на корабле, – писал его старый знакомый по заседаниям в Государственной Думе Савич. – Я был прикован к Петрограду, и нам не приходилось встречаться. Но о его работе я знал, его роль в войне мне была отлично известна. То, что наш слабый материально флот с первых дней мобилизации все время был на высоте и начеку, что все его операции развертывались по строго определенному плану, доказывало, что тут нет места импровизации, что все было предусмотрено заранее, все продумано, все подготовлено. Чуялась большая, длительная организационная работа, видно было, что Эссен и его штаб много и продуктивно работали. Особенно ответственна была, конечно, работа оперативного отдела штаба и его вдохновителя Александра Васильевича Колчака».

Вице-адмирал В. А. Канин.

Наступившие в середине февраля сильные морозы сковали льдом прибрежные воды северной Балтики. Активная деятельность Балтийского флота прервалась до весны. В течение зимы Колчак выполнял поручения Эссена: неоднократно бывал на судостроительных заводах в Петрограде, уточняя сроки сдачи флоту новых кораблей (попутно навещал свою семью и Крыжановских), ездил в Барановичи в штаб Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича для согласования совместных действий армии и Балтийского флота на предстоящую кампанию. Остальное время находился в Гельсингфорсе на «Рюрике».

В начале 1915 года в штаб флота пришел новый флаг-капитан

по распорядительной части, капитан 1 ранга Сергей Николаевич Тимирев. Как бывшие участники обороны Порт-Артура, почти ровесники, к тому же попавшие в плен в Нагасаки, Колчак и Тимирев сблизились по службе. Сергей Николаевич познакомил сослуживца со своей молоденькой женой, которой недавно исполнился 21 год.

Анна Васильевна Тимирева была дочерью известного русского пианиста, педагога и дирижера Василия Ильича Сафонова, возглавлявшего Московскую и Нью-Йоркскую консерватории. Своему мужу она приходилась троюродной сестрой. По свидетельству священника Б. Г. Старка, сына бывшего контр-адмирала Г. К. Старка, природа одарила Анну божественной красотой. Увидев ее еще мальчиком, он до старости сохранил в своей памяти образ этой обаятельной женщины с белой розой в волосах и такой же розой на черном платье.

Впервые о Колчаке она услышала как о герое полярных походов, известном на Балтике как Колчак-Полярный. Вскоре Анна Васильевна лично могла убедиться, что Колчак умен, образован и интересен как собеседник. «Не заметить Александра Васильевича было нельзя – где бы он ни был, он всегда был центром». По мере дальнейшего знакомства перед ней раскрывался волевой, знающий себе цену мужчина – не красавец, но и не лишенный чего-то такого, что могло нравиться женщинам. В гостях у друзей Тимирева познакомилась с женой Колчака, Софьей Федоровной, – дамой лет на 15–16 старше ее, заметно отличавшейся от других офицерских жен своим интеллектом. Летом 1915 года женщины часто встречались на даче под Гельсингфорсом (на острове Бренде), гуляя со своими маленькими сыновьями, и в конце концов даже подружились.

Анна Васильевна Тимирева – возлюбленная А. В. Колчака.

Из письма Анны Васильевны Тимиревой одной из подруг, написанного в 1934 году. Речь идет о Софье Федоровне Колчак:

«Это была высокая и стройная женщина, лет 38 (во время первой встречи в 1915 году), наверное. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, была интеллектуальна. Мне она сразу понравилась, может быть, потому, что и сама я выросла в другой среде.

Она была очень хорошая и умная женщина и ко мне относилась хорошо. Она, конечно, знала, что между мной и Александром Васильевичем ничего нет, но знала и другое: то, что есть, – очень серьезно, знала больше, чем я. Много лет спустя, когда все уже кончилось ужасно, я встретилась в Москве с ее подругой, вдовой адмирала Развозова, и та сказала мне, что еще тогда С. Ф. говорила ей: «Вот увидите, что Александр Васильевич разойдется со мной и женится на Анне Васильевне».

Однажды в Гельсингфорсе еще мы с С. Ф. поехали кататься по заливу, день был как будто теплый, но все-таки я замерзла, и С. Ф. сняла с себя великолепную черно-бурую лису, надела мне на плечи и сказала: «Это портрет Александра Васильевича». Я говорю: «Я не знала, что он такой теплый и мягкий». Она посмотрела на меня с пренебрежением: «Многого вы еще не знаете, прелестное молодое существо». И правда, ничего я не знала, никогда не думала, чем станет для меня этот человек…»

А между тем война продолжалась, и в ней активно участвовал

и Балтийский флот России. Яркой и в то же время печальной страницей в его деятельности стала операция против выходивших из Стокгольма немецких судов с грузами и сопровождавшего их конвоя. Разведывательная сводка поступила в штаб флота в первых числах мая. Командующий приказал готовиться к походу и, хотя чувствовал себя неважно (врачи выявили сердечную недостаточность), решил лично его возглавить.

К шведскому берегу направились миноносцы и крейсеры. Ночью русские моряки встретили караван, рассеяли его и потопили конвой и дозорный корабль «Винду». Но радость победы была омрачена. При возвращении домой на капитанском мостике флагманского корабля скончался Николай Оттович Эссен. Русский флот скорбел о понесенной утрате[13]. Колчак пережил смерть адмирала как личное горе. Несколько дней он находился в подавленном состоянии, избегал товарищей, даже близких. Он с яростью занимался делами, и они постепенно вернули его к жизни.

А. В. Темирева в театральном костюме.

В 1915 году германское верховное командование планировало развернуть широкое наступление на восточном фронте, чтобы в кратчайший срок нанести поражение русской армии. Главный удар намечалось нанести со стороны Восточной Пруссии и из Галиции. В связи с этим роль боевых действий на Балтийском море значительно возросла. Германский отряд кораблей Балтийского моря, усиленный двумя броненосными крейсерами, четырьмя эскадренными миноносцами и семью подводными лодками, должен был поддерживать фланг сухопутных войск, наступавших вдоль побережья Прибалтики, и продолжать демонстративные действия в северной части Балтийского моря.

К этому времени значительно вырос и русский Балтийский флот. В состав его вошли четыре новых линейных корабля типа «Севастополь» и три эскадренных миноносца типа «Новик». Во второй половине года вступили в строй шесть подводных лодок типа «Барс». Это позволило расширить круг боевых задач флота в кампании. Теперь он должен был не только не допускать немецкие силы в восточную часть Финского залива, но и вести активные действия на морских сообщениях противника. Продолжалось усиление его позиций в районах Финского, Рижского и Ботнического заливов. При этом особое внимание уделялось укреплению центральной минно-артиллерийской позиции. Здесь были установлены противолодочные сети, новые минные заграждения и береговые артиллерийские батареи. Началось оборудование передовой минной позиции между полуостровом Ганге и островом Даго, где было поставлено 745 мин. Многое сделали балтийцы по укреплению позиций в Або-Аландском районе, в Рижском заливе и в районе Моонзундских островов.

С наступлением в Лифляндии заметно активизировалась и деятельность его флота. Немецкие корабли безуспешно пытались прорваться в Ирбенский пролив, высадить десант и блокировать минными заграждениями и развернутыми на позиции подводными лодками выходы русских кораблей в Балтику. Крейсера, миноносцы и подводные лодки Балтийского флота – теперь его возглавлял вице-адмирал В. А. Канин – в течение всей кампании 1915 года без труда выходили в открытое море, при этом осуществляли минные постановки, обстреливали побережье, занятое противником, вступали в артиллерийские дуэли с его кораблями.

19 июня, возвращаясь после безуспешного огневого налета на Мемель, русский отряд под командованием контр-адмирала М. К. Бахирева в составе крейсеров 1-й бригады и нескольких

приданных к ним эсминцев атаковал у Готланда немецкие корабли: крейсер «Аугсбург», три миноносца и минзаг «Альбатрос». Крейсер и миноносцы противника скрылись в тумане, а «Альбатрос», объятый пламенем, выбросился на берег шведского острова Эстергарне (к востоку от Готланда). На пути к Финскому заливу отряд Бахирева обнаружил еще два неприятельских крейсера и четыре миноносца. Не решаясь сблизиться с противником на короткую дистанцию, видимо, из-за недостатка снарядов, Бахирев упустил возможность разгромить врага, нанеся, однако, повреждение крейсеру «Роон». В Готландском сражении участвовал и Колчак: это подтверждают следующие строки письма, адресованного ему Альтфатером 22 июня: «Дорогой Александр Васильевич. Прежде всего от всей души поздравляю Вас с успешной операцией, одним из главных инициаторов которой явились Вы. Не знаю ее подробности, но то, что произошло, позволяет с уверенностью сказать, что все было проделано по всем правилам искусства».

В конце июня русские войска оставили Виндаву. Продвигаясь по территории Курляндии (Курземе) дальше на северо-восток, германские части вышли на побережье Рижского залива. Но тут их левый фланг оказался под огнем русской морской артиллерии. Германскому флоту надо было во что бы то ни стало прорываться в этот залив для противодействия русским кораблям и обеспечения поддержки флангу своих войск.

С подчинением Балтийского флота главнокомандующему Северным фронтом генералу от инфантерии Н. В. Рузскому моряки-балтийцы, помимо выполнения главной своей задачи, оставленной без изменения (не допускать неприятеля в Финский залив), должны были прочно удерживать Моонзундскую позицию, закрыв доступ неприятельским морским силам в Рижский залив. Оборону залива со стороны Ирбенского пролива держали линкор «Слава», канонерские лодки «Грозящий» и «Храбрый», а также эсминцы.

К осени флот получил 14 подводных лодок. Это позволило ему активизировать действия на морских сообщениях противника. В течение кампании подводные лодки 53 раза атаковали немецкие боевые корабли и транспортные суда. При этом были потоплены броненосный крейсер «Принц Адальберг», крейсер «Ундине», миноносец и 15 транспортов. Действия русских подводных лодок вызвали большое беспокойство в Германии. Пароходные компании в октябре 1915 года заявили о прекращении судоходства на Балтике. Для его защиты немецкое командование вынуждено было значительно усилить противолодочную оборону на театре. Оно также приняло решение

большую часть перевозок осуществлять в шведских территориальных водах.

В начале сентября обязанности начальника минной дивизии П. Л. Трухачева, вывихнувшего ногу при сильной качке, Канин передал Колчаку. К нему в подчинение перешли и Морские силы Рижского залива. В то время приморский фланг немецких войск доходил до курортного местечка Кемери. Для того чтобы приостановить движение немцев к Риге, Колчак и командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев разработали план совместных действий армии и флота. К этому времени неприятель уже захватил Кемери. Выполняя этот план, части 12-й армии при огневой поддержке канонерских лодок и эсминцев выбили войска противника из Кемери с большими для него потерями и приостановили наступление на Ригу. 7 октября под руководством Колчака была выполнена смелая операция по высадке морского десанта в немецкий тыл в районе мыса Домеснес (Калкасрагс). Десантный отряд навел панику на неприятеля, уничтожил роту немцев, разрушил все мосты и объекты военного назначения и благополучно вернулся на корабли. За эту операцию Колчак по представлению генерала Радко-Дмитриева был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Кроме того, он был удостоен ордена Владимира 3-й степени с мечами и подарка «из кабинета Его Императорского Величества».

Вступив в должность начальника минной дивизии (а это произошло в середине ноября), Колчак задумал поставить минные заграждения у Либавы и Мемеля. 24 декабря, в сочельник, он на «Новике» в сопровождении двух таких же новых эсминцев вышел из Ревеля. Операция, однако, сорвалась. По выходе из Финского залива один из эсминцев – «Забияка» – подорвался на мине, и его, полузатопленного, пришлось буксировать обратно на базу. Это была первая неудача, постигшая Колчака на Балтике.

В январе 1916 года наступили сильные морозы, и образовавшийся толстый лед в заливах и прибрежных районах моря прервал навигацию. Балтийский флот завершил свою боевую деятельность в кампанию 1915 года с неплохим итогом. Германский флот потерял (больше всего от русских мин): броненосный крейсер, 2 легких крейсера, 7 миноносцев, 9 тральщиков, 5 сторожевых кораблей, подводную лодку, прорыватель заграждений и 26 транспортов. Потери русского флота были намного меньше: 2 канлодки, 2 минзага, 3 тральщика, подводная лодка и 5 транспортов. Совокупные потери военного и транспортного флотов составили: у Германии – 83 500

тонн, у России – 17 800 тонн.

С начала 1916 года Балтийский флот перешел в непосредственное подчинение Ставки Верховного главнокомандующего, при которой был образован Морской штаб. Командующий флотом приобретал большую свободу действий и мог по своему усмотрению использовать корабли всех классов. Главную задачу флота – защищать столицу – Ставка оставила без изменений. В то же время разработанный штабом флота по ее директиве оперативный план на кампанию 1916 года предусматривал как усиление обороны Финского залива (путем создания дополнительной минно-артиллерийской позиции по линии остров Эре – мыс Тахкона), Моонзундского и Або-Оландского районов, так и активные действия флота: продолжение минных постановок в водах и на коммуникациях противника, уничтожение его отдельных кораблей и небольших отрядов в открытых боях и расширение масштабов боевого использования подводных лодок.

Минная дивизия к 1916 году состояла из семи дивизионов, укомплектованных не полностью. В первые три входили (по мере вступления в строй) эсминцы типа «Новик», а четыре других составляли разнотипные миноносцы. По дивизиону эсминцев имели отряд судов Або-Аландской позиции и дивизион сторожевых судов. Начальник минной дивизии капитан 1 ранга Колчак зимой находился в Ревеле, изредка выезжая в Петроград, а оттуда в Гатчину, где на Люцевской улице с осени 1915 года проживала его жена с сыном и няней-прислугой. Этот удаленный пригород Софья Федоровна избрала для временного проживания из тех соображений, чтобы самой и слабому здоровьем Славушке побольше пребывать на свежем воздухе, которым особенно был богат роскошный гатчинский парк с его вековыми деревьями и летним ковром всевозможных цветов и трав. Не последнее место в семейных расчетах занимал, разумеется, и размер платы за жилье, который здесь был значительно меньше, чем в Гельсингфорсе и Петрограде.

Морской министр адмирал И. К. Григорович.

Колчак, намеренно, из благоразумия избегавший встреч с молоденькой Тимиревой, вскоре понял, что не в силах перебороть неодолимого влечения к ней. А она по-прежнему находилась в Гельсингфорсе – месте базирования главных сил флота и его штаба, где на штабном судне «Кречет» продолжал службу ее муж. От Тимиревой Колчака отделяло, следовательно, более чем 40-мильное пространство льда Финского залива. Добраться до Гельсингфорса можно было только по железной дороге вокруг, то есть через Петроград. У Колчака, конечно, находились служебные дела в штабе флота, и он не упускал случая, чтобы съездить в Гельсингфорс. Там ему удавалось иногда встречаться с Анной

Васильевной, как и прежде – у общих знакомых. Однако при таких встречах, как вспоминала Тимирева, они, как правило, сидели рядом. Во время одной из встреч она подарила ему свою фотографию, где была снята в русском костюме.

Балтийское море начало вскрываться ото льда в первых числах марта. Но в заливах и проливах лед стоял еще нетронутым. В Ревеле, на минной дивизии, завершались судоремонтные работы, почти на всех кораблях началась непосредственная подготовка к кампании.

28 марта начальник минной дивизии из Ревеля на ледоколе вышел в море. До Моонзунда его сопровождали три ледокола, затем один из них с осадкой, превышающей глубину Моонзундского морского канала, вернулся в Ревель, а два других прошли за флагманом в Рижский залив. Спустя неделю Александр Васильевич получил телеграмму от командующего Балтийским флотом, в которой сообщалось, что «высочайшим» приказом капитан 1 ранга Колчак производится в контр-адмиралы с оставлением в должности начальника минной дивизии и командующего Морскими силами Рижского залива. В его адрес полетели поздравительные телеграммы и почтовые открытки от друзей, сослуживцев, Крыжановских, поклонниц и, разумеется, от Анны Васильевны. Чуть ли не последней узнала о высоком чине своего мужа Софья Федоровна.

По мере освобождения от льда Рижского залива развертывались и его Морские силы: линкор «Слава», миноносцы, канонерские и подводные лодки. 23 апреля был дополнительно заминирован и загражден баржами Ирбенский пролив, а для артиллерийского прикрытия этого комбинированного заграждения на мысе Церель (Сырве) началось строительство батареи. В конце мая Морские силы Рижского залива произвели первые проверочные стрельбы по берегу. Тогда же минный заградитель «Урал» приступил к минным постановкам в Ирбенском проливе. Всего в 1916 году здесь дополнительно было поставлено около 5,5 тысячи мин. Производились работы по сооружению артиллерийских батарей на островах Эзель и Даго. Командование флота усилило Морские силы Рижского залива старым линейным кораблем «Цесаревич», двумя броненосными и двумя легкими крейсерами. В Ботническом заливе было поставлено 800 мин. На Або-Аландских островах дополнительно установили 12 батарей.

Командующий Северным фронтом и Балтийским флотом генерал Н. В. Рузский.

Как сообщило английское посольство в Стокгольме русскому командованию 23 мая, из Стокгольма и другого шведского порта Оклезунд (Окселесунд) 23, 28 и 31 мая должны выйти немецкие транспорты с грузом железной руды в сопровождении конвоев.

Командующий Балтийский флотом решил перехватить вражеский караван 28 мая, направив навстречу ему отряд особого назначения из крейсеров и миноносцев под командованием контр-адмирала Трухачева. Из-за тумана операцию пришлось перенести на 31-е.

Около 22 часов 31 мая отряд Трухачева находился между шведским маяком Лансорт и банкой Коппарстенарне, примерно в 50 милях к северу от острова Готланд. Впереди отряда в кильватерном строю шли три эсминца: «Новик», «Победитель» и «Гром» во главе с контр-адмиралом Колчаком. За ними, тоже в кильватерной колонне, следовали крейсера «Богатырь», «Олег» и «Рюрик», охраняемые справа и слева эсминцами 6-го дивизиона (по четыре с каждой стороны).

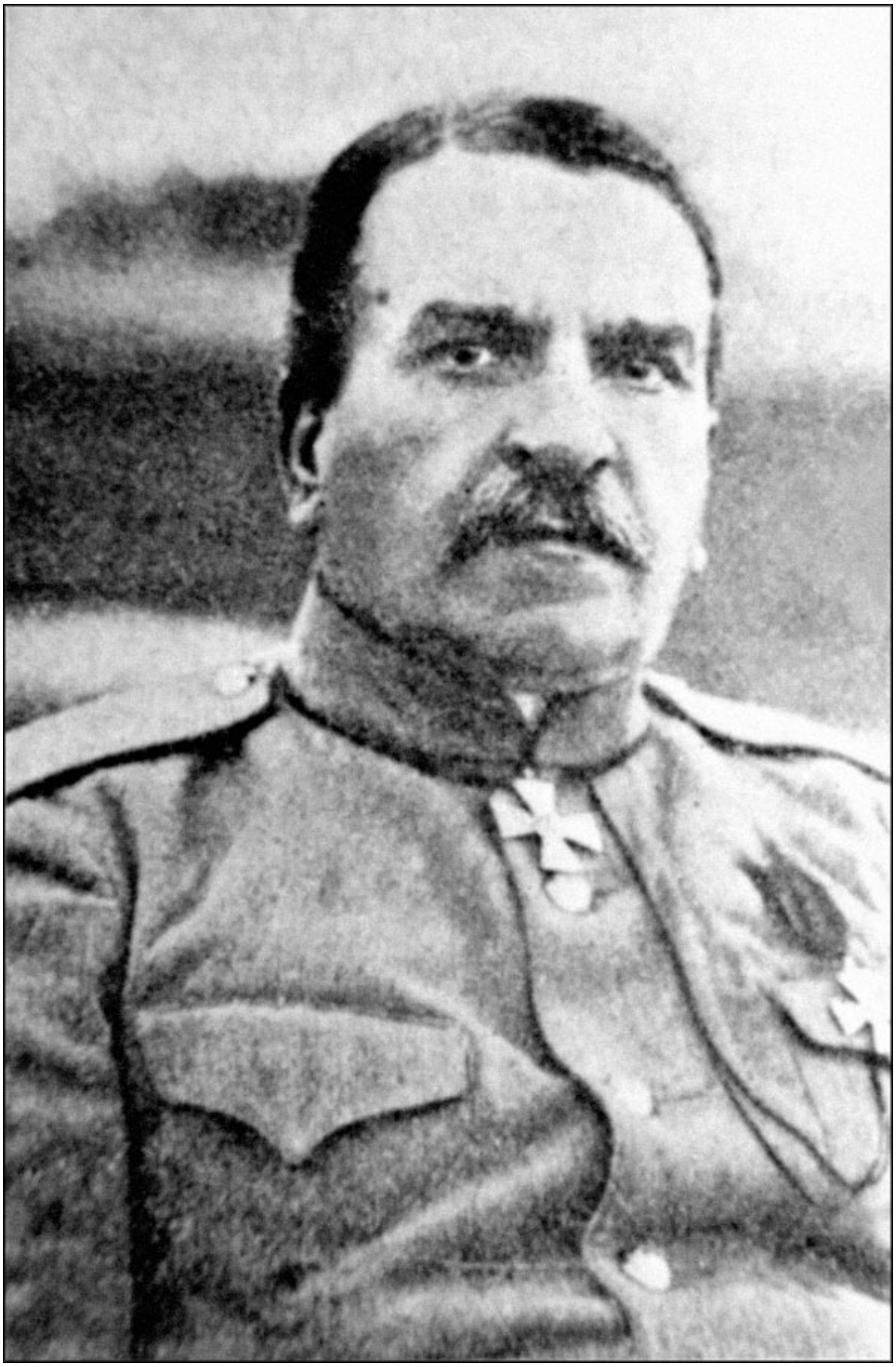
Генерал Н. В. Рузский у своего поезда.

В 22 часа три головных эсминца прибавили ход и, оторвавшись от остального отряда, взяли курс на Норчепингскую бухту. Сплошная облачность усиливала вечернюю темноту, но видимость маячных огней была хорошей. В 23 часа 23 минуты на подходе к бухте с эсминцев был обнаружен караван из 13 транспортов, шедших в охранении конвоя вдоль шведского берега на юг. Все суда и корабли охранения не соблюдали светомаскировку и отчетливо различались в ночной темноте. Увеличив ход до 30 узлов, русские миноносцы «Новики» быстро нагнали караван. Учитывая, что конвой был шведский, Колчак решил предупредить его двумя выстрелами. Однако шведские военные корабли не только не оставили конвоируемые суда, но и предприняли попытку атаковать русские эсминцы. В 23 часа 38

минут «Новик», «Победитель» и «Гром» по сигналу флагмана открыли залповый огонь. В итоге боя, длившегося 37 минут, противник потерял вспомогательный крейсер «Герман», два вооруженных траулера и пять транспортов. Остальные корабли и суда укрылись в шведских территориальных водах. Огонь же неприятеля был малоэффективен и никакого вреда русским эсминцам не причинил. 2 июня отряд благополучно пришел к своим берегам.

Нападение русских Морских сил на конвой «нейтральной» Швеции и транспорты противника близ Норчепингской бухты произвело сильное впечатление на шведов и самих немцев и заставило на некоторое время прервать морские перевозки. В дальнейшем свои транспортные суда немцы стали сопровождать более усиленным конвоем. Блестящий же успех русских моряков еще выше поднял авторитет Колчака как боевого адмирала.

Вернувшись в Рижский залив, Колчак продолжил подготовку вверенных ему Морских сил для использования их огневой мощи против неприятеля, занимавшего юго-западное побережье залива. Получив от командования 12-й армии уточненные данные о месте сосредоточения противника на приморском участке фронта, начальник минной дивизии выделил три группы кораблей артиллерийской поддержки, определив для каждой из них огневую позицию. 19 июня по согласованию с сухопутным командованием эти группы кораблей приступили к систематическому обстрелу приморского фланга неприятеля. Контр-адмирал Колчак приступил к подготовке крупной десантной операции в районе Рижского залива. Однако в связи с тем, что русская 12-я армия, перешедшая 12 июня в наступление, успеха не добилась, операция не состоялась. Морские силы Рижского залива всецело переключились на артиллерийскую поддержку фланга сухопутных войск, оборонявших Ригу. Корабельный огонь, корректируемый находившимися на берегу морскими офицерами-артиллеристами, был эффективным.



Командующий 12-й армией генерал Радко Дмитриев.

Немецкое командование для борьбы с русскими кораблями решило использовать авиацию и береговые батареи. Но русское командование организовало непосредственное прикрытие

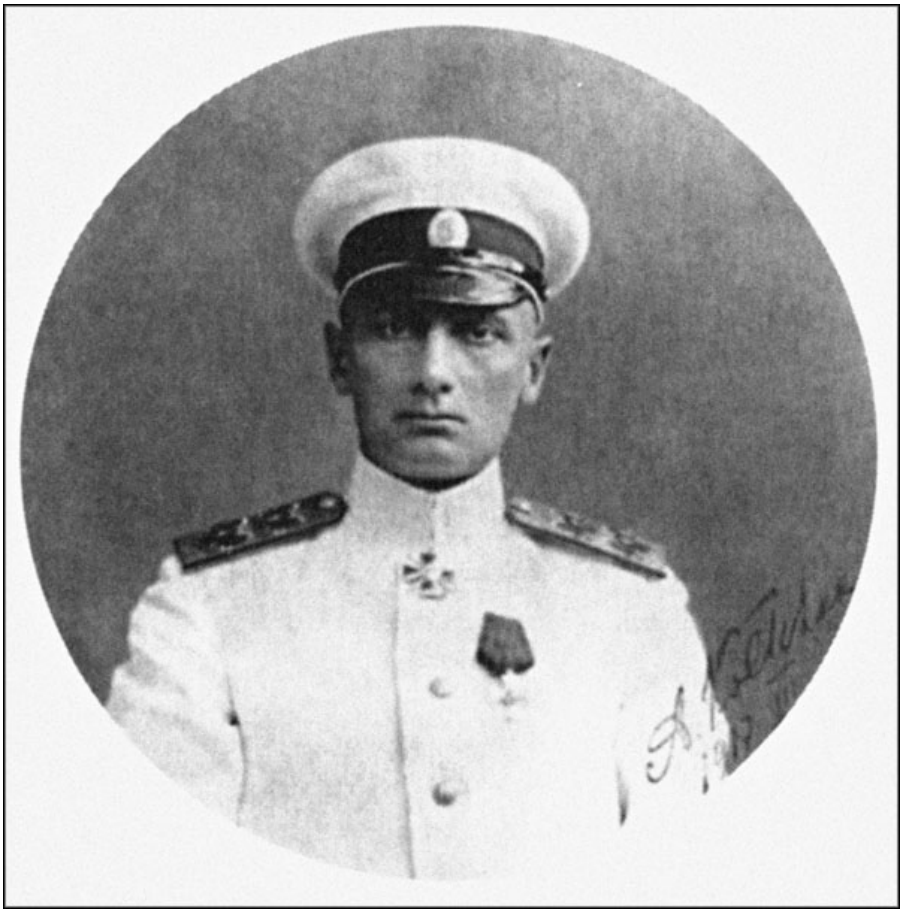
корабельных сил, действовавших на фланге армии, самолетами, которые базировались на острове Руно, и авиатранспортом «Орлица». Этот авиатранспорт выходил на позицию вместе с кораблями артиллерийской поддержки. При появлении немецких гидросамолетов русские летчики взлетали и вступали в бой. В одной из таких схваток, в которой с обеих сторон участвовало по четыре гидросамолета, было сбито две немецкие машины. В этом бою русский летчик лейтенант Петров применил новый тактический прием. Он зашел в хвост вражескому самолету и с дистанции 15 метров сразил его пулеметным огнем.

Николай II среди офицеров Балтийского флота (во втором ряду третий слева А. В. Колчак).

Для нарушения же германских стратегических перевозок русское командование использовало подводные лодки и эскадренные миноносцы. 4 июня, например, подводная лодка «Волк», производившая по приказу Колчака разведку противника в районе Норчепингской бухты, потопила три немецких транспорта общим водоизмещением 8600 тонн. В ночь на 18 июня под прикрытием крейсеров «Рюрик», «Богатырь» и «Олег» эсминцы «Новик», «Гром» и «Победитель» совершили внезапный набег на немецкий конвой в Норчепингской бухте и, применив впервые в истории залповую стрельбу торпедами по площадям, потопили вспомогательный крейсер «Герман» водоизмещением 4000 тонн, два вооруженных траулера и несколько транспортов.

Глава 8. Во главе Черноморского флота

У каждого человека есть тот рубеж, перешагнув который он с гордостью может сказать: не зря живу на этом свете. В отношении себя Александр Васильевич Колчак наверняка назвал бы 21 июля 1916 года. В тот день он на рассвете вернулся с Моонзундских островов в Ревель очень уставшим. Тем не менее отдохнуть ему не пришлось. Прибыл вестовой – срочно вызывают в штаб флота. Здесь его ждала телеграмма, в которой сообщалось о назначении его командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы и о немедленной аудиенции с Николаем II, Верховным главнокомандующим Действующей армии. В Гельсингфорсе командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. А. Канин поздравил Колчака с «двойным повышением». Ему надлежало сдать должность командиру линкора «Гангут» капитану 1 ранга М. А. Кедрову, в недавнем прошлом флигель-адъютанту Его Императорского Величества, и вместе с ним прибыть в Петроград. В Морском министерстве адмиралов (М. А. Кедров получил чин контр-адмирала) ожидал приказ Николая II, подписанный морским министром генерал-адъютантом И. К. Григоровичем, об их новых чинах и назначениях. Как отмечает Григорович, «Государь… легко согласился на назначение Колчака, который тотчас же был произведен в вице-адмиралы».



Командующий черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак

Заветной цели – командовать флотом – Колчак добился даже раньше, чем думал сам. Через два дня он прощался с личным составом минной дивизии и других судов обороны Рижского залива. За невозможностью лично побывать на каждом корабле вице-адмирал Колчак оставил в штабе минной дивизии прощальное письмо с просьбой довести его содержание до офицерского состава и команд, бывших в его подчинении. В нем говорилось:

«Великую милость и доверие, оказанное мне Государем Императором, я прежде всего отношу к минной дивизии и тем судам, входящим в состав Рижского залива, которыми я имел честь и счастье командовать… Лично я никогда не желал бы командовать лучшей боевой частью, чем минная дивизия с ее постоянным военным направлением духа, носящим традиции основателя своего покойного ныне адмирала Николая Оттовича. И теперь, прощаясь с минной дивизией, я испытываю те же

чувства, как при разлуке с самым близким, дорогим и любимым в жизни».

Письмо заканчивалось выражением надежды, что дальнейшая боевая работа дивизии увенчается «славой воинской и даст счастье увидеть победное окончание войны».

Прощание Колчака с Тимиревой состоялось в Ревеле, где она в это время находилась в гостях у жены капитана 1 ранга Подгурского. Хозяйке дома и Анне Васильевне новопроизведенный вице-адмирал преподнес цветы. Гуляя позже в парке Катринеталь, Тимирева и Колчак открылись друг другу в своих чувствах. «Я сказала, что люблю его… Он ответил: «Я вас больше чем люблю». Колчак испросил разрешение изредка писать ей. Она разрешила. Оба условились, чтобы переписка была тайной.

Побыв день с семьей в Гатчине и наведавшись перед отъездом к Крыжановским, Колчак выехал в Могилев, в Ставку, с намерением оттуда следовать к новому месту службы. Тимиревой, с которой больше свидеться не удалось, он отправил прощальное письмо.

29 июля состоялась встреча нового командующего Черноморским флотом с начальником штаба Ставки генералом М. В. Алексеевым. «В течение полутора или двух часов, – вспоминал Александр Васильевич, – он подробно инструктировал меня об общем политическом положении… разъяснял мне вопросы чисто военного характера, соглашения, которые существовали между державами в это время. Затем, после выяснения интересующих меня вопросов, я явился государю. Он меня принял в саду и очень долго, около часа, информировал относительно положения вещей на фронте, главным образом в связи с выступлением Румынии…

– Мы должны, – подчеркнул Верховный главнокомандующий, – предусмотреть разработку двух вариантов действий: поддержку будущего фронта, наступающего по западному берегу Черного моря, и самостоятельной операции на Босфоре».

Обладание черноморскими проливами, как одну из главных целей своей политики, Россия ставила еще до начала войны с Германией и отразила это в тайных договорах с союзниками. Но Англия и Франция сами были не прочь завладеть Дарданеллами и Босфором и с этой целью весной 1915 года под предлогом помощи России предприняли попытку захватить их вместе с Константинополем силами морского десанта. Российское правительство, опасаясь вероломства союзников, потребовало от них гарантий, что проливы, Константинополь и прилегающие к

проливам побережья будут переданы России. Соглашаясь с этими требованиями, союзники тем не менее не оставляли попыток прибрать проливы к своим рукам. Однако их десантные операции наталкивались на стойкую турецкую оборону и успеха не имели.

Вице-адмирал А. В. Колчак.

Заветную проблему проливов в России вознамерились решить своими силами в связи с предполагаемым осенним выступлением Румынии на стороне Антанты. Планом Ставки, разработанным на этот случай, намечалось продвижение русских войск вдоль западного берега Черного моря, форсирование ими пролива Босфор и дальнейшее развитие боевых действий на территории Турции для захвата всей проливной зоны. Черноморский флот должен был содействовать наступлению армейских соединений десантными операциями, огнем корабельной артиллерии, захватом Босфора и ударом по Константинополю.

Беседа с императором оставила у Александра Васильевича приятное впечатление, в частности, его представление о положении фронтов. Объяснялось это общеизвестной зрительной памятью Николая II, цепко удерживавшей оперативную обстановку на штабных картах. Особенно он очаровал адмирала своим обхождением, подкупающей простотой и обаятельностью.

До этой встречи Колчак не считал себя большим почитателем государя. Конечно, в военной присяге, которую он принимал в юности, есть слова об особе императора, но они не задевали душу и скорее воспринимались как торжественный, но формальный акт. От офицеров он всякого наслушался о Николае, о его жене Александре Федоровне и даже о родителях царя. Ему вспоминались дерзкие строки из письма своего коллеги по одной из экспедиций А. М. Макалинского о памятнике Александру III, что был установлен в 1909 году на Знаменской площади в Петербурге. «Вот, смотрите, итальянцы какой монумент В. Эммануилу за освобождение и объединение закатили, – писал Макалинский. – А у нас даже простой памятник императору Александру III изуродовали: поставили на площади комод, на комоде бегемот, а на бегемоте – обормот». Колчак, прочитав эту ядовитую сатиру, не мог удержаться от хохота. Она, видимо, ему очень понравилась, поскольку он в целости сохранил в своем архиве письмо, не вымарав в нем ни одного слова. Но больше всего насмешек, анекдотов, возмущения в среде офицеров вызывала непонятная и непристойная связь царской семьи с Распутиным. Колчак, разумеется, также осуждал эту затянувшуюся темную историю, в которой супруги Романовы играли главную и крайне неприглядную роль. А вот здесь, в Могилеве, Колчаку российский самодержец представился совсем в ином свете. Адмирала покорили воспитанность и интеллигентность государя.

В Ставке. Николай II, М. В. Алексеев.

Получив в Морском штабе Ставки информацию об оперативной обстановке на Черном море и выслушав ряд рекомендаций и советов помощника морского министра, начальника Морского Генерального штаба адмирала А. И. Русина, новый командующий флотом зашел к царю, чтобы попрощаться с

ним и получить его благословение. В тот же день к вечеру Колчак поездом выехал в Севастополь.

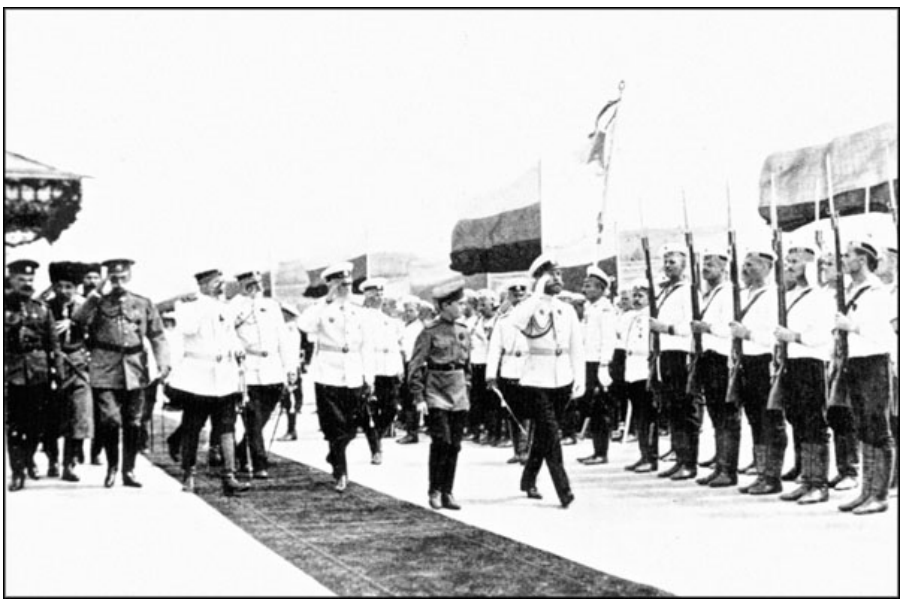
В штабе флота с положением дел Александра Васильевича ознакомил адмирал А. А. Эбергард. В совещании участвовал флагман-капитан штаба, а также другие должностные лица. Из беседы с ними он уяснил, что первейшей задачей флота являлось обеспечение охраны Черноморского побережья от периодических набегов быстроходных германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау», ставивших в тяжелое положение весь русский транспорт на море и в его портах. Не менее опасными становились подводные лодки противника, недавно прошедшие через Босфор и частично базирующиеся на Варну. Вторая задача – организация транспортов с целью обеспечения боевых действий Кавказской армии, подготовка и осуществление десантных операций в ее интересах. Не забывал Колчак и о перспективных задачах, поставленных ему императором Николаем II в Ставке: десант на Босфор, удар по Константинополю, вывод Турции из войны.

О назначении А. В. Колчака на Черноморский флот и отставке Эбергарда пресса сообщила почти через месяц. В газете «Южная почта» и «Черноморской газете» от 26 июля был опубликован высочайший рескрипт, которым Николай II назначал отставного адмирала А. А. Эбергарда членом Государственного совета, пожаловав ему за прошлые заслуги знаки, украшенные бриллиантами. В «Южной почте» была помещена краткая биография нового командующего флотом Черного моря. Поздравительные же письма и телеграммы в адрес Колчака от военных коллег начали поступать еще до этих газетных публикаций. Многие, особенно офицеры флота, находившиеся в отставке, наряду с поздравлениями Колчака с высоким назначением указывали также на тяжесть и ответственность его нового поста, к тому же, как заметил один поздравитель, «за время войны сильно скомпрометированного». Тем не менее все выражали уверенность, что Колчак, как человек дела и самостоятельного взгляда, с честью выполнит свой долг перед Россией и «Бог даст, принесет много славного нашему флоту».

Начальник Морского генерального штаба адмирал А. И. Русин.

Особенно усилился поток поздравлений после газетных сообщений. Его поздравляли со всех концов России: из Одессы – дядя по матери генерал-майор А. Посохов, из Костромы, Винницы и Одессы – двоюродные сестры, которых он в глаза не видел, одна из них, Лиза Назибелова, даже дважды просила «высокопревосходительного» братца помочь ей материально, из Феодосии неожиданно объявившийся родственник, народный

учитель Серватовский, выславший адресату образок великого князя Александра Невского с сопроводительными словами: «пусть он будет заступником и покровителем во всех Ваших делах на пользу нашей Родины». Из Благовещенска Колчака поздравлял его бывший коллега по экспедиции Ф. А. Матисен, из Енисейска – соплаватель по двум полярным экспедициям Н. А. Бегичев. Телеграммы, открытки и письма в адрес Колчака поступали и из других городов, от многих знакомых и незнакомых ему офицеров, адмиралов, генералов, а также от некоторых гражданских лиц, желавших ему успехов на новой ответственной должности и военного счастья.



Прибытие Николая II в Севастополь.

Высокому служебному положению Колчака соответствовал и должностной оклад его денежного содержания. Ему, как и бывшему командующему Эбергарду, полагалось 22 тысячи рублей в год и дополнительно морское довольствие в размере, установленном для командующих эскадрами. Помимо этого, по ходатайству морского министра государь император повелел отпустить Колчаку на переезд к новому месту службы 2000 рублей. Когда-то Софья Федоровна лелеяла мечту о том, что ее муж будет командовать на Черном море кораблем 1 ранга. Действительность превзошла ее самые смелые предположения. Теперь она – жена командующего флотом, и ей не надо уже переживать за семейный бюджет. Более того, можно даже обновить свои туалеты, поскольку ей вместе с мужем приходится бывать в высшем севастопольском обществе.

Вице-адмирал А. В. Колчак официально вступил в должность командующего Черноморским флотом 9 июля. В своем приказе по этому поводу он отметил, что принял командование «повелением Государя Императора», что до прибытия в Севастополь «имел счастье получить его указания по предстоящей деятельности». Приказ заканчивался фразой «Пусть каждый из нас помнит, что Государь Император верит, что Черноморский флот, когда ход событий войны приведет к решению исторических судеб Черного моря, окажется достойным принять участие в этом решении».

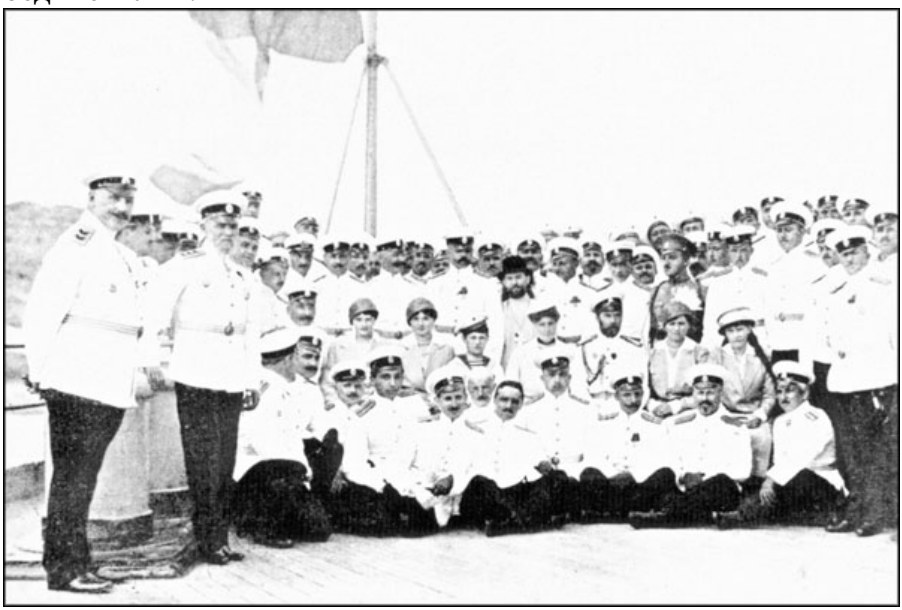
Буквально через несколько минут, как был поднят флаг нового командующего, поступило радиосообщение о выходе из Босфора крейсера «Бреслау». Было примерно 11 часов вечера. Адмирал вызвал ближайших помощников, разобрал по карте вероятное направление его движения, приказав одновременно готовить к выходу в море флагман, дредноут «Императрица Мария», крейсер «Кагул», шесть миноносцев.

Встреча с «Бреслау» произошла в 3 часа пополудни. Противник держал курс на Новороссийск – в главную базу снабжения Кавказской армии. От боя крейсер уклонился и тотчас же повернул обратно. «Я гнался за ним до позднего вечера, – вспоминал Колчак, – нас разделила наступившая тьма и начавшаяся гроза. Я имел возможность открыть по нему огонь с предельной дистанции, приблизительно 11–12 миль, но понимал, что этот огонь действительным не будет».

И хотя громкой победы не получилось, результат у той погони все же был. После долгих раздумий Александр Васильевич пришел к выводу о необходимости совершенствования системы снабжения Кавказской армии созданием маневренных, промежуточных и тыловых баз.

Обласканный начальством, полный творческих планов, Александр Васильевич энергично взялся за дело. Обстоятельно разобравшись в положении вещей на флоте, он обнаружил ряд недостатков и упущений в организации борьбы с противником (особенно минной), в боевой подготовке личного состава, использовании боевых сил и средств флота. До его прибытия на флот мины на Черном море ставились лишь в своих водах, в основном на подступах к собственным базам и портам, и не использовались для заграждения прибрежных вод и коммуникаций противника. Личный состав флота не имел опыта минных постановок и вообще плохо владел минно-торпедным оружием. Неважно была поставлена у черноморцев и стрельба корабельной артиллерии. Из-за плохой организации нерационально излишне использовались боевые корабли для конвоирования транспортных судов.

Новый командующий флотом принял ряд мер для усиления охраны водных районов баз и портов. Он приказал производить траление фарватеров перед выходом кораблей в море, использовать другие предохранительные меры, в том числе противолодочное маневрирование кораблей. Колчак распорядился расширить программу учебных торпедных и артиллерийских стрельб не только отдельными кораблями, но и соединениями.



Николай II с семьей среди офицеров линкора «Екатерина Великая».

«Неприятельский флот, державшийся до сего времени относительно пассивно, непрерывно усиливается подводными лодками, – доносил он через неделю в Ставку. – Если Черноморский флот будет долгое время привязан к восточной части моря для прикрытия операций приморского фронта и, таким образом, будет принужден перейти к оборонительной деятельности, то флот неприятеля, получив длительную передышку, снова оживит свою деятельность и это выразится нападением его судов на порты и транспортный флот Лазистанского района. Длительное пребывание частей флота в этом районе, где нет оборудованных баз, приведет к изнашиванию нежных механизмов малых судов и невозможности выполнить свое назначение, когда для того наступит время. Операция Вице-Ризе привела к выводу из строя почти всех миноносцев, здесь действовавших. То же самое нужно сказать и о транспортах, которые, будучи предназначены для крупных

десантных операций, подвергаются здесь риску потери как от ударов неприятеля, так и от случайностей навигационного характера».

Николай II на одном из судов Черноморского флота в Николаеве.

Таким образом, по мнению Александра Васильевича, перекрытие доступа германским крейсерам и подводным лодкам в Черное море становилось важнейшей стратегической задачей флота. Решить ее можно было лишь блокадой анатолийских коммуникаций и Босфора. Учитывая сравнительно небольшие глубины пролива, адмирал Колчак намеревался поставить в его горле отдельные мины и полукругом в 20–40 кабельтовых от выхода основное заграждение – три минных поля по две минные линии в каждом. Выполнение первой возлагалось на подводный минный заградитель «Краб», второй – на 1-й дивизион эсминцев. Отряд прикрытия, в который вошли два новых линкора, миноносцы противолодочного охранения и две подводные лодки с выходом кораблей-постановщиков к Босфору, должен был развернуться севернее района минирования. Подводным лодкам надлежало занять позиции у Босфора до прибытия туда кораблей-постановщиков, выставить условные огни и служить плавучими маяками, по которым перед началом операции можно было определять свои места. Постановка мин намечалась ночью. Пользоваться радио миноносцам категорически запрещалось.

Адмирал А. А. Эбергард, командовавший Черноморским флотом до Колчака.

Посланная на разведку к Босфору подводная лодка «Нерпа» установила, что ночью можно подойти к берегу незаметно. «Краб» за сутки выставил в горле Босфора две линии по 13 мин в каждой. С 2 августа эсминцы совершили под прикрытием бригады линкоров три похода к проливу и поставили 820 мин.

Тем временем на море активизировались действия германских подводных лодок. Александр Васильевич приказал осуществить до середины сентября дополнительную постановку на флангах основного заграждения в 3–4 кабельтовых еще 780 мин. В октябре, когда противнику удалось протралить прибрежные фарватеры, для подновления минных заграждений были использованы тральщики – паровые шхуны типа «Эльпидифор», имевшие малую осадку. Минное сражение продолжалось…

Генерал А. А. Свечин, командир «Босфорской» десантной дивизии (снимок в советский период).

Всего же осенью 1916 года Черноморский флот произвел у Босфора 17 минных постановок, выставил в общей сложности 4 тыс. мин различных образцов, а также около 900 мин у Варны. В

итоге германское командование перестало посылать в Черное море не только крейсера «Гебен» и «Бреслау», но и свой подводный флот. Минная блокада даже вынудила Турцию с конца 1916 года завозить уголь в Константинополь из Германии. На русских минах подорвались миноносец, канонерская лодка, подводная лодка «UB-46», несколько тральщиков, два транспорта, большое количество малых паровых и парусных судов.

Крупный оперативный успех был налицо. Правда, полностью закрыть минами выход из Босфора в Черное море не удалось. Отдельные суда противника все же прорывались. Тогда против них использовались подводные лодки и эскадренные миноносцы.

В 23 часа 28 сентября, например, командир подводной лодки «Тюлень» старший лейтенант М. А. Китицын обнаружил в фарватере Босфора силуэт большого судна. Опасаясь мин, турецкий транспорт «Родосто» шел сравнительно далеко от берега и лодки. Русские моряки, умело маневрируя, приблизились к объекту атаки на 8 кабельтовых и открыли стрельбу из двух кормовых орудий. От меткого попадания на транспорте возник пожар. После часового боя осталось только 7 снарядов к 47-мм орудию. Торпед лодка не имела, и, чтобы действовать наверняка, она подошла к транспорту на 3 кабельтовых и произвела еще 6 выстрелов. Очаг возгорания стремительно разрастался, вышло из строя рулевое управление. Турецкие моряки выбрасывались за борт. Тогда лодка вплотную подошла к транспорту. На его палубу высадились старшина мотористов-дизелистов Я. С. Дементьев, боцман С. Ф. Иваньков, мотористы-дизелисты И. Т. Романов и Г. Н. Кременецкий. Им удалось справиться с огнем, устранить повреждения. Через 40 часов русские подводники привели свой трофей в Севастополь. За отвагу и мужество, проявленные в этом бою, многие матросы были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Их вручал героям адмирал Колчак.

Осенью командующий флотом активизировал доставку подкреплений Кавказской армии, действующей на побережье Лазистана. Судами флота было перевезено из Новороссийска и Мариуполя около 60 тысяч солдат и офицеров, большое количество оружия и снаряжения. Конвои включали от 20 до 30 транспортов, а также силы противолодочного охранения и прикрытия (линкоры, крейсеры, эсминцы). Для воздушной разведки и поиска подводных лодок противника привлекались авиатранспорты.

На театре военных действий было достигнуто и тактическое взаимодействие между Приморской группой сухопутных войск и Батумским отрядом кораблей. Этому в немалой степени способствовали подчинение сухопутных и морских сил одному

начальнику, организация надежной связи, обмен офицерами связи. Здесь впервые стали применяться радиосвязь для корректировки с берега артиллерийского огня и десантно-высадочные средства.

9 октября 1916 года болгары заняли порт Констанцу. В нем были сосредоточены огромные запасы нефти, бензина и керосина, которыми пользовался и русский Черноморский флот. После безуспешных попыток соединений румынского флота отбить порт Ставка приказала уничтожить стратегические склады. Посоветовавшись с начальником штаба, адмирал Колчак решил выслать небольшой отряд: крейсер «Память Меркурия» в сопровождении миноносцев «Поспешный», «Счастливый» и «Дерзкий».

19 октября крейсер «Память Меркурия» начал обстрел порта с расстояния 50 кабельтовых. В дыму трудно было разглядеть, сколько цистерн уничтожено. А вскоре акустики услышали шумы винтов подводной лодки противника. Ответный огонь открыла береговая батарея. Крейсер, маневрируя в стесненном минными заграждениями районе, отошел в море.

Спустя сутки в 6 часов 20 минут он вновь приблизился к румынскому берегу, но теперь в сопровождении миноносцев «Пронзительный», «Живой» и «Жаркий». Их уже ждали. Береговая батарея открыла огонь. Появились два гидросамолета и начали сбрасывать бомбы. «В 7 часов 12 минут, – записано в судовом журнале, – с мостика увидели торпеду, шедшую в носовую часть корабля. Правая машина была остановлена, и руль положен право на борт. Торпеда прошла в нескольких саженях от борта и затонула, оставив на воде характерные круги. Вскоре за кормой открылся перископ подводной лодки. В 7 часов 30 минут крейсер вышел на линию заграждений. В 8 часов 30 минут последовала вторая атака гидроплана, вновь сбросившего десять бомб. Последние легли так близко, что на палубе были найдены осколки. В 1 час дня «Память Меркурия» был у порта Мангалия и обстрелял его, выпустив 404 снаряда в течение 40 минут».

Крейсер и миноносцы взяли курс на Севастополь. Зарево пожара в Констанце было видно с расстояния до 70 миль. Потушить его удалось лишь через 10 суток.

Не все нравилось Александру Васильевичу в организации службы наблюдения, оповещения и связи. Со штабом он наметил меры по устранению ряда недостатков. Были развернуты дополнительные посты в районе устья Дуная и по Кавказскому побережью, укомплектована нештатная особая команда обеспечения связи между флотом и сухопутными войсками.

«Революционный оборонец», агитатор матрос Ф. И. Баткин

Особое внимание уделялось организации наблюдения и связи в пунктах высадки у Трапезунда перевезенных по морю из Мариуполя 123-й и 127-й пехотных дивизий. Здесь была наибольшая опасность подвергнуться атакам вражеских кораблей. Пункты высадки разбивались на участки, каждый из которых имел сигнальный пост для связи с транспортами, телефонную станцию и сеть полевого кабеля для связи с соседними участками. В специально разработанной инструкции говорилось: «Радиограммы даются только в совершенно необходимых случаях,

в краткой и точной форме. По всем вопросам, связанным с высадкой и требующим решения, частные начальники сносятся только с начальником высадки и во время ее производства, и только он сносится с командующим флотом. В случае начала работы радио начальника высадки все остальные станции прекращают свою работу».

Лучше стала работать радиоразведка. 15 сентября, например, было перехвачено сообщение турецкой береговой радиостанции о протраленном фарватере в минном заграждении на подходах к Босфору. Благодаря этим данным русские миноносцы вновь поставили мины, на которых подорвался турецкий транспорт. 21 декабря тем же образом стало известно время подхода двух канонерских лодок противника к мысу Кара-Бурун. Тут их заблаговременно встретил крейсер «Память Меркурия» и потопил. Ужесточались требования к скрытности радиопереговоров. Инструкцией по радиосвязи кораблей с радиостанцией в Севастополе от 25 августа 1916 года предписывалось каждому кораблю иметь по два позывных, которые менялись при передаче новой радиограммы.

Во второй половине ноября 1916 года Александр Васильевич взялся за подготовку «большой Босфорской операции». Проект разработанного им плана был направлен в Ставку, где получил принципиальное одобрение. В его распоряжение выделили дивизию «ударного типа», состоящую в основном из фронтовиков. Командовал ею генерал А. А. Свечин. Штаб возглавлял полковник Генерального штаба А. И. Верховский. Дивизия предназначалась в первый эшелон десанта на турецкий берег. Однако неудачи на Румынском фронте, а затем февральские события 1917 года вынудили отказаться от операции.

Полковник А. И. Верховский, начальник штаба десантной дивизии (снимок в советский период).

Командующий охраной побережья в полосе Судак – Керчь капитан 1 ранга Н. И. Кришевский так описывает ноябрьские события 1916 года, когда шла интенсивная подготовка Босфорской операции, и в частности формирование специальной морской дивизии:

«У адмирала Колчака, где мне часто приходилось бывать по делам службы на «Георгии», отношение к дивизии было самое благожелательное. В то время Черноморский флот, пополненный

дредноутом и в ожидании следующего, который заканчивался в Николаеве, представлял для Черного моря уже грозную силу, и «Гебен» был загнан в Константинополь, а подводные лодки дальнего плавания постоянно сторожили его выход у Босфора. Мечта адмирала была Константинополь…

Я помню, как-то мне пришлось быть на «Георгии» у начальника штаба, когда в его каюту вошел адмирал Колчак.

Высокий, бритый, с англизированным лицом, с пронизывающим взглядом, адмирал был так далеко от тихого старичка адмирала Эбергарда, который до него командовал флотом, такой энергией и волей веяло от его сурового лица, что невольно верилось его словам и надеждам.

– Первый полк мы назовем Цареградский, – сказал адмирал, слегка грассируя, – второй – Нахимовский, третий – Корниловский, четвертый – Истоминский. Первый полк – наша идея, а славные имена дадут дивизии былые севастопольские традиции… Морские знаменные флаги будут вашими знаменами. Мы создадим настоящую морскую пехоту, лихую и знающую десантное дело…

Адмирал работал невероятно много: то проводил время сутками в штабе, не выходя с «Георгия», то садился на миноносец, поднимал сигнал «следовать за адмиралом» и вел эскадру в поиски за «Гебеном», то проводил детальный и всегда внезапный смотр какого-нибудь из кораблей или же появлялся в госпитале, на батареях, всегда неожиданно, но всегда продуктивно. Офицеры и матросы подтянулись, в мертвое до того времени тело флота вошла душа с крепкой волей, появился хозяин, которого уже уважали, боялись и любили – все свойства, необходимые вождю».

Вечером, в свободное от работы время, Александр Васильевич много читал. Но иногда чтение не шло на ум, и тогда он мысленно обращался к той, которая осталась в далеком Гельсингфорсе. В личном архиве Колчака сохранился черновик письма без подписи, без указания даты, адреса и адресата, но явно написанного им Тимиревой уже примерно через два месяца по прибытии его в Севастополь. В письме адмирал признавался в своих мучительных переживаниях, в мыслях о ней в бессонные ночи. «А без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости… Вы были для меня больше, чем сама жизнь, и продолжать ее без Вас мне невозможно. Все лучшее я нес к Вашим ногам, как бы божеству моему, все свои силы я отдал Вам…

Переписка с Вами стала моим вторым «я», и я отказываюсь от своего намерения и буду писать – к чему бы это ни привело меня». Она, как обычно, ответила ему, и переписка между ними продолжалась. Поддерживал он, кстати, переписку и с другими

женщинами. В его архиве, например, находится письмо от М. Ивановой, жены капитана 1 ранга Л. Л. Иванова, с которым он встречался весной 1916 года. Письмо было послано из Гельсингфорса 19 ноября 1916 года к его «дню Ангела» – 23 ноября – и носило интимный характер. «Увидимся ли мы когда-нибудь или наша встреча промелькнула как волшебная сказка (для меня), чтобы не повториться вновь?» – вопрошала Колчака очарованная им дама.

Глава 9. На перепутье

Время шло. Наступил роковой для России 1917 год.

25 февраля командующего Черноморским флотом вызвал в Батум главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич. Колчак прибыл туда на эскадренном миноносце «Пронзительный». В Батуме под руководством Николая Николаевича проходило совещание по вопросу оборудования портов кавказского побережья и устройства Трапезундского порта – главной базы снабжения русской армии на занятом ею анатолийском побережье Турции. Возвратившись, командующий Черноморским флотом получил шифровку из Ставки с требованием усилить бдительность в связи с беспорядками, возникшими в Петрограде.

Вторая шифровка, полученная 2 марта от начальника штаба Ставки М. В. Алексеева, привела Колчака в полное замешательство. В ней с недомолвками высказывались соображения, что «войну можно продолжить лишь при выполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича» И далее: «Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главкосева, известившего меня…» Из срочно наведенных справок Колчак узнал, что телеграммы Николаю II с предложением отречься от престола уже выслали Николай Николаевич, все другие главнокомандующие фронтами и новый командующий Балтийским флотом Непенин.

Колчак оказался в весьма затруднительном положении. Послать подобную телеграмму своему бывшему монаршему покровителю за все то доброе, что он ему сделал, было бы черной неблагодарностью. В то же время стать в оппозицию к членам нового правительства было бы крайне неразумно и рискованно. Отказавшись от отправки телеграммы непосредственно Николаю, Колчак в то же время известил Алексеева, что предложение всех командующих «принял безоговорочно».

4 марта командующий Черноморским флотом был вызван к прямому проводу. Передавалась шифровка из Морского Генерального штаба. Вначале короткий текст перемежался с цифрами шифра, потом открытым текстом сообщалось: «Второго марта государь отрекся в пользу Михаила Александровича за себя и за наследника…» Передача неожиданно прервалась. Опасаясь, что случайный обрыв провода могут истолковать на флоте как попытку командующего скрыть от народа факт отречения царя,

Колчак, не ожидая восстановления связи с Морским Генштабом, приказал готовить офицеров и команды к принятию присяги на верность новому императору Михаилу II. Но через некоторое время неисправность на линии устранили, и из продолженной передачи из Петрограда выяснилось, что от престола отказался и Михаил Александрович. В конце передачи, под которой стояла подпись начальника штаба адмирала Капниста, говорилось, что манифесты будут объявлены сегодня, четвертого марта.

Получив телеграмму о переходе власти в Петрограде к Временному комитету, Колчак приказал до выяснения положения прекратить всякое сношение Крыма с остальной Россией. Он считал довести войну до победного конца «самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего – образа правления и политических соображений». Александр Васильевич писал тогда: «Занятия, подготовка и оперативные работы ничем не были нарушены, и обычный режим не прерывался ни на час. Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов. Не берусь судить, насколько это справедливо, хотя определенные факты говорят, что флот и рабочие мне верят».

8 марта командующий Черноморским флотом отправил в Петроград телеграмму: «Экстренно. Военная Генмор Балтийскому флоту. Сорганизованные офицеры в полном составе, все солдаты гарнизонов, матросы Черноморского флота и ратники морского ополчения во главе с командующим флотом достигнув братского единодушия призывают вас во имя блага и светлого будущего нашей дорогой обновленной родины к полному сплочению для скорейшей победы над дерзким врагом шлем своих избранных делегатов офицеров, солдат и матросов в Петроград приветствовать новое правительство и обновленный строй Колчак».

На «Приказ № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Колчак отреагировал созывом морского собрания и выступлением на нем с речью. Он призвал офицеров «сплотиться с командой» и напрячь усилия для успешного завершения войны. Было предложено организовать на кораблях комитеты из офицеров и матросов для поддержания дисциплины и боеспособности. Учрежденный в те дни ЦИК Совета депутатов был подчинен командующему флотом. «Десять дней, – писал адмирал, – я занимался политикой и чувствую к ней глубокое отвращение, ибо моя политика – повеление власти, которая может повелевать мною. Но ее не было в эти дни, и мне пришлось

заниматься политикой и руководить дезорганизованной истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты к первобытной анархии».

Телеграмма Колчака о признании и приветствии Временного правительства всем личным составом Черноморского флота и севастопольского гарнизона была восторженно воспринята военным и особенно морским командованием. В то время, когда на Балтийском флоте продолжались бурные революционные выступления матросов, солдат и рабочих портов, эта телеграмма оказала неоценимую поддержку властям. Впоследствии на допросе Колчак не без гордости заявил, что первым признал Временное правительство. И надо добавить к этому, что идею поддержки нового буржуазного правительства он сумел внушить матросским, солдатским и рабочим массам на Крымском побережье. За счет этого ему удалось сохранить порядок на кораблях, в частях, на заводах, в мастерских, жилых кварталах Севастополя, Николаева, Одессы и других приморских населенных пунктах, избежать серьезных нарушений воинской дисциплины и разных эксцессов. Он первым добился и принятия личным составом флота присяги новому правительству. Слова присяги Александр Васильевич произнес перед строем свободных от вахт и дежурств офицеров своего флагманского корабля.

В первые три недели после свержения царского режима матросы-черноморцы, солдаты и рабочие проявили лояльность по отношению к командующему и почти беспрекословно выполняли приказы и распоряжения не только его, но и своих непосредственных командиров. Этому способствовали высокий личный авторитет Колчака, а главное, надежная и крепкая опора и поддержка его со стороны эсеро-меньшевистского руководства Совета и комитетов. Представители соглашательских партий, разделявшие взгляды Колчака вести войну «до победного конца», усиленно распространяли в массах идеи революционного оборончества. И надо сказать, они достигли желаемого для себя результата: флот, армейские приморские части и население Крыма в первые месяцы 1917 года почти полностью находились под эсеро-меньшевистским влиянием.

Современники так описывают один из колоссальных митингов, на который в полдень 18 апреля 1917 года собралось несколько тысяч матросов. В цирке, где играл оркестр, заседал президиум Совета рабочих и солдатских депутатов. Раздался звук колокольчика, и председатель Конторович отчетливо произнес:

– Слово принадлежит командующему флотом товарищу адмиралу Колчаку…

Настала мертвая тишина, и когда во весь свой рост поднялся,

опираясь на барьер ложи, адмирал Колчак, то цирк разразился неистовыми аплодисментами, и не скоро адмирал смог начать свою речь. В своей красиво построенной речи понятным и простым языком адмирал нарисовал картину развала армии, нарисовал то печальное и позорное будущее, что ожидает страну при поражении, объяснил вековые тяготения России к Константинополю и те последствия, что принесет его завоевание. Он сказал, что благодаря своей сознательности во всей России только Черноморский флот сохранил свою мощь, свой дух, веру в революцию и преданность родине. И теперь – долг флота из своей среды выделить тех, кто сумеет увлечь за собой армию на те подвиги, что «сказкой казарменной стали».

Великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий на Кавказе.

Бесконечные аплодисменты раздались в ответ на слова адмирала. Был такой подъем, такой взрыв искреннего патриотизма, что снова поверилось в русский народ, снова казалось, что не все потеряно. Тогда родилась «Черноморская делегация», которая в числе нескольких сот матросов, морских и сухопутных офицеров увлекла за собой полки на галицийском фронте и в большинстве погибла во главе этих полков.

Стабилизировавшаяся внутриполитическая обстановка на юге позволила командованию Черноморского флота проверить готовность его отразить нападение врага и продолжить подготовку Босфорской операции. Обеспокоенный немецкими передачами, в которых сообщалось о политической борьбе, раздиравшей Балтийский флот, и о возможной в связи с этим попытке немцев внезапно напасть на русские морские силы, Колчак организовал демонстрационный выход части флота в море. Проследовав к Босфору, русские моряки не обнаружили никаких признаков активных действий противника и, удовлетворенные спокойной обстановкой на море, вернулись в Севастополь. Блокаду Босфора продолжали поддерживать эсминцы и подводные лодки.

Босфорскую операцию предполагалось проводить с частями Румынского фронта. О ней или, вернее, о важности турецких проливов для России говорилось много и не только частными лицами. На собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе 24 апреля 1917 года по этому поводу была принята следующая резолюция: «Демократия всего мира должна поручиться и гарантировать договором, что проливы будут свободны всегда». Съезд Союза офицеров при Ставке 17 мая вынес другое решение. Единственными гарантиями этой свободы съезд считал «или всеобщее разоружение, или… военный контроль России над проливами».

Середина мая 1917 года. Революционная жизнь шла своим чередом, и кто-то недремно работал над разжиганием у солдатских и матросских масс ненависти к офицерам. Опять был митинг в цирке, опять были там тысячи матросов, но на этот раз не Колчак призывал их сложить буйные головы у ворот Царьграда. На этот раз матросы решали судьбу своих офицеров. Ставился вопрос об их поголовном аресте и расстреле. Долго кипели горячие споры, и только случайное большинство победило – решили повременить…

На флоте связь Колчака с кораблями прервалась. Его приказы

не исполнялись, за ним следили, ему не доверяли. Наконец, его официально отстранили от власти, заменив советом из трех матросов, которые и стали управлять флотом. С этого момента Александр Васильевич потерял всякую надежду на восстановление воинского порядка и боеспособности флота. Он не мог смириться с этим, да и положение его было небезопасным. Оставаться заложником неуправляемых матросских масс дольше было бессмысленно. Колчак запросил разрешения Керенского и под видом участия в важном совещании выехал из Севастополя в Петроград.

Собираясь в Петроград, Колчак на время своего отсутствия решил оставить вместо себя контр-адмирала Лукина. Первоначально хотел передать командование флотом вновь назначенному на должность начальника штаба капитану 1 ранга Смирнову (бывшему флаг-капитану оперативного отдела штаба), но передумал. 37-летний Смирнов опыт штабной работы приобрел еще в Морском Генштабе (Колчак знал его по Корпусу и службе на Балтике), старателен, имеет командные качества, однако не всегда ровен в отношениях с матросами. А это Колчаку в такое неспокойное время было совсем нежелательно.

После отъезда адмирала Колчака, по утверждению очевидцев, все как-то сразу пало и распоясалось. Никто уже не исполнял службу и даже не делал вид, что ее исполняет. Жизнь матросов проходила в непрерывных огромных митингах в Аполлоновой балке, где мало слушали ораторов, больше пьянствовали, «разогревались» в спорах, а затем в таком состоянии выходили на улицы города, творя самосуды и расправы. Ходить в форме стало опасно, и большинство офицеров обзавелись штатским платьем. Но и оно не спасало от травли, издевательств, побоев, арестов, а то и расстрела. И эта ненависть, травля, полное безделье и вечное ожидание ареста гнали офицеров с кораблей в рестораны, в гостиницы. Началось пьянство, скрытное, но постоянное. Везде сотнями ведер расходовался спирт. Флот пил в ожидании своего позорного конца.

Пребывание Александра Васильевича в Петрограде было непродолжительным, но очень насыщенным различными встречами. Прежде всего он сделал доклад об оперативной и политической обстановке на Черном море председателю Совета министров князю Г. Е. Львову и прибывшему из Ставки генералу Алексееву, потом побывал на квартире Гучкова. Тот был болен и принимал Колчака лежа в постели. Из беседы с ним вице-адмирал узнал, что на Балтике по-прежнему продолжается разгул страстей, не исключено новое избиение матросами офицеров, возмущенных отменой погон. По мнению Гучкова, в обострении

обстановки на Балтийском флоте во многом виноват сам командующий Максимов, избранный матросами. Он так сошелся с «братишками», что начисто утратил власть над матросской массой. Гучков сказал, что демонстративно не принял Максимова и вызвал к себе для доклада о положении на флоте начальника штаба капитана 1 ранга Черкасского. А из доклада Черкасского выяснилось главное требование балтийских матросов – полная выборность офицеров снизу доверху.

– Я не знаю другого выхода из положения, как назначить вас, Александр Васильевич, командовать Балтийским флотом, – неожиданно заключил Гучков.

Командовать флотом Балтийского моря, конечно, было куда почетнее, чем флотом Черного моря. Балтийский флот не только в три раза превышал Черноморский по числу личного состава, но еще был и главным, поскольку защищал столицу. Однако близость фронта к революционному Петрограду не сулила спокойной жизни командованию. Подумав, Колчак отказался обсуждать этот вопрос.

«Мне пришлось встретиться с Александром Васильевичем в те дни, когда он приехал в Петроград и пошел в Таврический дворец, – вспоминал Н. А. Савич. – Его едва можно было узнать. Это был уже другой человек. Исхудавший, осунувшийся, видимо, глубоко потрясенный тем развалом, который разложил уже Балтийский флот и успел перекинуться в Черное море. Все, чем он жил, над чем работал, что так любил, так старательно создавал, все разом рухнуло, обратилось в прах и разложение. Он был слишком образованный моряк, слишком хорошо знал историю других флотов, слишком понимал сущность морской силы и поэтому отлично отдавал себе отчет, что такой сложный и тонкий организм, каким является флот, не может выдержать и никогда не выдерживал ударов революционной грозы. Для флота революция была гибель.

Я обменялся с ним лишь немногими фразами, мы друг друга отлично поняли, крепко пожали друг другу руки и поспешно разошлись. Было слишком тяжело на душе, как на похоронах родной матери».

В тот же день Александр Васильевич встретился с Анной Тимиревой, а вечером наведался к Крыжановским, проживавшим теперь на 8-й Рождественской. У Кати заметно прибавилось седых прядей, Николай Николаевич стал генерал-майором, чуть погрузнел. Оля и Коля, совсем уже молодые люди, готовились к экзаменам: Оля – к поступлению на физико-математическое отделение женских Бестужевских курсов, Коля – в кадетский (сухопутный) корпус. Младший Сережа заканчивал четвертый

класс гимназии и уже мечтал о недалеком выезде на дачу.

После ужина Колчак распрощался с родными и выехал в обратный путь. Времени в дороге оказалось предостаточно, чтобы обдумать и обобщить свои впечатления от многих встреч в Питере и Пскове.

Из всего слышанного им на правительственных совещаниях, в частных беседах с членами правительства, представителями высшего военного командования и общественными деятелями, а также вычитанного в буржуазной, социалистической (эсеро-меньшевистской) и большевистской прессе, увиденного на улицах Петрограда он вынес главное. Временное правительство, особенно в нынешней коалиции с демагогами-социалистами типа Керенского, не способно приостановить развал вооруженных сил, на грани которого уже находятся Балтийский флот и некоторые армии, не в состоянии сдержать опасное и все возрастающее влияние на народные массы большевистских идей прекращения войны и перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Дабы спасти Черноморский флот от большевистской заразы и поднять воинский дух подчиненных, Колчак решил обратиться ко всем матросам, солдатам, рабочим и офицерам с призывом: «Отечество в опасности!» Момент был подходящий: в Севастополе проходило собрание делегатов армии, флота и рабочих. Колчак выступил перед ними на другой день после приезда из Петрограда.

25 апреля на собрании делегатов Совета Александр Васильевич выступил с докладом «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками». Так называемую новую дисциплину, основанную на классовом сознании, он считал распадом и уничтожением армии и флота. Апеллируя к национальным чувствам, Колчак призвал прекратить доморощенные реформы, основанные на самоуверенности невежества… Сейчас нет времени и возможности что-либо создавать. Надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников: я не вижу другого пути для приведения нашей вооруженной силы из мнимого состояния в подлинное состояние бытия.

– Выход один – надо проникнуться сознанием этой опасности и во имя спасения Родины сплотиться вокруг Временного правительства. – Слова доклада покрыли громкие аплодисменты. На смену им в зале стал нарастать шум, послышались голоса: «Временное правительство – правительство капиталистов и помещиков. Нам не надо поддерживать такое правительство!»

Тут поднялся невообразимый гвалт. Председателю собрания стоило немалого труда восстановить порядок.

– Первая наша забота, – продолжал Колчак, – это поднятие воинской дисциплины, духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые их утратили. Надо отказаться от того ложного представления, что правительство нам не нужно, что мы умнее его, и понять, что оно лучше разбирается в государственных вопросах; во всяком случае, Министерство иностранных дел осведомленнее в вопросах международной политики, чем те, кто сейчас бросил реплики. – Послышался смех, заглушенный аплодисментами. – Если все высказанные мной соображения заставят задуматься присутствующих здесь и прийти к убеждению, что надо приложить теперь все силы и старания для одной цели – спасения Родины, то я свою задачу буду считать выполненной.

Доклад командующего был награжден продолжительными аплодисментами. Раздавались и протестующие голоса.

С большим успехом вице-адмирал выступил в Союзе офицеров-черноморцев. Доклад его почти полностью был опубликован в местных газетах и восторженно встречен в буржуазных кругах Крыма и Кавказа, в среде пробуржуазной и чиновной части населения, у интеллигенции. Об этом свидетельствуют одобрительные и даже восхищенные отклики, адресованные докладчику. «Я не могу не выразить Вам своего глубокого уважения и восхищения Вашим правдивым и мощным словом», – писал Колчаку профессор Новороссийского университета К. Коровицкий. А одесская гимназистка восьмого класса Нина Крюкова просила у Колчака разрешения приобрести его фотографию «у Мазура… как искреннее восхищение Вашей личностью и Вашей деятельностью».

Вскоре в ответ на визит черноморской делегации на Балтику революционный Балтийский флот направил на Черное море свою большевистскую делегацию, состоявшую из пяти матросов. Оборонческая миссия черноморцев, преследовавшая цель устранить большевистское влияние на матросов, потерпела неудачу, тогда как пять матросов-балтийцев за короткий срок провели на Черноморском флоте такую агитационно-пропагандистскую работу, что начальник штаба флота в телеграмме от 3 июня в Генштаб жаловался: «Положение в Севастополе резко ухудшается вследствие направленной сюда агитации большевизма».

Колчак понял, что безграничной власти его на Черном море приходит конец. К этому времени в значительной степени лишился он поддержки в Севастопольском Совете. В мае произошли и другие, еще более серьезные конфликты. На эскадренном миноносце «Жаркий» команда отказалась выходить в

море на выполнение боевой задачи. Матросы потребовали сменить командира корабля старшего лейтенанта Г. М. Веселаго. Они мотивировали это тем, что командир слишком рискованно управляет миноносцем и часто подвергает опасности людей. Колчак от снятия Веселаго отказался, а эсминец «Жаркий» приказал вывести из кампании и спустить на нем флаг. Такое решение командующего вызвало новое возмущение матросов. С требованием снять командиров выступили команды эсминца «Керчь», воздушной дивизии и вспомогательного крейсера «Дакия». Эти эксцессы Колчак кое-как уладил. Потом начались волнения матросов на старом броненосце «Три Святителя», линкоре «Синоп» и некоторых других кораблях. Команда эсминца «Жаркий», поддержанная матросами с других кораблей, потребовала от Севастопольского Совета отменить приказ командующего в отношении своего корабля. Совет, не решаясь конфликтовать с командующим, бездействовал и тем вызвал недовольство флота.

Генерал М. В. Алексеев.

Возникала кризисная ситуация.

В конце мая Колчак расформировал команды линейных кораблей «Синоп» и «Три Святителя», направив наиболее революционно настроенных матросов на транспортную флотилию, выделенную для обслуживания Румынского фронта.

Другие корабли с ненадежными командами приказал чаще выводить в море под видом оперативной необходимости. На флоте поднялась волна протестов. Воспользовавшись моментом, команда «Жаркого» добилась постановления делегатского собрания об отмене вывода своего корабля из строя. Командующий донес об этом военному и морскому министру. Керенский вместо категорического приказа ответил осторожной телеграммой: «Полагал бы правильным миноносцу «Жаркий» окончить кампанию». Право окончательного решения вопроса предоставлялось командующему. Тот приказал «Жаркому» окончить кампанию в 0 часов 6 июня, для установления виновных назначить следственную комиссию.

Возмутившая матросов санкция Колчака совпала с раскрытием большевиками «контрреволюционного заговора» офицерской организации «Союз офицеров». Заговорщики, по версии большевиков, намеревались разгромить флотские и армейские демократические органы и расправиться с их руководителями. На Черноморском флоте вспыхнул настоящий бунт. Повсеместно возникали бурные митинги и собрания. Колчак бывал на некоторых из них, убеждал команды, что это провокация, что офицерам, как и матросам, разрешено иметь свои открытые союзы, на заседаниях которых может присутствовать любой и каждый. Но матросы не унимались. Они не слушали больше Колчака, который стал казаться им виновником почти всех острых конфликтов на флоте. На кораблях, батареях и в армейских частях участники митингов и собраний требовали разоружения командного состава.

Александр Васильевич выступил на митинге с изложением своих взглядов на происходившее:

– Меня обвиняют во всех смертных грехах. Говорят, что я умышленно ослабил флот тем, что вывел из кампании эсминец «Жаркий» и перетасовал экипажи на некоторых кораблях. Я считаю, что лучше совсем не иметь на флоте такого эсминца, чем иметь его с небоеспособной командой, не признающей ни воинской дисциплины, ни своих офицеров, ни даже командующего. То же касается и части команд «Синопа» и броненосца «Три Святителя», где некоторые матросы в ущерб своей службе занимались политической болтовней. Ну а ослаблять флот, надеюсь, все понимают, прежде всего не в интересах командующего; это все равно что рубить сук под собой. – Колчак закончил, словно оборвал свое выступление, вышел со двора, сел в автомобиль и уехал. А митинг продолжался. Один за другим выступали ораторы с горячими речами, и редко кто из них не требовал ареста Колчака и

начальника штаба Смирнова.

На следующий день, 6 июня, Севастопольский Совет под давлением судовых комитетов созвал экстренное собрание делегатов от кораблей и частей. Рассматривали, по существу, два вопроса: разоружение офицеров и вынесение решения в отношении командующего флотом и начальника его штаба. После бурных дебатов постановили: личное оружие у офицеров отобрать, произвести обыски у них на квартирах; адмирала Колчака и капитана 1 ранга Смирнова от занимаемых постов отстранить, для принятия от них дел образовать комиссию из 10 человек, вопрос же ареста смещенных лиц рассмотреть на судовых комитетах.

Еще до этого собрания Колчак приказал всем офицерам флота и гарнизона во избежание кровопролития не оказывать сопротивления в случае требования у них матросами и солдатами оружия и добровольно сдавать его. Несколько офицеров, посчитавших себя оскорбленными, застрелились, для большинства же командного состава акция со сдачей оружия прошла без эксцессов. Как только Колчаку стало известно о снятии его с должности командующего флотом, он тотчас велел собрать на верхней палубе броненосца «Георгий Победоносец» еще верную ему команду. К ней вице-адмирал вышел при револьвере и золотой сабле. Он стал возле портика трапа, по которому поднялся, и обратился к собравшимся:

– Братцы матросы! То, что сейчас происходит на флоте, я нахожу бессмыслицей. Офицеров огульно обвиняют в каком-то контрреволюционном заговоре. Я такого заговора не знаю, а если бы знал, то никакого выступления офицеров не допустил бы, поскольку в такое тяжелое время это приблизило бы наш флот к полной гибели. Теперь офицеры разоружены и рассеяны по кораблям небольшими группами. Я подчиняюсь постановлению демократических органов и тоже сдаю свое личное оружие.

Адмирал расстегнул поясной ремень, снял с него кобуру с револьвером и отдал ближайшему молодому матросу. Смущенный парень принял оружие и, чуть помешкав, передал его соседу, тот дальше, и так адмиральский револьвер пошел по рукам, пока не исчез из виду. Колчак вынул из ножен саблю, поцеловал ее и тут же, на глазах изумленных матросов, переломил через колено и обломки выбросил в море.

– Море меня наградило, – сказал он, – морю я и возвращаю награду. – За борт полетели и ножны с портупеей. – А теперь я заявляю вам, что весь этот постыдный акт с разоружением я прежде всего расцениваю как оскорбление, нанесенное мне лично, и потому я командовать флотом больше не желаю. Об

этом немедленно же доложу правительству.

Революционные солдаты на улице Петрограда.

Колчак резко повернулся и исчез в портике трапа, оставив в недоумении обескураженных матросов. Вечером на броненосец «Георгий Победоносец» к нему пришли представители Севастопольского Совета, заявили ему, что постановлением делегатского собрания он снят с должности командующего флотом, и предложили ему передать командование старшему

флагману, а им сдать все секретные и служебные документы. Колчак отдал представителям Совета ключи от сейфа, бюро и шкафа.

– Теперь, – сказал он, – я больше ни за что не отвечаю. Так и сообщу правительству.

С отъездом вице-адмирала Колчака в Петроград фактически оборвалась его служба на флоте, которому он отдал почти 30 лет своей жизни.

Итак, чуть больше года пробыла Софья Федоровна на Олимпе своей судьбы – адмиральшей, женой командующего Черноморским флотом, первой дамой Севастополя. В Севастополе она не барствовала – организовала санаторий для нижних чинов, возглавила городской имени Наследника Цесаревича дамский кружок помощи больным и раненым воинам.

А муж если не уходил в боевые походы, то до полуночи засиживался в штабе. Черноморский флот под его водительством господствовал на театре военных действий.

«Прошло три месяца нашей разлуки, – писала она ему, – должно быть, столько же придется прожить врозь, а там опять увидимся, даст Бог… Несмотря на невзгоды житейские, я думаю, в конце концов обживемся и хоть старость счастливую будем иметь, а пока же жизнь – борьба и труд, для тебя особенно…»

Последний раз она обняла мужа на перроне севастопольского вокзала. В мае 1917 года Колчак уезжал в служебную командировку в Петроград. Никто не знает, что сказала она ему на прощание. Хорошо известно, что сказал он в своем последнем слове перед расстрелом: «Передайте жене в Париж, что я благословляю сына». Из Иркутска эти слова и в самом деле достигли Парижа… Она умела встречать. Она умела провожать. Она умела ждать.

Она ждала его в Севастополе даже тогда, когда оставаться там стало небезопасно. Она пряталась от чужих глаз по семьям знакомых моряков. И хотя муж ее – Александр Васильевич Колчак – еще не совершил ничего такого, за что ему приклеили ярлык «врага трудового народа», «врага Советской власти», в городе нашлось бы немало людей, которые охотно подсказали бы чекистам, где укрывается жена командующего Черноморским флотом. Все это она прекрасно понимала, а потому еще летом 17-го отправила десятилетнего Ростика на родину – в Каменец-Подольский.

В декабре по городу прокатилась первая волна расстрелов. С Дона вернулся матросский отряд, изрядно потрепанный казаками. Борцы за Советскую власть привезли трупы погибших товарищей, и в городе повеяло смертью. Искать «контру» долго не

пришлось. В ночь на 16 декабря было убито 23 офицера; среди них – три адмирала и генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства, командующий Минной бригадой капитан 1 ранга И. Кузнецов, частенько бывавший в доме Колчаков…

Глава 10. Заграничная одиссея

Поезд в Петроград пришел на рассвете 10 июля 1917 года. Прямо с вокзала Александр Васильевич направился в Морское министерство. Керенский находился на Юго-Западном фронте, где готовилось крупное наступление русских войск. Помощник министра, контр-адмирал Михаил Александрович Кедров, принявший от Колчака год назад Минную дивизию, сообщил, что для расследования происшедшего на Черноморском флоте назначена особая комиссия под руководством капитана 1 ранга Н. С. Зарудного.

Колчак поселился на частной квартире. Настроение у него было отвратительное, никого видеть не хотелось, даже Крыжановских. Через несколько дней его и Смирнова вызвали на заседание правительства в Мариинский дворец с предложением сделать сообщение о политическом положении Черноморского флота. В докладе Колчак нарисовал мрачную картину состояния флота. Он утверждал, что проще распустить все комитеты и прекратить деятельность Морских сил, поскольку никакой пользы от флота нет. Правительство он винил в том, что оно попустительствовало распространению демократических свобод на армию и флот, где под видом свободы слова и собраний развернулась работа по подрыву воинской дисциплины и авторитета командования, по разложению вооруженной силы – работа, как он считал, явно вражеская, направляемая немецкой агентурой.

Выступление Колчака поддержал его бывший начальник штаба капитан 1 ранга Смирнов[14], кратко осветивший хронику политических событий на Черноморском флоте. Члены правительства угрюмо выслушали бывших руководителей флота, не задав им ни одного вопроса. Поблагодарив обоих за обстоятельную информацию, они отпустили Колчака и Смирнова, не приняв никакого решения и не дав никакой оценки сложившейся на флоте ситуации. Руководители Черноморского флота оказались, таким образом, не у дел.

В начале августа начальник американской военной миссии адмирал Дж. Гленнон предложил Александру Васильевичу принять участие в составе вооруженных сил США в Дарданелльской операции. Колчак дал согласие. Он поручил капитану 1 ранга Смирнову подобрать для предстоящей миссии подходящих офицеров-минеров. Бывший начальник его штаба перебрал многих кандидатов. Одни подходили по деловым качествам, но не желали выезжать за границу, другие

соглашались поехать в Северо-Американские Соединенные Штаты, но не отвечали требованиям Колчака. Наконец, Смирнову удалось сформировать группу из опытных офицеров-черноморцев, одобренную адмиралом. В нее входили Смирнов и три молодых лейтенанта: минеры А. Безуар, И. Вуич и флаг-офицер Н. А. Лечинский. Образовавшуюся группу Александр Васильевич условно назвал Русской морской комиссией в американском флоте. Она была санкционирована А. Ф. Керенским, не подлежала огласке в печати.

В период подготовки к заграничному вояжу Колчака нередко навещали знакомые морские офицеры, уговаривали не уходить с флота. Некоторые из них предлагали ему сформировать из добровольцев легион и, возглавив его, отправиться во Францию. Воздержаться от поездки в Америку советовали и эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета. Всем им Александр Васильевич отвечал, что, поскольку в России ему не находится применения, он взял на себя определенные обязательства участвовать в борьбе против немцев и их союзников за границей, в частности, в составе американского флота в Дарданелльской операции. В письме к Тимиревой от 17 июня 1917 года Колчак подчеркивал: «Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру (наемнику), предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и в случае надобности голову и жизнь в придачу. Я ухожу далеко и, вероятно, надолго; говорить о дальнейшем, конечно, не приходится…»

Наиболее полную моральную поддержку Колчаку в это время оказал Всероссийский союз офицеров. Специальная депутация от имени Союза преподнесла ему Георгиевское оружие и приветственный адрес с выражением сочувствия и уважения:

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич! Пользуясь случаем поднесения Вам от имени Союза офицеров армии и флота оружия храбрых, дань наивысшего воинского уважения, просим принять наш искренний привет и выражение чувства глубокого уважения и признательности за Ваш мужественный и истинно гражданский поступок, который должен служить примером для всех воинов нашей дорогой, горячо любимой свободной Родины».

После всего случившегося Колчак послал телеграмму Керенскому, где, вкратце изложив обстановку, сообщил о невозможности продолжать службу в такой обстановке и передал командование контр-адмиралу В. К. Лукину. В ответной телеграмме министр-председатель А. Ф. Керенский в резких словах отчитал команды кораблей за их «враждебные Революции и Родине» действия и приказал Колчаку и Смирнову прибыть для доклада в Петроград.

Выслушав обоих, члены Временного правительства отпустили их, не приняв никакого решения. Но для себя А. В. Колчак решил, что командовать флотом он больше не будет.

Из Петрограда Морская комиссия выехала 27 июля. С отъездом А. В. Колчака из России навсегда порвалась его связь с российским флотом, с женой, сыном, с сестрой и ее семьей, с родным городом. Путь комиссии Колчака проходил по железной дороге через Финляндию, Швецию и Норвегию до Бергена. Чтобы не попасть в плен к немцам, Колчак эту часть пути ехал под чужой фамилией в штатской одежде, как и его офицеры. Из Бергена они на пароходе в сопровождении миноносцев вышли в море и направились к английскому порту Абердин. Переночевав здесь, утром следующего дня выехали по железной дороге в Лондон, куда прибыли 17 августа.

В Лондоне Колчак нанес визиты русскому послу К. Набокову, некоторым представителям английского морского командования, был принят начальником Морского Генштаба адмиралом Дж. Холлом. Английский адмирал, основываясь на собственном анализе политического, экономического и военного положения России, высказал мнение, что спасти ее может только военная диктатура. Позже Колчак был приглашен первым лордом адмиралтейства, адмиралом Джеллико. Министр высоко оценил результативность русских морских минных заграждений и просил Колчака поделиться своим опытом минной борьбы, при этом раскрыл собственные планы минирования акваторий Северного моря и Английского канала. Русский адмирал охотно дал необходимую консультацию.

С разрешения адмирала Джеллико Александр Васильевич знакомился с британской морской авиацией, вылетал на новейших двухмоторных гидропланах к бельгийскому порту Остенде и английскому Ньюпорту, побывал на некоторых военных заводах. В часы отдыха он иногда совершал прогулки на автомобиле, управляемом представителем русского морского командования в Англии капитаном 2 ранга В. В. Дымбовским. Выкраивал время и на переписку. В одном из писем к Тимиревой Колчак признавался, что ее «милый, обожаемый образ» всегда был перед его глазами, уверял, что «война стала главной целью его жизни». Из Лондона он отправил своей возлюбленной подарок (по его словам, «скромный»), выбрать который помогла ему жена Дымбовского.

Из Англии комиссия убыла в Вашингтон.

Первым, кого посетил адмирал в столице США, был русский посол Н. И. Бахметьев. Следующие визиты он нанес представителям официальных кругов: морскому министру

Дэниельсу и его помощнику, военному министру и государственному секретарю Лансингу. Из разговоров с ними стало ясно, что они уже отказались от наступательной операции своих средиземноморских сил. Главной причиной этого стало то, что весь морской транспорт был занят перевозкой американских войск на французский фронт.

Несмотря на то что союзная Россия все более разочаровывала официальный Вашингтон, Александра Васильевича повсюду принимали приветливо, а высшие морские офицеры – даже дружески. Русским военным морякам была предоставлена возможность работать в Морском министерстве и в лучшем военно-морском учебном заведении – Морской академии. В стенах министерства и академии гости и хозяева на протяжении без малого трех недель обменивались различной информацией о состоянии своих флотов, их организации, боевой подготовке и оперативной деятельности. Американцев более всего интересовало минное дело: они были наслышаны о высокой постановке его в России. Колчак освещал общие проблемы минной борьбы с противником, а офицеры-минеры знакомили американских моряков с устройством русского минно-торпедного оружия и другими чисто техническими вопросами.

На завершающем этапе Колчак и его группа приняли участие в маневрах американского флота в Атлантическом океане. Офицеры были расписаны по разным кораблям, а Колчак удостоился чести находиться на флагманском корабле «Пенсильвания».

Из России в это время поступали тревожные вести, 29 сентября началось крупное наступление германского флота в районе Моонзундского архипелага. Балтийский флот вел упорные бои с противником в море и Рижском заливе. Оценив полученную информацию, Колчак решил возвращаться в Россию, но не через Атлантику, как первоначально думал, а через Тихий океан. Для завершения программы взаимных консультаций представителей русского и американского флотов Александр Васильевич оставил в Америке капитана 1 ранга Смирнова. Он нанес прощальные визиты некоторым официальным лицам и в том числе американскому президенту Вильсону, который особо поинтересовался мнением русского адмирала относительно исхода боев в районе Моонзундских островов.

Распрощавшись с русским послом и сотрудниками посольства, Александр Васильевич и три члена его комиссии в середине октября выехали в Сан-Франциско. Глава комиссии покидал Вашингтон с чувством разочарования. В конечном итоге он пришел к выводу, что «Америка ведет войну только с чисто

своей точки зрения… Ее не волнуют проблемы союзников».

В Сан-Франциско русские морские офицеры узнали о новой революции в России. Тогда же Колчак получил телеграмму с предложением баллотироваться в Учредительное собрание от партии кадетов, на что ответил согласием. Переход через Тихий океан русские офицеры совершили на японском пароходе «Кario-Мару» с заходом в Гонолулу. В Йокогаму – порт назначения – они прибыли в первой половине ноября 1917 года. Их встретил давний коллега Колчака, бывший помощник морского министра Временного правительства контр-адмирал Б. П. Дудоров. От этого уже не существующего правительства он исполнял в Японии обязанности морского агента. Из беседы с ним Колчак узнал об образовании в России советского правительства – Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным, о провале наступления войск Керенского – Краснова на Петроград, о первых декретах Советской власти.

Из Йокогамы Колчак, оставив офицеров в гостинице, выехал в Токио. Здесь он доложил послу бывшего Временного правительства в Японии Николаю Ефимовичу Крупенскому о результатах деятельности Морской комиссии в Англии и Соединенных Штатах. Посол поблагодарил адмирала за проделанную работу у союзников. Именно тогда за фальшью слов посла Александр Васильевич еще острее осознал драматизм своего положения. Полный сил, энергии, еще нестарый человек, видный морской деятель, он вдруг оказался адмиралом без флота, без перспективы и даже без жалованья, ранее аккуратно выплачиваемого двадцатого числа каждого месяца. Ему стоило крепко подумать, чтобы найти выход из кризисного положения. Прежде всего надо было упорядочить финансовые дела. От денег, выданных ему со спутниками на заграничную командировку, сохранилась еще приличная сумма. Ее удалось сэкономить за счет гостеприимства англичан и американцев, содержавших русских офицеров почти бесплатно. Путевые расходы также были невелики. В итоге финансовая проблема временно была разрешена.

Оставалась нерешенной, однако, главная проблема – жизнеустройство. Учитывая все противостоящие большевикам силы, хозяйственную разруху в стране, развал армии на русско-германском фронте, Колчак, как и его единомышленники-офицеры, полагал, что Советская власть недолговечна, что она не более чем случайная нелепость, исторический казус и неминуемо должна рухнуть. Шли, однако, дни, недели, революционная волна, разливаясь по всей стране, докатилась до Сибири и Дальнего Востока. Правда, росли и силы сопротивления.

Создавались Добровольческая армия, Донская армия, возникали мятежи, создавались антисоветские «правительства».

Потеряв надежду на скорое восстановление «порядка» в России, Колчак решил не возвращаться пока на родину. У него родились другие планы: нанести визит английскому послу в Японии Грину. Тот принял бывшего командующего русским флотом на Черном море весьма тепло. После обмена любезностями на английском языке за чашкой кофе гость перешел на русский (посол владел им свободно), непосредственно к изложению цели своего визита.

– Сэр, правительства, которому я служил, уже не существует. Лица, случайно стоящие сейчас у власти в России, отказываются продолжать войну и ведут переговоры с немцами о перемирии. Но я как представитель бывшего русского правительства не снимаю с себя ответственности за взятые Россией обязательства перед союзниками и готов выполнить свой союзнический долг.

Грин одобрительно закивал головой.

– Я глубоко понимаю ваши чувства, адмирал, и рад помочь вам.

– Я хочу воевать на стороне Англии против Германии и об этом прошу сообщить вашему правительству.

– О, о! Великолепно! Я немедленно передам вашу просьбу своему правительству. Уверен, что оно будет горячо приветствовать ваше благородное желание…

Получив, таким образом, обнадеживающий ответ, Колчак стал терпеливо ждать в своем номере Йокогамской гостиницы. От вынужденного безделья он начал изучать труды буддийской философии японской секты Дзен. Порой Колчака охватывала страшная хандра, доводящая до мысли покончить счеты с этим подлунным миром. Не произошло это скорее всего потому, что в полдень 30 декабря 1917 года Александр Васильевич получил, наконец, вызов из английского посольства. В нем сообщалось, что он и два его офицера приняты на службу короля Англии. Им рекомендовалось отправиться на Месопотамский фронт[15].

Спустя неделю адмирал, сопровождавшие его Безуар и Вуич, имея направление в Бомбей, в штаб Индийской армии, на английском пароходе отбыли из Йокогамы в Шанхай.

Новоприбывшие в этот порт устроились в гостинице Шанхай-клуб, пожалуй, одной из лучших по комфортабельности и качеству обслуживания на Дальнем Востоке. Колчак в первую ночь не мог заснуть. Он вставал с постели, ходил по толстым мягким коврам из одной комнаты в другую и снова ложился. Наконец, накинув халат, вышел на балкон. Над ним простиралось южное звездное небо. Моряк без труда определял каждое

созвездие, но они не радовали его, казались чужими. Только отысканные у горизонта на севере семь четких звезд Большой Медведицы были родными, но бесконечно далекими, вызывавшими лишь душевную тоску.

Поздним утром адмирал нанес визит русскому генеральному консулу. Через несколько дней он вошел в колею новой жизни и установил для себя вполне рациональный режим занятий и отдыха: с утра до обеда – изучение английских инструкций по полевой службе, после обеда – прогулка по городу, потом чтение буддийской литературы или военной истории, вечером – стрельба в тире стрелкового общества. Безуар и Вуич мало беспокоили своего шефа и проводили время по своему усмотрению.

В Шанхае русским морякам пришлось, однако, задержаться. Произошло это не по их воле. В Китае, уже не в первый раз, вспыхнула эпидемия чумы. Все пароходы находились под надзором карантинной службы и не выпускались в море.

Как ни старался Колчак отвлечь от себя внимание, все же не избежал встреч с несколькими лицами из русской колонии. В гостинице он познакомился с казачьим сотником Жевченко. От него узнал о формировании в Маньчжурии белогвардейских казачьих отрядов во главе с есаулами Семеновым и Калмыковым и атаманом Гамовым. Отряд Семенова уже перешел русско-маньчжурскую границу и вел бои в Забайкалье с красногвардейцами. Не хватало оружия, за которым Жевченко и прибыл в Китай. Колчак связался со здешним русским морским агентом и просил его посильно содействовать сотнику в этом предприятии.

Наконец, в начале марта Колчак и его товарищи прибыли в Сингапур. Русскую морскую группу встречал английский генерал Ридаут с телеграммой в руке. Разведотдел Генерального штаба английской армии извещал, что обстановка на Месопотамском фронте изменилась и адмиралу рекомендовано выехать в Пекин. Об этом просит его и находящийся там князь Н. А. Кудашев.

В ожидании парохода, следующего из Сингапура в Шанхай, русские офицеры остановились в местной гостинице «Европа». Вскоре группа Колчака на пароходе отправилась в обратный путь и в Шанхае без задержки пересела на пекинский поезд.

Князь Кудашев принял адмирала радушно. Колчак начал было тут же, почти что с порога, докладывать о полученных в Сингапуре рекомендациях английской военной разведки, но князь остановил его и предложил немного отдохнуть. Через пару часов гладко выбритый и как бы помолодевший адмирал предстал перед послом. Он пригласил гостя сесть с противоположной стороны письменного стола, придвинул ему коробку с

папиросами, а сам украдкой разглядывал гостя. Адмирал был худощав, темноволос и темноглаз, с короткой прической на косой пробор, с резкими чертами волевого лица и крупным, прямым и словно точеным носом. Турецкая природа его не оставляла никаких сомнений. Штатский костюм сидел на нем ладно, подчеркивая изящную, некрупную фигуру.

Посол начал разговор с характеристики внутреннего положения России, отметив, что процесс повсеместного захвата власти большевиками прекратился.

– Легко было взять власть, куда труднее оказалось ее удержать. Россию теперь затягивает петля, которую накинули на нее сами большевистские вожаки похабным Брестским миром с немцами и их союзниками. Под немецкий сапог попали Украина, Польша, Прибалтика. В Мурманске высадились американские, английские и французские войска – и тоже безнаказанно, потому что в России нет теперь армии и флота. На страну, потерявшую украинскую житницу, надвигается голод, растет спекуляция, усиливается разруха, саботаж чиновников – словом, господствует анархия. Создается благоприятная обстановка для свержения власти Советов и восстановления должного государственного порядка. Пришло время и наших действий, – заявил князь. – Задача состоит в том, чтобы объединить все самочинные отряды в организованную вооруженную силу и двинуть ее против Советов. Руководство всей организацией и подготовкой русской маньчжурской армии предлагается взять вам, Александр Васильевич. Формально вы войдете в члены правления Китайско-Восточной железной дороги и получите должность начальника ее охраны. Положение на КВЖД сейчас непростое, – продолжал посол. – Китайцы, используя неблагоприятную обстановку в России, хотят захватить дорогу. Они явочным порядком насаждают свою полицию на железнодорожных станциях, уже назначили своего губернатора председателем общества КВЖД. А дорога – русская, построенная главным образом на средства и акции Российского государственного банка. На нее также зарятся французы. Но в Северной Маньчжурии идет соперничество и между нашими соотечественниками, военными и невоенными. Что ни командир, то удельный князь, не признающий никакой власти над собой и действующий по собственному разумению и, что греха таить, далеко не всегда с идейными целями. Ваша задача – формировать вооруженную силу в полосе отчуждения КВЖД.

Колчак, недолго раздумывая, согласился взвалить на себя эту нелегкую ношу. Новое назначение сулило ему перспективу возглавить священную борьбу против большевиков. Вот где,

понял он, сейчас его настоящее место – и по долгу, и по совести. Новое святое дело, освобождающее от унизительной роли кондотьера, отныне будет целью его жизни.

Глава 11. В маньчжурии

У прибывших в Пекин представителей правления КВЖД Колчак после первого же знакомства оставил благоприятное впечатление. Управляющий дорогой инженер-генерал Л. Д. Хорват долго не отпускал руку прославленного адмирала, выражая надежду, что их сотрудничество будет плодотворным. Одновременно Колчак познакомился с известным в России капиталистом-акционером А. И. Путиловым, членами правления Русско-Азиатского банка Э. В. Гойером и В. А. Славутой. В последующие дни он изучил положение дел на КВЖД, особое внимание уделил анализу обстановки в Харбине. Он убедился, что и в самом городе, и на станциях царили бесчинства различных отрядов и групп, собранных из деморализованных элементов, дебоши пьяных офицеров, в поездах – ограбления пассажиров, имевших ценности или тайно провозивших наркотики, аресты лиц, подозреваемых в связи с большевиками. Нередко они сопровождались кровавыми расправами тут же на месте. Это чаще всего было дело рук белогвардейских контрразведчиков, имевшихся при каждом, даже небольшом отряде. Дальневосточный комитет, состоявший из бежавших из России членов различных контрреволюционных партий (от правых монархистов до левых кадетов) и раздираемый внутренней политической борьбой, не мог навести порядок в стане русской эмиграции и тем более объединить ее разрозненные вооруженные силы.

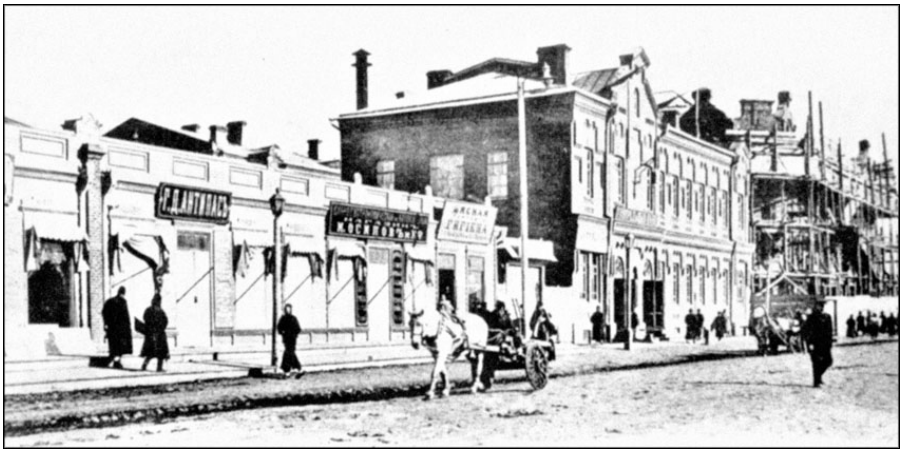
Узнал Александр Васильевич и о том, что в Маньчжурии формирование белоказачьих и белогвардейских отрядов началось с помощью Китая и Японии уже с декабря 1917 года. Основные из них к началу 1918 года дислоцировались в трех пунктах: на станции Маньчжурия – самый крупный отряд во главе с казачьим есаулом Семеновым, в городе Сахаляне (Хейхэ) – отряд атамана Гамова, в районе станции Пограничная – казачьи отряды Калмыкова и Врангеля. В Харбине же размещались белогвардейские части полковников Орлова и Маковкина, штаб железнодорожных войск генерала А. Н. Самойлова и общеармейский штаб генерала Н. П. Плешкова. Все русские вооруженные контрреволюционные силы в Маньчжурии формально входили под его начало. Фактически же отряды подчинялись лишь своим командирам и действовали самостоятельно, по указке большей частью стоящих за ними иностранных покровителей и руководителей. Именно поэтому Япония, как начал понимать Колчак, и предложила Хорвату (а он

был под контролем японцев) возглавить Дальневосточный комитет и взять в свои руки сплочение всех самочинных русских эмигрантских отрядов и частей в единую вооруженную силу, способную выступить против большевиков в Сибири и на Дальнем Востоке. Теперь организация этой силы поручалась ему, Колчаку.

В Харбине в это время находились и другие претенденты на лидирующее положение не только в русской эмиграции, но и на «законную» всесибирскую власть – члены руководства не признанного народом Временного правительства автономной Сибири (ВПАС) во главе с Дербером. Они прибыли в Маньчжурию с предложением создать в полосе КВЖД добровольческие отряды с последующей переброской их морем во Владивосток для борьбы с Советами. Представители правых партий в Харбине, считавшие, что эсеры немало способствовали Октябрьскому перевороту, категорически отвергли притязания дербероцев. Не признали их и посланники союзных держав в Пекине. Все они вопреки надеждам руководителей ВПАС сошлись на решении поддерживать власть Хорвата. Дербер и члены его «правительства» остались в вагоне, загнанном в тупик на станции Харбин, на положении частных лиц.

На соседней с ними ветке нередко находился и штабной вагон А. В. Колчака, служивший ему одновременно и квартирой.

Харбин встретил Колчака весьма приветливо. Город навевал воспоминания прошлого. Стоя на брусчатой мостовой Китайской улицы, Александр Васильевич ощущал себя в Петербурге. В Новом городе – так назывался район вокруг Большого проспекта – было много домов-особняков, шли улицы Московская, Садовая, Речная. Здесь было ощущение Арбата. В ансамбль Соборной площади гармонично вписывались Московские торговые ряды. Они представляли комплекс двухэтажных магазинов в целый квартал, а по углам башенки – шатры с флагштоками. Это были представительства московских купцов и их магазины: Саввы и Викулы Морозовых, Коноваловых, других льняных и ситцевых «королей». Вблизи Московских торговых рядов располагалось представительство Русско-Китайского банка, правильно именуемого Русско-Азиатским. Его правление находилось в Петербурге на Невском проспекте, в доме 62. Банк имел 120 представительств по всей Азии, но главное располагалось в Харбине. Председателем этого банка был широко известный в деловых кругах миллионер А. И. Путилов.



Харбин. Центральная часть города.

Развитие Харбин получил благодаря строительству Китайско-Восточной железной дороги. Здесь начали возводиться первые каменные дома для ее служащих. Уклад жизни в городе складывался особый. Таких привилегий, как здесь, рабочие и служащие в России не знали: бесплатное медицинское обслуживание, проезд по местной железной дороге, а раз в четыре года – бесплатный проезд вместе с семьей в любой конец Российской империи. Дорога строила и содержала школы и детские сады. К окончанию театральных спектаклей подавались специальные составы. В 1903 году именно в Харбине одним из первых зазвенел телефон. Город стал законодателем в прокладке трамвайных путей, организации автобусных перевозок, парк которых насчитывал сто машин. Да и первые такси на Востоке также появились на улицах этого города.

Значительной была роль Харбина в отечественной культуре. Здесь родился один из шедевров музыкальной культуры начала XX века – вальс И. А. Шатрова «На сопках Маньчжурии». Город посещали театральные звезды первой величины. Труппу молодого в то время Павла Орленева сменяла труппа артистов императорских театров под руководством В. Долматова и В. Давыдова. Афиши на тумбах городских улиц возвещали о выступлении «короля» виолончелистов А. Вержбиловича, всероссийской любимицы А. Вяльцевой, исполнительницы модных романсов Вари Паниной. На сцене Железнодорожного собрания пели Леонид Собинов, Вертинский, Шаляпин.

…В 20-е годы Харбин стал осколком Российской империи. Росло число его жителей: с 127 тысяч в 1916 до 800 тысяч в 1921 году. Повсюду звучала русская речь. Здесь оседала русская провинция, бывшие военные, многие специалисты из тех областей промышленности, какими были знамениты Урал и Сибирь.

Открылся Харбинский политехнический институт, затем педагогический, юридический институты, институт Св. Владимира, Северо-Маньчжурский университет, консерватория. Когда в Москве снесли Иверскую часовню, в Харбине возвели ее копию, когда взорвали храм Христа Спасителя, в Харбине построили Благовещенский храм. Харбин стал единственным городом, где отметили 950-летие крещения Руси.

Улица Харбина.

Сейчас русских в Харбине почти не осталось. В нем почти четыре миллиона жителей, и это центр китайской провинции Хэйлунцзян…

Прибыв в Харбин, Колчак решил начинать свою работу с формирования охраны КВЖД, начальником которой официально и был назначен. Свою штатскую одежду он сменил на военную форму, установленную для корпуса пограничной стражи. О начале его деятельности Хорват прежде всего поставил в известность генералов Самойлова и Плешкова с просьбой оказать новому начальнику дорожной охраны всяческое содействие. Те сдержанно дали согласие, однако на деле чем-либо помочь ему не спешили.

На первых порах адмирал занимался составлением разного рода смет расходов на содержание военнослужащих охраны, наблюдал за ремонтом казарм, закупкой фуража для лошадей, корректировал список оружия, которое предполагалось закупить у Японии. С этим списком Колчак направился к главе японской военной миссии в Харбине генералу Накашиме, негласному начальнику разведотдела японского Генштаба. В свою очередь, глава японской разведки был осведомлен о тайных связях Колчака с английскими секретными службами. И тем не менее

принял гостя со всеми положенными на Востоке знаками уважения. Японец был круглолиц, с коротко остриженными волосами и не производил впечатления интеллигентного человека. Сметы он не утвердил.

С 18 апреля по 3 мая в Пекине состоялось совещание членов правления Русско-Азиатского банка и Общества КВЖД. На нем под видом нового правления дороги было образовано русское эмигрантское правительство Хорвата. Основные ведомства «правительства» возглавили: военное – Колчак, финансовое – Путилов, путей сообщения – инженер Устругов, ранее служивший у Дербера.

На совещании Колчак выступил с докладом, в котором раскрыл разработанный под его руководством план вооруженного вторжения на территорию Советской России. Наступательные действия предполагалось начать одновременно с двух сторон: в Забайкалье с выходом на Сибирскую железнодорожную магистраль у станции Карымская, и в Приморье с захватом Владивостока, где уже высадились японский и английский десанты. После провозглашения в захваченных районах власти Хорвата войска должны следовать вдоль Транссибирской магистрали навстречу друг другу, восстанавливая законный порядок в Сибири и на Дальнем Востоке. По расчетам Колчака, для реализации плана ему достаточно иметь 17 тысяч штыков и сабель.

У всех участников совещания сложилось впечатление, что адмирал именно тот человек, который может подготовить такую вооруженную силу и двинуть ее против большевиков. 25 апреля Крупенский писал русскому послу в Париже Маклакову: «Вся военная часть объединена ныне под командованием Колчака. Крайне нужны деньги. Это организация, единственно могущая рассчитывать на успех, и необходимо добиться ей помощи от союзников… В начале выступления Хорват и Колчак удовлетворяют требованиям популярности и призваны частью страны. По занятии русской территории предполагается пополнить правительство видными деятелями».

Православный храм в Харбине.

Правительства Англии и Франции, ознакомленные через своих посланников с планами Колчака, полностью одобрили их. Особенно ратовали за Колчака англичане, ранее делавшие ставку на Семенова. На первых порах с этими планами согласилась и Япония. Все три правительства обещали оказать Хорвату запрошенную им материальную поддержку. Пекинские власти, солидарные в принципе с союзниками, заявили, однако, что официально признают правительство Хорвата лишь тогда, когда подчиненные ему войска захватят хотя бы часть русской территории.

Итак, встреча Колчака и Г. М. Семенова[16] становилась крайне необходимой, хотя и не очень удачной по времени. Но и медлить с выяснением отношений тоже было нельзя, поскольку тормозилось объединение русских эмигрантских вооруженных сил. На станции Маньчжурия, куда прибыл поезд Колчака, адмиралу доложили, что Семенова нет. На самом деле, как выяснилось позже, он находился в своем вагоне и явно намеревался избежать нежелательной встречи.

Подавляя в себе чувство оскорбленного достоинства, Колчак пошел к нему сам. У семеновского вагона чуть не столкнулся с выходящим из него японским офицером.

– Что это значит, Григорий Михайлович?! К чему эта игра в прятки? – входя в вагон, напустился Колчак на стоявшего перед

ним навытяжку казачьего офицера в гимнастерке с новыми погонами атамана. Семенов был красный от смущения и молчал. Видя, что порядком одернул зазнавшегося нахала, Колчак перешел на более спокойный тон. В его планы не входило обострять с ним отношения. – Я приехал к вам не как начальник над вами, а как член правления дороги, привез вам деньги от правления, – и, открыв чемодан, стал бросать из него на стол пачки денег. – Вот вам триста тысяч.

– В деньгах я не нуждаюсь, – равнодушно произнес Семенов. – Но раз уж привезли – спасибо. – Он открыл ящик письменного стола и стал сгребать в него аккуратно упакованные пачки.

А. В. Колчак в форме начальника охраны Китайской Восточной железной дороги.

Колчак смотрел на него с любопытством и плохо скрытой неприязнью. На вид новоиспеченному атаману было лет под сорок. На его гладко выбритом помятом лице выделялись длинные, лихо закрученные кверху усы, в глазах, которые он

старался прятать или отводить в сторону, было что-то неприятное. Из справки, подготовленной офицерами контрразведки, Колчак знал, что Семенов – уроженец Забайкалья, от роду ему нет еще и 28 лет, в 1911 году окончил Оренбургское военное училище, участвовал в войне с Германией. С середины 1917-го по заданию Временного правительства формировал добровольческие казачьи отряды для подавления революционных выступлений забайкальских рабочих, выслужившись до есаула…

Серьезного, а точнее конструктивного, разговора не получилось. Колчак покинул штаб Семенова раздраженным. По возвращении в Харбин он накинулся на Накашиму:

– Вы отлично знали, к чему приведет эта поездка, как и то, что Семенов мне не подчинится. Вы не держите своего слова. Кто, как не вы, обещали дело о военных поставках вести непосредственно со мной. В действительности ваша основная помощь направляется не мне и не Хорвату, а Семенову, который поэтому и не желает мне подчиняться. С вашей стороны это прямое нарушение воинской дисциплины.

Накашима вскочил, всем своим видом выражая оскорбленное достоинство, и поспешил к выходу из вагона. Колчак понял, что зашел далеко. Но было уже поздно. Разрыв его с японской военной миссией стал свершившимся фактом. Вечером в вагон адмирала прошмыгнул капитан Стевени.

От сообщения Колчака Хорват пришел в отчаяние. Случившееся казалось ему ужасным и труднопоправимым. Пришлось обращаться к Крупенскому, чтобы тот как-то загладил возникший конфликт с японцами.

Колчак продолжал свою деятельность, но дело с объединением воинских частей у него явно не клеилось. Отказался передать ему в подчинение своих казаков не только Семенов, но и Калмыков. Тогда в поисках людских резервов начальник охраны КВЖД обратился с письмом к сербским солдатам и офицерам. Большинство их бездельничало во Владивостоке, небольшая часть входила в семеновский отряд.

«Я, адмирал Колчак, в Харбине готовлю вооруженные отряды на борьбу с предателями России большевиками и немцами… – гласило обращение. – Мне нужна помощь ваша как лучших в мире воинов, и если вы прибудете ко мне, то я буду счастлив работать с вами. Пока я бы хотел иметь хотя бы 200 человек для образцовой военной части, и у меня есть оружие и средства вооружить и обеспечить вам жизнь как русским охранникам порядка, служащим под моей командой…»

Тем временем обострились отношения с Семеновым. Причиной этого послужил арест адмиралом семеновских казаков

во главе с прапорщиком Борщевским, грабивших интендантский склад в полосе железной дороги. На требование прибывшего от Семенова офицера освободить из-под стражи Борщевского Колчак ответил категорическим отказом, сказав, что арестованных бандитов предаст военно-полевому суду.

Вскоре Колчак был отстранен от поста главнокомандующего и удален из Маньчжурии. Поводом для этого послужили не только конфликты с Накашимой и Семеновым, но и неугодная для Японии проанглийская ориентация Колчака, способствующая усилению британского влияния на Дальнем Востоке. А без Японии, как утверждал в письме к Маклакову Кудашев, здесь не могло быть предпринято ничего.

Позиция, занятая настроенным на самостоятельные действия атаманом Семеновым, заставила адмирала сделать вывод о невозможности создать серьезную военную силу на КВЖД и о том, что единственное место, откуда можно начинать развертывание, – это Владивосток. Но против этого выступали японцы, которые готовились к интервенции и для которых создание в Приморье русских вооруженных сил было крайне нежелательно. Они настаивали на передаче всех вооруженных сил в распоряжение действовавшего в Забайкалье Семенова.

В итоге деятельностью Колчака оказались недовольны все: японцы, атаман Семенов да и Хорват, поддерживавший их политику. Кроме того, японские агенты вели подрывную работу в войсках, подчиненных Колчаку, – переманивали солдат и офицеров в отряды Семенова и Калмыкова, мешали нормальной работе. Нередко речь шла и об угрозе личной безопасности адмирала.

В результате всего этого Колчак при активном содействии Хорвата, стремившегося избавиться от неугодного ему человека, решил поехать в Токио, дабы решить вопросы о дальнейших совместных действиях с начальником японского Генерального штаба. Передав командование войсками генералу Б. Р. Хрещатицкому, в начале июля 1918 года Колчак уехал в Японию.

Харбин собирал всех…

По прибытии в Токио Колчак тотчас явился к Крупенскому. Посол не удержался от критических замечаний в адрес адмирала. По его мнению, основная ошибка Колчака состояла в том, что он с самого начала поставил себя в независимое положение от японцев. Позволил себе разговаривать с Накашимой императивным тоном, забывая, что тот – официальный представитель государства, которое оказывает Белому движению существенную помощь. В результате в Японии сложилось мнение о нем как о враге.

Колчак возражал:

– Я в Маньчжурии не давал повода обвинять меня в японофобстве. Я – сторонник войны, ее продолжения и потому отношусь к Японии как к союзной державе. Сведения о моей враждебности к ней искусственно раздуваются определенными лицами, которые мне хорошо известны. Намеченные же поставки со стороны Японии формируемым частям настолько незначительны, что их оплатить способна даже КВЖД. Помощь японцев в основном направляется Семенову.

В заключение разговора Колчак попросил Крупенского устроить ему свидание с начальником японского Генерального штаба. Свидание состоялось, но не с начальником штаба, а его помощником, генералом Танакой, который, как и многие другие японские высокие чины, хорошо говорил по-русски. Адмирал изложил суть конфликта с Накашимой и привел факты

подрывной работы против его воинских частей.

Члены правления КВЖД. Сидят (слева направо): второй – А. В. Колчак, третий – Л. Д. Хорват.

– Я еще могу понять применимость таких методов против крупного соединения, – рассуждал Колчак, – но у меня-то всего два полка. Поэтому вряд ли уместна в данном случае подобная германская система разложения. Так что я и не знаю, ваше превосходительство, возвращаться ли мне в Харбин? Или вы по-прежнему будете мне противодействовать?

Танака рассмеялся и предложил Колчаку остаться в Японии, отдохнуть на курорте. Александр Васильевич дал согласие. Вскоре он уехал на морское побережье близ Йокогамы. Сюда же на несколько дней приехала и Анна Васильевна Тимирева. Настроения адмирала передались его возлюбленной. Женщину терзали сомнения, мучили предчувствия беды. В конце концов она решила вернуться к мужу и четырехлетнему сыну.

Атаман Г. С. Семенов.

Оказавшийся в Японии не у дел, духовно опустошенный, Колчак большую часть времени посвящал чтению, и прежде всего газет. В начале июня до него дошли сообщения о мятеже чехословацкого корпуса в России. Вооруженное антибольшевистское выступление чехословаков окрылило

русскую эмиграцию, открыло новые перспективы в борьбе за «белую» Россию, ускорило подготовку иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири.

Колчака, с головой погрузившегося в изучение военно-политической обстановки на родине, к земным радостям вернуло возвращение в Японию Тимиревой. Адмирал встретил ее на вокзале в Токио и отвез в «Империал-отель».

«Александр Васильевич, – вспоминала она, – приехал ко мне в номер на другой день. «У меня к вам просьба, – сказала я. – Поедемте со мной в русскую церковь». Церковь была почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. После такого своеобразного духовного венчания я сказала ему: «Знаю, Саша, что за все надо платить, и за то, что мы вместе, но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей духовной близости. Я на все согласна…» Тогда Александр Васильевич увез меня в Никко, в горы…»

Пожалуй, это были последние безмятежные дни отдыха в жизни Колчака.

Глава 12. Возвращение на родину

Чехословацкий мятеж взбодрил империалистов Антанты и Японии. Главным плацдармом для вооруженного вторжения в глубь России им теперь представлялись Дальний Восток и Сибирь. Интервенцию здесь по плану Англии и Франции 1917 года должны были осуществить американские и японские войска с целью предотвращения распространения Советской власти к востоку от Урала и оккупации Транссибирской железнодорожной магистрали. Инициаторы плана считали, что Америка и Япония, успешно решая общую стратегическую задачу, из-за соперничества друг с другом не смогут извлечь из оккупации дороги односторонних или двухсторонних преимуществ. Вынужденные же растянуть свои войска вдоль магистрали от Владивостока до Челябинска, они ослабят свое влияние в Азии, как того и желали политические лидеры Англии и Франции.

Чехословацкий мятеж стал, по мнению одного американского деятеля, «счастливой находкой» для выхода из тупика.

Чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных чехов и словаков и считавшийся с декабря 1917 года автономной частью (иностранным легионом) французской армии, в мае дислоцировался в районе Пензы. По решению Франции и руководства Чехословацкого национального совета корпус подлежал переброске в Западную Европу. Советское правительство дало согласие на перевозку корпуса железной дорогой, но не северным путем, как того хотели чехословаки, а восточным – через Сибирь и Владивосток и при одном непременном условии: сдачи стрелкового оружия местным советским органам. Лидеры Антанты и Чехословацкого национального совета еще раньше договорились об использовании корпуса в антисоветских целях. Военное командование корпуса уговорило своих офицеров и солдат припрятать оружие, а затем подняло их на вооруженное выступление на стороне контрреволюции.

Мятеж чехословацких частей, растянувшихся по железнодорожной линии от Пензы до Владивостока, начался 25 мая 1918 года и имел целью захват Среднего Поволжья и Сибири. Через несколько дней в руках легионеров и вышедших им на помощь из подполья местных белогвардейцев оказались крупные города Восточной России до Красноярска.

По мере захвата ими территории Поволжья, Урала и Сибири возникали контрреволюционные правительства: 23 июня в Омске – Временное сибирское правительство во главе с присяжным

поверенным П. В. Вологодским, 30 июня во Владивостоке – снова воспрявшее и перебежавшее из Харбина Временное правительство автономной Сибири под руководством Лаврова – Дербера (Лавров – премьер, Дербер – министр иностранных дел), а 9 июля на станции Гродеково (в Приморье) – правительство Хорвата, провозгласившего себя Верховным правителем России. За три дня до этого интервенты объявили о том, что Владивосток находится под протекторатом союзных держав.

Между тем Колчак и Тимирева продолжали жить в небольшом курортном местечке Агами, расположенном к юго-западу от Йокогамы на берегу залива Сагами. В солнечные дни они загорали на пляже, купались; в дождливую погоду, – а она была типична здесь в период летних муссонов, – отсиживались в местной гостинице или временно возвращались в свою постоянную гостиницу в Йокогаме. Такие приезды Колчак обычно использовал для встречи с Дудоровым для получения от него очередной порции свежей информации о развитии событий в России и особенно на Дальнем Востоке.

В очередной приезд в Йокогаму Колчак получил от Дудорова, помимо газет, письмо от Кудашева. Князь сожалел, что адмиралу пришлось выехать из Маньчжурии, но искренне надеялся, что это временный отход «от активной работы воссоединения России и восстановления у нас порядка и власти». Адмирал иногда выезжал в Токио и, как правило, наведывался в посольство Крупенского за последними новостями. В один из таких визитов посольство связало Колчака с английским генералом Ноксом.

Альфред Нокс до конца 1917 года исполнял должность военного атташе в Петрограде, хорошо знал Россию и представителей прежнего русского военного командования. С января 1918 года он руководил русским отделом британского Военного министерства и имел связь с образованным при Министерстве иностранных дел особым комитетом под председательством бывшего русского посла в Лондоне Набокова. Комитет проводил работу по набору добровольцев из русских эмигрантов в белогвардейские части. На русском Дальнем Востоке он имел полномочия от английского Военного министерства установить связь с союзными войсками в Сибири и способствовать подготовке там белогвардейских формирований.

При встрече с Колчаком английский генерал откровенно обозначил свою позицию в «русском вопросе». Он критиковал «экономическую» интервенционистскую политику американцев, высказался за оттеснение их с арены борьбы «за интересы России», раскрыл тайный замысел Японии оккупировать своими войсками русский Дальний Восток с намерением вести

дальнейшую антисоветскую военную кампанию. Александру Васильевичу было предложено письменно изложить свою оценку сложившейся обстановки. Его записка – план действий – полностью удовлетворила Нокса. В своем докладе в Лондон он аттестовал адмирала как самого подходящего из русских высших офицеров «для осуществления наших целей на Дальнем Востоке».

Александр Васильевич понимал, однако, что он – лицо нежелательное для японцев ни в Японии, ни вообще на Дальнем Востоке. Поэтому он решил продвигаться на Юг России, к генералу Алексееву – верховному руководителю Добровольческой армии, члену «триумвирата «Донского гражданского совета». С Михаилом Васильевичем он близко сошелся еще во время своего командования Черноморским флотом. Тогда генерал от инфантерии Алексеев приезжал в Крым для кратковременного курортного лечения, где с ним и встречался командующий флотом. Колчак надеялся также встретиться в Севастополе и со своей семьей.

Генерал Д. Л. Хорват с офицерами иностранных государств.

Нокс предложил адмиралу выехать из Японии вместе. Колчак принял предложение, и они оба в середине сентября направились из Токио во Владивосток. Тимирева же оставалась на неопределенное время в Йокогаме. Нетрудно представить трагизм положения, в котором оказалась молодая женщина, совершенно не приспособленная к самостоятельной одинокой жизни, да еще в азиатской стране с чуждыми ей языком, порядками и нравами.

После отбытия в неизвестность своего возлюбленного она вернулась в Атами и уже оттуда послала ему письмо во Владивосток. «Милый, дорогой мой Александр Васильевич, вот я и в Атами. Вечер темный и сверху сыплется что-то, а море шумит как-то мрачно… Сижу одна, читать Dymaspera как-то мне не хочется; что мне делать? Поставила с горя на столик добрый

иконостас от Ваших фотографий и вот снова Вам пишу – испытанное средство против… чрезмерной мрачности <…> Завтра утром Вы во Владивостоке. Милый мой, дорогой, я знаю, Вам очень тяжело будет теперь и трудно. Голубчик мой милый, до свидания пока. Пусть Господь Вас хранит всегда на всех путях, я же думаю о Вас и жду дня, когда увижу и поцелую Вас».

Переход морем из Японии во Владивосток Колчак совершал в компании генерала Нокса и французского посла Реньо. Беседы их были как общими, так и двухсторонними, проходили либо в пустующей кают-компании, либо в каютах собеседников. Французский посол, с которым адмирал познакомился еще в Токио, был стар и плохо говорил по-русски. Поэтому при общем разговоре на русском языке Реньо пользовался услугами переводчика, Пешкова, приемного сына Максима Горького, родного брата Я. М. Свердлова, лейтенанта, впоследствии генерала французской армии. В двухсторонней же беседе с Колчаком посол обходился без переводчика, так как русский собеседник прилично владел французским.

Оставаясь наедине с собой в маленькой пароходной каюте, Колчак мыслями был уже в России. Свое будущее он связывал с боевой работой под непосредственным руководством главкома Алексеева, военный опыт которого ценил особо. Но честолюбца не покидала вера и в собственное высокое предназначение. И к тому имелись определенные основания.

Тайные осведомители передавали ему, что находящиеся в подполье в Советской России крупные, накапливающие силы политические организации планы вооруженной борьбы с большевиками связывают с именами Алексеева и Колчака. На память пришло и письмо князя Кудашева, надеявшегося на то, что адмирал только временно отошел «от активной работы воссоздания России». А один преданный ему офицер (капитан А. Апушкин) несколько раньше сообщал из Владивостока: «…О Вас самые разнообразные слухи, говорят о скором Вашем прибытии как главнокомандующего всеми силами…». Такие слухи вызывали улыбку у Колчака, но то, что его помнят и даже ценят, было ему приятно.

А. В. Колчак в форме начальника охраны Китайско-Восточной железной дороги. Фото с акварели художника А Соколова.

Во Владивостоке Ноксу и Реньо их военные соотечественники, представители русской местной администрации и чешского командования устроили торжественную встречу. Особые почести русские чины воздали английскому генералу. О его прибытии и об оказании ему

достойной встречи телеграфировал во Владивосток находившийся в Токио член Временного правительства автономной Сибири А. Петров. Колчак же на владивостокский причал сошел как неприметное частное лицо в партикулярной одежде. Город поразил его разноязычием и интернациональной пестротой экипировки солдат, матросов и офицеров.

Во Владивостоке Александр Васильевич постарался хотя бы в общих чертах составить представление об омском Временном Сибирском правительстве. Как он выяснил, оно образовалось из группы оставшихся в Сибири (не удравших с «дерберовским» правительством) эсеров и группы лиц кадетско-монархической ориентации. Такой симбиоз находил объяснение. Эсеры нуждались в поддержке военной силой, которая была на стороне «правой» части правительства. Та, в свою очередь, не могла не считаться с популярностью в народе и у чехов (позже и у союзников) эсеровской партии, представляющей пока единственную политическую союзницу правых кругов.

Таким образом, Временное Сибирское правительство представляло собой компромиссную коалицию мелкобуржуазной демократии и буржуазно-помещичьей реакции. Равновесие между двумя группировками правительства поддерживал его председатель, омский адвокат П. В. Вологодский, бывший член II Государственной Думы, человек неопределенной партийной принадлежности. В дальнейшем, как понял Колчак, не исключались взаимоотношения как с этим, так и с другими временными контрреволюционными правительствами России, поскольку в Уфе с 8 сентября проходило Государственное совещание с целью создания «временной общероссийской власти». Однако главный делегат на это совещание от Временного Сибирского правительства Вологодский отправился не в Уфу, а во Владивосток. Омский премьер считал более важным добиться поддержки своего правительства союзными державами и установить на Дальнем Востоке вместо враждующих там двух правительств одно – управляемое из Омска.

Группа русских и американских морских офицеров во главе с А. В. Колчаком (сидит в центре) в Нью-Йорке. Справа от Колчака – М. И. Смирнов

В решении первой задачи Вологодскому помог прибывший с ним на Восток князь Г. Е. Львов. В марте – июле 1917 года глава Временного правительства направлялся по поручению омского правительства через Японию в Соединенные Штаты для переговоров с президентом В. Вильсоном. Авторитетное посредничество думского деятеля, в прошлом председателя Земского союза, способствовало не только укреплению связи Временного Сибирского правительства с представителями союзных правительств, особенно Англии и Франции, но и договоренности на получение у союзников материальной и военной помощи и займа до 1 миллиарда рублей. После завершения переговоров все союзные комиссары, кроме американского и японского, вскоре должны были направиться в Омск.

Во Владивостоке Колчак сделал два визита.

Первый – к П. В. Вологодскому. Заметив усталый вид главы омского правительственного кабинета, Колчак выразил ему свое сочувствие в столь многотрудной и ответственной деятельности. Вологодский поблагодарил и признался, что порядком измотался,

да и здоровьем не блещет. Колчак продолжил:

– Пользуясь случаем, информирую вас, Петр Васильевич, а об этом меня просил заявить весь офицерский корпус Сибирской и Амурской флотилий, что он полностью подчиняется Временному Сибирскому правительству и готов выполнить любое ваше распоряжение.

– Приятно это слышать от моряков, – молвил довольный Вологодский. – От имени правительства прошу передать, ваше превосходительство, искреннюю благодарность господам офицерам доблестных флотилий. Их поддержка на краю отечества сейчас особенно бесценна.

Адмирал и глава правительства пожали друг другу руки и довольные распрощались.

Удовлетворенным визитом Колчака к Вологодскому остался и Нокс. Он конфиденциально сообщил Колчаку, что в британских правительственных кругах вынашивается идея предложить пост главы России и Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву. Александр Васильевич заметил, что более достойной военной личности он не знает. Но Нокс подбодрил и адмирала, намекнув, что найдется место и для его высокого чина.

Во Владивостоке Колчака для беседы пригласил в свою резиденцию в здании бывшего порта также чешский офицер Рудольф Гайда, один из видных командиров чехословацких войск. Добрый молодец во френче без погон, шатен с гладко выбритым лицом и усиками первоначально понравился Колчаку. Он слышал, что у союзников Гайда популярен и слывет у них способным и знающим свое дело военачальником, хотя и не имевшим военного образования. Из всего разговора с ним Колчак вынес главное: этот человек – явный сторонник диктатуры, он честолюбив и нагл в своих устремлениях к власти.

В тот же вечер Александр Васильевич выехал в Омск. Заканчивался период его скитаний, сомнений, пребывания на различных второстепенных ролях. Судьба готовила ему более видное место в истории отечества.

Глава 13. Путь к диктатуре

14 октября Колчак с офицерами прибыл в Омск. В городе он думал задержаться только несколько дней. В письме М. В. Алексееву адмирал сообщал о том, что оставляет Дальний Восток, решив «ехать в Европейскую Россию с целью повидать Вас и вступить в Ваше распоряжение». Не имея еще достаточного представления об омской власти, он тем не менее в письме оценивал ее как имеющую «все основания для утверждения и развития».

Вагон Колчака был отведен на правительственную ветку и соединен телефоном с городом. Александра Васильевича встречали бывший сослуживец по штабу бывшего командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. Эссена генерал-майор А. А. Мартьянов и представитель местного морского командования капитан 1 ранга М. В. Казимиров.

Первый визит Александр Васильевич нанес начальнику штаба главнокомандующего генералу Н. Н. Розанову. Здесь он познакомился с представителями Добровольческой армии генералами К. В. Сахаровым и И. П. Романовским, с посланцем А. И. Деникина молодым полковником Д. А. Лебедевым, недавно окончившим Академию Генерального штаба. Они проинформировали Колчака о положении дел на юге России, затем, по его просьбе, раскрыли политическое лицо каждого из членов Директории[17]: Авксеньтьев и Зензинов – это, по их оценке, «чистые» правые эсеры, Виноградов – кадет, Болдырев и Вологодский – без четкой партийности, но Болдырев ближе к эсерам, Вологодский больше склоняется к кадетам. В целом Директория, по мнению генералов, чем-то напоминает правительственный кабинет А. Ф. Керенского.

Вскоре Колчака пригласил к себе член Директории, новый главнокомандующий сибирскими войсками генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, выпускник Академии Генерального штаба, с сентября 1917 года командовавший 5-й армией, Георгиевский кавалер. Адмирал был наслышан о нем как об одном из образованнейших высших офицеров русской армии. Болдырев, узнав о незанятости Колчака в данное время каким-либо конкретным делом, кроме плана ехать в Добровольческую армию, попросил его на несколько дней остаться в Омске. Свою просьбу Василий Георгиевич мотивировал тем, что на него в Сибири имеются «определенные виды».

Колчак согласился. Адмиральский вагон отвели в тупик и взяли под охрану. Спустя сутки состоялась вторая встреча

Колчака с Болдыревым, в результате которой Александр Васильевич занял временно пост военного и морского министра. Станционное проживание Колчака окончилось. Он перебрался в город на временное жительство в дом к начальнику гарнизона города казачьему полковнику В. И. Волкову.

Дом казачьего полковника В. И. Волкова по улице Атаманской (ныне Пушкинская) в Омске, где размещался А. В. Колчак.

Спустя несколько дней Болдырев снова пригласил Колчака к себе. В кабинете главнокомандующего адмирала ждал сюрприз – Альфред Нокс. Недавние знакомые встретились как старые добрые друзья.

Обсуждали принципы, на которых надлежало строить Сибирскую армию. Договорились о том, что она должна быть русской, основанной на жесткой дисциплине, без комитетов и комиссаров керенского типа, при полном единоначалии офицеров и под их строжайшим контролем, в том числе и английским. В армии и на флоте решили сохранить погоны, недавно введенные генералом Ивановым-Риновым, бело-зеленые знамена (символ сибирских белых снегов и зеленых лесов) и такого же цвета значки на головных уборах. В конце совещания Болдырев и Колчак просили Нокса ускорить материальную помощь со стороны союзников сибирским вооруженным силам, предупредив, чтобы она попала не казачьим атаманам, а регулярным армейским частям.

Личный самолет Верховного Правителя

Не пройдя еще стадии официального утверждения в должности министра, Колчак не торопился приступать к организации министерства. Тем не менее приехавший Вологодский просил адмирала не пропускать заседаний Совета министров. Формирование кабинета сопровождалось горячими спорами. Особенно бурно проходили дебаты вокруг назначения министра внутренних дел. Авксеньтьев и Зензинов категорически возражали против кандидатуры на эту крайне важную должность прежнего министра финансов бывшего Временного Сибирского правительства И. А. Михайлова, убежденного противника демократии и к тому же подозреваемого в причастности к делу об убийстве писателя П. Е. Новоселова. Они предлагали назначить министром внутренних дел своего однопартийца Е. Ф. Роговского, приехавшего из Уфы, с чем не соглашались члены правительства Вологодского.

Атаман А. И. Дутов.

После очередного совещания Колчака пригласил на беседу премьер-министр. Николай Дмитриевич развернул перед адмиралом свою обширную программу действий Директории. В ней на первое место ставилась мобилизация всех сил на борьбу против большевиков и их Советов. Зашла речь и о расширении демократии, об избирательном праве, Учредительном собрании и послевоенном государственном устройстве России.

Александр Васильевич вежливо, как истинный интеллигент,

не прерывая, слушал его и лишь изредка тактично вставлял свои реплики, касающиеся организации антисоветской борьбы, на чем они больше всего и сошлись. В Авксеньтьеве Колчак почему-то увидел второго Керенского, такого же опасного прожектера, способного так же погубить святое дело восстановления России.

После разговора с председателем Директории Александр Васильевич вернулся к мысли держать путь на юг Европейской России. Но тут случилось непредвиденное: с Кубани пришло известие о смерти генерала М. В. Алексеева. Это случилось 8 октября в Екатеринодаре после продолжительной болезни. Добровольческую армию возглавил генерал А. И. Деникин. Решение Колчака ехать на юг отпало само собой.

3 ноября под председательством Вологодского был, наконец, сформирован Совет министров Директории, состоявший в основном из членов прежнего Временного Сибирского правительства. Ведущие посты в новом правительственном кабинете занимали: премьер П. В. Вологодский, главнокомандующий сибирскими войсками В. Г. Болдырев, военный и морской министр А. В. Колчак, министр иностранных дел Ю. В. Ключников, министр финансов И. А. Михайлов, министр юстиции С. С. Старынкевич; претендент на должность министра внутренних дел Е. Ф. Роговский получил назначение в качестве товарища этого министра, начальника омской милиции.

По случаю образования Временного всероссийского правительства состоялся банкет. Больше всех с речами и благими пожеланиями выступал глава Директории Николай Дмитриевич Авксеньтьев. Изрядно подогретый шампанским, он неожиданно выкрикнул в зал:

– За ближайшее будущее адмирала Колчака!

Клич вначале вызвал недоумение, но захмелевшие сидевшие за столами участники банкета не стали разбираться и дружно поддержали тост.

Колчак пришел в свое временное пристанище навеселе. Хозяин поздравил адмирала с официальным вступлением в должность военного и морского министра.

– Благодарю вас, полковник, – ответил новый член правительства и, подняв указательный палец, изрек: – Вступил только временно… Не по душе мне эти враждующие «монтекки» и «капулетти». – Адмирал вяло махнул рукой и, сказав что-то неразборчивое, пошел в отведенные ему покои.

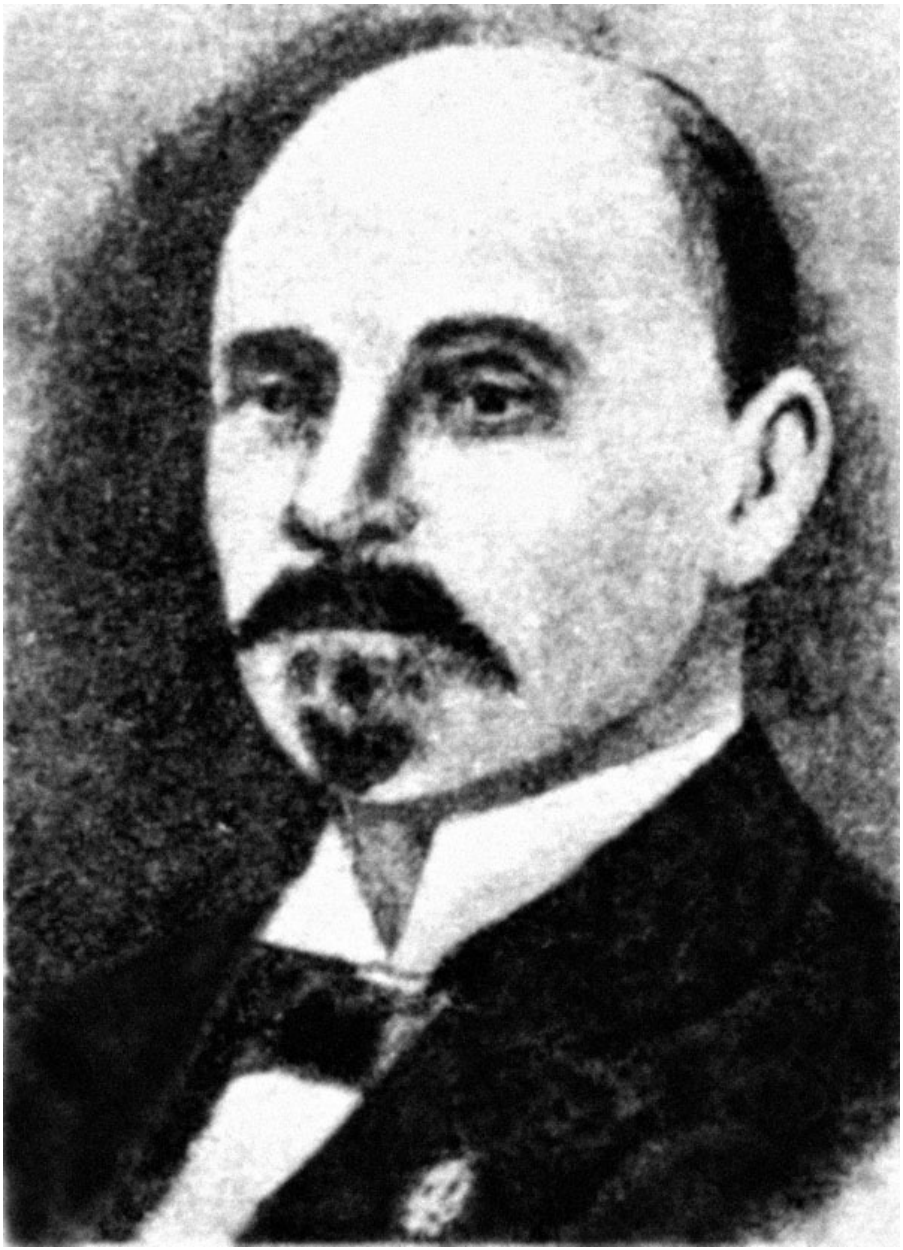
Через день адъютант доложил Колчаку о посетителе, ожидавшем приема. Адмирал велел впустить. В кабинет грузно ступил нестарый еще мужчина, небольшого роста, с рыхлым лицом, в пенсне, сквозь стекла которого виднелась пара

маленьких сверлящих глаз. Гость представился:

– Пепеляев Виктор Николаевич.

Колчак впервые видел его, но фамилия его показалась знакомой. Разъяснил сам Пепеляев, напомнив об их несостоявшейся встрече в конце сентября на станции Маньчжурия. Колчак вспомнил телеграмму Р. Гайды[18] и свою тогдашнюю задержку во Владивостоке. Гость, расположившись свободно и уверенно в кресле у письменного стола хозяина, повел конфиденциальный рассказ о том, как он по заданию Национального центра еще раньше должен был встретиться с адмиралом, чтобы уведомить его о замысле центра предложить генералу Алексееву роль главы Российского государства и Верховного главнокомандующего. Центр также не исключал и кандидатуру адмирала Колчака, но желал бы пока, «чтобы эти имена не стали друг против друга». Колчак сказал, что он всегда отдавал приоритет Алексееву и до последнего времени сам хотел войти в его подчинение. На этом беседа завершилась.

9 ноября Колчак прибыл в Екатеринбург, где вскоре состоялся парад войск и награждение боевым знаменем отличившейся в операции чешской дивизии. На банкете, устроенном по торжественному поводу, военный министр познакомился со многими высшими офицерами Чешского корпуса, в том числе с командующим фронтом чешским генералом Яном Сыровы, а также с некоторыми военными представителями стран Антанты. Один из русских генералов затеял разговор на политическую тему, высказавшись о необходимости установления в Белой России военной власти. Свое суждение на этот счет адмирал не высказывал, но говорил о значении армии, без которой нет общественной безопасности и государства в целом.



Премьер-министр Временного сибирского правительства П. В. Вологодский.

На другой день Колчак посетил штаб Сибирской армии. Командующий армией генерал Радола Гайда и генерал Ян Сыровы показали ему на картах расположение своих войск: на северном участке – армия Гайды, на среднем – армия полковника С. Н. Войцеховского, на южном – армия атамана А. И. Дутова. После осеннего наступления Красной армии чехословацко-

белогвардейские войска оказались далеко отброшенными от Волги на восток. На северном участке линия фронта проходила восточнее Перми и Кунгура, на среднем участке – между Уфой и Бугульмой, на южном – западнее Оренбурга и Уральска.

В штабе Гайды разрабатывалась наступательная операция Сибирской армии на Пермь. Операция являлась частью стратегического плана прорыва красных войск белогвардейской армией через Пермь – Вятку – Котлас до соединения с белогвардейцами и интервентами на Севере России. Идея такого прорыва пришла в голову англичанам, чтобы заменить протяженный путь снабжения сибирских войск через Владивосток более короткой северной коммуникацией через Архангельск. У офицеров штаба чувствовался подъем духа, хвалились, что возьмут Пермь и отбросят противника к Вятке.

Гайда поинтересовался у Колчака политической обстановкой в Омске. Адмирал охарактеризовал ее как компромисс между Сибирским правительством и Директорией. Оставив о себе у штабистов благоприятное впечатление и пожелав им успехов в предстоящей Пермской операции, Колчак отправился на левый фланг армии, которым командовал генерал-майор Анатолий Пепеляев, брат кадета Виктора Пепеляева. Молодой генерал с лицом, обросшим бородой, и копной черных густых волос встретил военного министра радушно.

15 ноября начальник омской милиции Роговский доложил председателю Совета министров о том, что в городе казаками готовится свержение Директории. Вологодский поставил об этом в известность главнокомандующего. Болдырев торопился к отъезду на фронт и не смог обстоятельно разобраться в обстановке, но полагал, что нарушители общественного спокойствия – казаки, а в отношении Красильникова и его собутыльников приказал провести расследование.

На самом деле опасность была несравненно серьезнее. В городе существовал настоящий заговор против Директории. Подготовку к ее свержению проводили политические, военные и буржуазные круги.

Политическим противником Директории выступила влиятельная и обладающая в контрреволюционной России реальной силой кадетская партия, открывшая 15 ноября в Омске свою 2-ю сибирскую конференцию. На ней присутствовали представители партийных организаций Самары, Казани, Симбирска, Уфы, Челябинска, Омска, Иркутска, Владивостока и Харбина. С докладом выступил председатель только что образованного на конференции Восточного отдела ЦК партии В. Н. Пепеляев. По его докладу конференция вынесла

постановление: заменить «полубольшевистскую», созданную в Уфе Директорию военной диктатурой, единственно способной повести настоящую войну за национальное воскрешение России. Энергичный Пепеляев взял на себя заботу по связи с военными руководителями заговора и представителями торгово-промышленного капитала.

Организация военной акции, целью которой был арест эсеров – членов Директории, возлагалась на омского армейского квартирмейстера полковника А. Д. Сыромятникова. Он действовал в контакте с бывшим начальником Академии Генерального штаба генералом А. И. Андогским, перешедшим на сторону белых и возглавившим группу офицеров Ставки в Омске. Сыромятников был связан непосредственно и с руководителем ареста эсеров начальником гарнизона города полковником Волковым.

17 ноября в 17 часов 30 минут в Омск прибыл с фронта Колчак. С такой точностью фиксируют этот факт архивные документы. К военному министру тотчас явилась делегация из высших офицеров Ставки и казачества. Она заявила, что участь Директории предрешена. Делегаты видели ей замену в единой власти и просили Колчака взять ее на себя. Колчак ответил:

– Я не могу этого сделать, потому что у меня нет в руках вооруженной силы. А единовластие может быть основано только по воле и желанию армии. Только на нее может опираться лицо, согласившееся стать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. И вообще, Сибирское правительство само борется с Директорией и хотело бы сохранить власть за собой, как то было до прибытия эсеров в Омск. Находясь на службе у этого правительства, я не могу предпринять каких-либо шагов вопреки его воле.

Закончил же Колчак разговор выражением благодарности делегатам за оказанное доверие. Офицеры, в свою очередь, сказали адмиралу, что часы истории пущены и никто уже не в силах их остановить.

«Государственный» переворот совершился в ночь с воскресенья 17-го на понедельник 18 ноября арестом Авксеньтьева, Зензинова и Роговского. В 4 часа ночи дежурный ординарец поднял Колчака с постели к телефону. В трубке слышался взволнованный голос Вологодского. Он сообщил об аресте трех членов Директории и их коллеги Артунова, сказал, что немедленно созывает Совет министров и просит адмирала прибыть на экстренное заседание.

Военный министр стал одеваться, приказав ординарцу соединиться по телефону с начальником штаба

главнокомандующего. Розанов сразу снял трубку. Колчак представился и спросил:

– Вы знаете, что произошло в городе?

Розанов ответил, что в городе спокойно, по улицам разъезжают усиленные патрули.

Заседание Совета министров затянулось. Чувствуя, куда клонится чаша весов, Виноградов полувопросительно-полуутвердительно обронил:

– Значит, диктатура?

Видно, этого главного слова до сих пор и не хватало. Большинство тут же согласилось временно, во избежание анархии, поставить во главе правительства военное лицо.

– В таком случае я слагаю с себя обязанности члена Директории, – заявил поднявшийся с места Виноградов и покинул зал заседаний.

Вступление частей Красной Армии в Казань, 1918 г.

После его ухода из пяти членов Директории остались только двое: Вологодский и Болдырев. Первый, державшийся в оппозиции к эсеровской директориальной группе, был здесь, в зале, второй – на фронте. Проблема решилась сама собой: военная диктатура. Председательствующий все-таки поставил вопрос на голосование. Против поднял руку только министр торговли Шумиловский. Кандидатами в диктаторы были названы генералы Болдырев и Хорват, а также адмирал Колчак.

В порядке выступления председательствующий предоставил

слово военному министру.

Адмирал поднялся с места.

– Я благодарю господ, выдвинувших мою кандидатуру, но считаю генерала Болдырева предпочтительнее меня на месте военного главы государства, поскольку он как главнокомандующий известен армии. Я же – человек новый, меня еще плохо знают в войсках, мало знаком я и вам… Но я тем не менее не отказываюсь баллотироваться.

Перед обсуждением кандидатур и голосованием председатель Совмина попросил адмирала покинуть зал.

Заседание длилось долго. Первой обсуждали кандидатуру главнокомандующего. При голосовании за него поднялась только одна рука. Отрицательно сказались его связи с «Союзом возрождения», почти постоянная поддержка при конфликтах в Директории эсеровского крыла, заметные французские симпатии в ущерб английским, к которым тяготели почти все члены правительства. Отдавая должное военным заслугам Болдырева, выступавшие отмечали его недостаточную популярность среди офицеров и особенно у казаков.

Обсуждение кандидатуры Хорвата длилось недолго, но бурно. Подавляющее большинство (10 против одного) ее отвергли из-за крайне нежелательной для правительства явной политической ориентации на Японию.

Остался последний кандидат – Колчак. С ним мало кто из министров общался лично, но имя его, окруженное ореолом былой славы, произносилось всюду с большим уважением. Постарались морские офицеры, рекламировавшие решительность и личную храбрость адмирала, его боевые заслуги под Порт-Артуром, на Балтике и Черном море, его военный талант и умение командовать крупными соединениями флота и армии. А что стоили в их устах легендарный полярный шлюпочный поход Колчака, эпизод с подаренной ему за храбрость золотой саблей, которую, когда революционные матросы-черноморцы потребовали от офицеров сдачи личного оружия, гордый адмирал сломал и выбросил в море!

Вологодский заметил, что на Дальнем Востоке он слышал о неуравновешенном характере Колчака, о конфликте его с японцами и атаманом Семеновым. Никто не придал этим словам серьезного значения. Все выступавшие высказались за передачу единоличной власти адмиралу. Предложение было принято десятью министрами. Тут же коллективно утвердили и титул главе верховной власти: Верховный правитель России.

Приглашенному в зал Колчаку Вологодский сообщил о результатах голосования и присвоении ему высокого титула.

Колчак смутился:

– Зачем же такая помпезность? Вполне достаточно ограничиться названием должности – Верховный главнокомандующий.

Из зала возразили:

– Вот эту должность вам и не надо брать на себя. Ваша задача – осуществление твердой и устойчивой верховной власти.

– Без подчинения мне армии я не буду иметь ни силы, ни значения… – Адмирал немного подумал и сказал: – Можно возложить на меня, в конце концов, как на главковерха, одновременное обеспечение и внутреннего общественного порядка.

После короткого обсуждения Совет министров принял постановление: взятую на себя верховную власть после распавшейся Директории Сибирское правительство передает в руки Александра Васильевича Колчака, производит его в «полные адмиралы», именуя его впредь Верховным главнокомандующим.

Бывший вице-адмирал, который до этого производства был удостоен высших воинских чинов за боевые заслуги и которого по установившейся на флоте и в армии традиции называли адмиралом (так принято и в наше время), стал по-настоящему «полным» адмиралом, «вашим высокопревосходительством». Только этот наивысший флотский чин ему был присвоен не за боевые заслуги и даже не за выслугу лет на море, а по неписаному статусу Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. Так закончились долгие скитания неутомимого «одиссея» по белу свету, позади остались его временные роли. Он снова на высоте положения, даже более того – на вершине «всероссийской» власти.

Переворот в Омске 18 ноября 1918 года по задействованным в нем политическим, военным и социальным силам был кадетско-монархическим. В дневнике кадета В. Н. Пепеляева 5 декабря 1918 года в этой связи отмечается, что «мы ответственны (и особенно я) за переворот, и наш долг укреплять власть». Спустя полгода с трибуны 3-й сибирской конференции кадетской партии новый председатель Восточного отдела ее ЦК А. К. Клафтон откровенно признался, что они (кадеты) стали партией государственного переворота. Об участии в перевороте военных и гражданских монархистов говорилось и в письме Сыромятникова к Михайлову. Задача заговорщиков облегчалась тем, что из Омска заранее предусмотрительно были выведены все ненадежные воинские части и, наоборот, оставлены те, которые не поддерживали неугодную Директорию. Руководители заговора, кроме того, задержали готовый к выходу в поход на Енисей

большой отряд военных судов.

Вступление белых войск в Екатеринбург.

Вечером Колчак прощался с супругами Волковыми, в доме которых прожил в течение целого месяца. Он переезжал в приготовленные ему помещения в штабе, занимавшем бывший дом генерал-губернатора. Адмирал пришел с адъютантом и от приглашения четы отужинать с ними в последний раз решительно отказался. Причина столь срочного отъезда знатного жильца была им понятна: у него теперь не омский и даже не сибирский, а всероссийский масштаб деятельности. Сам же Колчак не считал эту причину первостепенной. Главная причина его спешного выезда заключалась в другом. Хозяин дома, полковник Волков, как выяснилось сегодня на заседании правительства, был руководителем ареста членов Директории. Всего несколько часов назад Верховный принимал в штабе с повинной его и двух его соратников – казачьих офицеров. Адмирал позвонил по телефону министру юстиции Старынкевичу и приказал ему принять провинившихся офицеров, снять с них допрос и оформить, как положено, добровольную явку с повинной. При расставании с казаками подбодрил их:

– Не падайте духом, в обиду не дадим.

Когда адъютант рассчитался с хозяйкой дома за месячное проживание адмирала с полным пансионом и когда подоспевшие сюда лейтенант с двумя матросами собрали его одежду, личные вещи и служебные бумаги, к полковнице подошел сам квартирант. Целуя на прощание ей руку, он поблагодарил за

предоставленный ему приют, оказанное гостеприимство и извинился за доставленные неудобства, связанные с его беспокойной службой.

Утром 19 ноября 1918 года во многих газетах России появились два документа, привлекшие внимание читателя.

Первый – постановление Совета министров Всероссийского Временного правительства о производстве вице-адмирала Колчака в адмиралы и о временной передаче ему верховной власти.

Второй – обращение Верховного правителя к населению.

«18 ноября 1918 года, – заявлял Колчак, – Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу русского флота Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом, установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему свету. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам.

Верховный Правитель, адмирал Колчак.

18 ноября 1918 года. Город Омск».

В 10 часов Верховный правитель, хорошо выспавшийся, как всегда гладко выбритый, появился в новом отведенном для него кабинете. На нем был английский френч цвета хаки с приколотым на левой стороне груди Георгиевским крестом на орденской ленте, на плечах золотились погоны с тремя черными орлами; брюки того же цвета, что и френч, были заправлены в высокие хромовые сапоги, на левом боку на портупее висела шашка.

Адъютант – моряк лейтенант доложил, что в приемной ожидает аудиенции полковник Лебедев.

После того как полковник бойко и не совсем по-уставному поздравил Верховного со вступлением на высокие посты и с «полным» адмиралом, разговор между ними пошел в приглушенных тонах. Речь шла о вчерашних событиях. Лебедев хвалился тщательностью подготовки «операции», которая рассматривалась и обсуждалась не на одном заседании ее участников. В их число, как он заметил, входили крупные фигуры. Колчак улыбнулся и, протянув Лебедеву руку, поздравил его с производством в генерал-майоры. Молодой даже для

полковника штабной офицер с нескрываемой радостью благодарил адмирала, пылко заверяя его в преданной службе ему и их общему святому делу. Выйдя из кабинета, штабист, от счастья ничего и никого не видя, проскочил мимо адъютанта.

Поступившие из министерства внутренних дел и от городских властей сведения свидетельствовали, что ночь в городе прошла спокойно. Только на окраине прозвучали одиночные выстрелы. К утру все стихло, и день начался без каких-либо видимых изменений. Горожане вроде бы и не заметили перемены власти.

Глава 14. Будни правителя

Деловое утро новой администрации начиналось с просмотра обильной почты, поступавшей с Запада и Востока в адрес Верховного правителя и председателя Совета министров. Поздравительные и приветственные телеграммы и телефонограммы пришли от Гайды, от многих фронтовых частей, от атамана оренбургского казачества Дутова, от тыловых гарнизонов, в том числе от генерала Ринова, с Дальнего Востока от Нокса и Хорвата. Знаменательно, что при этом Хорват передавал «себя в полное подчинение Верховного правителя».

В числе первых посетителей были члены кадетской партии, возглавляемые В. Н. Пепеляевым, депутации «отцов» города и духовенства, представители омской буржуазии, отдельные почетные граждане, главные редакторы городских и некоторых сибирских газет. Все они приход новой власти встретили восторженно, горячо приветствовали и поздравляли адмирала (большинство видело его впервые), желали ему близкой победы над «варварами XX века и осквернителями русской православной веры – большевиками».

После русских поздравителей визит Верховному правителю нанесли дипломатические представители Англии (Эллиот) и Франции (Реньо). Поздравив адмирала со вступлением на пост главы государства, они поинтересовались положением арестованных членов Директории и их дальнейшей судьбой. Колчак сказал, что все четверо находятся под надежной охраной на квартире Авксеньтьева и опасность их жизни не угрожает.

Последней поздравить адмирала пришла большая группа морских офицеров во главе с прибывшим из Соединенных Штатов капитаном 1 ранга М. И. Смирновым. Для Колчака это были родственные души, и он их принял по-адмиральски: с коньяком и шампанским. Сам же участвовал в общей небольшой пирушке моряков почти символически, так как после обеда предстояло заседание Совета министров.

Определенный интерес представляет инсценировка переворота.

20 ноября «Информационный отдел штаба Верховного» разослал по всем адресам обширную телеграмму. В ней сообщалось, что «под давлением широких слоев населения и наиболее сильных в настоящее время общественных групп, партий и организаций в ночь на 18 ноября в Омске были произведены самочинные аресты членов «Комуча» и Директории». Далее сообщалось, что на следующий день к Колчаку явилась

группа русских офицеров с повинной. «Признавая за собою тяжелую вину в производстве самочинных арестов… они сами просят передать их военно-полевому суду, причем все они будут счастливы умереть за возрождение России и спасение родины. Начато расследование, вследствие которого все виновные в самочинных арестах преданы военно-полевому суду». Арестованным членам «Комуча» и Директории возвращена свобода, но, «зная враждебное отношение к себе населения и войска», они отказались выйти на свободу, просят приставить к ним надежный караул и разрешить им выехать за границу «с обещанием впредь никакого участия в российской активной политике не принимать».

Почтовая марка «Верховный Правитель России Колчак».

24 января в Омске состоялось продолжение чествования А. В. Колчака. Под рукой оказалось несколько успевших удрать из

Петрограда бывших царских сановников из числа «неприсутствующих» сенаторов. Их собрали на торжественное открытие «Временного Присутствия Правительствующего Сената». Как и полагается в порядочном государстве, началось с торжественного молебна с иконой для диктатора, а затем состоялась не менее торжественная церемония принесения присяги на верность «Родине и законам». Присягали все: и сенаторы, и Колчак, и министры, и товарищи министров, и прочие. На другой день белогвардейские газеты возвестили всему миру: «Двухвековые начала правосудия, законности и порядка в России спасены и восторжествовали».

Тогда же Верховный правитель собственноручно написал приказ о производстве полковника Волкова в генерал-майоры, а его подчиненных – в очередные воинские звания. Выразившему сомнение в правомерности таких действий военному министру Сурину он заявил следующее:

– Они не преступники, а патриоты родины… Они выполнили свой долг, как понимали его… Ответственность за их действия, в конце концов, я беру на себя. – Адмирал сделал небольшую паузу и уже более спокойно продолжал: – И за приказ вся ответственность ложится тоже на меня, поскольку я его отдаю. Своей же подписью вы, как военный министр, как бы свидетельствуете исполнение моей воли.

Сурин подписал приказ. Но тут же осмелился спросить:

– А как же суд?

– Суд? – переспросил Колчак. – Суд будет своим чередом. – И уже жестко добавил: – Но судилища не допущу.

К вечеру исполняющий дела начальник штаба полковник Сыромятников представил адмиралу на визирование постановление Совмина об учреждении чрезвычайного суда и предании ему казаков (полностью указывались их чины и фамилии) «за преступные деяния – посягательство на верховную власть». В постановлении приводился пофамильный состав суда, день его заседания (21 ноября) и то, что приговор подлежит представлению «на конфирмацию Верховного правителя».

Александр Васильевич читал постановление медленно, не раз возвращаясь к уже прочитанному. Сыромятников внимательно следил за выражением его лица.

Только вчера на заседании министров адмирал с жаром ратовал за суровое наказание атаманщины, а сейчас ломал голову, как бы смягчить строгую оценку содеянного казаками. Но постановление, подписанное Вологодским и Старынкевичем – людьми, искушенными в юриспруденции, было составлено безукоризненно. С тяжелым сердцем Колчак поставил свою

закорючку в углу деловой бумаги.

А. В. Колчак и генерал Нокс с группой английских офицеров.

Передав Сыромятникову злополучную бумагу, адмирал достал из ящика стола свой от руки написанный приказ и тоже дал ему.

– Ознакомьтесь.

Начштаба читал, и лицо его все более светлело.

Позже вечером адмирал распорядился связать его по прямому проводу с находившимся в Уфе главнокомандующим Болдыревым. Генерала нашли не скоро, он находился на офицерском банкете.

После того как Болдырев не совсем твердо представился по телефону, Колчак сухо произнес:

– Ваше превосходительство, вы знаете, что произошло, поэтому прошу вас немедленно прибыть в Омск.

Из трубки доносились не совсем четкие нравоучения вроде того, что вы опрометчиво взяли в свои руки власть, что может разразиться новая гражданская война…

– Господин генерал, я не мальчик! – оборвал его Колчак. – Я знаю, что делаю, и прошу меня не пугать гражданской войной… Благоволите тотчас выехать из Уфы.

– Прибуду завтра, – послышался ответ. Колчак с сердцем бросил телефонную трубку на рычаг.

Всю последующую неделю к Верховному правителю продолжались визиты с поздравлениями. В основном приходили аккредитованные в Омске представители иностранных миссий; в их числе были начальник японской военной миссии генерал

Муто и приехавший из Иркутска американский консул Гаррис.

Но вот среди поздравлений, приветствий и одобрительных откликов на установление единовластия начали встречаться осторожные и сдержанные оценки, участились запросы к Верховному правителю об его отношении к Учредительному собранию. Чехословацкий национальный совет полагал, «что кризис власти, созданный арестом членов Всероссийского Временного правительства, будет разрешен законным путем, и потому считает кризис незаконченным». Из Уфы на имя Вологодского пришла протестующая телеграмма «учредиловцев»: «…немедленно освободить арестованных членов правительства… заключить под стражу виновников переворота…» И далее: «если наше предложение не будет принято… Совет управляющих ведомствами объявит вас врагом народа… выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа».

А. В. Колчак и союзники.

Ознакомившись с подобными посланиями, Колчак посчитал необходимым обнародовать немедленно свою программу действий. Наиболее полное выражение она нашла в письме во французское Министерство иностранных дел:

«1. …Моей первой мыслью после окончательного разгрома большевиков будет мысль об установлении даты выборов в Учредительное собрание… Правительство, однако, не считает себя вправе заменить неотъемлемое право на проведение свободных и законных выборов простым восстановлением собрания 1917 г., которое было избрано при режиме большевиков. Только законно избранное Учредительное собрание, во имя чего и сделает все возможное мое правительство, имеет суверенное право решать проблемы Российского государства.

2. Мы открыты для обсуждения любых вопросов… Однако правительство России считает необходимым напомнить, что окончательное решение от имени России принадлежит Учредительному собранию. Россия ни сегодня, ни в будущем не может быть ничем иным, кроме как демократическим государством, в котором все вопросы, затрагивающие изменение территориальных границ и внешние отношения, должны утверждаться представительным органом, являющимся естественным выражением суверенитета народа.

3. Считаю создание объединенного Польского государства одним из главных и справедливых итогов мировой войны… подтверждая независимость Польши, провозглашенную Временным правительством в 1917 году. Окончательное решение вопроса о границах Польши должно быть отложено до созыва Учредительного собрания. Окончательное решение для Финляндии должно быть отложено до созыва Учредительного собрания.

4. Что касается Балтийских стран, то в отношении них будет предпринято скорейшее урегулирование, основанное на убеждении правительства, что вопросы автономии решаются в каждом отдельном случае… Правительство готово установить отношение сотрудничества… с Лигой Наций и пользоваться ее добрыми услугами…

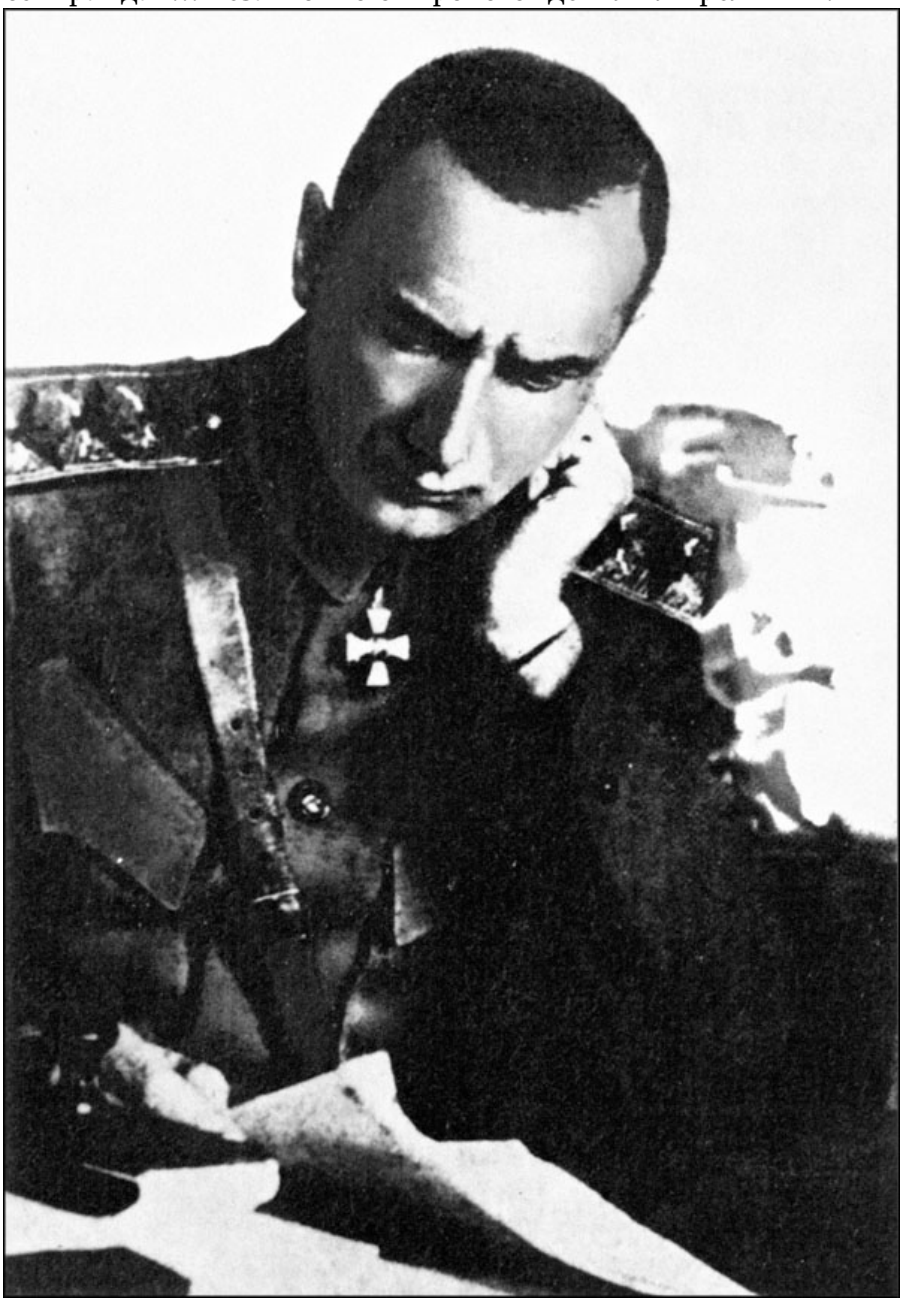
5. Вышеизложенные принципы, предусматривающие утверждение соглашения Учредительным собранием, распространяются на Бессарабию.

6. Русское правительство… принимает на себя бремя национального долга России.

7. Что касается вопроса внутренней политики… то не может быть возврата к режиму, который существовал в России до февраля 1917 года. Временное решение, которое приняло мое правительство в отношении аграрного вопроса, имеет целью удовлетворить интересы огромных масс населения и исходит из убеждения, что Россия может быть сильной и процветающей лишь при условии, если миллионы русских крестьян получат все гарантии на владение землей… В отношении освобожденных территорий правительство не считает возможным чинить препятствия для проведения там свободных выборов в местные органы власти, городские управы и земства, рассматривает деятельность этих институтов, а также развитие принципа самоуправления как необходимые условия в деле переустройства страны и уже сегодня оказывает им всяческую помощь и содействие.

8. Стремясь… восстановить порядок и справедливость,

обеспечивающие личную безопасность угнетенным слоям населения… подтверждает равенство перед законом всех слоев и всех граждан… независимо от происхождения или религии».



А. В. Колчак за чтением служебных бумаг.

В ответном послании из Франции говорилось, что союзные и присоединившиеся державы приветствуют тональность этого документа, который, «судя по всему, содержит необходимые

условия свободы, самоуправления и мира народа России».

Все последующие дни Александр Васильевич основное внимание сосредоточил на подготовке «Пермской операции», разработка которой началась еще тогда, когда он впервые посетил Уральский фронт. Сибирская армия общей численностью 200 тысяч человек преимущественно состояла из сыновей зажиточных крестьян и горожан, враждебно настроенных к Советской власти. Значительная часть ее была сосредоточена против 35-тысячной 3-й Красной армии. Однако, несмотря на численное превосходство белогвардейских войск, их вооружение, обеспеченность боеприпасами и экипировка оставляли желать лучшего.

Доставленный в Омск в ноябре в пяти поездах золотой запас России, захваченный чехами и белогвардейцами еще в августе 1918 года в Казани, позволял Колчаку осуществлять крупные закупки у союзников оружия и военного снаряжения.

Генерал Нокс, руководивший по поручению стран Антанты военным снабжением колчаковских войск, в это время находился во Владивостоке, обеспечивая приемку прибывающих военных грузов и доставку их по назначению. Заботясь о первоочередном снабжении екатеринбургских частей, Колчак пытался связаться по прямому проводу с Ноксом, чтобы тот ускорил доставку снарядов и патронов. Но связь была прервана примерно в районе Читы. Подозрение пало на Семенова. Адмирал поручил Лебедеву связаться с забайкальским атаманом. Безуспешно. Тот не пожелал разговаривать. Связь, однако, восстановилась. Это была одна из первых попыток атамана Семенова «насолить» адмиралу.

Преодолевая многие трудности, Колчак с каждым днем укреплял свое положение Верховного правителя. 26 ноября Совет министров определил размер его месячного жалованья в сумме 4000 рублей, кроме того, постановил выделить в его распоряжение 16 тысяч рублей (нечто вроде представительских) ежемесячно. 27 ноября Василий Георгиевич Болдырев по собственному прошению был освобожден от должности Верховного главнокомандующего «всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России». Колчак предлагал генерал-лейтенанту на выбор любую должность, кроме Верховного главнокомандующего, но он отказался и через несколько дней выехал в Японию. Пост Верховного главнокомандующего стал искать сам Верховный правитель. Его основные устремления были теперь направлены на создание собственных вооруженных сил – Российской армии.

А. В. Колчак после получения ордена св. Георгия 3-й степени.

Задачу эту решил он небезуспешно.

Так, если в ноябре 1918 г. он получил по наследству от своих предшественников вооруженные силы в количестве 160–180 тысяч человек, то уже к июню 1919 г. армия его насчитывала около 450 тысяч человек, в том числе около 17 000 добровольцев и около 18 000 офицеров и военных чиновников. Но и это было

признано недостаточным, и в июле 1919 г. был утвержден план развертывания Российской армии до 1 200 000 человек для формирования 26 стрелковых дивизий и 10 кавалерийских дивизий действующей армии, не считая кадровые части и технические войска.

Поскольку Колчак всегда продолжал чувствовать себя военным моряком, он, естественно, не мог не думать и о создании военно-морских сил, тем более что в его распоряжении было значительное количество морских офицеров, оказавшихся в Сибири после революции и развала флота. В течение 1918–1919 годов были сформированы три речные боевые флотилии – Камская, Обь-Иртышская и Енисейская, которые успешно взаимодействовали с сухопутными войсками, вели борьбу с флотилиями противника. Было сформировано также два подразделения морской пехоты – Отдельная бригада морских стрелков и Морской учебный батальон.

Концепция длительной войны и необходимости создания для этого прежде всего сильной армии была навязана Колчаку унаследованной им военно-политической обстановкой не только в Сибири, но и на всех остальных белогвардейских фронтах. Разгром Красной армией объединенных белочешских войск на Волге и в Поволжье сыграл в этом отношении крупную роль. Расчет на длительную серьезную войну с Советской республикой нашел полностью отражение во всех директивах, отданных Колчаком с конца 1918 года по апрель 1919 года. В них весьма отчетливо выражена мысль последовательного разгрома армий Восточного фронта красных.

На основании подлинных документов следует считать бесспорно установленным, что, придя к власти, Колчак:

а) тут же отменил все основные стратегические директивы своего предшественника генерала Болдырева о прорыве на север для соединения с северной группой интервентов, о наступлении на Ташкент для установления связи с южной группой английских войск и о наступлении для соединения с Бичераховым и донскими казаками; б) ставил перед войсками своего Западного фронта в целом задачи последовательного разгрома армий Восточного фронта; в) признавал, что только после выполнения указанных задач должны быть начаты решительные операции против Центральной России.

13 декабря Александр Васильевич отдал приказ, предусматривающий разделение всей территории Сибири и Дальнего Востока на тыловые военные округа. 3 января 1919 года был опубликован обширный приказ № 94, детально предусматривающий коренное переустройство армии.

Установленное приказом боевое расписание вооруженных сил очень подробно предусматривало, какие части подлежат расформированию, какие развертыванию и за счет каких именно частей, сколько должно быть создано дивизий, корпусов, какие и где должны быть созданы запасные и кадровые части.

Формировалась и реализовалась, следовательно, программа создания диктатуры государственной и военной власти.

Одним из важных вопросов для Всероссийского правительства было его международное признание. На Парижской мирной конференции 7 мая 1919 года глава британского кабинета Д. Ллойд-Джордж выразил надежду, что скоро правительство Колчака переберется в Москву. Считая своевременным признание новой всероссийской власти, английский премьер тем не менее хотел выговорить у Верховного правителя ряд условий. Он получил в этом поддержку президента США В. Вильсона, добавившего, что от омского правительства необходимо потребовать принятия и проведения программы демократических реформ.

3 июня в Омск поступила обширная телеграфная нота из Парижа за подписью глав пяти союзных держав. В ноте говорилось о непримиримом отношении союзников к Советской власти, обещались материальная поддержка омскому правительству и содействие реальному превращению его во всероссийское в том случае, если оно возьмет на себя ряд обязательств: созыв после взятия Москвы Учредительного собрания, избранного на демократических основаниях, а при невозможности проведения свободных выборов – оставление прежнего (на 1917 год) его состава; обеспечение в Сибири гражданских свобод (свободного избрания муниципалитетов, земств и других общественных организаций, свободы вероисповедания); невосстановление помещичьего землевладения и сословных привилегий; признание независимости Финляндии и Польши, урегулирование отношений с прибалтийскими государствами, Закавказьем и Закаспийской областью и признание их de facto; признание прежних русских долгов. Фактически эти требования были не чем иным, как вмешательством во внутренние дела России. Но выхода у Всероссийского правительства в тот момент не было.

В ответ, подготовленный министром иностранных дел И. И. Сукиным, адмирал внес две поправки: во-первых, отразить в письме несогласие с восстановлением в правах Учредительного собрания 1917 года, поскольку в его состав входили большевики, и, во-вторых, – разъяснить, что он не останется на своем посту ни на один день позже, «чем того требуют интересы России». Ни

присланную союзническую ноту, ни ответ на нее Верховный правитель не счел необходимым довести до сведения Совета министров, почитая свое решение по этому вопросу исчерпывающим и окончательным.

Несмотря на некоторые недомолвки и неясности в ответе, он вполне удовлетворил «дружественные державы», обещавшие по-прежнему оказывать союзническую помощь. Единственное пожелание с их стороны состояло в том, чтобы Колчак, Вологодский и другие члены правительства почаще выступали в печати с рекламой своей «демократической» программы. Однако подлинного единодушия на Западе не было. Консервативные круги считали необходимым не только оказывать материальную поддержку омскому правительству, но и признать его de facto и de jure; напротив, среди либеральной общественности, встревоженной «чинимыми в Сибири актами беззакония и произвола», господствовала противоположная точка зрения. В Англии ее разделяли лейбористы, требовавшие разрыва отношений с Омском. Учитывая серьезные выступления против поддержки Колчака, правительства стран Антанты стали скрывать истинные размеры оказываемой ему военной помощи. Главным же, что требовалось для признания сибирского правительства, были победы его армий.

Омская дипломатия добивается военной помощи и на Востоке – от Японии. Улучшению отношений японцев к Колчаку способствовали боевые успехи его войск, а также относительная реабилитация Семенова и назначение атамана помощником командующего Приамурским военным округом. О переориентации японской политики свидетельствовала и отставка еще в январе бывшего харбинского недоброжелателя Колчака генерала Накашимы. Для признания Всероссийского правительства Японии было достаточно лишь подтверждения им всех долгов и международных обязательств прежних правительств. Получив необходимые заверения, японцы стали торопить западных партнеров с признанием адмирала.

Говоря о союзнической помощи, нельзя не отметить, что она оказывалась далеко не безвозмездно. Она осуществлялась через займы или непосредственно под залог части золотого запаса Российской империи, оказавшегося в руках Всероссийского правительства. По уточненным данным, общая номинальная стоимость золотого запаса превышала 650 миллионов рублей. На оплату поставок из-за рубежа омским правительством было израсходовано около 242 миллионов.

Глава 15. Апогей верховной власти

Упрочнение диктатуры Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, своего авторитета борца за свободу и выполнение программы «наведения в Сибири порядка» Колчак видел в решении комплекса задач. Одна из них – чисто военная – перерастала в политическую. Необходима была крупная военная победа. По оценке адмирала и в силу причин ее скорее всего можно было ожидать на пермском направлении. Это обуславливалось военно-экономическим значением района Среднего Урала и Перми, наличием в нем военных заводов Ижевска и Воткинска, стремлением расширить социально-классовую базу контрреволюции и близостью войск союзников. Самым же важным доводом было то, что там уже имелась наиболее сильная ударная группировка. Наконец, в пользу пермского направления говорила и сложившаяся конфигурация фронта.

Идея осуществления наступления на Пермь с целью соединиться с северной группой союзников нашла отражение еще в конце октября в приказе генерала Болдырева. Она в полной мере выражала устремление англо-французского командования на установление своей власти на северо-востоке России. Генерал Айрнсайд, командующий войсками интервентов, заявил на пресс-конференции в частности: «…План очень прост и сводится к тому, чтобы использовать летнее время для перенесения базы русской национальной армии из Сибири в Архангельск. Из Архангельска теперь морем нужно всего 8 суток для перевозки людей, снаряжения, грузов и т. д. Вы понимаете, какая экономия времени и сил и выгоды материальные, стратегические и другие получаются при переводе базы из Сибири в г. Архангельск. Ни расстояние, ни какие-либо международные, союзные и национальные соображения не могут влиять на получение всего необходимого на фронт Колчака…» Заканчивая интервью, Айрнсайд добавил, что союзники надеются «утвердиться этим летом в трех пунктах: Котлас, Вологда и Петроград… и тогда можно будет серьезно заняться центром и югом…»

29 ноября ударом Сибирской армии, насчитывавшей около 38 тысяч штыков и сабель, по левому флангу советской 3-й армии (командующий Р. И. Берзин, затем М. М. Лашевич), оборонявшей фронт к востоку от Перми, началась «Пермская операция». 35-тысячная 3-я армия, растянувшаяся по фронту почти на 400 верст, не выдержала натиска белогвардейцев и чехов и, упорно сопротивляясь, начала отход к Перми. Первые успехи на

Уральском фронте окрылили омское правительство и его союзников, вселили надежду на осуществление далеко идущих замыслов.

Главными заботами Колчака в те дни были: материально-техническое обеспечение действующих войск и подготовка для них резервов. Особо остро на фронте ощущали нехватку патронов и снарядов. Несмотря на старания Нокса, грузы из Европы из-за дальности расстояния продвигались крайне медленно. Колчаковское правительство по дипломатическим каналам обратилось с заказом на снаряды и патроны к Японии. Непростой оказалась и подготовка людских резервов для фронта, необходимость в которых возрастала по мере потери боеспособности чехословацких частей. Офицерские кадры начали проходить ускоренную подготовку с помощью английских инструкторов на Русском острове под Владивостоком. Как Верховный главнокомандующий Колчак утвердил «Схему высшего военного управления». Всю территорию Сибири и Дальнего Востока он разделил на военные округа во главе с генерал-губернаторами. На них в качестве главной возлагалась задача осуществления мобилизации личного состава.

А. В. Колчак обходит строй своих бойцов. Осень 1919 г.

Верховный правитель занимался и другими проблемами. Гражданское управление ложилось на министров (их было десять), объединенных в Совет во главе с председателем П. В. Вологодским. Ему помогал управляющий делами Э. К. Тельберг и

председатель экономического совещания М. Л. Гинс. Колчак, однако, не только утверждал все важные постановления Совмина, одобренные его собственным Советом, но нередко и сам принимал участие в законотворчестве. Новая власть подтвердила, например, основные законоположения, принятые еще Сибирским правительством (до Директории): сохранение частной собственности на промышленные и торговые предприятия, жилые дома и другие владения, воссоздала весь полицейско-карательный аппарат.

Наряду с экономической программой Совет министров разработал конституционные (политические) основы военной диктатуры – «Положение о временном устройстве государственной власти в России». Возглавлял ее временный Верховный правитель с подчиненными ему вооруженными силами, а после свержения Советской власти – представительное национальное Учредительное собрание. В связи с тем, что Совет министров не был лишен законодательной инициативы, авторы временного Положения рассматривали Колчака как конституционного диктатора. Для разработки конституции омское правительство создало подготовительную комиссию, предварительно заложив принципы избирательной системы: избиратели – не моложе 25 лет, право прямых выборов – гражданам крупных городов, военнослужащие – без права избирать и быть избранными. В качестве государственного гимна была принята известная русская музыка на слова «Коль славен…».

Вскоре в Омск прибыл французский генерал М. Жанен со своим штабом. Высокий, здоровый, «эффектный», отлично владеющий русским языком, французский генерал держался важно, с большим достоинством и сразу по прибытии хотел представить свои полномочия Верховному правителю. Адъютант не пропустил генерала в адмиральский кабинет, объяснив, что Верховный нездоров.

Колчак, еще не видя Жанена, вспомнил, что однажды уже встречался с этим долговязым французом. Это было в шестнадцатом году в Ставке Верховного главнокомандующего, когда Александр Васильевич сам представлялся царю по случаю своего назначения командующим флотом Черного моря. Тогда Жанен был полковником. Разведотдел штаба доставил адмиралу более полные сведения о нем: сын военного врача, после получения военного образования во Франции окончил академию Генерального штаба в Петербурге, в начале войны командовал полком, с мая 1916-го состоял при штабе Николая II посредником между французским и русским командованиями.

Где-то на шестой день после первых признаков недомогания

Колчак почувствовал, что заболел по-настоящему. Температура с утра поднялась за 38°. Велел адъютанту не впускать в кабинет никого. Но тут пришли высокие представители Франции: комиссар Реньо и генерал Жанен. Адъютант отказал им в приеме, ссылаясь на категорический запрет больного адмирала. Однако французы не уходили, настояв на том, чтобы офицер все-таки доложил о них Верховному правителю. Колчак одного Жанена бы не принял, но старику Реньо отказать не мог. После взаимных приветствий и извинений посетителей за беспокойство больного адмирала перешли к делу. Жанен доложил решение Верховного совета государств Антанты (там преобладали французы) о его назначении главнокомандующим русскими и союзными войсками.

Колчак возразил:

– Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено. Настоящая война – не обычная, а гражданская между русскими классами. Поэтому командование здесь иностранцев неуместно. Оно должно оставаться только русским, дабы обеспечить авторитет и прочность правительству после победы.

Жанен пытался объяснить, что лишь подчиняется воле Верховного совета, полагая, что сможет принести пользу общему делу. Вмешиваться в прерогативы правительства он не собирается и сложит свои обязанности сразу, как только обстановка на фронте изменится к лучшему. Реньо, плохо понимавший русскую речь, но видя возмущение адмирала, вставил в защиту Жанена:

– Дженераль окончил Петербургская академия и знает русский тактика.

– Командование должно быть русским и только русским в течение всей борьбы, – твердо заявил Колчак.

Французы, понимая, что им не договориться с самолюбивым и упрямым Правителем России, к тому же больным, решили продолжить разговор в другой раз. Извинившись за причиненное беспокойство и пожелав Александру Васильевичу быстрейшего выздоровления, они ушли.

Через два дня больному опять пришлось встать с постели. Прибыла представительная делегация от блока политических и общественных объединений Сибири в составе 14 человек. Старейшие из делегатов вручили Верховному правителю заявление, в котором среди витиеватого многословия говорилось о всемерной поддержке власти Российского правительства, возглавляемого Верховным правителем адмиралом Александром Васильевичем Колчаком. Далее шли подписи от всесибирских кооперативов, различных партий (кадетов, энесов, народовольцев, меньшевиков), центрального военно-промышленного комитета,

казачьих войск четырех округов. Заявление делегации подбодрило Колчака, подкрепило его уверенность в правильности внутренней политики. Но реальная политическая обстановка в городе опровергла такую уверенность. 22 декабря с рассвета в пригороде Омска началось восстание.

ГЕНЕРАЛ ДИПЛИКС

Генрал М. К. Дитерихс, главнокомандующий Сибирской и Западной армиями Колчака.

Вечером сопротивление повстанцев в Куломзино было подавлено. Как ни упорно сражались они, а против хорошо вооруженной силы долго выстоять не смогли. В целом же восстание потерпело неудачу из-за плохой его организации и прежде всего из-за несогласованности в действиях боевых отрядов в разных частях города и нехватки оружия. В итоге жестокого подавления вооруженного выступления в Куломзино погибли сотни рабочих и солдат. Значительная часть оставшихся в живых повстанцев была расстреляна на месте по приговору военно-полевого суда, некоторых «пощадили», бросив в тюрьму, а многих, в том числе и некоторых мирных жителей, каратели пороли шомполами. Десятки домов Куломзино, подвергшихся артиллерийскому обстрелу, были разрушены. Общее число жертв декабрьского 1918 года вооруженного восстания в Омске, по одним данным, превышало тысячу, по другим – доходило до двух тысяч человек. Со стороны правительственных войск потери не превышали 20–25 солдат и офицеров.

Как только восстановилась связь с фронтом, Колчак получил телеграмму от Гайды о готовности двух полков выехать в Омск для оказания помощи местным войскам. В ответной телеграмме Верховного правителя говорилось: «…никаких частей не снимать… здесь все спокойно и ликвидировано».

Адмирал подтвердил свой приказ о введении в действие военно-полевых судов в день восстания, обосновывая их следующим: «если повстанцы захвачены с оружием в руках, то они подлежат полевому суду». Сурового наказания, по его мнению, заслуживали и «учредиловцы», угрожавшие Омску карательной экспедицией. Таким вроде оказался только один – эсер Девятов. Однако отдачу приписываемых ему распоряжений о расстрелах других заключенных он категорически отвергал: «Я расценивал этот акт против меня, чтобы дискредитировать меня перед иностранцами… Расстрел мне представлялся совершенно бессмысленным, не имеющим связи с восстанием».

Действительно, такая бесцельная и ничем не оправданная акция вызвала бы только ненависть народа, и прежде всего к нему – Верховному правителю. Эта кровавая расправа над арестованными людьми, непричастными к восстанию, главным образом над членами Учредительного собрания, была делом рук правых экстремистов – офицеров-монархистов, оппозиционно настроенных к адмиралу за его кажущийся либерализм. Он проявлялся в безнаказанности освобожденных членов Директории

и постоянном заигрывании с профсоюзами. Подобный упрек экстремистов имел определенные основания. А то, что экстремистские силы имелись, причем готовые даже применить к Колчаку насильственные меры, он только что узнал от Вологодского, располагавшего на этот счет достоверной информацией.

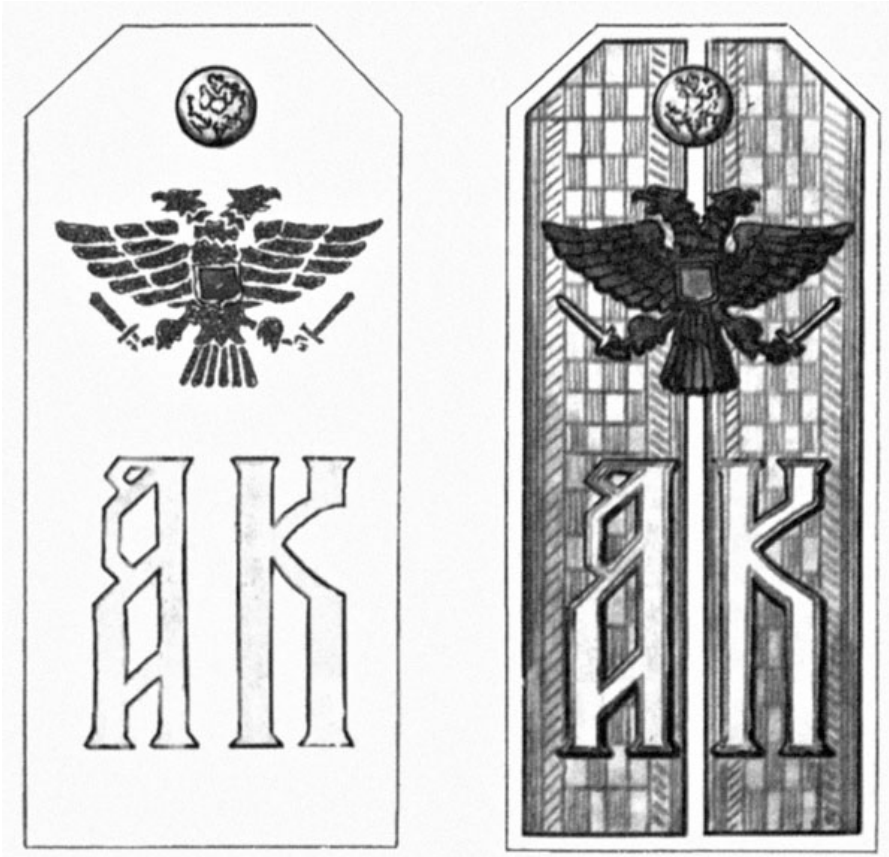
В последующие дни в Омске продолжались повальные обыски, облавы, аресты лиц, подозреваемых в связях с «мятежниками», большевиками и «социалистами». Не избежали разгрома некоторые профсоюзы. Больше всех неистовствовала контрразведка, нареченная в народе «колчаковской». И Колчак не мог пресечь эти репрессии. Он знал, что главные из этих экстремистов были в числе тех, кто поднял его на вершину власти. Впервые он осознал себя диктатором с сильно урезанными возможностями.

Сквозь мрачные тучи, сгустившиеся вокруг уже не столь всесильного адмирала, показался, наконец, долгожданный просвет. 25 декабря сибирские войска после напряженных боев взяли Пермь, захватив значительные трофеи в виде вооружения и военного снаряжения. Белые ворвались в Пермь, используя лесистые участки местности и промежутки между опорными пунктами 3-й армии. В плен сдался запасный батальон 29-й стрелковой дивизии. Захвачены были ее обозы и 33 орудия, немедленно использованные для преследования отходивших частей противника на Глазов. Удержался лишь правый фланг 3-й армии восточнее реки Кама. Под ударом частей Колчака начала отход 2-я армия красных. Падение Перми стало для белых успешным завершением первой части плана, сводившегося к установлению непосредственной связи с северным белогвардейским фронтом через Вятку и Вологду. Советская власть потеряла последний крупный рабочий центр Предуралья, в руки колчаковцев перешел важный военный Мотовиловский завод. Захвачен был узел водных, железнодорожных и грунтовых путей. Правда, развить успех не удалось. Удар по Перми оказался обособленным в пространстве – северный фронт Антанты и белогвардейцев не оказал активной поддержки. Сказались также сложные климатические условия, просчеты Ставки Колчака в оценке противника, в частности, его последующих действий по усилению этого участка фронта соединениями 1-й армии, готовившимися к переброске на Южный фронт.

За разгром армий противника Русскими армиями под управлением Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака, на основании параграфа 1 статьи 8-й Георгиевского статута Георгиевская Дума

при штабе Сибирской армии поднесла адмиралу орден Святого Георгия 3-й степени. «Принимая эту высокую воинскую награду, – писал Александр Васильевич в приказе, – я уверен, что доблестная возрожденная Русская армия не ослабеет в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей снова стать могучей и сильной в среде великих держав мира».

Наступление на пермском направлении оказало благоприятное влияние на авторитет Колчака. К началу февраля 1919 года под его знаменами сражалось более 143 тысяч бойцов, в том числе 105 тысяч в составе «народной» армии, около 32 тысяч казачьих войск, 6150 чехословаков. Несмотря на затянувшуюся болезнь, Александр Васильевич проявляет максимум усилий, чтобы использовать сложившуюся обстановку для решения крупных стратегических задач. Он проводит ряд мероприятий, направленных на усиление контактов с союзниками, а также с Белым движением на юге и северо-востоке России, решение экономических задач, усиление власти на местах. Расширяются, в частности, права командующих военными округами, военных комендантов городов и промышленных районов. Демагогические лозунги и обещания расточаются среднему крестьянству Урала и Сибири – главной опоре диктатуры. Кстати, именно в этот период, период побед на Восточном фронте, во многих общественных кругах вновь стал широко дискутироваться вопрос о власти сильной личности, способной навести порядок на территории бывшей Российской империи.



Погоны чинов 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака полка.

В конце 1918 – начале 1919 года на роль диктатора и Верховного главнокомандующего выдвигался определенными кругами, преимущественно правыми, великий князь Николай Николаевич. Живя в Крыму, в Дюльбере, он оставался центром внимания этих кругов, из которых к нему обращались не раз, первоначально – с просьбой о возглавлении армий украинской, южной и астраханской. Все эти предложения великий князь отвергал, справедливо видя в этом явную авантюру. Другие группы правых, в том числе Государственное объединение, признавая в принципе верховное возглавление великого князя весьма желательным, считали вступление его тогда на политическую арену несвоевременным и в местном масштабе не соответствующим. Его авторитет приберегался ими до того момента, когда все четыре фронта – Колчака, Деникина, Юденича и Миллера – приблизятся к Москве.

Мечтал и Александр Васильевич въехать на белом коне в златоглавую столицу.

Однако осенью 1919 года, когда обозначилась прямая угроза Крыму со стороны наступавших с севера большевиков, местопребывание там императорской семьи сделалось невозможным. Незадолго до отступления к Ак-Монаю все лица императорского дома на английском военном судне выехали за границу. Великий князь Николай Николаевич поселился в С.-Маргарита, в Италии. Вскоре после вторичного овладения белыми Крымом, по поручению Деникина генерал Лукомский 7 июля сообщил великому князю, что в данное время для него представляется полная возможность безопасного пребывания на южном берегу Крыма. В начале сентября был получен ответ, что великий князь «отказывает себе в счастье вернуться на родину, так как приезд его в Россию неминуемо повлечет за собой всевозможные толки о выступлении его как политического деятеля, чем еще больше осложнится общее положение дел». Впрочем, им не исключена возможность жить в Крыму «частным лицом на общих основаниях по водворении полного порядка». Но въезд в Россию был обусловлен «совместным решением этого вопроса адмиралом Колчаком, генералом Деникиным и союзниками»… «Мы получили ответ этот, – вспоминал А. И. Деникин, – в октябре, когда на южном фронте назревала опасность, а на восточном уже созрела, и вопрос о приезде затих».

Между тем состав вооруженных сил Верховного правителя увеличивался. По его приказу на военную службу была призвана интеллигенция в возрасте от 18 до 35 лет, запасные сроков службы 1914–1918 годов, новобранцы 1898–1900 годов рождения, в прифронтовых уездах – все мужское население от 18 до 45 лет. Мобилизованными считались все офицеры старой армии. Для пополнения младшего командного состава были призваны на военную службу все унтер-офицеры, фельдфебели и подпрапорщики сроком службы с 1909 по 1913 год. Все это позволило довести численность армии до 600 тысяч человек и оставить план развертывания Российской армии до 1200 тысяч человек. Вооружение, снаряжение, обмундирование должно было поступить от Антанты в дополнение к тому, что белые получили от союзников в порядке передачи военных материалов и из захваченных в городе Владивостоке складов, созданных еще в период поставки союзниками и США военных материалов по заказам царского правительства и Керенского.

Помогали интервенты и людьми. Ожидалось прибытие трех эшелонов 25-го английского полка в составе 25 офицеров и 943 солдат, три эшелона французского колониального Сибирского батальона (17 офицеров и 895 солдат), двух эшелонов 1-й французской Сибирской батареи в составе 6 офицеров, 163 солдат

и 6 орудий, трех эшелонов итальянских войск под командованием полковника Фосини в составе 32 офицеров и 1070 солдат. Запрашивалась готовность к переброске на фронт канадских войск, прибывших во Владивосток.

В потоке сообщений, в том числе и неприятных, поступавших в адрес Колчака в конце декабря с фронта и тыла, доброй ласточкой оказалась телеграмма от бывшего министра иностранных дел бывшего правительства Керенского С. Д. Сазонова, ставшего послом Омска в Париже. От имени «Русского политического совещания» в Париже он выражал солидарность с программой Верховного правителя, рекомендовал консолидировать силы с армией Деникина, интенсивнее использовать средства, выделяемые Антантой. Тогда же был уточнен общий план действий. По настоянию представителей Антанты колчаковцы должны были правым крылом наступать на Котлас, чтобы соединиться с войсками северной контрреволюции, а основными силами – к Волге, на соединение в районе Саратова с деникинцами. Однако в отношении направления главного удара среди военных представителей Антанты и высшего колчаковского командования существовали противоположные точки зрения. Английская миссия настаивала на нанесении главного удара в направлении Пермь – Вятка – Вологда, а оттуда через Ярославль на Москву. Французы считали необходимым наступать силами Западной армии на Среднюю Волгу, чтобы затем совместно с деникинскими войсками ударить на Москву с юга.

Александр Васильевич склонялся к первому варианту, но не спешил отдавать приказ.

В январе 1919 года болезнь еще не оставила Колчака. Но под наблюдением врачей он постепенно увеличивал свою служебную нагрузку, не выходя за двери домашней резиденции. В один из январских дней в доме Верховного правителя появилась очаровательная молодая дама, сразу взявшая на себя роль главной патронажной сестры милосердия. Как и когда добралась эта дама до Омска, неизвестно. Окружающие адмирала люди вначале терялись в догадках: кем приходилась ему Тимирева, к которой он обращался на «вы» и по имени и отчеству и которая по отношению к нему соблюдала такую же официальность. Но вскоре поняли, что она в его жизни занимает место не меньше, если не больше, чем жена, оставшаяся, по слухам, в Севастополе.

Анна Васильевна установила строгий контроль за регулярностью приема больным лекарств и пищи, особо заботилась о качестве питания, зачастую сама ставила ему банки и горчичники, добилась от Колчака согласия на упорядочение режима: восьмичасовой ночной сон и двухчасовой

послеобеденный отдых. Заботы любимой женщины не замедлили сказаться. Адмирал быстро пошел на поправку.

В первых числах января Верховный правитель провел в Челябинске военное совещание. Атаман всех Оренбургских казачьих войск и командующий отдельной Оренбургской казачьей армией генерал Дутов доложил, что вверенная ему армия вполне боеспособна, что лояльность и надежность подчиненных ему башкирских войск не вызывают у него сомнений и что поэтому левый фланг фронта, и в частности левый фланг армии генерала Ханжина, будет не только надежно обеспечен, но генерал Ханжин может вполне рассчитывать на активное и серьезное содействие со стороны Оренбургской армии.

Вопрос о башкирских войсках возник не случайно. Не входя в подробности, достаточно отметить, что в числе прочего «наследства» Колчак получил от своих предшественников корпус башкирских войск. В собственном смысле слова корпуса как такового вообще не было. Был организован штаб башкирских войск из русских офицеров. Командиром корпуса числился генерал Савич-Заблотский. По данным штаба, значилось 5 пехотных и 2 кавалерийских полка и большое количество кантонных команд партизан – в общей сложности около 5000 человек. Имелось, однако, одно очень неприятное для белых обстоятельство. Вместе с корпусом кочевало Башкирское национальное правительство, возглавлявшееся местным уроженцем сельским учителем Валидовым. Колчаку приходилось до поры до времени «терпеть» существование правительства Башкирии, дабы не потерять башкирские войска и не обнаружить сразу же свои истинные великодержавные цели. 19 февраля злополучный командир башкирского корпуса докладывал по прямому проводу начальнику штаба Западной армии генералу Щепихину, что он и состоящие в штабе корпуса русские офицеры были в селе Баймак арестованы по распоряжению Валидова, что Валидовым отдан приказ поголовно уничтожить всех русских офицеров и что только чудом ему, генералу Савич-Заблотскому, и небольшой части офицеров штаба удалось вырваться из-под ареста и спастись, добравшись до села Кизильская. Из всего корпуса с ним отошли в названный пункт только солдаты первого башкирского полка.

Совершенно неожиданно для Колчака там, где числился на фронте башкирский корпус, оказалось пустое место. Более того, теперь уже нужно было считаться с тем, что перешедшие на сторону Советов башкирские части будут действовать совместно с войсками Красной армии. Потеря войск означала потерю

сочувствия и поддержки населения. Это была крупная брешь в военных и политических расчетах Колчака накануне Уфимской операции.

Деньги правительства А. В. Колчака.

Еще хуже, как выяснил Колчак, обстояло дело в Уральской казачьей армии, о чем свидетельствует следующая выдержка из разговора Дутова с уполномоченным Оренбургского войска при ставке Колчака. «Проезжавшие от Деникина, – заявил в этом разговоре Дутов, – к Колчаку два офицера рассказывали, что уральцы перед Рождеством почти все разъехались на праздники и ловлю рыбы. Сам начальник штаба говорил: «Полков у нас 19, но в полку не больше 150 шашек… дисциплины никакой… выборное начало… митинги… неисполнение приказов… самовольные уходы с позиции, комитеты в частях… Сотнями и дружинами часто командует писарь или фельдшер, а офицеры за урядника…»

Процесс революционизирования и классового расслоения в казачьих войсках ширился и углублялся – приостановить его не могли никакие призывы и ухищрения белогвардейской верхушки казачества. Вслед за башкирским корпусом слабым местом Западного фронта оказались Оренбургская и Уральская казачьи армии. Успешное наступление 1-й Красной армии в январе 1919 года создало угрозу Оренбургу. 16 января Колчак вынужден был отдать директиву, начинающуюся словами: «В целях спасения

Оренбурга…» Директивой предлагалось командующему Западной армией нанести удар в стерлитамакском направлении и продолжать наступление в юго-западном – в тыл наступающим на Оренбург красным. Одновременно подтверждалась генералу Ханжину необходимость продолжать энергично готовиться к выполнению основной задачи Западной армии. Предусматривалась также переброска войск из Сибирской армии на помощь Дутову. Но спасти Оренбург оказалось уже невозможно.

Падение Оренбурга 22 января 1919 года усилило развал армии Дутова. Вслед за Оренбургом наступил черед г. Орска.

26 февраля Дутов, разуверившись в получении реальной помощи от Ставки, обращается непосредственно за немедленной помощью к командующему Западной армией генералу Ханжину: «…Части 2-го конного Оренбургского казачьего корпуса, не оказывая никакого сопротивления противнику, отошли… Положение г. Орска катастрофическое, некоторые части совершенно вышли из подчинения. Есть случаи грабежа складов, транспортов… Невозможно учесть, во что выльется операция…»

Таким образом, в самый разгар формирования Западной армии и подготовки ее к решительному наступлению левый фланг всего Западного фронта Колчака начал разваливаться. Выполнение директивы от 6 января оказалось под угрозой срыва. Следующий разговор начальника штаба Западной армии генерала Щепихина с генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего полковником Церетелли показывает, какое значение белогвардейское высшее командование придавало создавшемуся положению. «Оренбургская армия, – заявил Щепихин, – больна, почти все заражены политикой, а потому рассчитывать на серьезную работу ее трудно, внутреннее положение ее вызывает серьезные опасения. Я должен теперь признать, что при обсуждении общего плана здесь, в Челябинске, в присутствии Верховного, мы были введены – быть может, вполне добросовестно – командующим Оренбургской армией генералом Дутовым в заблуждение как относительно общего состояния армии, так и, в частности, относительно башкирского участка. Основываясь на докладе генерала Дутова, что все обстоит благополучно и что с банкирами он справится, и был принят план».

Январское контрнаступление большевиков породило у Колчака первое сомнение в надежности хваленых сибирских войск, окончательно подорвало доверие к чехословацким легионерам. Достигнутая временная стабилизация обстановки на фронте не давала никакой гарантии в том, что равновесие сил в

любой час не будет нарушено. Колчак и назначенный им новый, после Болдырева, главнокомандующий фронтом генерал М. К. Дитерихс решили в спешном порядке укреплять оборонительные рубежи, занятые к 28 января, заменить при первой возможности за счет новых пополнений Чехословацкий корпус, полностью потерявший боеспособность.

Продвижение советских войск в начале 1919 года в районы Южного Урала и угроза наступления 5-й армии из района Уфы вынудили колчаковское командование обратить более пристальное внимание на юго-западное направление. Александр Васильевич решил провести частную наступательную операцию против Восточного фронта. План этой операции, изложенный в директиве Колчака от 15 февраля, предусматривал переход в наступление в начале марта. Сибирской армии предстояло продвинуться на вятском направлении, разбить 2-ю армию большевиков и овладеть районом Сарапул, Боткинским и Ижевским заводами. Западной армии ставилась задача разгромить 5-ю армию и занять район Бирск, Уфа, выйти к реке Ик и ударом в тыл 1-й армии противника помочь Оренбургской армии овладеть Актюбинском и Оренбургом. Оренбургская армия должна была также соединиться с Уральской армией. 2-му Степному корпусу предстояло занять Семиречье.

В директиве не было определено направление сосредоточения основных усилий. Но уже 3 марта Колчак определил, что главный удар будет наноситься на уфимском направлении.

Адмирал обратился за военной помощью к союзникам. Его поддержали Нокс и Гаррис, просившие свои правительства оказать такую помощь. Между тем наметившийся перелом борьбы на советско-колчаковском фронте в пользу красных посеял у Нокса первые сомнения в дальнейших успехах адмирала. «Признаюсь, – писал английский генерал в свое военное ведомство, – все мои симпатии на стороне Колчака, который обладает большей твердостью, мужеством и подлинным патриотизмом, чем кто бы то ни было в Сибири, и чья трудная задача становится почти невыполнимой из-за эгоизма Японии, тщеславия Франции и безразличия остальных союзников».

Успех советских войск озаботил не только колчаковское командование, но и интервентов.

В связи с поражением в мировой войне и капитуляцией в ноябре 1918 года Германии и Австро-Венгрии, у стран Антанты, казалось бы, появились возможности расширить вооруженную интервенцию в России и помочь Колчаку. Но этого союзные державы не могли сделать ввиду изменившейся политической

обстановки у себя дома. В побежденной Германии началась революция, волна которой докатилась до западноевропейских государств и США, привела к росту антивоенных настроений в собственных войсках, находящихся в России. С выводом из войны Германии и Австро-Венгрии интервенты лишились и своего главного пропагандистского козыря для вооруженного вмешательства во внутренние дела России – «защиты» русского народа от германского порабощения.

19 января 1919 года Колчак подписал соглашение о координации действий белогвардейцев и интервентов. К исполнению обязанностей главнокомандующего войсками союзных государств в Восточной России и в Западной Сибири приступил представитель Высшего межсоюзного командования французский генерал М. Жанен. США в счет кредитов, предоставлявшихся ранее России, передали Колчаку 600 тысяч винтовок, сотни орудий, тысячи пулеметов, большое количество боеприпасов, снаряжения и обмундирования. Великобритания поставила 200 тысяч комплектов обмундирования, 2 тысячи пулеметов, 500 миллионов патронов. Военное имущество стоимостью 21 миллион франков, в том числе 30 самолетов и свыше 200 автомобилей, направило Колчаку правительство Франции. От Японии было получено 70 тысяч винтовок, 30 орудий, 100 пулеметов, боеприпасы, 12 тысяч комплектов обмундирования. К весне 1919 года численность колчаковских войск была доведена до 400 тысяч человек, в том числе около 30 тысяч офицеров.

К 25 февраля на уфимском направлении стала готовиться к переходу в наступление белогвардейская ударная армия, насчитывавшая около 64 тысяч человек. На их вооружении находилось свыше 650 пулеметов и 110 орудий. Более половины сил и средств были сосредоточены на направлении главного удара в узкой полосе фронта севернее и северо-восточнее Уфы.

Завершалась подготовка Уфимской наступательной операции. О грядущих событиях Александр Васильевич писал жене: «Весеннее наступление, начатое мною в самых тяжелых условиях и с огромным риском, в котором я вполне отдавал себе отчет, явилось первым ударом по Советской Республике, давшим возможность Деникину оправиться и начать, в свою очередь, разгром большевиков на юге. Троцкий понял и открыто высказал, что я являюсь главным врагом Советской Республики, и врагом беспощадным и неумолимым. На мой фронт брошено все, что только было возможно, и было сделано все, что можно было сделать, чтобы создать у меня большевизм и разложить армию».

Намечая широкие наступательные действия, Верховный

правитель издал новый приказ о проведении в Сибири массовой мобилизации. В солдаты набирались прежде всего антисоветски настроенные молодые люди из зажиточных семей, во вторую очередь – крестьяне и рабочие. Командный состав формировался из бывших царских кадровых офицеров, осевших в тыловых гарнизонах, и выпускников офицерских и унтер-офицерских школ. Для обеспечения бесперебойных военных перевозок потребовалось коренное улучшение работы транспорта, особенно Великой Транссибирской железнодорожной магистрали. С этой целью в Токио было подписано соглашение об образовании Межсоюзного железнодорожного комитета. В него вошли: министр путей сообщения омского правительства Л. А. Устругов (председатель комитета), глава технического совета американский инженер Д. Ф. Стивенс, глава совета по перевозкам – японский представитель.

Между тем возникало немало проблем в тылу.

Поднимались на борьбу рабочие и крестьяне Иркутской и других губерний, но они пока действовали небольшими отрядами и группами. Среди них выделялся партизанский отряд политического ссыльного Н. А. Каландаришвили. Всю борьбу народных масс в «Колчакии» возглавило подпольное Сибирское бюро (его часто называли Уральско-Сибирским), созданное ЦК РКП/б/в декабре 1918 года из 5 человек: Ф. Голощекина, А. Масленникова, А. Нейбута, И. Смирнова и Ф. Суховерхова (Сычева). Оно, в свою очередь, образовало подпольные сибирские областные бюро, в которые входили военно-революционные штабы, крестьянские секции, отделения общества Красного Креста, паспортное и информационное бюро и редколлегия. Эти бюро или комитеты руководили партийными организациями на предприятиях, в железнодорожных мастерских, партизанских отрядах и в подпольных комитетах революционно настроенных солдат и иностранных военнопленных.

В феврале в селе Большой Улуй состоялся съезд представителей девяти волостей Енисейской губернии, в которых была восстановлена Советская власть. Съезд принял решение о развитии партизанской борьбы с колчаковцами, срыве их военных перевозок по Транссибирской магистрали. 17 февраля в селе Шитки Канского уезда восставшие крестьяне создали партизанский отряд, который позже разросся до таких размеров, что держал под своим контролем тринадцать волостей. К тому времени в Енисейской губернии, объявленной на военном положении, определились три центра партизанской борьбы: северная часть Ачинского уезда, где действовал отряд бывшего штабс-капитана П. Е. Щетинкина, Степно-Баджейская волость

Красноярского уезда, ставшая районом действий отряда во главе с бывшим прапорщиком А. Д. Кравченко, и Тасеевская волость, контролируемая отрядом, руководимым бывшими политическими ссыльными Ф. Астафьевым и В. Яковлевым.

Участились революционные выступления рабочих Иркутска, Черемхова, Усолья и Бодайбо.

Размах народной борьбы вызвал со стороны властей усиление карательных мер. Колчак шел на это крайне неохотно. Он прекрасно понимал, что это – заколдованный круг: чем больше будет ужесточаться карательная практика администрации, тем больший масштаб приобретет народное сопротивление. Но, опасаясь стихийного развития партизанщины, он не мог уже разорвать этот порочный круг.

15 мая против отрядов Щетинкина и Кравченко генерал Розанов направил 12-тысячное войско при 25 орудиях и 50 пулеметах. Партизаны начали с боями отходить к реке Мана. В оставленных ими деревнях, по приказу Розанова от 4 апреля, белогвардейцы расстреливали каждого десятого жителя.

С нарастанием общенародной борьбы в Сибири ужесточались и карательные действия тыловых армейских и казачьих отрядов. Колчак, верный своему принципу – подавлять вооруженные восстания силой оружия, подписал приказ об изъятии у крестьян, явно связанных с партизанами, земель и имущества в пользу карателей. А те вопреки приказу зачастую без разбора чинили расстрелы и расправы над сельским населением, сжигали целые деревни. В феврале усилиями нового директора департамента милиции В. Н. Пепеляева в губерниях при органах министерства внутренних дел для подавления мятежников начали создаваться отряды особого назначения.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке казачьи отряды Семенова, Калмыкова, Гамова, Кузнецова и других атаманов чинили произвол и насилие. В рукописном дневнике «В семеновском царстве» Г. Е. Катанаев приводит факты настоящего бандитизма и беззакония, творимых семеновцами и головорезами из других казачьих отрядов. Так, семеновские молодчики ограбили местное отделение государственного банка, изъяв из его сейфов 3,5 миллиона рублей; позже учинили поголовную порку рабочих кровельного цеха читинских железнодорожных мастерских только по подозрению их в причастности к большевикам. Все эти акции вандализма белогвардейской военщины, озлоблявшие трудящихся сибиряков, заносились ими на «лицевой» счет самого Колчака, режим правления которого получил название «колчаковщины».

В ходе подготовки к новому военному походу на Советскую

Россию Верховному правителю пришлось столкнуться и с национальным вопросом. Проводящаяся Омском мобилизация в армию не обходила мужчин призывного возраста – выходцев из Прибалтики. А их, латышей, литовцев и эстонцев, покинувших свою родину из-за германской оккупации, оказалось в Сибири несколько сот тысяч. Конференции и съезды представителей этих колонистов, проходившие в конце 1918 года, решили формировать из своих добровольцев собственные воинские национальные части Латвии, Литвы и Эстонии для выступления против Советской власти. Колчак выступил ярым противником формирования национальных воинских частей.

К 1 марта омскому правительству, несмотря на трудности, удалось выставить на фронт в подавляющем числе кадровых солдат и офицеров, настроенных антисоветски. Были среди них и новички. Так, в феврале на фронт прибыло пополнение из русских выпускников английской военной школы на Русском острове: 500 офицеров и 500 сержантов. Фронтовые войска имели, как правило, добротную экипировку, в основном английскую, необходимое военное снаряжение, все виды стрелкового и артиллерийского оружия, боеприпасы и военную технику – от автомобилей до самолетов. Все это явилось результатом военного снабжения, осуществляемого союзниками небезвозмездно, а частично в кредит, частично за наличный расчет русским золотым запасом, осевшим в сейфах омского банка. Поток железнодорожных составов с военными грузами, растянувшийся от Владивостока до Уральского фронта, прерывался только в двух случаях: при перебоях в поставках или при повреждениях Транссибирской магистрали партизанами.

Недооценивая превосходящие белогвардейские силы, войска Восточного фронта Красной армии (103 тысячи штыков и сабель) по директиве ее главного командования от 21 февраля готовили наступление в направлении Екатеринбурга, Челябинска, Троицка и Южного Урала. Белые и красные армии выжидали день и час наступления.

4 марта Сибирская армия генерала Гайды перешла в наступление. На другой день наступательные действия предприняла 5-я советская армия, но, получив встречный удар более чем втрое превосходящей по численности Западной армии Ханжина, стала откатываться к Уфе. Наступлением колчаковских войск началось выполнение общего плана интервентов и белогвардейцев по разгрому Красной армии и свержению Советской власти. Белым армиям с востока отводилась роль ударной силы Антанты.

Армия Ханжина, решавшая вначале частную задачу

наступления, 14 марта заняла Уфу, 5 апреля – Стерлитамак, к 10 апреля – Бугульму и двигалась в направлении Самары. Армия Гайды к тому времени захватила Оханск, Боткинский и Сарапул и действовала в двух направлениях: на Глазов и Казань. Южная группа войск Белова и Оренбургская армия Дутова приблизились к Оренбургу. Появилась реальная возможность соединения колчаковских и деникинских войск на Волге и их совместного похода на Москву.

12 апреля в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК» были опубликованы написанные Лениным «Тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта». Они начинались такими строками: «Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака». Далее в семи тезисах указывались важнейшие меры для достижения этой цели и прежде всего: пополнение рядов Красной армии и улучшение ее снабжения оружием, одеждой и прочим.

А в Сибири – всеобщее ликование. Каждая сводка о взятии колчаковскими войсками нового населенного пункта встречается с восторгом. В русской буржуазной эмигрантской и иностранной прессе расписывается доблесть освободительных армий Колчака, а сам адмирал именовался «новой надеждой России» или «русским Вашингтоном». Раздавались голоса за признание и поддержку омского правительства, причем первыми за это высказались Нокс и Уорд. Верховный правитель получал отовсюду поздравления с блестящими боевыми успехами его доблестных войск.

В эти счастливые для него дни он мог позволить себе иногда и развлечься в обществе прекрасных дам. Это обычно были непременная при нем Тимирева и ее обретенные в Омске подруги – мадам Гришина-Алмазова и мадам Имен. В салоне Гришиной-Алмазовой постоянно собирались штабные офицеры и среди них, как ходили слухи, скрытые «герои» 18 ноября. Мадам Имен – служащая союзнической радиопочты – находилась в дружбе с полковницей и Тимиревой и, кроме того, была в близких отношениях с супругами Франк – переводчиками полковника Уорда. У генерала Жанена Имен и супружеская пара Франк были на подозрении как шпионы. Насколько обоснованны были его подозрения, сказать невозможно, но Имен генерал все же уволил с радиопочты. Адмиральская компания свои веселые застолья устраивала то у Гришиной-Алмазовой, то в лучших ресторанах города, при этом нередко в общих залах.

Колчаковское командование, окрыленное достигнутыми успехами, решило продолжить наступление при сложившейся

группировке сил без оперативной паузы. 12 апреля в войска была направлена новая директива. В ней говорилось: «…противник на всем фронте разбит, деморализован и отступает… генерал Деникин начал теснить красных в Донецком каменноугольном бассейне. Генерал Юденич теснит большевиков на псковском и нарвском направлениях.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий повелел: действующим армиям уничтожить красных, оперирующих к востоку от рек Вятка и Волга, отрезав их от мостов через эти реки».

Таким образом, частная наступательная операция должна была перерасти в широкомасштабное стратегическое наступление. Но при этом Колчак не учитывал ни соотношений сил и средств, ни усталости войск, ни состояния их материально-технического обеспечения. Войскам ставились явно непосильные задачи, не подтвержденные оперативными расчетами.

Решались и другие вопросы.

Колчак, в частности, издал приказ, реабилитирующий полковника Семенова, через день-два атаман прислал на имя адмирала телеграмму с изъявлением своей покорности и готовности служить признанному большей частью России Верховному правителю верно и нелицемерно. Однако уже 27 марта управляющий делами Совмина Тельберг телеграфировал генералу Иванову-Ринову во Владивосток о новом разбое семеновцев – задержке на станциях Маньчжурия четырех вагонов с пушниной, следовавших в Харбин для обмена ее на военное снаряжение.

Охрану Транссибирской магистрали взяли на себя войска интервентов. Восточную часть ее и дальневосточные железные дороги охраняли американцы и японцы, западная часть магистрали от Байкала до Новониколаевска находилась под охраной чехов, а участок от Новониколаевска до Омска контролировали поляки. На все войска охраны железной дороги возлагалась одновременно помощь техническому комитету в наблюдении за ее исправностью и восстановлении участков пути, разрушенных партизанами. Под руководством путейских инженеров магистраль была приведена в состояние, позволяющее повысить ее пропускную способность, увеличить скорость движения поездов и тяжесть перевозимых грузов.

Одновременно омское правительство проявляло заботу и о поддержании водного сообщения Сибири с Архангельском и Западной Европой, для чего в апреле 1919 года образовало комитет Северного морского пути. Он состоял из представителей министерства торговли и промышленности, кооперативных

объединений, земских и других сибирских учреждений и занимался организацией морских товарообменных экспедиций между сибирскими и иностранными компаниями и фирмами. Для обеспечения безопасности плавания судов в Обь-Енисейском районе и на подходах к нему с моря при морском министерстве еще раньше была учреждена Дирекция маяков и лоции во главе с подполковником корпуса гидрографов Д. Ф. Котельниковым. Чтобы организовать регулярные плавания по Северному морскому пути, он создал специальный комитет, направил в высокоширотные районы России несколько поисково-геологических экспедиций (и в их числе партию молодого изыскателя Николая Урванцева, знаменитого первооткрывателя богатств Норильского рудного района). Полярник жил в душе адмирала до последнего его вздоха.

Между тем положение на фронте осложнилось. Три недели боев южнее Уфы имели ряд далеко идущих последствий для общей обстановки на Восточном фронте. Была полностью скована оперативная свобода центра и левого фланга белогвардейских войск. Начались распри и между их командованием. Так, генерал Ханжин по субъективным причинам дважды отказался от вполне реального удара во фланг и тыл 2-й армии красных в районе города Сарапула. Без этого не смогла развить наступление армия генерала Дутова, что ставило под сомнение успех всей задуманной операции. Правда, на других направлениях действия колчаковских войск были более успешными. Были заняты города Бугуруслан, Ижевск, Чистополь. К 21 апреля оказался в окружении Оренбург. Белогвардейские авангарды вышли на подступы к Самаре и Казани. Но дальнейшее наступление в связи с отсутствием резервов и возросшим сопротивлением противника становилось практически невозможным.

Некоторое утешение адмиралу в эти дни доставило письмо Деникина с копией его приказа, переправленные в Екатеринбург из Омска. (Все важные бумаги ему без задержки пересылались на фронт.) В приказе Деникина отмечались успехи Добровольческой армии, а затем признавалась необходимость для спасения родины объединения верховной власти и командования. «Исходя из этого глубокого убеждения, – говорилось в приказе, – отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному Главнокомандующему Русских армий».

По поводу объединения, писал впоследствии Деникин, была торжественная демонстрация. Речами всех ораторов совершенно определенно устанавливался факт соглашения, причем в своем

слове представитель Союза возрождения профессор И. П. Алексинский придавал событию этому исключительно серьезное значение: «…Сейчас торжественное объявление акта 30 мая… а также слух об объединении всех политических партий проникает туда – в затемненные умы, в завешенные большевиками уши, и, быть может, рассеются клеветы и обман, и наконец увидят русские люди – русские армии, идущие… для осуществления прав народа».

О состоявшемся единении политические деятели уведомили официально русский Париж и Омск. Это был праздник. На другой день настали вновь политические будни. Никакого объединения не вышло. Чтобы сохранить идею или видимость общего фронта, по мысли профессора Новгородцева, продолжались все же сепаратные (в двух комбинациях) переговоры по отдельным вопросам. Так, Государственное объединение и Национальный центр опубликовали приветствие церковному собору, постановление против русофобской политики Грузии, против создания юго-восточного союза в его первой стадии (казачьего) – «обособляемого от остальной России» и в будущем «грозящего стать источником разъединения и трудно учитываемых бедствий…». К этой последней точке зрения присоединился всецело и Союз возрождения – не в декларации, впрочем, а в ряде статей своего председателя Мякотина.

Характерно при этом, что левая общественность, признавая в принципе необходимость объединения, тем не менее даже во внешних признаках стремилась всемерно отгородить себя справа, считая такое общение «подрывающим ее престиж». Так, в двадцатых числах июня, когда в кадетской «Свободной речи» появилось сообщение о ведущихся между тремя организациями переговорах о едином фронте, в «Утре Юга» тотчас же напечатано было Союзом возрождения заявление, что «Союзу по этому поводу ничего не известно».

Немалый интерес представляют воспоминания А. И. Деникина и в другом ракурсе. «Осенью 1919 года, – пишет он, – я получил объемистый пакет из Нью-Йорка от Завойки, который, будучи в Омске, вел какую-то интригу против правительства и адмирала Колчака и был выслан за границу. В пакете оказались литографированные экземпляры «обличительного» письма Завойки, адресованного адмиралу Колчаку, и два памфлета. В общем конверте на мое имя заключалось еще несколько писем, в том числе адресованные барону Врангелю, Кривошеину и другим лицам. Я передал всю корреспонденцию комиссии, которая, вскрыв один из этих пакетов и убедившись, что там та же агитационная литература, все остальные сожгла. В одном из

памфлетов Завойки, между прочим, говорилось:

«Чрезвычайно характерны все документы, связанные с эпохой продвижения сибирских войск вперед.

Во-первых, составление и проведение в жизнь явно преступного стратегического плана. Удар на Глазов, Вятку, как ближайшее направление на Москву, и оставление без внимания южного направления, единственного, обеспечивающего успех и связывающего с силами генерала Деникина.

Во-вторых, не прикрываемое ничем в официальных документах открытое признание опасности занятия Москвы силами генерала Деникина ранее, чем войсками Сибирской армии, то есть, иначе говоря, стремление во что бы то ни стало к народному пирогу, к спасению России исключительно во имя своего, личного.

В-третьих, все отдельные приказы и распоряжения по армиям, выходившие из омской ставки и имевшие единственной целью уничтожение популярности отдельных вождей, созданной ими на фронте».

Памфлеты разносили по свету поистине страшное обвинение: как Колчак и Деникин предавали друг друга и Россию…

Представляют интерес и записи, сделанные в дневнике генерал-лейтенантом бароном А. Будбергом. В 1915 году он возглавлял штаб 10-й армии, в 1917 году командовал Двинским корпусом, с марта 1919 года – Главный начальник снабжения при Ставке Колчака, с мая Управляющий военным министерством. В них отражена обстановка весны – лета 1919 года, дана характеристика А. В. Колчака и его окружения.

«13 марта. Из Омска тянутся вереницы гастролеров, противно смотреть на эту публику, убегающую от работы под предлогом смотров, инструктирования и т. п. …Адмирал уехал на фронт для поднятия настроения, как это старо и как пахнет очковтирательством… Позорно читать правительственные сообщения о поездках Верховного правителя со славословиями о его мудрости…

30 апреля. Являлся Верховному правителю… Вынес симпатичное впечатление: несомненно очень нервный, порывистый, но искренний человек, острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное, важности никакой, напротив – озабоченность, подавленность ответственностью, иногда бурный протест против происходящего.

1 мая. Вернулся с фронта начальник штаба Верховного генерал Лебедев… Что побудило адмирала взять себе в помощники случайного юнца, этого вундеркинда?.. Все горе в том, что у нас нет ни настоящего Главнокомандующего, ни

настоящей Ставки, ни сколь-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле, легко поддается советам и уговорам, Лебедев – безграмотный в военном деле, случайный выскочка, чересчур надут и категоричен.

7 мая. Еду в поезде Верховного правителя в Екатеринбург. Адмирал мрачен и утомлен, молчит и только сверкает глазами… На вокзале Екатеринбурга были встречены командующим сибирской армией генералом Гайда… здоровый жеребец с двумя Георгиями, очень вульгарного типа… Трудно ожидать полководческих талантов и приличного понимания широкого военного дела от бывшего австрийского фельдшера и подчиненных ему тридцатилетних генералов… Пришлось увидеть, что руководство операциями находится в руках младенцев, очень дерзких и решительных, но смотрящих на дело со ступеньки ротного командира…

9 мая. Настроение мрачное… Скверно, что Верховный правитель едва ли в состоянии сломать все это и навести порядок, очень уж он доверчив, легковерен, не сведущ в военном деле, податлив на приятные доклады…

…На Пасху поднесли адмиралу Георгия 3-й степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал не нашел в себе силы воли и широты взгляда приказать забыть о таких подношениях – и принял крест…

Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду, он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действий, то сереет и тухнет, то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников…

7 июня. …После обеда был с очередным докладом у адмирала. Тяжело смотреть на его бесхарактерность и отсутствие у него собственного мнения… Лучше бы он был самым жестоким диктатором, чем тем мечущимся в поисках за общим благом мечтателем, какой он есть на самом деле… Адмирал, по-видимому, очень далек от жизни… Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знаний, критического восприятия и анализа не дает ему выбиться на настоящую дорогу… По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного Императора…

Страшно становится за будущее, за исход той борьбы, ставкой в которой является спасение родины и вывод ее на новую дорогу… Поразительно, до чего в Омске повторяется в миниатюре

Царское Село: та же слепота вверху, та же непроницаемая кругом стена, застилающая свет и правду, обделывающие свои делишки люди».

В те дни в докладе Главнокомандующего всеми вооруженными силами Советской Республики И. И. Вацетисом обстановка на Восточном фронте оценивалась следующим образом:

«…За истекшие полтора месяца операции на Восточном фронте отличались особенно активностью как с нашей, так и со стороны противника. Начатое армиями Колчака наступление еще в марте месяце к середине апреля достигло своего наибольшего развития, причем главный удар противника резко обозначился в общем направлении на Чистополь, Симбирск, Самару, от которой противник находился всего в 40–60 верстах и угрожал поставить наши армии в критическое положение у немногих переправ через Волгу, находившуюся еще в периоде разлива. К северу от этого направления главного удара противник, встречая более упорное сопротивление, продвигался более медленно и на казанском направлении достиг р. Вятки, а на пермском был остановлен несколько восточнее Глазова. На южном участке фронта противник дошел в общем до линии Оренбург – Уральск. Таким образом, прорвав центр наших армий на широком фронте до 160–180 верст и выдвинувшись на 150–160 верст вперед, противник подставил нам свои фланги для удара по его тылу.

К этому времени в направлении главного удара у нас было сосредоточено около 20 полков общей численностью до 24 тысяч штыков и сабель против 40 полков противника численностью до 45 тысяч.

Для парирования главного удара противника в направлении на Самару и Симбирск произведенной перегруппировкой наших сил на флангах противника в Бузулукском районе были сосредоточены 2, 24, 25 и 31-я стрелковые дивизии общей численностью до 20 тысяч штыков, кроме того, сюда были направлены еще подкрепления и отдельные части численностью до 15 тысяч человек, что дало нам почти двойной перевес над противником.

Прорыв фронта противника в общем направлении на Бугульму в начале мая создал серьезную угрозу всей выдвинутой вперед его самарской группе и вынудил его к поспешному отходу на Уфу – Мензелинск. В то же время к северу от р. Камы противник, имея приблизительно такой же численный состав, как и мы, т. е. 46 тысяч штыков и сабель против наших 46 тысяч, но имея свои войска более удачно и искусно сгруппированными и, видимо, желая отвлечь наше внимание от уфимского

направления, перешел к решительным действиям на Глазов и на некоторое время имел здесь значительный успех, заняв сам Глазов. К югу от самаро-уфимского направления противник при помощи своих агентов поднял восстание среди уральских казаков и, разбив наши растянутые части, соединился с восставшими, образовав с ними один внешний фронт.

Рядом решительных мер по переброскам и сосредоточению войск в районе к северу от р. Камы наши 3 и 2-я армии перешли в общее наступление и обходом и ударом во фланг на Ижевский и Боткинский заводы принудили противника к отступлению, который в настоящее [время] дошел до р. Камы и отходит настолько поспешно, что пользуется даже железной дорогой, подводами для своих войск…

…На Восточном фронте, несмотря на успешное продвижение в центре, а также на левом фланге, наши задачи далеко нельзя считать решенными. Противника на этом фронте можно считать побитым, но не разбитым. На правом фланге этого фронта противник занимает активный участок в 100 верстах от Самары, что создает угрозу среднему течению р. Волги и требует немало средств для своей ликвидации. В противном случае этот активный участок может послужить мостом для соединения с армией Деникина, рвущейся на Царицын».

Итак, уже в середине апреля 1919 года стало ясно, что Уфимская наступательная операция провалилась. Апрельская директива Колчака о выходе к Волге не получила своей реализации. Зарисовки, сделанные бароном А. Будбергом, отразили лишь одну из причин неудач. Их было гораздо больше.

Одной из основных причин крушения плана Колчака выйти на Волгу в апреле 1919 года были развал и малая боеспособность двух его армий – Оренбургской и Уральской. Между тем именно они должны были бы сыграть решающую роль по двум причинам.

Во-первых, они состояли целиком из уже обученных военному делу бойцов – казаков и в основной своей массе представляли как раз тот род войск – конницу, который в условиях Восточного фронта мог сыграть крупнейшую роль.

Во-вторых, место, занимавшееся названными армиями в общей линии колчаковского Западного фронта, предопределяло их первостепенное стратегическое значение и возможности как для установления взаимодействия с южной контрреволюцией, так и для действий крупными конными массами против фланга и тыла всех трех армий правого крыла Восточного фронта Красной армии.

По боевому расписанию всех вооруженных сил Колчака на конец мая 1919 года насчитывалось около 50 000 сабель, в том

числе около 35–38 тысяч сабель только на фронте. Несмотря на это, белый фронт был, да и Колчак сам стремился создать его как фронт пехотный.

Естественно встает вопрос: почему Колчак не воспользовался этим ценным и готовым в военном смысле людским материалом так, как это было сделано на юге России – на Дону и на Кубани, и почему казачество на востоке оказалось менее боеспособным, чем донское или кубанское?

Контрреволюционным генералам удалось создать на востоке России самую многочисленную из всех белогвардейских армий, проявлявшую нередко высокую боеспособность. Если бы вдобавок к этой пехотной армии Колчак сумел использовать массы казачества – готового, с узковоенной точки зрения, войска, находившегося в то время целиком еще под влиянием белогвардейской и реакционно настроенной своей верхушки, – его шансы намного бы поднялись, во всяком случае, ход борьбы протекал бы совершенно иначе. Проще всего, конечно, объяснить все дело тем, что не имевший ни политического, ни военно-административного опыта «сухопутный адмирал» не сумел правильно понять значение такого важного для того времени рода оружия, как конница, но это означало бы отказ от попытки дать правильное объяснение отмеченному историческому факту.

Дело в том, что как среди трудовых масс казачества, так и среди зажиточных и верхушечных его слоев в тот период происходили весьма сложные политические и социальные процессы, характеризуемые прежде всего тем, что основным и общим стремлением для подавляющего большинства казаков после падения царизма было – сохранить свое положение бывшего привилегированного военного сословия России. Именно это стремление, ловко использованное буржуазией и контрреволюционными генералами, привело казаков в лагерь контрреволюции. Однако положение казаков было особое. Они выступили на стороне контрреволюции как вполне самостоятельная, организовавшаяся по территориальному и сословному принципу вооруженная сила, как союзники белогвардейцев, а не как род оружия армии, обязанный им своим существованием. На фронте казачьи войска подчинялись Колчаку как Верховному главнокомандующему. На этом власть его фактически кончалась, так как во всех прочих отношениях, и в частности в военно-административных вопросах, действительная власть была в руках атамана и войскового круга, производивших по своему собственному усмотрению мобилизации, формирования войсковых частей, назначения командного состава и т. п. Колчак вынужден был до поры до времени отказаться от

всякой попытки вмешиваться в эти вопросы, зная заранее, что любое такого рода его распоряжение будет расценено войсковым кругом как посягательство на казачью «автономию», не будучи уверенным, что приказ будет выполнен, и не имея ни сил, ни возможностей заставить круг выполнить его.

Антагонизм между ставкой Колчака и войсковым кругом, а также войсковым атаманом проявился весьма выпукло еще в одном вопросе. Несколько конных бригад оренбургских казаков находились в Западной и Сибирской армиях в качестве корпусной и дивизионной конницы. Ставка Колчака давала систематически строжайшие предписания войсковым начальникам не допускать использования бригад наравне с пехотой на боевых участках, а направлять их сосредоточенным кулаком на выполнение чисто кавалерийских боевых задач – для охвата флангов, удара в тыл, преследования и т. д. Но, несмотря ни на какие строжайшие приказания, дело шло по-старому. В этих условиях ставка Колчака должна была бы задуматься над вопросом: почему же все 6–8 командиров корпусов Западной и Сибирской армий как один не выполняют ее требований об использовании казачьих бригад так, как это рекомендуется наставлениями и диктуется обстановкой на фронте?

Столь упорное невыполнение войсковыми начальниками категорических приказов подсказывало ставке, что дело не в комкорах и не в начальниках дивизий, а в низкой боеспособности казачьих бригад, не получающих от войска своевременного пополнения людьми, предоставленных войском самим себе и вынужденных драться вдали от родных станиц, когда вокруг этих станиц шли такие же ожесточенные бои. Можно было изъять бригады из корпусов и создать из них в каждой из армий по конному корпусу или группе для решения кавалерийских задач по указаниям самих командармов. Но ставка не решалась на этот шаг как затрагивающий компетенцию войскового круга и атамана. Не было Дутовым выполнено предложение ставки от 23 марта о направлении двух казачьих дивизий в Западную армию и одной – в Сибирскую численностью 2,5–3 тысячи сабель. Как видно из сказанного, элемент политики, внутренняя борьба и грызня играли крупную и притом отрицательную роль в самом контрреволюционном лагере в вопросах организации, а также стратегического и оперативного руководства.

Не оправдала себя и практика привлечения к решению задач на фронте башкирских национальных формирований, возглавляемых А. З. Валидовым, в прошлом учителем мусульманской религиозной школы. В этой связи исторический интерес представляет следующий документ: «Приказ по

Башкирскому войску, № 70. Штаб Башвойск в д. Темясово, 16 февраля 1919 г. в 20.00. Объявляю всему башкирскому войску и башкирскому народу, что башкирское войско с 10 часов 18 февраля 1919 г. переходит на сторону Советской власти и начинает совместно с Красной армией беспощадную войну с врагами революции, свободы и самоопределения наций – Колчаком, Деникиным и всеми мировыми империалистами. Всех лиц состава башкирских войск, пытающихся бежать и уклониться от служения революции и борьбы с врагами народа, приказываю задерживать и представлять в штаб башкирских войск в селе Темясово. Неприкосновенность личности офицеров, остающихся в рядах башкирских войск для дальнейшей службы, гарантируется мною, о чем договорился с Советской властью.

Командующий Войсками и Начальник Башкирского Войскового Управления Валидов.

Верно: и. д. начальника штаба Илиас Алкин».

Чисто военные причины неудач на фронте усугублялись причинами политическими, экономическими, социальными. В своей совокупности они создавали перелом в ходе борьбы, носящей ярко выраженный классовый характер.

Глава 16. Начало конца

В последних числах апреля 1919 года началось контрнаступление Восточного фронта Красной армии. Его главная цель заключалась в том, чтобы, используя наметившийся кризис в действиях Западной армии Колчака, перехватить стратегическую инициативу, нанести решительное поражение противостоящему противнику. Контрнаступление включало ряд последовательных операций, объединенных единым замыслом. К нему привлекались 4-я армия (командующий М. В. Фрунзе, с 4 мая он одновременно возглавил Южную группу), 1-я армия (командующий Г. Д. Гай), Туркестанская армия (командующий Г. В. Зиновьев), 5-я армия (командующий М. Н. Тухачевский), 2-я армия (командующий В. И. Шорин), 3-я армия (командующий С. А. Меженинов). Непосредственное участие в контрнаступлении принимала группировка войск, насчитывавшая до 114 тысяч штыков, более 11 тысяч сабель, около 500 орудий, более 2000 пулеметов. Ей противостояли соединения Колчака, имевшие более 105 тысяч штыков, 26 тысяч сабель, более 300 орудий, около 1500 пулеметов.

Контрнаступление развернулось одновременно на трех направлениях – бугурусланском, сергиевском и вдоль Волго-Бугульминской железной дороги. На главном, бугурусланском, направлении в ходе упорных боев, несмотря на распутицу, советские войска добились успеха. 28–30 апреля Бузулукская ударная группа и войска правого фланга 5-й армии, форсировав реку Малый Кинель, 4 мая овладели станцией Бугуруслан. 24-я стрелковая дивизия за это время отбросила противника к станции Сарай-Гир. Однако колчаковцы продолжали еще теснить соединения 5-й армии на сергиевском и бугульминском направлениях, что создавало реальную угрозу флангу и тыловым коммуникациям Южной группы. В таких условиях М. В. Фрунзе 1 мая изменил направление наступления Бузулукской ударной группы и войск правого фланга 5-й армии с северо-востока на север и северо-запад, а также передал ей свой резерв – 2-ю стрелковую дивизию. Эти изменения несколько сужали задуманный охватывающий маневр, но нацеливали наступающие войска Южной группы на разгром наиболее опасной группировки Западной армии, которая наступала на сергиевском и бугульминском направлениях.

Бузулукская ударная группа и соединения правого фланга 5-й армии в боях со 2 по 4 мая прочно оседлали железную дорогу Самара – Уфа на участке от Сарай-Гира до Бугуруслана и создали

опасность левому флангу и тылу главных сил Западной армии Колчака. Обстановка изменилась в пользу советских войск. Соединения Западной армии, действовавшие на сергиевском и бугульминском направлениях, перешли к обороне, а затем стали отходить к Бугульме. Однако командование Западной армии не теряло надежды восстановить положение и готовилось нанести по наступающим войскам Южной группы два сильных контрудара: с севера, из района Бугульмы на Бугуруслан, станцию Кинель – 2-м Уфимским и 3-м Уральским корпусами, которые по приказу Колчака объединялись во временную оперативную группу во главе с командиром 2-го Уфимского корпуса генералом С. И. Войцеховским, и с северо-востока, из района Белебея на Бузулук, – группой генерала В. О. Каппеля, которая включала Волжский корпус, перебрасывавшийся с 3 мая в район Белебея, и отходившие на восток остатки 6-го Уральского корпуса. Уральская и Оренбургская армии получили приказ захватом Уральска и Оренбурга содействовать успеху контрударов.

1 мая в контрнаступление перешла 2-я армия Восточного фронта красных. Ее Чистопольская группа, поддержанная огнем корабельной артиллерии Волжской военной флотилии, отбросила врага к Чистополю. Комбинированной атакой пехоты с фронта и речного десанта с тыла 5 мая город был освобожден. Спустя четыре дня Чистопольская группа вышла к реке Шешма. Сильными контратаками противник попытался остановить советские войска на рубеже реки. Город Старошешменск дважды переходил из рук в руки, но 13 мая был окончательно взят совместной атакой пехоты с фронта и десанта с тыла. Спустя три дня Чистопольская группа 2-й армии и Волжская военная флотилия вышли к устью реки Вятка. Таким образом, положение советских войск на стыке Южной и Северной групп улучшилось. Общим итогом первого этапа контрнаступления советских войск южнее Камы (с 28 апреля по 13 мая) стал прорыв колчаковского фронта в полосе шириной до 500 км и переход стратегической инициативы на главном, самаро-уфимском, направлении.

7 мая Верховный правитель выехал на фронт. Остановился в Екатеринбурге – ставке Сибирской армии. На первой же встрече генерал Р. Гайда, недавно произведенный Колчаком в генерал-лейтенанты, с присущей ему самоуверенностью успокоил адмирала, пообещав в кратчайшие сроки произвести перегруппировку и «двинуть войска вперед». Его оптимизм разделял 27-летний генерал, кавалер многих орденов, в том числе Св. Георгия 4-й степени (за взятие Перми) А. Н. Пепеляев, заявивший, что через полтора-два месяца вступит в Москву. Когда начали обсуждать обстановку в полосе Западной армии, только

что оставившей Бугуруслан, заместитель Гайды генерал П. А. Богословский весьма нелестно отозвался о генерале Ханжине и в целом о командовании этой армии. Его поддержал Гайда, в словах которого выражалось не сочувствие коллеге, а нечто похожее на злорадное удовлетворение его неудачами. Колчак понял, что между командующими двумя смежными армиями нет дружеского контакта.

Генерал А. Н. Пепеляев, командующий Северной армией Колчака.

Здесь, в Екатеринбурге, адмирал открыл для себя и другую горькую истину: рухнул план намеченного соединения его войск с Добровольческой армией Деникина на Волге, лопнул и задуманный поход объединенных вооруженных сил на Москву. Не сбылась голубая мечта принимать торжественный парад победных ратей на Красной площади. Сорвался и другой, казавшийся таким реальным замысел соединения Сибирской армии с Северной армией генерала Е. К. Миллера, назначенного Колчаком главнокомандующим войсками Северных областей.

В Екатеринбурге Александр Васильевич встретился с представителями городских властей и буржуазной общественности. После обеда он произвел смотр екатеринбургских частей и награждение отличившихся в боях рядовых и офицеров. В заключение произнес перед войсками короткую речь, выразив надежду, что славная Сибирская армия с честью выполнит свой воинский долг перед многострадальной родиной.

10 мая Гайда пригласил адмирала, генералов Будберга и Сахарова на обед в занятый им особняк фабриканта Злоказова. Роскошная обстановка этого дома, стол, поражающий разнообразием и обилием блюд и дорогих вин, располагали к тому, чтобы на время отрешиться от тревожных мыслей.

Можно было только удивляться: каким образом этому, находящемуся на русской военной службе иностранцу Гайде в чужой стране удавалось обставить свою фронтовую жизнь с таким комфортом и богатыми излишествами, которых в походных условиях не имел даже покойный русский император Николай II? Но это выглядело пустяком по сравнению с тремя миллионами золотых рублей, которые затратил новоявленный чешский крез на экипировку своего личного конвоя в 350 человек. С присущей ему железной хваткой он вместе с особняком фабриканта прибрал к своим рукам и его суконную фабрику.

Непонятной в этой связи представлялась многим из ближайшего окружения Колчака позиция адмирала в отношении мародера Гайды. Лично Александр Васильевич никогда не имел никаких доходов, кроме служебного жалованья, и не пользовался особыми привилегиями даже на посту Верховного правителя. Поэтому для многих было странным то, что он сквозь пальцы смотрел не только на поступки Гайды, но и на многие мародерства подчиненных ему чехословацких легионеров.

Возвратившись в Омск, Александр Васильевич первым делом

ознакомился с официальными докладами членов Совета министров. Затем потребовал остальную почту. Среди этой корреспонденции его внимание сразу же привлекла телеграмма на французском языке, посланная из Парижа министром иностранных дел Франции Верховному правителю. В ней содержалась строчка, тоже на французском языке, от Софьи Федоровны. Она сообщала мужу о себе, сыне и новый адрес в Париже. Адмирал тут же собственноручно составил текст телеграммы Сазонову с указанием суммы, которую просил передать жене.

Не разрешив кризиса на фронте, Колчак с неспокойной душой вернулся к разрешению кризиса в тылу, и прежде всего в омском правительственном кабинете. Частичное обновление его началось за день до отъезда адмирала на фронт. В этот день Верховный правитель утвердил: министром внутренних дел (вместо ушедшего Гаттенбергера) – директора департамента милиции Пепеляева, министром юстиции (вместо Старынкевича) – бывшего управляющего делами Тельберга, министром торговли (вместо Щукина) – министра финансов Михайлова с одновременным исполнением им двух должностей, министром просвещения (вместо Сапожникова) – Преображенского. На пост управляющего делами Совмина был утвержден Гинс с совмещением им прежних обязанностей председателя экономического совещания.

Остальные министерства возглавляли прежние лица, к которым, за исключением Степанова, претензий особых не имелось. Из-за Степанова же, продолжавшего сохранять за собой военное министерство, кризис правительственного кабинета все более обострялся, к тому же конфликт между ним и начальником штаба принимал скандальный характер. В беседе с генералом Сахаровым адмирал жаловался на ненормальные отношения между штабом Верховного главнокомандующего и военным министерством.

– Представляете, как трудно вести согласованный разговор с двумя генералами. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить начштаверха с военным министром, а потом разбирать личные обиды последнего.

Некоторые министры жаловались Колчаку и на Петра Васильевича Вологодского, не управлявшегося с делами председателя Совета министров. Но здесь проявилась одна особенность в натуре самого адмирала. Он имел склонность быстро привыкать к своим подчиненным, а привыкая, доверял им настолько, что часто не замечал серьезных недостатков в их работе. И тем не менее Колчаку пришлось признать

обоснованными обвинения, выдвинутые против его протеже Степанова. Знакомясь с фактическим состоянием дел в военном министерстве, он сам немало удивлялся, до каких размеров министр раздул свое ведомство, главный штаб и штабы военных округов. Проанализировав состояние дел, он 19 мая освободил несостоятельного министра от должности, поручив временное руководство военным ведомством генералу Д. А. Лебедеву.

17 мая Верховный главнокомандующий получил сообщение с фронта об оставлении Западной армией Белебея и дальнейшем отходе ее войск к востоку. На беду армии, подкрепить ее разбитые части свежими силами было невозможно из-за отсутствия резервов. От союзников помощи ожидать не приходилось. Дело в том, что еще в начале марта военное руководство Антанты заявило о невозможности отправки в Россию крупных контингентов войск «по соображениям морального порядка». Некоторая надежда на ослабление натиска красных на войска Ханжина у Колчака зародилась в связи с планами Антанты организовать наступление Северо-Западной армии Юденича. О стратегическом значении Северо-Западного Финляндско-Прибалтийского фронта Юденич писал Колчаку еще в январе 1919 года. Верховный правитель понимал это и оказал своему ставленнику финансовую поддержку. Но Юденичу при формировании армии для похода на Петроград необходима была военная помощь Финляндии. Финны могли ее оказать и даже сформировать собственную армию, но ставили условием предоставление государственной независимости своей стране после победы над большевиками.

Колчак, оставаясь верным идее «единой, неделимой России», не решался пойти на отделение от нее Финляндии. Тем не менее 28 апреля белофинны начали наступление на Олонецком направлении, имея целью отвлечь сюда главные силы советской 7-й армии и в дальнейшем соединиться с северными войсками интервентов. Воспользовавшись ослаблением левого фланга 7-й армии, перебросившей значительную часть войск против «Олонецкой добровольческой армии», 13 мая перешли в наступление белогвардейский Северный корпус и две белоэстонские дивизии. 15 мая они захватили Гдов, 17 мая – Ямбург (Кингисепп), 25 мая – Псков. Фронт приближался к Петрограду. Однако вскоре войска Юденича были разбиты.

Еще одна неприятная весть пришла в первых числах июня. В Омск поступила обширная телеграфная нота из Парижа за подписью глав пяти союзных держав.

В ноте говорилось о непримиримом отношении союзников к Советской власти, обещались омскому правительству

материальная поддержка и содействие превращению его во всероссийское при условии, если оно *возьмет* на себя ряд обязательств: созыв после взятия Москвы Учредительного собрания, избранного на демократических основаниях, а при невозможности проведения свободных выборов – оставление прежнего (на 1917 год) его состава; обеспечение в Сибири гражданских свобод (свободного избрания муниципалитетов, земств и других общественных организаций, свободы вероисповедания), невосстановление помещичьего землевладения и сословных привилегий, признание независимости Финляндии и Польши, урегулирование отношений с прибалтийскими государствами, Закавказьем и Закаспийской областью и признание их де-факто, признание прежних русских долгов.

Колчак чем больше перечитывал это послание, тем больше распалялся. Приказал вызвать министра иностранных дел Сукина, а в ожидании его стал ходить из угла в угол по кабинету. Сукин, еще совсем молодой человек, поправил на носу роговые очки и с подобающей министру деловой строгостью принялся читать бумагу. Колчак продолжал свой нервный челночный променад.

– Ну как? – спросил он Сукина, закончившего чтение. – По-моему, это настоящий ультиматум, унижающий нас как независимое правительство.

– Похоже на то, – согласился министр. – Их требования можно расценить не иначе как вмешательство в наши внутренние дела.

– Вот именно. Послать бы их всех к черту, чтобы не лезли со своими наставлениями. – Колчак прекратил ходьбу и добавил: – И момент, заметьте, выбрали, чтобы прижать нас покрепче. – Он вернулся к столу и сел в свое кресло.

Командующий Сибирской армией чешский генерал Р. Гайда.

Некоторое время оба помолчали. Первым заговорил министр:

– Мне кажется, Александр Васильевич, у нас нет сейчас другого выхода, как соглашаться с союзниками. А когда придем в Москву, тогда пересмотрим их требования и, может, будем диктовать им свои.

Колчак подумал и, соглашаясь со своим молодым советчиком, поручил ему подготовить проект ответа на ноту. Сукин составил его с учетом рекомендаций русских послов и в духе согласия с условиями союзников, хотя принимаемые на себя обязательства по демократизации режима сформулировал в довольно расплывчатых выражениях. Адмирал внес две поправки: во-первых, отразить в письме несогласие с созывом Учредительного собрания 1917 года, поскольку в его состав входили большевики, и, во-вторых, разъяснить, что он не останется на своем посту ни на один день позже, «чем того требуют интересы России».

Близкими союзниками адмирала до недавнего времени были чехословаки. Верховный правитель первоначально предоставил им ряд льгот, в том числе право приобретать недвижимость в Туркестанском крае вопреки запрету на такого рода привилегии для других иностранцев. Первые разочарования в чехословацких легионерах появились у Колчака после самовольного оставления ими боевых позиций в «Пермской операции». В последующем все больше раздражало нежелание чехов воевать, доходящие до него слухи осуждения ими его режима, склонность их начальства к сближению с эсерами и меньшевиками, вызывающее всеобщее возмущение мародерство чехословацких офицеров. Наибольшую неприязнь Колчака вызывали два высших представителя Чехословакии в Сибири: генерал Сыровы и гражданский комиссар Павлу.

Неожиданно и впервые разгневал Верховного главнокомандующего и генерал Гайда. 26 мая чешский военачальник воспротивился распоряжениям начальника штаба Верховного главнокомандующего Лебедева, назвав их глупыми и вредными. Резкая критика Гайды в адрес начальства получила резонанс и в других армиях, недовольных непродуманными указаниями Ставки.

Разбирать конфликт решил сам Колчак, выехавший в Пермь 30 мая. Встреча с Гайдой проходила без обычных торжественных церемоний, в исключительно деловой фронтовой обстановке. Генерал доложил мотивы, по которым было невозможно согласиться с оперативными предписаниями штаба. Не в состоянии опровергнуть доводы Гайды, Верховный потребовал доложить оперативную обстановку на участке его армии. Доклад Гайды встревожил Колчака. Левый фланг Сибирской армии был разбит. Части 2-й советской армии, усиленные действующей на Каме красной Волжской флотилией, вели наступление на Сарапул; левым флангом 5-я армия продвигалась к реке Белой, а ее ударная группа действовала в направлении Бирска. Положение

войск Гайды было тем более незавидным, что готовых резервов в тылу не имелось. На глазовском же направлении части Сибирской армии еще держали оборону.

Разобравшись с обстановкой в полосе Сибирской армии и приняв необходимые для локализации конфликта меры, Верховный правитель вернулся в Омск. Здесь его ожидал рапорт от морского министра Смирнова, командующего Речной боевой флотилией на Каме. В нем содержался подробный доклад о боевых действиях флотилии во главе с флагманским кораблем «Волга» 1 и 2 июня, во время оставления города Сарапула частями Южной группы Сибирской армии. На другой день от него же пришло и письмо. «Для спасения дела, – писал Смирнов, – умоляю Ваше превосходительство переехать с Вашим штабом ближе к фронту, чтобы иметь постоянное общение с командующими армиями». В письме рекомендовалось взять более авторитетного начальника штаба (храброго и честного, а Лебедева назначить командиром корпуса), вместо Вологодского поставить другого генерала. Подходящими на этот пост автор письма считал Дитерихса, Розанова, Сахарова и находящихся пока за границей Головина и Щербачева.

У Верховного правителя, как отмечали современники, было немало советчиков со своими идеями, предложениями и даже амбициями. И в этой пестроте суждений, мнений и советов Колчаку нелегко было разобраться. Познакомившись с очередными рекомендациями, Верховный велел письмо Смирнова подшить в дело, не внеся никаких кадровых изменений.

Вместе с тем он внес корректив в план дальнейших военных действий. По его решению Западная армия должна была отойти за реку Белую и, опираясь на эту водную преграду, остановить наступление красных на подступах к Уральскому хребту. С этой целью началось возведение оборонительных рубежей как на путях отхода войск, так и на конечном рубеже обороны.

9 мая разгромленная Уфимская группа войск Западной армии оставила Уфу и отошла к северо-востоку. Колчак рвал и метал, когда узнал, что отступающие части, боясь окружения, бросили раненых и огромные запасы продовольствия: 2 миллиона пудов зерна и 200 тысяч пудов гречневой крупы. Позицию за позицией сдавала Сибирская армия. Захватив 2 июня Глазов, она под натиском получившей подкрепление 3-й армии красных оставила его 13 июня, за два дня до этого сдала Воткинск и отступала своим левым флангом в направлении Кунгура.

В итоге к середине июня рубежи обороны колчаковских войск проходили через Уральск, Оренбург, Бузулук, Стерлитамак, станцию Аша, Оса, Оханск и несколько западнее Перми.

Советские войска в полосе свыше 1200 километров нанесли поражение двум самым сильным армиям Колчака – Западной и Сибирской. По неполным данным, лишь с 1 мая по 19 июня колчаковцы потеряли только пленными свыше 26 тысяч солдат и офицеров, огромное количество вооружения, боеприпасов, материального имущества. Вся территория, захваченная во время весеннего наступления белогвардейских войск, была потеряна.

Колчак снял с должностей двух командующих армиями: Р. Гайду и М. В. Ханжина. Во главе Западной армии он поставил генерала К. В. Сахарова, руководство Сибирской и Западной армиями возложил на генерала Дитерихса. Оренбургская армия атамана Дутова и Южная группа генерала Белова были объединены в Южную армию под командованием последнего. В Сибирской армии создаются две оперативные группы: Южная во главе с генералом Л. А. Вержбицким и Северная под командованием генерала А. Н. Пепеляева.

23 июня советские войска Восточного фронта под руководством С. С. Каменева перешли в общее наступление, имея целью освобождение Урала. Колчаковское командование на помощь Сибирской и Западной армиям бросило пять дивизий только что созданного стратегического резерва. Но их оказалось мало для парирования удара мощной группировки советских войск, насчитывавшей 116 тысяч штыков, 13 тысяч сабель, более 500 орудий, 2,5 тысячи пулеметов, 7 бронепоездов и 42 самолета.

Южная группа Сибирской армии (командующий генерал Л. А. Вержбицкий), понеся за шесть дней боев ощутимые потери от 2-й армии красных, вынуждена была отойти за реку Ирень. Восставшие рабочие при поддержке частей 21-й стрелковой дивизии захватили Кунгур.

Северная группа той же армии под командованием генерала А. Н. Пепеляева, поддержанная своей боевой флотилией (она сплошь заминировала Каму выше Осы), с ожесточенным упорством отражала атаки 3-й армии и ее северного экспедиционного отряда. По этому отряду, действовавшему севернее Перми, семь колчаковских резервных полков нанесли сильнейший удар. Отразить его помогли отряду подоспевшие части 3-й армии.

29 июня красная Волжская флотилия форсировала Каму южнее Оханска и тем обеспечила возможность своим войскам начать решительное наступление на Пермь с юга. После двухдневных кровопролитных боев 3-я армия прорвала оборону белых и 1 июля овладела этим городом. Два полка колчаковских солдат сдались в плен. В тот же день Южная группа войск Сибирской армии, не сдержавшая накануне прорыв частей 2-й

армии на реке Ирень, оставила Кунгур, а еще через три дня Сибирская армия оказалась рассеченной на две части: одна (южная) отступала на Екатеринбург, другая – на Кушву и Нижний Тагил.

Главная задача в июньском наступлении Восточного фронта возлагалась на 5-ю армию, действующую на златоустовском направлении и возглавляемую 26-летним командармом М. Н. Тухачевским. В ее состав входили четыре дивизии: 24-я, 26-я, 27-я и 35-я и отдельная кавалерийская бригада общей численностью 27,1 тысячи штыков, 1,8 тысячи сабель при 572 пулеметах и 93 орудиях.

Ей противостояла Западная армия генерала В. К. Сахарова, составленная из девяти пехотных дивизий, пехотной и кавалерийской бригад и насчитывавшая 27 тысяч штыков и 5 тысяч сабель с 370 пулеметами и 93 орудиями. При равенстве штыков и орудий в обеих армиях красные имели полуторное превосходство в пулеметах, но значительно уступали противнику по числу сабель. По плану, разработанному Тухачевским, его армии надлежало выполнить три последовательные операции, итогом которых должно быть взятие Златоуста. Успех сопутствовал будущему Маршалу Советского Союза.

Немалое значение для достижения успеха действий советских войск имело широкое развертывание партизанской борьбы в тылу противника. С самого начала боев партизаны и повстанцы поддерживали связь с красноярским комитетом партии, координировавшим их действия. Олчаковский, управляющий Енисейской губернией, еще в марте 1919 года, характеризуя Южно-Канский фронт красных, писал: «В настоящее время этот фронт настолько окреп, что для его ликвидации потребуется от трех до четырех тысяч регулярных войск и энергичное командование».

В мае белогвардейцы и интервенты начали наступление на самообразовавшуюся Степно-Баджейскую партизанскую республику. Развернулись ожесточенные бои, продолжавшиеся почти месяц. Только после этого партизаны оставили занимаемые районы и отошли в Туву.

А Верховного правителя, кроме военных, ожидали и непростые государственные дела. В области внешней политики прежде всего необходимо было добиться от ведущих иностранных держав признания своего правительства и дальнейшего получения от них военной помощи. На первый план выдвигалась задача создать благоприятное впечатление об омском режиме у следующего по Сибири американского посла Морриса, бывшего в недавнем прошлом далеко не сторонником адмирала.

Специально подготовленные делегации от духовенства, зажиточного крестьянства и других общественных групп демонстрировали прибывшему в Омск американскому послу материалы о зверствах большевиков, их гонениях на Православную церковь. Решительный поворот взглядов Морриса в пользу колчаковского правительства наметился после его беседы с самим Верховным правителем и членами кабинета министров, заявлявшими о демократичности проводимого ими курса и заверившими посла о безоговорочном признании Россией всех своих долгов иностранным государствам.

В это же время Колчак пытался укрепить отношения с Японией, расширить с ней экономические связи, получить от нее военную помощь. Имелся проект, по которому омское правительство предоставляло японским компаниям преимущественное право в использовании природных богатств Дальнего Востока для изготовления необходимых колчаковской армии предметов военного назначения. В письме от 26 июня своему представителю в Токио Романовскому Верховный правитель требует ускорить получение генералом Суриным в Японии 50 тысяч винтовок и 10 тысяч патронов в месяц, указывает на полезность сотрудничества «нашей и японской контрразведок». В том же письме он дает задание добиваться присылки двух японских дивизий для охраны железной дороги к западу от Байкала, вплоть до станции Ишим, ввиду ненадежности чехословацких войск, к тому же готовившихся к эвакуации из Сибири.

Предпринимались меры к подавлению все разрастающегося партизанского движения в тылу. В первой половине 1919 года белогвардейцы и интервенты при подавлении сопротивления внутреннего народного фронта в Сибири расстреляли и замучили более 40 тысяч и бросили в тюрьмы 80 тысяч человек, свыше тысячи пленных красноармейцев стали жертвами «эшелонов смерти».

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов, в ознаменование напоминания о двадцать седьмой стрелковой дивизией своего долга перед социалистическим отечеством в бою и труде во взятие г. Омска

приказал ей от лица Центрального Комитета Советской Республики боевое знамя, в знак тесной связи полка со всем рабочим классом, в его борьбе за торжество коммунизма.

Председатель В.Ц.И.К. М. Калинин

Секретарь В.Ц.И.К. [illegible]

15 Ноября 1919 г.

№ 10137/и.

К. п. № 5462.

Грамота ВЦИК о награждении 27-й стрелковой дивизии Почетным революционным Красным Знаменем за взятие г. Омска от 25 ноября 1919 г.

13 июля Западная армия оставила Златоуст, на следующий

день пал Екатеринбург. Получив об этом сообщение, Колчак, оставшись в кабинете один, в сердцах исколол ножом оба подлокотника своего кресла. 18 июля от Набокова поступила телеграмма о беспокойстве английского военного ведомства отступлением сибирских армий и о его желании узнать истинную причину такой неудачи. Верховный главнокомандующий ничем не мог успокоить англичан. Более того, он прекрасно понимал, что, преодолев Уральский хребет, красные войска увеличат темп своего наступления.

В это время противоборствующие стороны произвели некоторую реорганизацию своих вооруженных сил.

В Красной армии с 8 июля главное командование перешло к С. С. Каменеву, сменившему главкома И. И. Вацетиса. Командующим Восточным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, 2-я армия была переброшена под Царицын. В состав оставшихся 3-й и 5-й армий дополнительно вошли 21-я и 5-я дивизии.

Произошли изменения и в структуре вооруженных сил Колчака. По его решению Северная группа Сибирской армии преобразовалась в 1-ю армию под командованием генерала А. Н. Пепеляева, Южная группа во главе с генералом Н. А. Лохвицким составила 2-ю армию, а из войск Западной армии была создана 3-я (сахаровская) армия. Она была усилена тремя дивизиями из стратегического резерва Верховного главнокомандующего.

17 июля советские войска, не давая передышки белым армиям, продолжили наступление. 5-я армия Тухачевского продвигалась на Челябинск и Троицк, 3-я армия – к востоку, частью сил – на Туринск. 24 июля 27-я дивизия 5-й армии с помощью рабочих отрядов, ударивших по белогвардейцам с тыла, взяла Челябинск, а 35-я дивизия перерезала железную дорогу Екатеринбург – Челябинск и совместно с 5-й дивизией заняла позиции к северу и северо-западу от города; к этому времени 26-я дивизия перехватила железнодорожную линию Полетаево – Троицк.

Генералы Лебедев и Сахаров решили провести контрнаступление. Их замысел был рассчитан на окружение и разгром 27-й и 35-й дивизий красных и захват Челябинска. Однако плохо разработанная и подготовленная операция была обречена на провал. В итоге авантюрного Челябинского наступления (по едкому замечанию Будберга, «Челябинского преступления») белые потерпели тяжелое поражение, понеся огромные людские и материальные потери. Советские войска взяли в плен до 15 тысяч солдат и офицеров, захватили более ста пулеметов, 32 исправных паровоза и 3,5 тысячи вагонов с различным грузом. Продолжая дальнейшее наступление, армия

Тухачевского во взаимодействии с партизанами 4 августа заняла Троицк. К красным переметнулось много колчаковских солдат-фронтовиков из трех полков, воевавших в Румынии. Южная армия Белова оказалась отсеченной от основного фронта и вынуждена была продвигаться в Туркестан, 1-я, 2-я и 3-я армии белых отступали на Тюмень, Ялуторовск и Курган. Впереди себя колчаковцы гнали по железным дорогам эшелоны с имуществом, награбленным в оставляемых ими городах и селах.

В конце июля – начале августа 1919 г. в Омске состоялась конференция с участием адмирала Колчака, верховного уполномоченного союзников при нем У. Эллиота, посла США в Японии Р. Морриса, французского комиссара во Владивостоке Мартеля, генералов Грэвса, Нокса, Жанена, Мацушимы. В ходе конференции была достигнута договоренность о снабжении оружием, боеприпасами и снаряжением белых армий тех областей России, которые по соглашению между ними входили в сферу интересов той или другой из стран Антанты и США. Одновременно было решено сделать представление правительствам США и Великобритании о выделении для армий адмирала Колчака 310 тыс. винтовок, 500 млн патронов, 3 тыс. пулеметов «кольт», 40 тяжелых и 30 легких танков, 30 броневиков, 420 грузовых и 10 легковых автомобилей, 60 самолетов. Помимо этого Великобритания предоставила адмиралу А. В. Колчаку более 50 млн фунтов стерлингов в качестве финансовой помощи.

С рассвета 5 августа Александр Васильевич снова выехал на фронт, его линия проходила в 50 верстах западнее Тюмени, в 30 верстах севернее Шадринского, восточнее Челябинска (разъезд Пивкино) и юго-восточнее Троицка. Начатое К. В. Сахаровым наступление на Троицк было отбито. За челябинскую авантюру Колчак снял Лебедева с должности начальника штаба, временно назначив на место начштаверха и военного министра главнокомандующего генерал-лейтенанта Дитерихса. За неделю до этого адмирал освободил генерала Хорвата от поста Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке, назначив его сенатором и главнокомандующим русскими учреждениями в полосе КВЖД. Еще раньше на должность командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края поставил генерал-лейтенанта Розанова.

В связи с резким ухудшением военного положения заместитель председателя Совета министров Тельберг внес предложение об образовании Военного совета Верховного правителя с введением в его состав всех ведущих министров. Причем чрезвычайный указ о создании этого органа он осмелился

провести без окончательного согласия Колчака, и уже 13 августа состоялось его первое закрытое совещание. Александр Васильевич данную акцию оценил не столько как вынужденную меру, сколько как проявление к нему недоверия правительства.

Изменения произошли и в командовании Восточного фронта. Руководство фронтом перешло к бывшему генерал-майору В. А. Ольдерогге. Фрунзе возглавил новый – Туркестанский – фронт. Войска Восточного фронта, развернув наступление на просторах Западной Сибири, 9 августа заняли Тюмень.

16 августа войска Красной армии подошли к Тоболу. Между ними и белыми завязалась артиллерийская и ружейная перестрелка. Первые попытки красных перейти реку успеха не имели. Спустя сутки в связи с осложнением военной обстановки на фронт выехал Верховный главнокомандующий. Из окна поезда он видел, как навстречу тянулись огромные солдатские обозы. Адмирал был разгневан, когда узнал, что лошади, повозки, добро на них вопреки его приказу приобретены не за деньги, а отняты у местных крестьян.

20 августа советские армии заняли Ялуторовск и Курган и перешли реку Тобол. Сибирские полки и дивизии отчаянно оборонялись, переходили в контратаки, но все же были вынуждены отходить к востоку. Из трех командующих армиями лучшее впечатление оставил у Верховного Сахаров. Адмиралу импонировали его четкая оценка обстановки, готовность при малейшей возможности переходить к решительным наступательным действиям.

1 сентября Дитерихс повел сибирские армии в наступление. Верховный правитель приказал призвать под ружье в прифронтовой полосе всех мужчин в возрасте от 18 до 43 лет. В Омске в обстановке «патриотического» подъема началась добровольная мобилизация карпатороссов, рабочих города самых разных профессий – от хлебопеков до ассенизаторов. В это же время Колчака воодушевила «патриотическая» идея генерала Иванова-Ринова собрать сибирских казаков и совершить с ними рейд по тылам противника. Адмирал произвел его в генерал-лейтенанты и ассигновал на обеспечение действий нового казачьего корпуса 100 миллионов рублей. В первых числах сентября началась атака сибирских конников на бригаду красных, которая была полностью разбита. Верховный правитель наградил Иванова-Ринова офицерским Георгием 4-й степени.

17 сентября на стенах домов Омска появилась «Грамота Верховного правителя». В ней сообщалось об успехах сибирских армий, о решении созвать Государственное земское совещание «для содействия мне и моему правительству… укрепления

благосостояния народного». Далее в грамоте шли призывы к населению, к его «…полному единению с властью, прекращению партийной борьбы и признанию государственных целей и задач выше личных стремлений и самолюбий, памятуя, что партийность и личный интерес привели Великое Государство Российское на край гибели».

Колчак, находя положение своего фронта к концу сентября относительно благополучным (боевые действия против красных протекали с переменным успехом) и считая себя по-прежнему главой всероссийского правительства и его Верховным главнокомандующим, ознакомился с обстановкой на Северном, Северо-Западном и Южном фронтах. С информацией по этому вопросу, подготовленной Ставкой, выступил генерал Андогский. Его очень огорчило только что полученное сообщение о выводе английских войск с Севера, вызванном неспокойной внутриполитической обстановкой в Англии. Армия Юденича, ставшего военным министром искусственно созданного англичанами Северо-Западного правительства, была близка к овладению Петроградом. На Южном фронте к 25 сентября войска Деникина заняли всю железнодорожную магистраль Курск – Киев и оттеснили противника на 35 верст к северо-западу от Бахмача.

– На Восточном фронте, – продолжал Андогский, – по сводкам за 25 сентября, белые части заняли станцию Заводоуковская, ряд деревень к западу от нее и вышли к реке Тобол. За время боев захвачено более 2200 пленных, 63 пулемета и много всякого снаряжения. На курганском направлении наступление продолжалось вдоль линии железной дороги и южнее нее, взят ряд деревень в 40 верстах к востоку от Кургана. У Звериноголовска под натиском крупных сил красных белые части отошли вдоль тракта. В Семиречье положение без изменений.

Дитерихс отстранил Иванова-Ринова за неподчинение приказам командования. Но вскоре конференция казаков отменила приказ Дитерихса, и Иванов-Ринов вернулся на фронт. 29 сентября тяжело заболел военный министр Будберг, пролежав без сознания две недели. На его место Верховный правитель назначил генерала Ханжина.

Белые, продолжая теснить противника, 2 октября перешли реку Тобол, овладели Тобольском и приблизились к Ялуторовску и Кургану. Однако этот успех был временным.

14 октября 5-я, а вскоре и 3-я армии, развернутые по фронту на тысячу верст к югу от Тобольска, перешли в наступление. 3-я армия, форсировав Тобол, пробивалась вдоль железной дороги на Ишим и Тобольск. 5-я армия, ломая оборонительные рубежи, с боями теснила белых в общем направлении на Петропавловск.

Колчаковцы отчаянно сопротивлялись, временами переходили в контратаки, но, не имея сил сдерживать наступающих, оставляли одну позицию за другой. Колчак приказал спешно отправить на фронт часть омского гарнизона, готовить резервы из рабочих, крестьян, чиновников и других мужчин, способных носить оружие. Дополнительная мобилизация по приказу Верховного правителя проводилась во всех городах, селах и деревнях к востоку от фронта. С востока на фронт с нарушениями графика движения, чинимыми на железнодорожной магистрали партизанами, шли эшелоны с американским вооружением и армейским снаряжением.

Тем временем соединения армии Пепеляева, оставившие Тобольск, преследовала 51-я стрелковая дивизия под командованием будущего Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. Другие две дивизии (29-я и 30-я) той же 3-й армии действовали вдоль железной дороги Ялуторовск – Ишим, при этом командарм 29-й дивизии Матиясевич усилил эти дивизии бронепоездом «Грозный», где комиссаром был Иван Конев, впоследствии известный советский военачальник, в годы Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза. От Кургана и Звериноголовска в направлении на Петропавловск вела наступление 5-я армия под командованием Тухачевского.

Белые армии отступали под прикрытием арьергардных частей. Впереди отступавших войск или вместе с ними на восток по трактам двигались жители сел и деревень, большей частью богатые и зажиточные крестьяне. 30 октября соединения 5-й армии вступили в Петропавловск. 4 ноября 3-я армия с боем взяла Ишим. Открывался путь на Омск.

Последняя фотография А. В. Колчака.

Верховный правитель принял решение защищать Омск, прекратив начавшуюся уже эвакуацию гарнизона. Главнокомандующим обороной был назначен генерал К. В. Сахаров, впоследствии автор воспоминаний «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923 год). Колчак приказал задержать готовые к отправке на восток поезда с персоналом военного министерства. Оставшиеся в своих служебных помещениях военные и

гражданские чиновники не могли продолжать работу из-за отсутствия упакованных для отправки документов. По приказу возвратились в Омск отдельные части из Новониколаевска, отправленные туда совсем недавно. Однако уже через два дня стало очевидным, что наступление красных не сдержать. Фронт откатывался к Омску, Сибирская армия разваливалась на глазах. Колчак понял, что приближается конец. Сахаров внес только сумятицу в и без того нервозную обстановку. Он, конечно, был храбрым генералом, но все же, по словам Будберга, оправдывал свое училищное прозвище «Бетонная голова».

Как ни скрывала официальная омская пресса действительного положения на фронте, о подходе Красной армии к Омску свидетельствовали прибывающие в город беженцы с запада. Заметную часть их составляли священнослужители, одних архиереев собралось около 5 тысяч. Беженцы расположились за городом, многие со скотом. Они строили землянки, обогревались кострами. На соборной площади всенародно служили молебны, в которых принимали участие защитники православной веры, «крестоносцы».

В городе начиналась паника. На железнодорожном вокзале скопились «эмигранты» из центральной России, стремившиеся выехать на восток. Их опережали офицеры-дезертиры из местного гарнизона, спешившие в том же направлении под видом служебных командировок. В учреждениях военного ведомства и казармах был вывешен приказ Колчака: «Офицеры и солдаты! Объявляю вам, что Омск не будет сдан. Все командировки и отпуска отменяются. Всякий военный, едущий и идущий от Омска к востоку, объявляется дезертиром. Враги вступят в город, только переступив через мой труп».

Впрочем, этой участи адмирал только что счастливо избежал. В день его рождения хорошо одетая дама передала для него через адъютанта «подарок». Самого «новорожденного» в этот момент на месте не оказалось, а «подарок», пролежавший некоторое время в приемной, неожиданно взорвался. Адъютант был убит.

Верховный правитель бросил на приближающийся фронт все резервы, морской батальон, даже часть своего личного конвоя. К ним присоединилась небольшая часть добровольцев из дружин «святого креста и полумесяца».

К Верховному правителю заявился весь иностранный дипломатический корпус с предложением взять под международную охрану омский золотой запас и вывезти его во Владивосток. Адмирал пребывал в мрачном настроении и огорошил дипломатов резким ответом:

– Я вам не верю. Золото скорее оставлю большевикам, чем

передам союзникам.

Он уже дал распоряжение готовить к отправке все ценности, находящиеся в городском банке, так же как и специальные для них блиндированные вагоны.

Накануне отъезда Колчак подготовил шифрованное письмо министру иностранных дел в Париже Сазонову, «высоким комиссарам» союзных правительств и русским послам Крупенскому, Кудашеву и Бахметьеву с обоснованием отступления Сибирской армии и оставления Омска. Крайне тяжелые условия, отмечал он, снабжения войск Сибирского фронта и значительное численное превосходство большевиков вынудили сибирские войска к глубокому отходу и временному оставлению г. Омска – резиденции Российского правительства. Подобно тому как французское правительство в 1914 году под влиянием обстановки на фронте вынуждено было оставить на время Париж, российское правительство временно переносит свою резиденцию в Иркутск. Российское правительство приносит эту жертву во имя сохранения армии для дальнейшей борьбы с большевиками. Вопреки фактам в письме говорилось о высоком моральном духе сибирских войск, которые после некоторого отдыха приобретут могучий наступательный порыв. Далее шло обращение за помощью к правительствам дружественных держав.

На другой день пять литерных поездов (один с золотым запасом) в сопровождении усиленного конвоя и двух бронепоездов (спереди и сзади) были отправлены из Омска на Восток. Отдельный вагон с надежной охраной занимал Колчак, к которому в пути перешла Тимирева, выехавшая на день раньше. Вслед за колчаковскими поездами двинулись в путь Ставка, штабы, ведомства, все дипломатические иностранные миссии со своими воинскими конвоями.

В опустевшем от начальства и иностранцев Омске главнокомандующий Сахаров провел совещание с двумя новыми командармами, молодыми генералами Войцеховским (2-я армия) и Каппелем (3-я армия). Защищать Омск до последних сил главком приказал армии Войцеховского, на армии Каппеля и Пепеляева возлагалась задача прикрывать эвакуацию.

Приказ, отданный Войцеховскому, был явно нереален. Его малочисленная армия не могла обеспечить защиту города на всех вероятных направлениях наступления противника.

Глава 17. Отречение

Итак, фронт белых рухнул, приближался финал диктатуры Верховного правителя. Неудачи преследовали его ежечасно.

С рассветом 14 ноября 27-я дивизия 5-й армии преодолела сопротивление белых на левом берегу Иртыша и, форсировав реку по льду, на плечах отступающих колчаковцев ворвалась в центральную часть города. Северную часть его захватила 30-я дивизия 3-й армии. В 10 часов 50 минут командир 27-й дивизии И. Ф. Блажевич отбил короткую телеграмму командарму Тухачевскому: «Омск взят». В плен взяли десять тысяч человек, на железной дороге трофеями стали 40 паровозов и более тысячи товарных вагонов, многие из них с грузом. Еще подмораживало, но красные решили укрепить переправы, замостив их досками и соломой. Итак, за последние три недели были наголову разбиты белые армии, угрожавшие Петрограду; передовые отряды Деникина вытеснены из Орла, партизаны и красная кавалерия сеяли панику в тылах, и деникинские армии начали отступать по всему Южному фронту. Преследование Колчака в Сибири могло продолжаться без ущерба для более важных районов.

Вместе с тем задача полного разгрома колчаковских войск советским командованием решена не была. По данным советской разведки, во второй половине ноября противник имел в полосе Сибирской железнодорожной магистрали и севернее от нее более 28 тысяч штыков и сабель. Кроме того, еще до 11 тысяч войск находилось в резерве Верховного правителя. Эти силы еще могли существенно повлиять если не на исход, то хотя бы на ход вооруженной борьбы.

Понимая это, Колчак 12 ноября в Новониколаевске в своем вагоне провел совещание с армейским командованием. Обсуждались два плана: первый – сосредоточить отступающие войска в треугольнике Новониколаевск – Томск – Тайга, к середине декабря подготовить резервы, перейти в наступление и отбросить части Красной армии к югу от железнодорожной магистрали, второй – предоставить Сибирь самой себе, а адмиралу вместе с армией уходить из Новониколаевска на юг через Барнаул – Бийск в Алтай на соединение с войсками Дутова и Анненкова. Затем, базируясь на Китай и Монголию и накопив силы, весной 1920 года возобновить боевые действия против Красной армии и довести их до победного конца.

Колчак принял первый план: с золотым запасом продвигаться под прикрытием армии к востоку по главному сибирскому пути. Здесь же он организовал Верховное совещание с

главнокомандующим и министрами внутренних дел и финансов.

Верховный правитель покинул Омск за несколько часов до того, как в город вошли красные. Его министры, отправившись в путь четырьмя днями ранее, почти добрались до Иркутска, но сочли местную расстановку сил неблагоприятной. Чехословацкий национальный совет, по меньшей мере его русская секция, только что публично выразил недоверие правительству Колчака и осудил его методы. Пользующиеся влиянием в этом регионе социал-революционеры и меньшевики отвергли идею коалиции, возглавляемой адмиралом. Беглые министры сформировали временный кабинет, но поскольку он не имел ни властных полномочий, ни общественной поддержки, ни административных органов, Сибирь, по существу, осталась без правительства.

Колчак (в сопровождении Тимиревой), его штаб, свита и отборная охрана ехали в шести железнодорожных составах (один из них – бронепоезд). В седьмом эшелоне находился золотой запас. Огромное сокровище занимало двадцать девять товарных вагонов. Комендант поезда и чиновники Государственного банка ехали в пассажирском вагоне в середине состава. Этот вагон имел телефонную связь с двумя теплушками (одна в голове и другая в хвосте поезда) с вооруженной охраной.

Разные свидетели по-разному оценивают груз (кроме золота, там были платина и серебро) на этой стадии, но вряд ли его истинная стоимость так уж важна. Небольшая часть государственного золотого запаса, первоначально захваченная в Казани, давно была переправлена через Владивосток в Гонконг и была там продана для пополнения омской казны. Возможно, весьма близки к истине истории о том, что Семенов пропустил груз через подконтрольную ему территорию лишь после того, как захватил какую-то его часть. В мае 1919 года британское правительство одобрило проект о займе в 10 миллионов фунтов стерлингов, предоставляемом омскому правительству крупной банкирской фирмой лондонского Сити. Правда, неизвестно, что из этого вышло и участвовало ли в сделке упомянутое золото. Важно то, что, когда Колчак, преследуемый по пятам Красной армией, покинул Омск, в его конвое был поезд с сокровищем, по самым скромным оценкам, стоившим 50 миллионов фунтов стерлингов.

Генерал В. О. Каппель со своим штабом у вагона.

Верховный правитель (чьи собственные финансовые запасы на тот момент составляли 30 тысяч быстро обесценивающихся рублей) считал золотой запас своим талисманом. Еще в августе Нокс, Жанен и верховные комиссары, почувствовав приближение катастрофы, убеждали Колчака переправить золотой запас на восток, пока есть время, и предлагали охрану из солдат Антанты.

Колчак отказался. «Если я передам золото международной охране, а со мной случится какое-нибудь несчастье, – пророчески заявил он Ноксу, – вы скажете, что это золото принадлежит русскому народу и отдадите его любому новому правительству, которое вам понравится. Пока золото у меня, я могу бороться с большевизмом еще три года, даже если вы, союзники, меня покинете».

Тем временем в Иркутске проходило заседание недавно прибывшего туда Совета министров с приглашенными руководителями Иркутска: губернатором Яковлевым и командующим войсками генералом Артемьевым. Вологодский просил их проинформировать министров о политической обстановке в городе и об отношениях с чехами. Яковлев доложил, что «обстановка в Иркутске и в губернии сложная. В городе не хватает продуктов, дороговизна, население настроено против властей. Усилили антиправительственную агитацию эсеры и меньшевики. Большевики пока не выступают, видно, ждут скорого прибытия с запада Красной армии. На свою армию надежды нет. Красноярск и Иркутск – в кольце восстаний. На помощь Семенова рассчитывать не приходится, он сам едва справляется с повстанцами. Единственное спасение – отречение Верховного правителя, смена всего правительства и военного командования, созыв Земского собора».

Радикальность предложенного решения вызвала неоднозначную реакцию министров: председатель Совмина поблагодарил Яковлева и Артемьева за информацию и, чтобы не затягивать дискуссию, отпустил их. Дебаты членов правительства не привели ни к какому решению.

Между тем обстановка накалялась. Новым председателем кабинета министров стал Виктор Николаевич Пепеляев. В Якутске он провел первое заседание Совета министров. Доложенная им правительственная программа борьбы с большевиками состояла из многих пунктов. Она имела демократическую направленность и предусматривала управление страной только через министров (с отказом от военной власти), расширение прав Государственного земского совещания, сближение с народом и оппозицией, примирение с чехословаками, улучшение продовольственного снабжения населения и армии.

Видимо, предложенная Пепеляевым программа в основном была принята. В состав Совета министров вошли члены бывшего Государственного экономического совещания Третьяков, Червен-Водали и Бурышкин. Премьер предполагал заменить военного министра Ханжина Дитерихсом, с которым уже начал вести переговоры. В Иркутске Пепеляев негласно встретился с эсерами

и другими социалистами, а также с членами городской думы, представителями земств, кооперации и профессиональных союзов. В беседе с ними он раскрыл главное содержание своей программы: ликвидация военного режима (Колчаку предполагалось рекомендовать выехать к Деникину).

Закончив свои дела в Иркутске, Пепеляев выехал на встречу с Колчаком. Предварительно он встретился с братом – генералом, с которым договорился о выдворении Колчака из Сибири, созыве Земского собора и смене военного командования. Встреча братьев Пепеляевых с Колчаком произошла в адмиральском поезде на станции Тайга 8 декабря. Пепеляев-старший (председатель Совмина) сразу приступил к делу: предложил взамен принятого правительственного решения о расширении законодательных прав Государственного земского совещания созвать Земский собор. Колчак отверг это предложение. Премьер настаивал, ему на помощь пришел брат. Оба наседали на адмирала, ссылаясь на тяжелую обстановку в Сибири и пугая его непредсказуемыми последствиями, вплоть до ареста Верховного правителя. Они требовали замены главкома Сахарова, снятия военного министра Ханжина и морского министра Смирнова. Но вырвать согласие у Колчака им не удавалось.

В это время адъютант доложил адмиралу о Сахарове, который просил об аудиенции. Главком прибыл на станцию со своим штабом. Колчак, видимо, довольный возможностью прервать неприятный разговор, велел впустить генерала. Сахаров просил принять его одного. Пепеляевы вынуждены были выйти.

В своем докладе об обстановке на фронте главком сообщил, что армия, преследуемая частями 5-й армии противника, подходит к Новониколаевску, при этом правый фланг красных действует в направлении Барнаула. Верховный поведал Сахарову о вымогательствах братцев Пепеляевых и их угрозе арестовать его и главкома. Сахаров предложил сильно потрепанную 1-ю Сибирскую армию переформировать в корпус и передать его во 2-ю армию Войцеховского.

– Это, пожалуй, слишком, – возразил Александр Васильевич. – Следует поискать другое решение, как поубавить спеси у этого молодца. Кстати, оба требуют возвращения Дитерихса. Пепеляевы явно что-то замышляют, коль с таким напором и бесцеремонностью домогаются моего согласия.

Через несколько часов пришла телеграмма от Войцеховского о мятеже в Новониколаевске. Его подняли части 1-й Сибирской армии. Полковник Ивакин и губернский Земский собор обратились к населению с воззванием об окончании гражданской войны и переходе власти к земству. Ивакин пытался арестовать

Войцеховского, но генерал, взятый под защиту 5-й польской дивизией, сам арестовал мятежного полковника и предал его военно-полевому суду.

Ночью поезда Колчака были переведены на следующую ближайшую станцию, а днем 9 декабря на станции Тайга братьями Пепеляевыми был арестован генерал Сахаров. Формальным поводом для этого стало обвинение его в предательской сдаче врагу Омска. Армия Колчака оказалась без управления. В то же время Пепеляевы предъявили Верховному правителю ультиматум: нужно объявить акт о созыве Сибирского земского собора; срок – до 24 часов 9 декабря. «…Мы говорим вам теперь, что во имя Родины мы решились на все. Нас рассудит Бог и народ».

Верховный правитель поручил Совмину расследовать действия генерала Сахарова. Вскоре арестованный генерал был освобожден. Адмирал, сомневаясь в опытности нового молодого главкома и, видимо, вспомнив совет премьера Пепеляева, направил предложение Дитерихсу возглавить в такое тяжелое время управление войсками фронта. Полученный отрицательный ответ оказался неожиданным и глубоко оскорбившим Колчака. В тот же день ему стало известно, что Красная армия вышла в Минусинск и Новониколаевск. В Красноярске власть захватила местная буржуазия, создав «демократическое правительство».

Оценив сложившуюся обстановку, адмирал принял решение о назначении главнокомандующим армиями Восточного фронта генерала В. О. Каппеля. После непродолжительной беседы с Владимиром Оскаровичем он принял предложенный им план отвода армий за Енисей. После этого положение соединений белогвардейских войск в полосе Сибирской железнодорожной магистрали начало постепенно улучшаться. Помогло и то, что войска, наконец, получили в необходимом количестве зимнее обмундирование.

Однако под Красноярском Каппеля ждала измена. К вооруженному выступлению рабочих примкнул личный состав бригады генерала Б. М. Зиневича. В столь тяжелой ситуации, когда остатки армии оказались фактически в окружении, Каппелль принял неординарное решение. Он официально разрешил всем колеблющимся сдаться, с тем чтобы прорваться на восток только с надежными бойцами.

900-верстовый выход из окружения был крайне тяжелый, на пределе человеческих сил. Сам Владимир Оскарович при переходе через реку провалился в полынью, но продолжил путь, даже не поменяв обуви. В результате произошло обморожение всех пальцев ног, которые пришлось ампутировать. Но уже на

следующий день после операции, проведенной без наркоза, генерал отдал свои сани раненым, а сам пересел на коня.

Под Нижнеудинском путь группе Каппеля вновь преградили партизаны и части Восточно-Сибирской Красной армии. Но каппелевцы опрокинули противника. Дальше они двигались вдоль железной дороги, по которой нескончаемым потоком шли эшелоны Чехословацкого корпуса, а также румын и итальянцев, возвращавшихся на родину. Их командиры неоднократно предлагали Каппелю лечь в их лазарет, но Владимир Оскарович решил до конца оставаться со своими солдатами. От переохлаждения он заболел тифом и воспалением легких. Когда остатки армии пришли в Забайкалье, командующего с ними уже не было. 23 января в Нижнеудинске умирающий Каппель передал командование войсками своему заместителю и ближайшему помощнику С. Н. Войцеховскому. Владимир Оскарович умирал на руках своего соратника и друга еще по волжским боям Василия Осиповича Вырыпаева. Вот что вспоминал тот впоследствии:

«В последующие два-три дня больной генерал сильно ослабел. Всю ночь 25-го января он не приходил в сознание.

На следующую ночь наша остановка была в доме железнодорожного смотрителя. Генерал Каппель, не приходя в сознание, бредил армиями, беспокоясь за фланги, и, тяжело дыша, сказал после небольшой паузы: «Как я попался! Конец!»

Не дождавшись рассвета, я вышел из дома смотрителя к ближайшему стоявшему эшелону, в котором шла на восток вместе с чешскими войсками румынская батарея имени Марашети. Я нашел батарейного врача К. Данец, который охотно согласился осмотреть больного и захватил нужные принадлежности. Быстро осмотрев больного генерала, он сказал: «Мы имеем один патрон в пулемете против наступающего батальона пехоты. Что мы можем сделать?» И тут же тихо добавил: «Он умрет через несколько часов».

У генерала Каппеля было, по определению доктора К. Данец, двухстороннее крупозное воспаление легких. Одного легкого уже не было, а от другого оставалась небольшая часть. Больной был перенесен в батарейный лазарет-теплушку, где он через шесть часов не приходя в сознание умер.

Было 11 часов 50 минут 26-го января 1920 года, когда эшелон румынской батареи подходил к разъезду Утай, в 17 верстах от станции Тулуна в районе города Иркутска».

Гроб с телом Каппеля войска везли с собой, и его бессменно сопровождал Вырыпаев. Смерть главнокомандующего до поры не афишировалась, и лишь в Чите гроб открыли для прощания. Каппеля похоронили в кафедральном соборе города в самой

торжественной обстановке. В ноябре 1920 года при оставлении Читы войска вновь забрали с собою дорогие для них останки любимого генерала и перезахоронили их в Харбине. Но и здесь Владимиру Оскаровичу не дано было упокоиться окончательно: в 1955 году его могила была разрушена по приказу коммунистических властей Китайской Народной Республики.

После нескольких дней стоянки поезда Верховного правителя в Нижнеудинске, наконец, двинулись дальше. В дороге Александра Васильевича догнал председатель Совета министров Пепеляев, который еще раньше в шифровке пытался убедить адмирала, что ни теперь, ни когда-либо ничего не предпримет «против носителя верховной власти». Вместе они прибыли в Нижнеудинск, занятый народно-освободительной армией. На станции литерные составы окружили чешские роты с пулеметами. В поезде Колчака находилось около 500 солдат и примерно 60 офицеров конвоя, штаба и военных чиновников. Эти небольшие силы приготовились к бою, но адмирал запретил им предпринимать какие-либо действия, чтобы не спровоцировать ненужный конфликт.

Знак «За Великий сибирский поход»

Видя сложность ситуации, союзники предложили Колчаку вывезти его из Нижнеудинска в одном из вагонов без конвоя и

сопровождающих лиц. Он возмутился и через генерала своей свиты Занкевича направил комиссару Японии Като следующую телеграмму: «Адмирал настаивает на вывозе всего поезда, а не одного только его вагона, т. к. он не может бросить на растерзание толпы своих подчиненных. В случае невозможности выполнить просьбу адмирал отказывается от вывоза его вагона и разделит участь со своими подчиненными, как бы ужасна она ни была».

При обсуждении создавшегося положения в узком адмиральском кругу рассматривался вариант спасения через Монголию. Верховный согласился предпринять такой подход, но только при добровольном согласии солдат. Каково же было его огорчение, когда после предложенного солдатам выбора – оставаться или не оставаться с адмиралом – они избрали полную свободу и ушли в город. Осталось только несколько самых преданных ему солдат и почти все офицеры. Неожиданная измена конвоя так потрясла Колчака, что он поседел за одну ночь.

Оставалось последнее – выбираться в Монголию только с офицерами. Но один из старших морских офицеров, охранявших поезд Верховного, признал более предпочтительным японское предложение. Рухнула последняя надежная опора адмирала – офицеры флота. Оставалось принять предложение японцев, хотя и не было к ним полного доверия. Генерал Занкевич, вполне разделявший опасения Колчака, посоветовал ему вместе с верным адъютантом старшим лейтенантом Трубчаниновым переодеться в солдатские шинели и тайком скрыться ночью в одном из проходящих чешских составов. Адмирал после долгого раздумья заявил, что не хочет быть обязанным своим спасением этим вероломным чехам. Он распорядился послать телеграмму Като с согласием ехать дальше в одном вагоне.

Тем временем в Иркутске все правительственные дела стал решать совет трех: Червен-Водали (за председателя Совмина), генерал Ханжин (военный министр) и инженер Ларионов (временно исполняющий обязанности министра путей сообщения). Остальные министры фактически были не у дел.

Червен-Водали на последнем заседании Совета министров доложил, что 2 января провел беседу с комиссарами иностранных держав, аккредитованными при колчаковском правительстве. Союзники не выразили намерения оказывать противодействие восставшим. Выезд за границу Колчака, Пепеляева и Устругова возможен, по их мнению, только как частных лиц. В связи с этим Колчаку необходимо было прежде всего отречься от власти. 3 января Совмин обратился к Колчаку с просьбой отказаться от звания Верховного правителя в пользу Деникина. Само

колчаковское правительство в Иркутске официальной власти Политцентру не передало, министры же за малым исключением удрали из города.

Политцентр также предъявил требования Колчаку, состоявшие из 11 пунктов. В их числе были требования об отречении от власти и передачи ее Политцентру, сложение полномочий Совета министров, отстранение от всех должностей атамана Семенова, а также явка Колчака и ряда его ближайших помощников на суд после проведения предварительного следствия по результатам их деятельности. Александр Васильевич оставил это письмо без ответа.

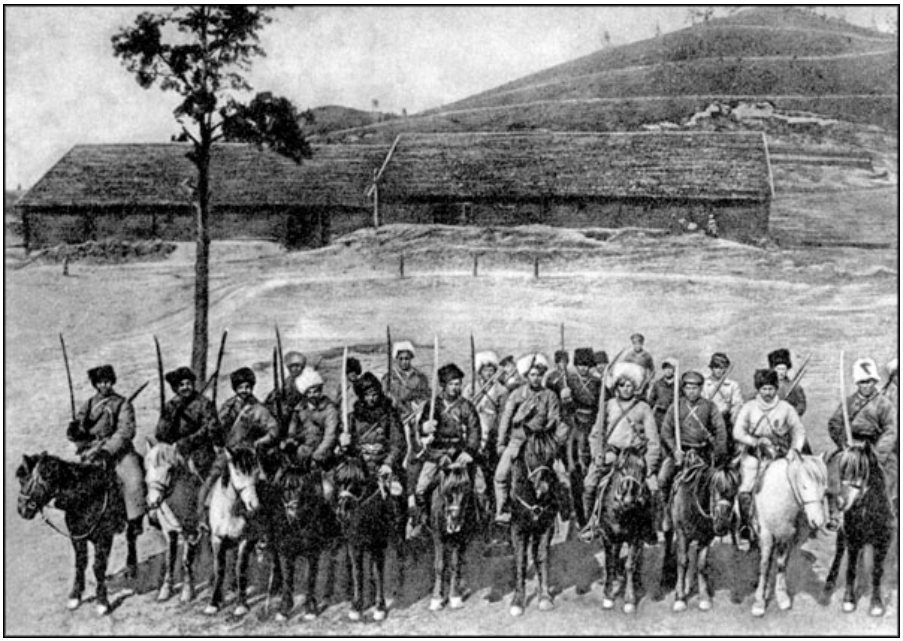
Пока шли переговоры с союзниками, эшелоны Колчака стояли на станции Нижнеудинск под охраной чехов. Сам Верховный правитель находился в изоляции, без права выхода в город и без связи со своим армейским штабом на западе и правительством на востоке.

На следующий день повстанцы Знаменского предместья, поддержанные рабоче-крестьянскими дружинами и солдатами 53-го полка, вступили в центр Иркутска. Горожане встречали их с лозунгами «Вся власть Советам!». На следующий день власть в городе перешла к Политцентру. На стенах домов был развешан манифест, в котором объявлялось о падении власти Колчака и принятии ее Политцентром.

5 января 1920 года, предвидя свой неминуемый крах, Александр Васильевич подписал документ об отречении от власти Верховного правителя. «Ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину… – отмечал он, – в целях сохранения на нашей Российской восточной окраине оплота государственности на началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины…

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семенову образовать государственное управление в пределах распространения его полной власти».



Дальневосточные партизаны.

Все последующие дни Колчак со своим окружением продолжал пребывать в Нижнеудинске. Там же находился золотой запас. Союзники, утратившие интерес к теряющему власть Верховному правителю и готовые вступить в политический союз с лидерами воспрявших в Сибири соглашательских партий, вверили судьбу Колчака генералу Жанену. Тот договорился с чехословацким командованием поручить охрану адмирала чешским воинским частям. Александру Васильевичу со свитой предложили перебраться в пассажирский вагон 2-го класса. Вагон был расцвечен флагами пяти союзных держав (американским, английским, французским, чехословацким и японским) для создания видимости, что в нем следуют дипломатические представители этих держав.

15 января 1920 года на станции Иннокентьевской адмирал был арестован чехами. Буквально через два часа в вагон вошел чешский офицер и, обращаясь к Колчаку, объявил:

– Господин адмирал, приготовьтесь. Сейчас вы будете переданы русским властям.

– Почему? – удивился Колчак.

– Местные русские власти ставят выдачу вас условием для пропуска чехословацких эшелонов за Иркутск, – объяснил офицер. – Я только что получил приказ от нашего главнокомандующего генерала Сыровы.

– Но как же так, – недоумевал адмирал, – мне лично генерал

Жанен гарантировал безопасность проезда… А эти флаги, что висят на вагоне?..

Чех неопределенно приподнял плечи.

Только сейчас Колчак осознал весь ужас своего положения и схватился за голову:

– Значит, союзники меня предали!

Под усиленным конвоем во главе с капитаном Г. Нестеровым адмирал и его бывший премьер-министр были доставлены на вокзал в комендатуру.

– Есть ли у вас оружие? – обратился к арестованным Нестеров.

Колчак вынул из кармана шинели револьвер и молча положил его на стол коменданта вокзала. Тут же состоялось оформление передачи Колчака и Пепеляева от чехов представителям Политического центра. Об этом на другой день было опубликовано сообщение:

«От Политического центра

Вчера, 15-го января 1920 г. в 9 час. 55 мин. вечера, уполномоченные Политического центра: член Центра М. С. Фельдман, помощник командующего Народно-Революционной Армии капитан Нестеров и Уполномоченный Политического центра при штабе Народно-Революционной Армии В. Н. Мерхалев приняли от чешского командования бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева».

Охрана А. В. Колчака была поручена частям Народно-Революционной армии. Позже в тюрьму были препровождены Тимирева, Гришина-Алмазова, ряд офицеров его свиты – всего более ста человек. Прибывший в Иркутск железнодорожный состав по указанию иркутского губкома РКП (б) был отведен в тупик и опутан колючей проволокой. Железнодорожники разобрали стрелку на пути к тупику, изъяли подшипники из вагонных колес.

Глава 18. Финал

Камера номер пять губернской тюрьмы, которую отвели, была маленькая: восемь шагов в длину от зарешеченного тусклого оконца и четыре шага в ширину от стенки до стенки. Пахло в камере пылью, мышами и пауками, из нор в углах тянуло сыростью и плесенью, судя по размеру дыр, там обитали крысы. Колчак, глянув на эти норы, почувствовал, как к горлу подступила тошнота.

К одной стене была привинчена жесткая железная кровать, у которой вместо сетки была вставлена плоская ленточная решетка, скрепленная болтами, больно впивающимися в тело, у другой стены находился грязный железный столик и врезанный ножками в пол камеры неподвижный табурет. Над столом, криво съехав в одну сторону – но не настолько, чтобы с нее шлепалась посуда, – висела «кухонная» полка. В углу стояла параша – обычное мятое ведро с гнутой ржавой ручкой, а также таз и кувшин для умывания.

В тяжелой железной двери было прорезано окошко с задвижкой – для передачи пищи. Судя по блеску задвижки, камера эта не простаивала, в ней постоянно находились люди.

«И где же они теперь? – устало и равнодушно подумал Колчак, садясь на жесткую железную койку. – В каких нетях обитают, где их души?» Напряжение, в котором он находился весь последний месяц, спало окончательно, осталось лишь спокойствие и полное равнодушие к своей судьбе. Он уже не удивлялся тому, что сделали с ним союзники. Они спасали свои шкуры и награбленное, ставя удачно добытое добро выше собственной чести и головы адмирала Колчака. Собственно, иными они быть и не могли.

Допрашивала Колчака Чрезвычайная следственная комиссия, возглавляемая главным иркутским чекистом С. Г. Чудновским. Его заместителем был К. А. Попов.

Первый допрос не был продолжительным, но он показался Александру Васильевичу безмерно длинным, как тот короткий день – он тоже показался очень долгим.

Любопытно и загадочно то, что через три дня после ареста Колчака по красноармейским штабам и ревкомам было разослано специальное телеграфное послание. Называлось это послание так: «Телеграмма Сибирского ревкома и Реввоенсовета 5-й армии всем ревкомам в Восточной Сибири об аресте Колчака». Под посланием стояла дата – 18 января 1920 года.

Телеграмма гласила: «Именем Революционной Советской

России Сибирский революционный комитет и Реввоенсовет 5-й армии объявляют изменника и предателя рабоче-крестьянской России врагом народа и вне закона, приказывают вам остановить его поезд, арестовать весь штаб, взять Колчака живого или мертвого. Перед исполнением этого приказа не останавливайтесь ни перед чем, если не можете захватить силой, разрушьте железнодорожный путь, широко распубликуйте приказ. Каждый гражданин Советской России обязан все силы употребить для задержания Колчака и в случае его бегства обязан его убить. Председатель Сибревкома Смирнов, Реввоенсовет 5 Грюнштейн,/ ВРИД/командарма 5 Устичев».

Стиль и язык документа, как принято говорить в таких случаях, сохранены.

Дознание не было судебным процессом. Не вызывали никаких свидетелей, не выдвигали никаких обвинений. Правда, между седьмым и восьмым из девяти заседаний комиссии ревком своим декретом возложил на нее выполнение «функций суда справедливости» с правом вынесения смертного приговора, однако это было сделано на случай непредвиденных обстоятельств и никак не повлияло на методы комиссии. Ее цели так сформулировал Попов, написавший предисловие к расшифровке стенограмм допросов, опубликованной в Москве гораздо позже: «Комиссия вела допрос по заранее определенному плану. Она решила дать путем этого допроса историю не только самой колчаковщины в показаниях ее верховного главы, но и автобиографию самого Колчака, чтобы полнее обрисовать этого «руководителя» контрреволюционного наступления на молодую Советскую республику».

Стенографический отчет о неторопливом дознании – документ примечательный. На нем лежит отпечаток личности заключенного. Попов против воли восхищался поведением адмирала: «Держался, как военнопленный командир проигравшей кампанию армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством». «…Следует признать, что показания Колчака, в общем целом, в достаточной мере откровенны». Попов противопоставлял поведение бывшего Верховного правителя поведению его министров, также находившихся под его опекой: их он, за редким исключением, считал трусами, желавшими «представить себя невольными участниками кеми-то другими затеянной грязной истории, даже изобразить себя чуть ли не борцами против этих других».

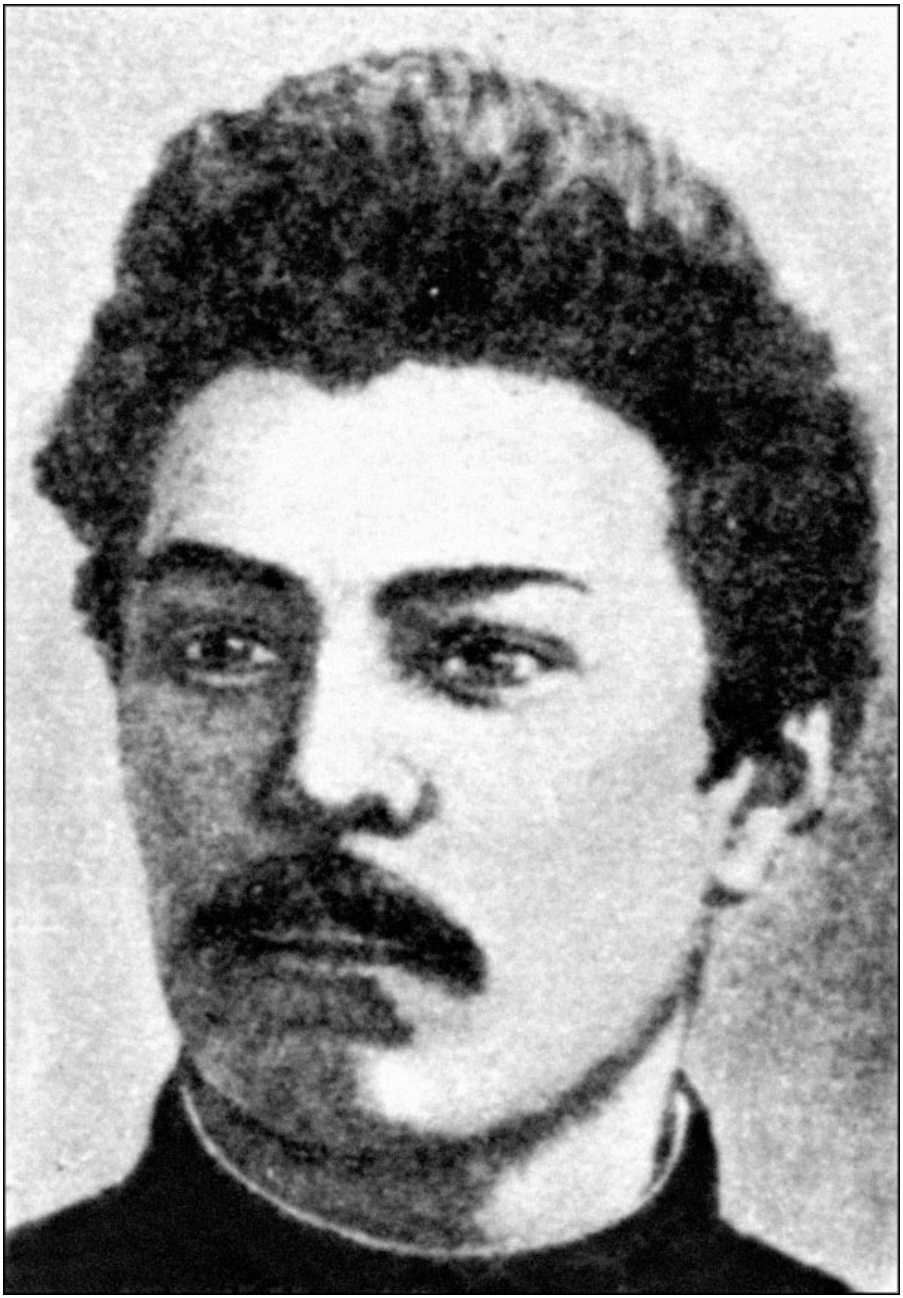
Председатель национального центра В. Н. Пепеляев, расстрелянный вместе с Колчаком.

Допросы по времени постепенно увеличивались, стали совсем затяжными, в камеру номер пять Александр Васильевич возвращался разбитым, усталым. Думал, что здесь сможет отдохнуть от издергавшей тело и душу говорильни, но когда он

оставался один, усталость делалась удушающей, он изматывался еще больше, падал на койку и слушал самого себя: звук собственного сердца его оглушал, рождал боль и неверие – неужели все кончилось?

Иногда его выводили на прогулку в тесный тюремный двор, где он в одиночестве ходил по кругу, по топанине, оставленной заключенными с предыдущей прогулки, и думал о жизни. Мысли эти были невеселыми.

Он знал, что Анна Васильевна добровольно отказалась от воли, последовала за ним в тюрьму, но не знал, здесь ли она. Иркутск – город большой, зарешеченные окна имеются не только в губернской тюрьме, вполне возможно, что она находится где-то в другом месте. Несколько раз он просил разрешить ему свидание с Анной Васильевной. В ответ допрашивающие лишь улыбались, физиономии их принимали двусмысленное выражение, и в свидании ему отказывали.



Следователь Иркутской чрезвычайной следственной комиссии К. А. Попов.

Вскоре Колчаку удалось узнать, что Тимирева в одной с ним тюрьме, и передать Анне Васильевне несколько записок помогли солдаты охраны, относившиеся к нему совсем иначе, чем Бурсак или Чудновский. Анна Васильевна также прислала ему в ответ несколько записок. Она сообщила Александру Васильевичу о том,

что к Иркутску подходят каппелевцы, что они уже предъявили красным ультиматум: немедленно освободить Колчака! В противном случае каппелевцы будут штурмовать Иркутск. Он узнал также, что самого Каппеля уже нет в живых – лежит в наспех вырытой мерзлой могиле на станции Утай. Войсками же Каппеля командует генерал-лейтенант С. Н. Войцеховский – человек, как и Каппель, преданный Колчаку.

Адмирал хорошо представлял, что испытала армия Каппеля в своем страшном походе, сколько людей оставила лежать в снегу, будучи не в состоянии похоронить их по-человечески, как и положено у православных, прося у них прощения, хрипя и выбулькивая из простуженных глоток невнятные покаянные слова и устремляясь дальше на восток. Чехи, сытые, хорошо вооруженные, не подпускали каппелевцев к железнодорожным путям, чтобы зацепиться хотя бы за пару шпал, надо было положить половину армии, поэтому каппелевцы углублялись в снега, вгрызались в них и шли, шли, шли к Иркутску. Наверное, это и не армия уже была.

Колчак находился недалеко от истины: под началом Войцеховского находилось не более семи тысяч человек, около половины из них были больны, но и больные, они готовы были следовать за своим командующим. Обмороженные легкие, тиф, лица, с которых страшными черными скрутками слезала кожа, ампутированные ноги, нечеловеческая усталость – вот что представляла собой к той поре армия Каппеля. В районе же Иркутска только одних партизан собралось шестнадцать тысяч плюс регулярное красное войско – 5-я армия.

Ультиматум Войцеховского, как и предполагал Колчак, иркутские большевики всерьез не приняли. Остатки каппелевской армии им вряд ли что могли сделать, да и Чехословацкий корпус уже здорово «покраснел», белочехи перестали быть белыми, они скорее стали красночехами. Но на всякий случай из Иркутска они отправили телеграмму в Москву. Сохранился ответ из столицы, подлинник записки Ленина Э. М. Окляйскому – заместителю председателя Реввоенсовета Республики. Вот ее текст: «Шифром, Склянскому: Пошлите Смирнову/РВС 5/шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин».

Весь текст, в том числе и подпись, зашифрованы. Дальше следовала приписка от руки – рука ленинская, почерк его, –

состоявшая из четырех пунктов, первый из них касался Колчака: «Беретесь ли сделать архи-надежно?» Из этой шифровки следует, что в Иркутске знали, как надо поступить с пленным адмиралом – это первое, второе – местные большевики хотели расстрелять его как можно скорее, и это их желание совпадало с желанием центра, и третье – Ленин стремился избежать огласки самого факта, что Колчак будет расстрелян, и расстрелян без суда.

Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов телеграфировал Ленину и Троцкому: «Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме». Он отдал приказ исполкому Иркутского Совета: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Документом за № 27, стремясь не допустить восстания тайной организации, ставившей целью освобождение Колчака, и основываясь на том, что Колчак и его правительство находятся вне закона, Иркутский ВРК постановил расстрелять адмирала.

Больше всех старался Чудновский. По его словам выходило, что именно он вынес в ночь с 4 на 5 февраля на заседании Иркутского ревкома предложение о расстреле Колчака и Пепеляева и ревком утвердил это предложение. Не менее Чудновского старался и Бурсак – комендант Иркутского гарнизона. Он носился по Иркутску на грузовом автомобиле, в кузове которого ежились пробиваемые железным ветром красноармейцы. Бурсак брал с собой красноармейцев специально, важно было, чтобы иркутяне видели: в городе есть хозяин, который все видит, все знает, за все болеет и виновным в промашках и нарушении революционной дисциплины спуску не даст.

А. В. Тимирева (Книпер) во время тюремного заключения.

Утром 6 февраля Колчак в последний раз предстал перед Чрезвычайной следственной комиссией. Он отдавал себе отчет в происходящем. Он знал об ультиматуме Войцеховского, заметил усиление тюремной охраны, периодически слышал отдаленный грохот орудий за Ангарой. Попов отметил, что как раз в те последние дни во время обыска тюрьмы перехватили записку,

адресованную Тимиревой, в которой Колчак предвидел, что ультиматумом Войцеховского «лишь ускорится неизбежная развязка». Сам факт записки показывает, что узников теперь охраняли более тщательно.

Согласно свидетельству К. А. Попова, Колчак в последний день «был настроен нервно, обычные спокойствие и выдержка <…> его покинули», но и сами следователи «нервничали и спешили». Они уже не интересовались подробной «автобиографией», а добивались дискредитирующих показаний об омском режиме, и, поскольку у них оставался всего один день, им, по признанию Попова, удалось это сделать «в очень скомканном виде».

На первых восьми заседаниях следователи задавали Колчаку в среднем по двадцать четыре вопроса; на девятом – почти в шесть раз больше. От их вежливости не осталось и следа. Они больше не начинали обращение к нему словами: «Скажите нам, адмирал» или «Я хотел бы поставить следующий вопрос». Они сами были перепуганы и вынуждены увеличить темп допроса, а потому стали жестче и требовательнее. Однако, даже находясь под сильным давлением, адмирал придерживался единственно возможной в его положении линии поведения. Попов отмечал: «… Колчак, очень нервничая, все-таки проявил большую осторожность в показаниях: он остерегался и малейшей возможности дать материал для обвинения отдельных лиц, которые попали или могли еще попасть в руки восстановленной советской власти».

Ранним утром 7 февраля 1920 года в тюрьму прибыл грузовик с расстрельной командой. Солдат сопровождали комендант Иркутска и председатель Чрезвычайной следственной комиссии.

Первым из камеры Бурсак вывел Пепеляева. Тот все понял, но не хотел поверить в то, что его ведут на расстрел, и все пытался дотронуться до руки Бурсака, скулил, заглядывал ему в глаза:

– Куда это мы, а? Товарищ, куда это мы?

– Гусь тебе со свиньей товарищ! – не выдержав, оскорбился Бурсак.

Вступление частей Красной Армии в Иркутск

Пепеляев не услышал его, он продолжал жалобно вопрошать:

– Куда это мы, а, товарищ?

Камера Пепеляева находилась на втором этаже, на лестнице у Виктора Николаевича начали подгибаться ноги, его подхватили с двух сторон красноармейцы. Он висел у них на руках и продолжал жалобно вопрошать:

– Куда это мы, товарищи?

Следом вывели Колчака. Ольга Гришина-Алмазова видела, как его выводили. Ее камера находилась на первом этаже, недалеко от камеры Колчака. Она проснулась, когда в коридоре появились красноармейцы, от грохота их сапог невозможно было не проснуться. Волчок – круглый, с оторванной крышкой глазок – был заклеен бумагой. Гришина-Алмазова, недолго думая, выдернула из волос шляпную булавку и, стараясь не продырявить бумажку, чтобы подозрение не падало на нее, отлепила край жидкого бумажного лоскутка от волчка.

Она сделала это вовремя. По коридору среди солдат шел адмирал – спокойный, бледный, одетый в шинель, – так, тесно сбитые в кольцо, они прошли рядом с ее камерой. Один из красноармейцев даже вжался в дверь камеры, и дырявый волчок закрыл клок шинельного сукна.

Анна Васильевна в это время спала в своей камере. Шум ее не разбудил. Колчака провели в нескольких метрах от нее, и она этого не почувствовала.

Колчак прислушался к себе, но внутри ничего не было, только холод и спокойствие, будто страшная луна эта все из него

высосала – всю кровь, всю боль, всю усталость. Краем уха он слыхал крики Пепеляева, обращенные к нему: «Александр Васильевич! Александр Васильевич!» – но среагировал на них, лишь когда Пепеляев смолк от отчаяния – будто захлебнулся воздухом, голос угас, вместо него начало раздаваться какое-то странное бульканье. Колчак повернул голову, посмотрел на Пепеляева спокойно и сочувственно.

Думал ли он, что город, в котором когда-то венчался с Софьей Федоровной, станет последним в его жизни, что здесь все беспокойства и закончатся?

Говорят, перед кончиной человек видит всю свою жизнь, проходит ее вновь от начала до конца, нигде, ни на одном событии, впрочем, не задерживаясь, поскольку ни одно событие из прожитой жизни уже не является главным, все они – второстепенные. Колчак подумал о том, что он тоже должен был бы сейчас увидеть вновь всю свою жизнь, пройтись по ней, как по страницам книги, вспомнить людей, которых уже нет, и попрощаться с теми, кто есть, но ничего такого не было – абсолютно ничего. Колчак усмехнулся.

Дорога шла под самыми стенами Знаменского монастыря. Он навис над скорбным санным поездом, как древний город, вознесся вверх, в небесную бездонь, и, когда Бурсак скомандовал «Стой!», застыл там.

Красноармейцы кольцом окружили сани с пленниками – одна группа окружила Колчака, другая Пепеляева, бойцов было много – полновесный взвод. Александр Васильевич легко выпрыгнул из саней, вновь поднял бледное лицо к небу, к яростной луне, сунул руки в карманы, замер, будто его вывели в тюремный двор на прогулку. Пепеляева же из саней пришлось вытаскивать, он расклеился вконец, губы у него приплясывали с шумом, лицо тряслось, ноги подгибались, разъезжались в разные стороны.

К Колчаку, четко впечатывая сапоги в снег, приблизился Бурсак. Адмирал только сейчас заметил, что тот обут в роскошные меховые сапоги. «У нас таких, когда мы ходили в полярные экспедиции, не было, – невольно отметил он. – Не удосужились. А вот новая власть удосужилась – и обула, и одела себя…»

– Ваша звезда упала, между прочим, – сказал Бурсак.

– Вижу.

– Пора на тот свет, адмирал. – Бурсак не выдержал, захохотал.

Колчак спокойно переждал его смех, произнес твердым, недрогнувшим голосом:

– И это вижу.

– Глаза завязывать будем?

– Нет.

Бурсак потерся щекою о воротник шубы, было в этом движении что-то ущербное, холопское, Колчак это заметил и отвернулся от него.

Небо опять прочертил длинный огненный хвост, по дороге неожиданно споткнулся и сделал прыжок в сторону, заискрился дорого, по-новогоднему ярко, быстро отгорел и обратился в тонкую жидкую струйку, серую и невыразительную.

– А это – звезда Пепеляева, – не замедлил высказаться Бурсак.

В следующую минуту он заторопился, подал команду:

– Взво-од, приготовиться!

«Гори, гори, моя звезда, звезда любви приветная», – возникло в мозгу тихое, печальное, прекрасное, и Колчак едва сдержался, чтобы не запеть романс вслух, пошарил в кармане шинели, достал портсигар. Там оставалось еще несколько папирос – старых, душистых, омских. Колчак щелкнул крышкой, достал папиросу.

– Можно? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Последнее желание мы уважаем, – громко произнес Бурсак. – Курите.

Колчак зажег спичку, прикрыл ее ладонью, подождал, когда разгорится жиденькое зеленое пламя – фосфорная спичка дурно завоняла, испортила своим запахом морозный воздух, – потом прикурил папиросу. Горький душистый дым показался ему сладким. Будто курил он не табак, а яблочный либо медовый кальян – дорогое увлечение мужчин Востока.

«Гори, гори, моя звезда, звезда любви приветная», – вновь возникло в мозгу тихое, настойчивое. Губы адмирала зашевелились вместе с зажатой в них папиросой, жесткое лицо обмякло, проступило на нем что-то незащищенное, детское, вызвавшее у глазастого Бурсака недоумение: разве ведут себя так люди перед расстрелом? Они должны ползать на коленях, кататься по земле, носом ширяться в снег, мокрить его слезами, как это делает Пепеляев. А Колчак? Колчак суетливого коменданта Иркутского гарнизона не замечал.

Тот подскочил к Чудновскому:

– Самуил, пора!

– Погоди, – осадил Чудновский своего ретивого напарника. Чудновский все-таки был старшим в этой группе, он возглавлял губернскую ЧК, самую могущественную после ревкома организацию, а Бурсак только и мог, что разъезжать по городу на грузовике да отчитывать выстроенных в ряд партизан. Хотя Чудновский Бурсака побаивался. – Пусть папиросу выкурит.

– Холодно, Самуил! – Бурсак притопнул ногами по тугому, будто дерево, снегу.

– Я же тебе сказал – погоди!

Наконец Александр Васильевич потушил папиросу. Он снял с себя шинель, аккуратно свернул ее, нежно огладил пальцами меховую подкладку, пришитую Анной Васильевной, положил шинель на снег. Выпрямился. Спокойно глянул в лицо людям, которые должны были сейчас расстрелять его, и произнес фразу, которая для большинства собравшихся прозвучала загадочно:

– А Славику моему передайте: я его благословляю!

Строй красногвардейцев колыхнулся, Колчак понял, что эта загадочная фраза может так и остаться здесь, на толстом льду речушки, названия которой он не знает, и поправился:

– Жене моей передайте в Париж, что я благословляю своего сына.

Краем глаза отметил, что рядом с ним поставили Пепеляева, и в ту же секунду услышал сбоку резкий, очень неприятный крик Бурсака:

– Взво-од!

Примкнутые к стволам винтовок штыки шевельнулись, уткнулись острыми своими концами в Колчака и Пепеляева.

Вот и все. Вот и окончен бал, вот и погашены свечи.

– По врагам революции – пли! – Бурсак перенапрягся, сорвал голос, команда «пли» прозвучала на петушиной ноте.

Ежиная щетка штыков окрасилась оранжевым светом, в лицо Колчаку полыхнул жаркий огонь, он услышал, как рядом застонал Пепеляев, и прежде чем умереть, успел подумать о том, как же, по какому принципу разделилась эта расстрельная шеренга – кто целит в него, а кто в Пепеляева? По принципу симпатии – кто кому нравится, тот в того и стреляет? Или, наоборот, – по принципу антипатии? Впрочем, это одно и то же.

Резкий удар откинул его назад, сбивая с ног, но Колчак на ногах удержался, запрокинул голову, увидел далеко-далеко вверху, в жуткой выси, небольшую яркую звезду, неотрывно глядевшую на него. «Вот она, моя звезда… Чего же этот дурак в меховых сапогах говорил, что моя звезда закатилась? Вот она, моя звезда…»

Ноги больше не держали его. Через несколько секунд Колчака не стало.

– По расстрелянным надо сделать еще пару залпов, – сказал Бурсак Чудновскому. – Ради страховки. По залпу на каждого. Заряжай! – скомандовал Бурсак взводу.

Первым залпом стреляли по Колчаку, потом по Пепеляеву. Оба тела погрузили на сани и повезли к проруби, вырубленной во

льду Ангары напротив Знаменского монастыря.

Пожалуй, единственным, кто попытался отомстить за смерть А. В. Колчака, стал барон Унгерн фон Штернберг, произведенный Верховным правителем в генерал-лейтенанты. Он вполне серьезно готовил уничтожение одного из старших союзных руководителей (французского генерала Жанена или чешского генерала Сыровы), небезосновательно считал их главными виновниками трагической гибели адмирала. Лишь увещевания атамана Семенова (из «дипломатических соображений») заставили барона отказаться от разработанного им плана.

21 ноября 1991 года на месте гибели А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева был установлен памятный крест.

Эпилог

Итак, на сорок шестом году оборвалась жизнь человека с весьма необычной судьбой. Пять лет он провел в полярных экспедициях, около семи лет – участвовал в боевых действиях как на море, так и на суше! Российскому флоту он посвятил почти 30 лет. «Трагическая личность», «роковой человек», «вспыльчивый идеалист», «полярный мечтатель», «жизненный младенец» – подобные эпитеты постоянно сопровождали Колчака при жизни и после гибели. Это был человек, для которого понятия чести и личного благополучия были диаметрально противоположны. Он был честолюбив, но никогда не стремился к каким-либо дворянским привилегиям, владению землей или собственностью. Его любимым романсом был «Гори, гори, моя звезда». Обладая чертами превосходного морского офицера (в широком смысле этого понятия), он был способен в трудную минуту взять всю ответственность на себя, исполняя неписаный морской закон – тонущий корабль капитан покидает последним. Колчак требовал подобного отношения к службе и от других офицеров.

Мы едва ли погрешим против истины, если назовем Александра Васильевича Колчака одним из известнейших персонажей отечественной истории XX столетия. О Колчаке написано немало. В последние годы историческая и историко-художественная литература и публицистика регулярно пополняются новыми капитальными трудами и многочисленными статьями о знаменитом адмирале. Вероятно, в истории Российского флота нет фигуры, которая вызывала бы столько споров. Причем такое положение дел сохраняется на протяжении всей послереволюционной истории России. Даже близко знавшие А. В. Колчака современники далеко неоднозначно оценивали его деятельность. Вот лишь две полярные точки зрения людей, достаточно хорошо знавших А. В. Колчака и работавших с ним.

Бывший депутат Государственной Думы октябрист Н. В. Савич, товарищ председателя комиссии по государственной обороне, выступавший докладчиком по морской смете вплоть до начала Первой мировой войны, вспоминал: «Он был для меня авторитетом в его специальности, человеком энергии и знания, качеств столь редких у нас вообще, а в его среде в особенности… Он внес горячую свежую струю в ведомство, его мысли стали достоянием многих, его знания просветили среду его сослуживцев и внесли определенность и ясность в вопрос реорганизации флота. Я должен признать, что на мое, например, отношение к делу развития у нас морской силы… Колчак того

времени имел громадное влияние. Мне пришлось на первых порах с ним бороться, но все его аргументы, все его взгляды, все его идеи глубоко запали мне в душу и в свое время принесли определенные плоды. Но если таково было влияние идей Колчака на его тогдашнего противника, то можно судить, каково оно было на его подчиненных и даже на старших чинов, с которыми он имел постоянное, регулярное общение. Можно считать несомненным, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкции ведомства и восстановления флота, Колчак внес свой крупный и плодотворный вклад в дело, которое ему было так дорого».

А. А. Сакович, сослуживец Колчака по оперативной части штаба Балтфлота, писал: «Колчак А. В. с задатками военного человека, но… и в этом «но» все: он прежде всего не оператор, не творец военной идеи, а только частный начальник-исполнитель. Колчак… абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого что он слишком впечатлителен и нервен, оттого что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована и почти всегда всем крайне неприятна».

Интересна характеристика, данная Александру Васильевичу А. Ф. Керенским: «Колчака как выдающегося флотоводца прекрасно знали в России и за рубежом… У него были очень хорошие отношения с личным составом флота… Однако по характеру своему Колчак был нетерпелив, капризен, легко поддавался чужому влиянию… Однако был истинным патриотом России, который твердо верил, что может возродить былую мощь Отечества…»

Нередко в его окружение попадали люди, делавшие политику «грязными» руками. В июне 1919 года «China Press» отмечала: «Предоставлением своей помощи Правительству адмирала Колчака мы способствуем восстановлению власти «черной реакции». Каковы бы ни были личные качества адмирала Колчака, установлено, что люди, которые его окружают и поддерживают, представляют из себя элемент, сделавший из царской России силу страшилища в мировой политике; представляют ту бюрократию, которая не только управляла варварской Россией, поддерживая в рабстве русский народ, но еще в 1917 году была готова изменить союзникам».

Личность Александра Васильевича, безусловно, трагична. На вопрос, в чем же его трагедия, в свое время пытался дать ответ

Сергей Мельгунов в двухтомном труде, опубликованном в эмиграции. К сожалению, Мельгунов тщательно исследовал лишь Сибирскую и Дальневосточную эпопеи адмирала. Вполне возможно, что в этом коротком по времени, но удивительно емком по событиям периоде сосредоточено наибольшее количество роковых и непоправимых ошибок, допущенных адмиралом. Возможно. Но дело, конечно, не только в этом. Свои оценки и суждения высказывали в разные годы и многие авторы работ о Колчаке. По всей видимости, ближе всех к истине Александр Иоффе, который считает, что трагедия Временного правителя – это трагедия великой державы, внезапно оказавшейся перед бездонной пропастью, трагедия русского офицерского корпуса и его осквернённых боевых знамен, трагедия сотен морских офицеров – элиты вооруженных сил России. «Поколение русских моряков, офицеров и адмиралов – ровесников Колчака, – подчеркивает он, – получило золотые погоны в год смерти императора Александра III. Именно им пришлось пройти через все беды и испытания последнего царствования, на каждом шагу теряя друзей. Именно на их долю пришлись три войны и три революции. Именно эти несчастья явились трагедией России и, конечно, их личной трагедией. Драма этих блестящих морских офицеров и великолепных профессионалов заключалась в первую очередь в том, что вместо своего прямого предназначения – быть верными защитниками Отечества, – они были ввергнуты в пучину братоубийственной войны, оказались статистами ужасной российской трагедии. И первым среди них стал Александр Колчак, испивший эту горькую чашу до самого дна.

Путь к истине о страшной Русской Смуте тяжел и труден…»

…Несколько слов о судьбе близких Александру Васильевичу людей. Его супруга, Софья Федоровна Колчак, последний раз виделась с мужем на севастопольском вокзале в мае 1917 года, когда Александр Васильевич уезжал в служебную командировку в Петроград. Затем – долгое ожидание, неизвестность, опасность быть арестованной или просто убитой большевиками. Узнав весной 1919 года о том, что муж находится в Сибири и что рядом с ним Тимирева, она поняла, что ее уже ничто не связывает с Севастополем и страной, охваченной пламенем Гражданской войны. В апреле 1919 года на английском пароходе она переехала из Севастополя вначале в Констанцу, затем в Бухарест, куда ей доставили с Украины сына. После этого семья Колчак переехала в Париж. Там Софья Федоровна прожила 37 лет.

Муж – Верховный правитель «всероссийский» – своевременно не позаботился о средствах для существования семьи. Практически все имущество было брошено во время бегства из

Либавы. Из Крыма она вывезла только личные вещи и некоторые ценности, в основном столовое серебро и различные призы мужа. В Париже все ценное было заложено в ломбард. Семье адмирала помогал эмигрантский Военно-морской кружок имени А. В. Колчака, очень редко – частные лица, как правило, бывшие сослуживцы Александра Васильевича. Семья адмирала Колчака постоянно испытывала большие финансовые затруднения. Жизнь Софьи Федоровны в эмиграции была незавидной. По свидетельству протоиерея Б. Г. Старка, близко знавшего Софью Федоровну в Париже, она владела несколькими европейскими языками, была начитанным, мудрым и уважаемым в эмигрантской среде человеком. К концу жизни память ее ослабела, сознание помутилось, в речи стали мешаться слова из разных языков, здоровье сильно пошатнулось.

Она тихо угасла в Русском приюте в Лонжюмо близ Парижа в 1956 году. Ей было за 80. Она была похоронена на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа. На ее могиле был поставлен крест с надписью: «Вдова Верховного правителя России Софья Федоровна Колчак».

Сын Колчака Ростислав в возрасте 7 лет летом 1917 года, после отъезда отца в Петроград, был отправлен матерью к родным в Каменец-Подольский. Выехав с матерью в эмиграцию, он жил в Париже. Благословение отца неизвестным путем дошло до столицы Франции. Ростислав узнал о нем и постарался не уронить имени адмирала Колчака. Он понимал – не будь у отца черного омского периода, фамилия его осталась бы в памяти русского народа как выдающегося исследователя и флотоводца. Закончил Высшую школу дипломатических и коммерческих наук и в 1931 году поступил на службу в Алжирский банк. Он рано женился на Екатерине Александровне – одной из дочерей покойного адмирала Александра Владимировича Развозова и кузине Бориса Георгиевича Старка. В 1933 году у них родился сын, названный в честь деда Александром. В 1939 году Ростислав Александрович был мобилизован в французскую армию, воевал на бельгийской границе и в 1940 году был взят в плен немцами. Он выжил в плену и вернулся в Париж после войны.

После смерти матери Ростислав Александрович стал обладателем небольшого семейного архива Колчака. Он ознакомил с ним С. П. Мельгунова еще до 1930 года. Не отличаясь крепким здоровьем, Ростислав Александрович умер в 1965 году и был похоронен рядом с матерью на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа. Позже здесь появилась могила его жены Екатерины Александровны.

Внук Александра Васильевича Колчака Александр

Ростиславович всю жизнь прожил в США. Став обладателем архива семьи Колчака, он категорически не желал встречаться с российскими представителями, делиться с ними имеющейся информацией. В результате этого часть архива и даже фотографии его бабушки, жены адмирала Софьи Федоровны, и отца, сына адмирала Ростислава Александровича, остаются неизвестными.

Сведения о Екатерине Васильевне, Николае Николаевиче Крыжановских и их детях оборвались в 1917 году. Известно лишь, что один из племянников Александра Васильевича в 30-е годы также проживал в Париже.

Трагичной была судьба возлюбленной адмирала Анны Васильевны Тимиревой. Потеря любимого, арест, застенки ЧК, допросы. Группу арестованных, в которой была А. В. Тимирева, повели на расстрел ночью, облачной и безлунной. Анна Васильевна шла в последнем ряду с краю. Путь едва различался по темным, слабо видимым на снегу следам впереди идущих людей. Поэтому задние ряды нередко натыкались на передние. Наверное, при очередном таком столкновении, вызвавшем временное смешение рядов, Тимиреву вытолкнул в сторону шедший рядом с ней мужчина. Она оказалась в глубокой канаве, доверху заполненной снегом. Травм, к ее счастью, избежала, но выбралась из снежного плена с большим трудом. Строй смертников ушел в темноту, и она одна осталась среди морозной ночи. Неизвестно, как Тимирева добралась до добрых людей, приютивших беглянку, но чудо совершилось – она спаслась.

В 1921 году Тимирева подала заявление местным властям с просьбой о выезде в Харбин. В ответ получила короткую резолюцию «Отказать» и год тюремного заключения. После освобождения летом 1922 года Анна Васильевна вышла замуж за некоего В. К. Книпера и перебралась в Москву, а в 1925 году была административно выслана на три года в Тарусу. Весной 1935 года – новый арест, лагерь, вскоре замененный поднадзорным проживанием в Вышнем Волочке, Верее и Малоярославце. Работала швеей, вязальщицей, портнихой, дворничихой. В 1938 году, как отмечала сама А. В. Тимирева-Книпер, «засела крепко». До 1954 года она мыкалась в лагерях и ссылках и лишь на короткое время выходила на волю. После освобождения в 1954 году жила в Рыбинске, работала художником в местном театре, а в 1960 году (уже реабилитированная) поселилась в Москве, на Палихе. Сочиняла стихи. Писала очень трогательные, нежные акварельные этюды.

Анна Васильевна Книпер (после известия о смерти сына она оставила только эту фамилию), или Колчаковна, как называли ее

друзья, умерла в глубокой старости в Москве, в своей маленькой комнатке в коммунальной квартире в 1975 году, записав за несколько лет до кончины в свой потаенный дневник:

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе…

В 1986 году в Париже были изданы ее «Фрагменты воспоминаний».

Сергей Николаевич Тимирев эмигрировал в 1920 году в Шанхай, образовал там общество морских офицеров, прозванное «Кают-компанией», долгое время руководил этим обществом, много работал – плавал на судах китайского коммерческого флота и нередко невесело шутил: «Я – единственный в мире адмирал, который командует обычным дырявым мусоровозом».

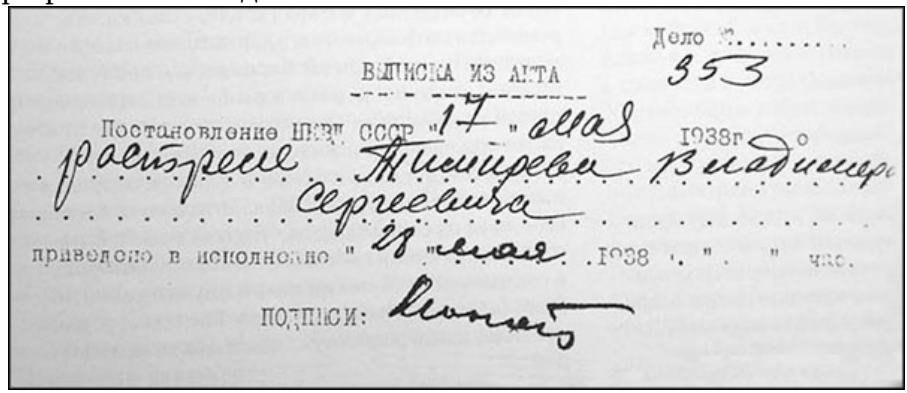
Умер он рано – в 57 лет, в конце июня 1932 года. Диагноз – рак горла. До самой смерти Сергей Николаевич радовался, что сын остался в России, что там он непременно будет полезен – в отличие от «потерявшей русское лицо эмиграции». Он сам очень хотел вернуться домой. Но свершиться этому не было дано.

Сын Тимиревых Одя вырос в талантливого художника. Он учился в Московском архитектурно-строительном институте, был штатным художником в Загорске, в тамошней игрушечной мастерской и, кроме того, сотрудничал в газете «Вечерняя Москва», оформлял книжки, дважды ездил в научные экспедиции на Каспий, где показал себя серьезным исследователем. Его работы, сделанные во время этих поездок, экспонировались на специальной выставке.

Говорят, что в самом начале тридцатых годов (перед смертью Сергея Николаевича) он пытался установить переписку с отцом. Что из этого получилось – и получилось ли что, – не знает никто. В марте 1938 года был арестован. При обыске у него нашли шпагу, кинжал и кремневый пистолет. В деле, возбужденном против Оди по печально известной 58-й статье, Колчак фигурирует как его отчим.

Семнадцатого мая 1938 года был осужден и приговорен к высшей мере наказания Владимир Тимирев. Через одиннадцать дней приговор был приведен в исполнение. В деле имеется справка, где поставлены точные даты приговора и расстрела, а также есть некое резюме: «Считал бы правильным сообщить о крупозном воспалении легких». Под резюме стоит подпись капитана Корнеева, свои подписи поставили также подполковник Фадеев и полковник Логинов. Следом подшита справка о том, что «Тимирев В. С. умер от крупозного воспаления легких 17.02.43 г.

в ИТЛ» (ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь). А Оди к той поре уже пять лет не было в живых. Датирована эта фальшивая справка февралем 1957 года.



Дело №.....

ВЫПИСКА ИЗ АКТА 353

Постановление НКВД СССР "17" мая 1938г.

расстрелян Тимирев Владимир Сергеевич

приведено в исполнение "28" мая 1938 г. "." час.

ПОДПИСИ:

Исполнительный акт о расстреле Тимирева В. С.

В Нукусе в музее изобразительных искусств хранится более ста работ Владимира Тимирева, в Перми – пятнадцать, две приобретены Музеем изобразительных искусств имени Пушкина в Москве.

Определенный интерес представляет судьба полярного исследователя флигель-адъютанта капитана 1 ранга Бориса Андреевича Вилькицкого, с которым Александр Васильевич постоянно поддерживал дружеские отношения. В феврале 1920 года он оказался под Архангельском, откуда началась эвакуация Белой армии. Ледокольный пароход «Козьма Минин», приняв на борт несколько сотен пассажиров, которым угрожала немедленная расправа красных, с яхтой «Ярославна» на буксире вышел в забитое льдом море. Кроме членов правительства Северной области, генерала Миллера и его штаба на борту обоих судов находились семьи офицеров и состоятельные архангелогородцы. Вдогонку за беглецами вышел под красным флагом ледокол «Канада».

В ледяном безмолвии полярного океана завязалась артиллерийская дуэль. По счастью, от артиллерийских залпов собственных орудий на «Канаде» разошлись швы корпуса и ледокол вынужден был повернуть обратно. Суда с эмигрантами благополучно достигли берегов Норвегии. Вскоре туда прибыли и пароходы «Кильдин» и «Ломоносов» с Мурмана, их привел Б. А. Вилькицкий, произведенный правительством Северной области в контр-адмиралы.

Лагерь русских беженцев был разбит в 20 милях от города Тромсе. Именно там по инициативе Вилькицкого состоялась панихида по убиенному в Иркутске адмиралу Колчаку.

Борис Вилькицкий довольно лояльно относился к новой России и даже по просьбе Советского правительства в 1923 году принимал участие в проводке карских товарообменных экспедиций. Спустя год под угрозой ареста он эмигрировал в Англию, где варил столярный клей, чтобы прокормить семью, затем в Бельгию. В последующем Вилькицкий работал чиновником в Брюсселе, где и умер в 1961 году.

Трагична судьба тех морских офицеров, которые находились в армии Колчака. Осенью 1922 года, всего за сутки до вступления во Владивосток Народно-освободительной армии, от причалов порта отошло около десяти боевых судов и два десятка пароходов. На их борту находились все те, кто опасался кары со стороны Советской власти, а также члены их семей. Среди десятков тысяч беженцев было более 600 морских офицеров бывшей Сибирской флотилии. Всю эту армаду из тридцати вымпелов вел контр-адмирал Георгий Старк.

Начались скитания бездомных. Сначала пришли в Японию. Но после небольшой передышки в порту Гензан двинулись в Шанхай. Не дойдя 150 миль до цели, караван попал в девятибалльный зимний шторм. 4 декабря он потопил плохо подготовленный к подобному испытанию перегруженный миноносец «Лейтенант Дымидов», на борту которого находились кадеты сибирских корпусов, несколько офицеров и членов их семей, всего свыше 80 человек. В январе флотилия, до крайности изнуренная штормами и лишениями, прибыла на Филиппины. Там часть кораблей была продана, остальные за негодностью брошены. Большинство их пассажиров перебрались в Австралию, Новую Зеландию, многие уехали в Америку и даже в Европу.

Русская колония на филиппинском острове Самар существовала еще и в 1950 году. Жил там один из самых деятельных офицеров белого флота, создатель Каспийской флотилии капитан 1 ранга Борис Михайлович Пышнов. Старший брат его, Василий, командовавший в Черноморском флоте под руководством Колчака миноносцем «Гаджибей», в декабре 1917 года вместе с другими офицерами корабля был расстрелян на Малаховом кургане в Севастополе. Двое младших братьев Пышновых – Яков и Александр – остались служить в красном флоте.

Контр-адмирал Г. К. Старк, соратник Колчака по службе на Балтике, долгое время жил в Китае, где плотничал. Затем в Париже работал таксистом. Там его старший сын Борис принял сан священнослужителя и с благословения отца вернулся на родину. В России он прожил более сорока лет, дождался возвращения Андреевского флага на гафели российских

кораблей.

Некоторые из сослуживцев Колчака по Русско-японской и Первой мировой войнам не покидали родину. Среди них такие в последующем видные морские начальники, как В.М Альтфатер, М. В. Иванов, Е. А. Беренс, Л. М. Галлер. Последний, например, дослужился до звания адмирала, командовал Балтийским флотом, возглавлял Главный морской штаб, был заместителем наркома ВМФ СССР по кораблестроению и вооружению, а затем до 1950 года возглавлял Военно-морскую академию.

Генерал Сы́ровый занимал пост военного министра в чехословацком правительстве во время Мюнхенского соглашения 1938 года (англо-франко-германо-итальянский сговор об отторжении Судетской области у Чехословакии.) После войны его приговорили к пожизненному заключению за сотрудничество с немцами, и генерал умер в 1953 году.

Генерал Гайда был предан суду за измену и оправдан в 1926 году, вступил в фашистскую партию и за это (хотя он и отказался иметь дело с нацистами во время немецкой оккупации своей страны) в 1945 году оказался в одной тюрьме с Сыровым. Позже он был амнистирован.

Генерал сэр Альфред Нокс, выйдя в отставку, сделал головокружительную карьеру в парламенте.

Побег Семенова в Маньчжурию явился прямым следствием отхода японцев к побережью. В первые месяцы 1920 года авангардам Красной армии было еще далеко до Байкала, но к западу и востоку от Читы росло и крепло партизанское движение. Армия атамана была недисциплинированной, и он терял последние остатки своей власти. Не дожидаясь худшего, он бросил свое маленькое царство и своих людей на произвол судьбы. Еще до того, как аэроплан Семенова покинул Читу, золотые и серебряные слитки и другая его добыча были, с любезного разрешения японцев, переправлены в Маньчжурию.

Там он и жил до конца своих дней, если не считать поездки в США, откуда его депортировали после скандала и судебного преследования. Наряду с укреплением японцев в Маньчжурии усиливалась и зависимость от них Семенова. Можно предположить, что он фигурировал во многих их туманных заговорах и планах, нацеленных против его духовной отчизны – Монголии.

Всю свою жизнь Семенов был удачливым хищником, сеявшим неприятности, обустраивавшим свое гнездышко и быстро удиравшим при приближении опасности. Есть некоторая ирония в том, что в конце концов он покорно сдался режиму, которому энергично противостоял двадцать пять лет если не делами, то

словами. Когда в конце Второй мировой войны Красная армия победила японские маньчжурские войска в военной кампании, Семенова арестовала русская служба безопасности в Дайрене.

В августе 1946 года с семью другими белыми русскими, самым знатным из которых был князь Ухтомский, Семенов предстал перед военной коллегией Верховного суда СССР. Всем восьми подсудимым предъявили обвинение в многолетней антисоветской деятельности и в службе японцам. О прошлом Семенова в период Гражданской войны почти не говорили, но утверждали, что весной 1917 года он пытался организовать заговор с целью убийства Ленина и других советских лидеров. Всех обвиняемых признали виновными. Двое получили большой срок тюремного заключения в трудовых лагерях, пятерых приговорили к смерти через расстрел. Семенова повесили.

Кратко о том, как на станции Тайга в Западной Сибири бесследно исчезли 26 ящиков колчаковского золота, хотя поиски сокровища в слитках и монетах велись весьма активно.

Осенью 1919 года 26-летний эстонец Карл Пуррок, насильственно призванный в армию Колчака из алтайской деревни Сережи, наблюдал за тем, как во время отступления со станции Тайга по приказу командира 21-го запасного Сибирского полка неподалеку от дороги на глубине 2,5 метра было зарыто полковое имущество, в том числе и те самые 26 ящиков с золотом.

В 1931 году гражданин Эстонии Карл Пуррок и его двоюродный брат Август Лехт проводят раскопки около ст. Тайга. Экспедиция закончилась сплошными убытками – Пуррок изрядно влез в долги. Во второй половине 30-х годов они пытались получить новое разрешение на въезд из Эстонии в СССР для поиска клада, но им было отказано.

Июнь 1941 года.

Б. Кобулов распоряжается вызвать Пуррока в Москву и развернуть поиски золота. В придачу ему дают сотрудников 2-го спецотдела НКВД СССР. Выкопано 148 шурфов на 5-й дороге и 100 шурфов на 4-й лесной дороге. (Шурфы закладывали мелкие, а, по Пурроку, ящики прятали на глубине 2,5 метра.) 5 июля 1941 г. искатель золота арестован «за злоупотребление доверием и обман органов власти» и осужден на 5 лет лагерей.

Июль 1954 года.

В роли кладоискателей выступили кемеровские чекисты, сотрудники 5-го отдела УКГБ. Они привлекли к изысканиям геофизиков с аппаратурой, пробили 300 скважин и пришли к выводу, что никакого золота в этой местности нет.

Февраль 1958 года.

Делом Пуррока всерьез заинтересовались в 3-м спецотделе МВД СССР, но только осенью оперуполномоченный майор Г. Кожеуров, подполковник А. Данилин и капитан П. Майров сумели выехать на место. Раскопок не вели, ограничились разведкой на местности[19].

Золото Тайги пока остается ненайденным…

…Проходят десятилетия. Новые поколения по-новому оценивают личности и дела своих предшественников. С одних они безжалостно срывают лавры, других возвеличивают и незаслуженно идеализируют, третьих – венчают тернами страдальцев. В оценке личности Колчака присутствуют все эти моменты. И не беда, что каждое положение можно оспорить, со многими согласиться. Как каждый из смертных, Александр Васильевич не избежал промахов и ошибок, а как проигравший вождь он не ушел от ответственности и за поражение всех тех, кто верил ему и шел за ним. Но в массе различных оценок неоспоримыми остаются те, которые отмечают Колчака-исследователя, Колчака-моряка, Колчака – патриота своего Отечества.

Хронологическая таблица

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября 1874 г.

1888–1894 гг. – учеба в Морском кадетском корпусе.

15 сентября 1894 г. – произведен в мичманы.

1895–1899 гг. – заграничное плавание на крейсере «Рюрик» (в качестве помощника вахтенного начальника) и клипере «Крейсер», где сначала занимал должность вахтенного начальника, с 1 октября 1898 г. – старшего штурмана.

Март 1898 г. – публикация первой научной работы.

6 декабря 1898 г. – присвоено звание лейтенанта.

1899 г., *30 мая* – списан с «Крейсера» по прибытии из заграничного плавания в Кронштадт.

Приглашен Э. Толлем в Русскую полярную экспедицию. В ходе подготовки изучал магнитологию в Павловской магнитной обсерватории, практиковался в Норвегии у Фритьофа Нансена.

1900 г., *21 июля* – в составе экспедиции Э. Толля отправился в путь по арктическим морям на «Заре», бывшем норвежском китобойном судне.

1900–1902 гг. – две зимовки у берегов Таймыра и о. Котельного. В апреле – мае 1901 г. А. Колчак путешествовал по Таймыру с Э. Толлем, вел маршрутную съемку. За участие в этой полярной экспедиции награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

1902 г. – после того как «Заря» была раздавлена льдами и встала на зимовку в бухте Тикси, Колчак на пароходе «Лена» вернулся в Петербург.

1903 г. – организует экспедицию на поиски Э. Толля.

1904 г., *28 января* – на следующий день после начала Русско-японской войны отправил телеграмму президенту Академии наук с просьбой передать его в военно-морское ведомство.

5 марта венчался с Софьей Федоровной Омировой.

17 апреля назначен на минный заградитель «Амур» в качестве артиллерийского офицера, с *21 апреля* – командир эскадренного миноносца «Сердитый». Принимал участие в обороне Порт-Артура. За героизм, проявленный в боях в Порт-Артуре, награжден Георгиевским оружием – золотой саблей с надписью «За храбрость».

15 ноября награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

1905 г. – после возвращения из японского плена награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. 24 июня определена по морскому ведомству временная инвалидность.

Отправлен в отпуск на шесть месяцев.

1906 г. – вручена серебряная медаль в память о Русско-японской войне, к ордену Св. Владимира пожалованы «мечи». Сделал сообщение об экспедиции на остров Беннетта в Императорском русском географическом обществе, в феврале был избран его действительным членом и получил Большую Константиновскую золотую медаль.

В апреле назначен в Морской Генеральный штаб (начальник статистического отдела).

6 сентября присвоено звание капитан-лейтенанта.

1906–1908 гг. – публикация более 10 научных работ.

1908 г., *март* – рождение дочери Тани, которая вскоре заболела и скончалась.

1908 г., *13 апреля* – присвоено звание капитана 2 ранга. Стал командиром ледодава «Вайгач».

1909 г. – плавание по Баренцеву и Чукотскому морям. Опубликована монография «Лед Карского и Сибирского морей».

1909–1910 гг. – один из разработчиков судостроительной программы России, преподаватель Николаевской Морской академии.

1910 г. – у А. В. Колчака родился сын Ростислав.

1912 г. – на Балтийском флоте командовал эсминцами «Уссуриец» и «Пограничник».

1912 г., *июль* – родилась дочь Маргарита (скончалась в 1914 году).

1913 г., *декабрь* – стал капитаном 1 ранга.

С весны 1914 г. – флаг-капитан по оперативной части на броненосном крейсере «Рюрик». Получил нагрудный знак участника обороны Порт-Артура.

1914 г. – с *августа* командир группы кораблей, осуществляющих постановку мин в Балтийском море.

1915 г., *июнь* – удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени с мечами.

Сентябрь – вступил в командование Минной дивизией, назначен начальником обороны Рижского залива.

1916 г., *апрель* – произведен в контр-адмиралы. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Июнь – произведен в вице-адмиралы.

1916–1917 гг. – командующий Черноморским флотом.

1917 г., *6 июня* – подал в отставку, *8 июня* по вызову Временного правительства уехал в Петроград.

27–28 июня – премьер-министром Временного правительства принято решение о посылке Колчака во главе русской Морской миссии в Америку. *4 июля* дал свою санкцию А. Керенский. *27*

июля миссия прибыла в Лондон, откуда отправилась в Глазго. После приема у президента США В. Вильсона *20 октября* выехали в Сан-Франциско. На японском пароходе «Карко-Мару» *8* или *9 ноября* прибыли в Йокогаму, где участвовавшие в миссии узнали о революции в России.

В конце 1917 г. получил сообщение, что в соответствии со своей просьбой принят на службу в английскую армию, и предписание отправиться на Месопотамский фронт.

1918 г., *11 марта* – в Сингапуре получил пакет с распоряжением Генерального штаба вернуться в Россию, ехать на Дальний Восток, в *апреле* прибыл в Харбин.

Сентябрь – выехал из Японии во Владивосток. *4 ноября* в соответствии с указом Директории назначен военным и морским министром.

1918 г., *18 ноября* – стал Верховным правителем России. Произведен в адмиралы.

1919 г. – награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В *ноябре* отправился из Омска к Иркутску.

1920 г., *15 января* – на станции Иннокентьевская (около Иркутска) выдан белочехами Политическому центру, затем передан большевикам.

7 февраля – расстрелян по постановлению Иркутского ВРК.

Комментарии

АВКСЕНЬТЬЕВ Николай Дмитриевич (1878–1943) – член ЦК партии эсеров. С 1907 по 1917 г. в эмиграции. В годы Первой мировой войны – социал-шовинист, участник оборонческих изданий «За рубежом» и «Новости». После Февральской буржуазно-демократической революции – председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов, член исполкома Петроградского совета; министр внутренних дел во втором коалиционном правительстве Керенского, позднее председатель контрреволюционного «Временного совета Российской республики» (Предпарламента). Один из организаторов контрреволюционных мятежей. В 1918 г. – председатель так называемой Уфимской директории; затем эмигрировал за границу. В 30-х гг. возглавлял в Париже русскую эмигрантскую масонскую ложу «Северная звезда».

АЛЕКСЕЕВ Евгений Иванович (1843–1918) – адмирал (1903), генерал-адъютант (1901). Окончил Морской корпус (1863). С 1892 г. помощник начальника Главного морского штаба. В 1895–1897 гг. командовал эскадрой Тихого океана, с 1897 г. – старший флагман Черноморской флотской дивизии. С августа 1899 г. – начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания. С июля 1903 г. – наместник на Дальнем Востоке. С февраля по октябрь 1904 г. – главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке, находился в натянутых отношениях с командующим Маньчжурской армией генералом А. Н. Куропаткиным, что крайне осложняло руководство военными действиями. С упразднением наместничества в июне 1905 г. назначен членом Государственного совета.

АЛЕКСЕЕВ Михаил Васильевич (1857–1918) – в 1904–1905 гг. в штабе 3-й Маньчжурской армии, в 1914 г. начальник штаба Юго-Западного фронта, в 1915–1917 гг. – Северо-Западного фронта и Ставки, с 1917 г. член Донского правительства, в 1918 г. командует Добровольческой армией. Генерал от инфантерии (1914).

АЛЬТФАТЕР Василий Михайлович (1883–1919) – контр-адмирал. Помощник начальника Морского Генерального штаба (с ноября 1918 г.), член коллегии Наркомвоена (с апреля 1918 г.), командующий всеми морскими силами Республики и одновременно член РВСР (с октября 1918 г. по апрель 1919 г.).

БЕГИЧЕВ Никифор Алексеевич (1874–1927) – русский моряк,

полярный путешественник. Участник экспедиций Э. Толля (1900–1902 гг.), А. Колчака (1903 г.) и экспедиции по поиску членов экипажа «Мод» (1922 г.). Открыл два острова у выхода из Хатангского залива, один из них назван его именем.

БЕЛЯЕВ Михаил Алексеевич (1863–1918) – генерал от инфантерии (1914 г.), последний военный министр России с 3 января по 21 февраля 1917 г., сменивший на этом посту Д. С. Шуваева, с 1914 по 1916 г. – начальник Генерального штаба, одновременно с 1915 г. помощник военного министра. Участник Русско-японской войны, окончил академию Генштаба в 1893 г.

БОЛДЫРЕВ Василий Георгиевич (1875–1932) – один из руководителей контрреволюции на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. в руководстве «Союза возрождения России», член «Национального центра» Уфимской директории и главнокомандующий ее войсками. После прихода А. В. Колчака к власти выслан в Японию. Выступал сторонником широкой японской интервенции в Советскую Россию. С 18 июня 1921 г. по 11 июня 1922 г. председатель «Русско-японской согласительной комиссии», член президиума и товарищ председателя «Народного собрания» во Владивостоке. После освобождения Владивостока от белогвардейцев арестован в тюрьме, заявил о своем желании служить Советской власти; в 1926 г. амнистирован.

БРУСНЕВ Михаил Иванович (1864–1937) – инженер. В революционном движении с 1881 г., организатор и руководитель одной из первых социал-демократических организаций. В 1905–1907 гг. сотрудничал с большевиками. С 1907 г. отошел от политической деятельности. В 1903 г. принимал участие в поисках экспедиции Толля.

ВАЦЕТИС Иоаким Иоакимович (1873–1938) – полковник. Окончил Академию Генерального штаба в 1909 г. В 1917 г. в старой армии командовал 5-м Латышским полком. Вместе с полком перешел на сторону Советской власти. В ноябре 1917 г. был назначен начальником оперативного отдела Полевогореволюционного штаба Ставки главковерха Н. В. Крыленко. В феврале 1918 г. руководил боевыми действиями против контрреволюционного корпуса генерала Довбор-Мусницкого и украинской Рады. В марте 1918 г. был назначен командиром Латышской стр. дивизии. В начале июля по поручению В. И. Ленина командовал советскими войсками по ликвидации мятежа левых эсеров в Москве. Командующий Восточным фронтом (11.VII – 28.IX.18 г.), Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики (6.IX.18 г. – 9.VII.19 г., с

6 по 28.IX совмещал обе должности); одновременно был командующим армией Советской Латвии (6.I – 10.III.19 г.). Назначен для особо важных поручений при РВСР (VIII.19 г. – 1921 г.). С 1922 г. – профессор по истории войн Военной академии, автор ряда научных работ.

ВИЛЬКИЦКИЙ Андрей Иванович (1858–1913) – генерал-лейтенант корпуса флотских штурманов (1910). В 1894–1896 гг. возглавлял экспедицию по изучению устьев Оби и Енисея, а в 1898 г. – Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана. В 1907 г. был назначен начальником Главного гидрографического управления.

ВОЕВОДСКИЙ Степан Аркадьевич (1859—?) – в 1906–1908 гг. командир Морского корпуса и начальник Николаевской Морской академии. В 1908–1909 гг. – товарищ морского министра, в 1909–1911 гг. – морской министр.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ Сергей Николаевич (1883 – после 1946) – генерал-лейтенант (1919). Из семьи офицера. Окончил Академию Генштаба (1912). Участник 1-й мир. войны, подполковник. В 1917–1918 гг. – нач. штаба 1-й чехосл. див., один из организаторов мятежа Чехосл. корпуса. Летом 1918 г. командовал Челябинской группой белочехов, в ноябре – декабре – группой войск, в мае 1919 г. – Уфимским корпусом. С июля 1919 г. командующий 2-й армией. В феврале 1920 г. возглавил остатки колчаковских войск. С 1923 г. в эмиграции.

ВОЛОГОДСКИЙ Петр Васильевич (1863–1928) – по образованию юрист; присяжный поверенный в Иркутске и Томске. Представитель правого (кадетско-монархистского) крыла сиб. областников. После Окт. революции участвовал в подготовке юнкерского мятежа в Омске. С янв. 1918 г. мин. иностр. дел во «Временном сибирском правительстве»; пред. Сов. мин. и мин. иностр. дел. В сент. вошел в Уфимскую директорию, возглавил ее «деловой» («всерос.») Сов. мин. В окт. примкнул к Вост. бюро ЦК партии кадетов, способствовал перевороту (18 ноября) адм. Колчака, свержению Директории и установлению режима *колчаковщины*; до 23 ноября 1919 г. возглавлял «Омское правительство», входил в Совет Верховного правителя (т. н. звездную палату). С конца 1919 г. белоэмигрант.

ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич (1878–1928) – барон, участник войны 1904–1905 гг., с 1914 г. на фронте, в 1917 г. генерал-майор, начальник Уссурийской конной дивизии, командовал конным корпусом, в 1918 г. генерал-лейтенант Добровольческой армии, командовал дивизией, корпусом, в 1919 г. – Кавказской, в 1920 г. – Добровольческой армией, с мая главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. С ноября в эмиграции. В

1924 г. создал Русский общевоинский союз.

ГАЙДА Радола (Рудольф Гейдль) (1892–1948) – в Первую мировую войну унтер-офицер (присвоил себе затем звание мл. офицера) австро-венгерской армии. В 1915 г. перешел на сторону черногорских войск, затем бежал в Россию. С весны 1918 г. командир полка Чехословацкого армейского корпуса. Один из инициаторов и руководителей мятежа 1918 г. С сентября 1918 г. генерал-майор, командир второй чехословацкой дивизии, с октября – Екатеринбургской группы. С января 1919 г. генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией. В июле смещен Колчаком с поста и «вычеркнут из списков русской армии». В ноябре во Владивостоке возглавил выступление оппозиционных Колчаку правоэсеровских и буржуазно-либеральных группировок; затем выехал на родину. Был одним из руководителей чешских фашистских организаций. В годы мировой войны сотрудничал с гитлеровцами. В 1945 г. арестован чехословацким правительством и казнен по приговору народного суда.

ГРЕВЕ Николай Романович (1853–1913) – вице-адмирал (1907). В 1902–1904 гг. командир Порт-Артура, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. участвовал в обороне крепости. С 1906 г. командир С.-Петербургского порта. В 1907 г. уволен в отставку.

ГРИГОРОВИЧ Иван Константинович (1853–1930) – родился в Санкт-Петербурге. В 1874 г. окончил Морское училище. Участник Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой войн. Командир кораблей различных классов, морской агент в Великобритании, начальник штаба Черноморского флота, командир Кронштадтского порта, товарищ (заместитель) морского министра, в 1911–1917 гг. морской министр. Адмирал (1911), генерал-адъютант (1912), член Государственного совета (1913). С марта 1917 г. в отставке. С 1920 г. научный сотрудник Морской исторической комиссии, архивариус в Морском архиве. В 1924 г. выехал во Францию, где и скончался. Автор ряда трудов по военно-морскому искусству, строительству флота, мемуаров.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872–1947) – в 1914 г. генерал-майор, начальник 4-й стрелковой бригады, с 1915 г. – 4-й стрелковой дивизии, генерал-лейтенант (1916), командовал корпусом, весной 1917 г. начальник штаба Ставки, затем командующий Юго-Западным и Западным фронтами. Участник корниловского мятежа. С апреля 1918 г. командующий Добровольческой армией, до марта 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. С марта 1920 г. в эмиграции.

ДЕРБЕР Петр Яковлевич (1888–1929) – представитель правого

крыла партии эсеров, левого течения сиб. областников. В 1917 г. чл. «Сиб. обл. думы». В дек. в Томске на Чрезвычайном общесиб. обл. съезде вошел в состав первого «пр-ва» областников – «Сиб. обл. совета». С янв. (февр.) 1918 г. глава «Врем. сиб. пр-ва»; опасаясь ареста, бежал в марте (с некоторыми министрами) в Харбин. 29 июня во Владивостоке, захваченном белочехами, объявил себя главой «Врем. пр-ва авт. Сибири» (с 30 июля мин. иностр. дел), которое в октябре самораспустилось. Белоэмигрант.

ДИТЕРИХС Михаил Константинович (1874–1937) – генерал-майор. Окончил Академию Генерального штаба. В сентябре – ноябре 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего, с 3 по 8 ноября – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Затем начальник штаба Чехословацкого корпуса. В 1919 г. командующий Сибирской армией, Восточным фронтом. С 1922 г. в эмиграции.

ДУТОВ Александр Ильич (1864–1921) – полковник царской армии, атаман Оренбургского казачьего войска. После Октябрьской революции вместе с меньшевиками и эсерами организовал в Оренбурге «Комитет спасения родины и революции» и захватил власть в свои руки. В январе 1918 г. отрядами Красной гвардии был изгнан из Оренбурга. К 1918–1919 гг. командовал Оренбургской казачьей армией у Колчака.

КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881–1936) – командарм 1 ранга. Полковник старой армии. В КПСС с 1930 г. Окончил Академию Генерального штаба в 1907 г. После Октябрьской революции был избран солдатами начальником штаба 15-го корпуса, а затем 3-й армии. В РККА вступил добровольно в 1918 г. Был назначен военным руководителем Невельского района Западного участка отрядов завесы, затем пом. военного руководителя Западной завесы. Командующий Восточным фронтом (28.IX.18 г. – 2.V.19 г. и 25.V – 8.VII.19 г.). Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики (10.VII.19 г. – 1.IV.24 г.). Затем – инспектор РККА, член РВС СССР, начальник Главного управления РККА, зам. наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР, член Военного совета.

КАНИН Василий Александрович (1862–1927) – адмирал (1916), член Государственного совета (1916) и Адмиралтейств-совета (1917). Окончил Морское училище (1882). Командовал миноносцами «Орел», «Глухарь» (1885), канонерской лодкой «Кубанец» (1907–1908), линкором «Синоп» (1908–1911), 4-м дивизионом миноносцев (1911), отрядом заградителей (1913–1915). Начальник минной обороны Балтийского моря (1915), командующий флотом Балтийского моря (1915–1916). Второй

помощник морского министра, член совещания по судостроению (1917). С декабря 1917 г. в отставке. Во время Гражданской войны командовал белым Черноморским флотом (1919). Умер в эмиграции в Марселе. Кавалер Георгиевского оружия (1915).

КАППЕЛЬ Владимир Оскарович (1883–1920) – генерал-лейтенант (1919). Окончил Академию Генштаба (1913). Участник Первой мировой войны, полковник. В июне – сент. 1918 г. командовал отрядом, затем группой войск Комуча, действовавшими на прав. берегу Волги, в р-нах Сызрани, Симбирска и Казани. В армии Колчака ком. 1-го Волжского корпуса, который в мае – июне 1919 г. был разбит Кр. армией. В июле – окт. корпус К. действовал в р-не Челябинска и на р. Тобол. Во время отхода белогвардейцев на Омск К. возглавлял т. н. Моск. группу войск. С нояб. 1919 г. команд. 3-й армии, в дек. назначен главкомом Вост. фр. Погиб 25 янв. при отступлении белогвардейцев к Иркутску. Солдаты и офицеры разбитых колчаковских войск в Забайкалье и на Д. Востоке называли себя «каппелевцами».

КАШИРИН Николай Дмитриевич (1888–1938) – в КПСС с 1918 г. Командовал Верхнеуральским и Сводным уральским отрядами (III–VIII.18 г.). Начальник 30-й стр. дивизии (IX.18 г. – VII.19 г.), начальник и комендант Оренбургского укрепрайона (VIII.19 г. – III.20 г.), председатель Оренбургского губисполкома (III – X.20 г.), командующий кавгруппой 13-й и 4-й армий (с 22.X.20 г.).

КЕДРОВ Михаил Алексеевич (1878—?) – вице-адмирал, флигель-адъютант. В Первую мировую войну – командир линейного корабля «Гангут», председатель комиссии, занимавшейся выработкой правил и инструкций по тактической и организационной части судовой артиллерии. После Февральской революции начальник Морского Генерального штаба. В Гражданскую войну – в Добровольческой армии. С 1920 г. – в эмиграции.

КЕРБЕР Людвиг Бергардович (с ноября 1916 г. – Коврин Людвиг Федорович) (1863–1919) – вице-адмирал (1914). Окончил Морское училище (1884), военно-морское отделение Николаевской морской академии (1902). Участвовал в боевых действиях в Китае (1900), командовал миноносками № 52, № 139 (1902). Во время Русско-японской войны – флагманский интендант эскадры Тихого океана (1904), старший офицер крейсеров «Богатырь» (1904–1905), «Россия» (1905–1906). Командовал минным крейсером «Донской казак» (1906), канонерской лодкой «Хивинец» (1908). Морской агент в Англии (1909–1911). Командир линейного корабля «Цесаревич» (1911–

1913). Начальник штаба командующего морскими силами (с августа 1914 г. – флотом) Балтийского моря (1913–1915). Командующий эскадрой Балтийского моря (1915–1916). Член Адмиралтейств-совета (1915), председатель Совещания по морским перевозкам (1916). Главноначальствующий г. Архангельском и Беломорским водным районом, командующий флотилией Северного Ледовитого океана (1916–1917). С декабря 1917 г. – в отставке. Умер в Англии. Кавалер Георгиевского оружия (1914).

КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881–1970) – русский политический деятель, глава Временного правительства России в 1917 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1904), был адвокатом. Депутат 4-й Государственной Думы (1912–1917), председатель фракции трудовиков. После Февральской революции член партии эсеров, заместитель председателя Петроградского Совета, член Временного комитета Государственной Думы. В составах Временного правительства был министром юстиции (март – май 1917), военным и морским министром (май – сентябрь), а с 21 июля одновременно и министром-председателем. С 30 августа (12 сентября) 1917 г. – Верховный главнокомандующий русской армией. Активно проводил политику, направленную на продолжение войны с Германией и подавление революционного движения. По инициативе Керенского было предпринято безуспешное наступление русских войск в июне 1917 г., введена смертная казнь на фронте, предпринято преследование партии большевиков. В день Октябрьского восстания в Петрограде (7 ноября) Керенский на машине с флажком американской миссии бежал из столицы в расположение командования Северного фронта, возглавил мятеж Керенского – Краснова. 1 (14) ноября после ликвидации мятежа бежал на Дон, где в рядах белого движения включился в борьбу против Советской власти. При помощи английской миссии Локкарта в начале 1918 г. эмигрировал во Францию, с 1940 г. проживал в США. Активно участвовал в антисоветской деятельности белой эмиграции, являлся организатором «Лиги борьбы за народную свободу».

КЕТЛИНСКИЙ Казимир Филиппович (1875–1918) – контр-адмирал (1917). Окончил Морской кадетский корпус (1895) и Артиллерийский офицерский класс (1902). Во время Русско-японской войны, будучи старшим артиллеристом эскадренного броненосца «Ретвизан», предложил организовать перекидную стрельбу через Ляотешань по японским кораблям, бомбардировавшим Порт-Артур. С 1904 г. – флагманский артиллерист морского походного штаба наместника императора

на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева, с 1906 г. – флагарт штаба командующего отдельным практическим отрядом Черного моря, с 1908 г. – флагарт штаба командующего морскими силами Черного моря. Старший офицер линейного корабля «Иоанн Златоуст» (1909–1911), преподаватель Николаевской Морской академии (1913). С началом мировой войны – флаг-капитан по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря. Летом 1916 г. назначен командиром крейсера «Аскольд»; привел корабль из Средиземного моря в Англию, а затем на Крайний Север. С сентября 1917 г. – начальник Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов. Убит в Мурманске неизвестными.

КНИПОВИЧ Николай Михайлович (1862–1939) – зоолог, организатор и руководитель нескольких научно-промысловых экспедиций (Мурманской, Каспийской, Балтийской, Азово-Черноморской), специалист по гидрологии Северного Ледовитого океана и Баренцева моря.

КОНДРАТЕНКО Роман Исидорович (1857–1904) – с 1901 г. генерал-майор, дежурный генерал штаба Приамурского военного округа, с 1903 г. начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, в 1904 г. – 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Убит при штурме Порт-Артура.

КРЫЛОВ Алексей Николаевич (1863–1945) – кораблестроитель, механик и математик, академик (1916). С 1900 г. руководил работой Опытового бассейна, в 1908 г. стал главным инспектором кораблестроения и председателем Морского технического комитета и одновременно являлся преподавателем Николаевской Морской академии, с 1919 г. начальник Морской академии, в 1928–1931 гг. директор Физико-математического института АН СССР.

ЛИНЕВИЧ Николай Петрович (1838–1908) – участник войны 1877–1878 гг., с 1895 г. генерал-майор, командир Южно-Уссурийского отдела, в 1900 г. в Китае, генерал-лейтенант, с 1903 г. генерал от инфантерии, командующий Приамурским военным округом и генерал-губернатор Приамурья. В 1904 г. командующий Маньчжурской и 1-й Маньчжурской армиями, с 1905 г. главнокомандующий на Дальнем Востоке. Смещен в 1906 г.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Дэвид (1863–1945) – премьер-министр Великобритании. Санкционировал в декабре 1917 г. тайную англо-французскую конвенцию о разделе сфер влияния в России, участие английских войск в интервенции.

МАКАРОВ Степан Осипович (1848/49–1904) – русский флотоводец, океанограф, вице-адмирал (1896). Руководитель двух

кругосветных плаваний (1886–1889) и (1894–1896). Выдвинул идею и руководил строительством ледокола «Ермак», на котором совершил арктическое плавание в 1899 и 1901 гг. Разработал тактику броненосного флота. В начале Русско-японской войны командовал Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. Погиб на броненосце «Петропавловск».

МАКСИМОВ Андрей Семенович (1866–1951) – вице-адмирал. Окончил Морской корпус. Участник Русско-японской войны. С 1913 г. – командир бригады крейсеров, а затем линкоров. В 1915–1917 гг. начальник минной обороны Балтийского моря. В 1917 г. командующий Балтийским флотом. С марта 1918 г. – инспектор советских военно-морских сил.

МАТИСЕН Федор Андреевич (1872–1921) – капитан 1 ранга (1915). В 1899 г. на транспорте «Бакан» участвовал в экспедиции на Шпицберген. В 1900–1903 гг. исполнял должность помощника командира, затем командира яхты «Заря» русской полярной экспедиции. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. на крейсере «Жемчуг» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры принял участие в Цусимском сражении 14–15 мая 1905 г. Затем наблюдал за постройкой ледокольного транспорта «Таймыр», в 1908–1910 гг. был его командиром. В 1919–1920 гг. возглавил советскую гидрографическую экспедицию по исследованию устьев рек Лены и Оленек.

МИЛЛЕР Евгений-Людвиг Карлович (1867–1937) – генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник штаба 5-й армии (1914), с 1916 г. командир 26-го армейского корпуса. С 1917 г. представитель Ставки в Италии. В 1919–1920 гг. генерал-губернатор Северной области и главнокомандующий белыми войсками на севере России. С весны 1920 г. в эмиграции.

НАНСЕН Фритьоф (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики, почетный член Петербургской академии наук (1898). В 1888 г. первым пересек Гренландию на лыжах, в 1893–1896 гг. руководил экспедицией на «Фраме». В 1920–1921 г. верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, один из организаторов помощи голодающим Поволжья. Лауреат Нобелевской премии Мира (1922).

НЕПЕНИН Адриан Иванович (1871–1917) – вице-адмирал (1916). Окончил Морское училище (1892). Участвовал в боевых действиях в Китае (1900–1901) и Русско-японской войне (командир миноносцев «Расторопный», затем «Сторожевой»). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1905). Командир миноносца «Прозорливый» (1907), начальник 2-го (1908–1909), 8-го (1909) дивизионов миноносцев на Балтике, командир канлодки «Храбрый» (1909–1911). Начальник службы связи

Балтийского моря (1911–1916), одновременно (1914–1915) командующий морской обороной приморского фронта крепости императора Петра Великого. Командующий Балтийским флотом (1916–1917). Убит в Гельсингфорсе в дни Февральской революции.

НОКС Альфред Уилльям (1870–1964) – английский бригадный генерал, в 1911–1918 гг. – военный атташе Великобритании в Петрограде, в 1918 г. – глава британской военной миссии в Сибири, главный советник адмирала Колчака по вопросам тыла и снабжения армии.

ПЕПЕЛЯЕВ Анатолий Николаевич (1891–1938) – окончил Павловское воен. уч-ще (1910). В Первую мировую войну полковник. В мае 1918 г. возглавил контрреволюц. мятеж в Томске, поддержанный белочехами. С авг. 1918 г. команд. Ср. – сиб. корпусом (действовал в пермском направлении), а во 2-й пол. 1919 г. – 1-й Сиб. армией, генерал-лейтенант. В дек. предпринял (в Томске, Новониколаевске, Красноярске) попытки вооруж. антиколчаковских выступлений. Боролся против Сов. власти на Д. Востоке, был близок к эсерам. В 1921 г. эмигрировал в Харбин. С кон. 1922 г. во главе т. н. Сиб. добровольч. дружины (750 чел.) участвовал в антисов. Якутском мятеже 1921–1923 гг. В июне 1923 г. в порту Аян с остатками отряда сложил оружие перед сов. войсками. Приговорен судом к расстрелу, замененному ВЦИК 10-летним заключением.

ПЕПЕЛЯЕВ Виктор Николаевич (1884–1920) – по образованию учитель. Депутат Государственной Думы от Томской губернии, примыкал к фракции кадетов. Участник корниловского мятежа. После Октябрьской революции – член московского отделения «Национального центра», по поручению которого выехал в Сибирь. Член совета Верховного правителя, директор департамента милиции и государственной охраны товарища министра внутренних дел Омского правительства, председатель его Совета министров. 15 января 1920 г. на станции Иннокентьевская (около Иркутска) вместе с адмиралом А. В. Колчаком передан белочехами эсеро-меньшевистскому Политическому центру, а затем Иркутскому ВРК. Расстрелян 7 февраля 1920 г.

ПОГУЛЯЕВ Сергей Сергеевич (1873–1941) – контр-адмирал (1916). Закончил Морской кадетский корпус в одном выпуске с Колчаком, в 1916 г. по его предложению занял пост начальника штаба. В апреле 1917 г. переведен в резерв армии, через год зачислен во французский флот. В 1919 г. – начальник Управления по делам русских военных и военнопленных за границей, с 1936 г. – почетный председатель Объединения офицеров

российской армии и флота в Бельгии. Принимал близкое участие в судьбе семьи Колчака.

РОЖЕСТВЕНСКИЙ Зиновий Петрович (1848–1909) – русский вице-адмирал (1904), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1903 г. – начальник Главного морского штаба. В 1904–1905 гг. командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой, один из виновников ее поражения в Цусимском сражении. Был судим военно-морским судом, оправдан как тяжело раненный в бою.

РОМАНОВ Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, состоял на службе в военно-морском флоте, участвовал в трех дальних плаваниях на фрегатах «Светлана» и «Герцог Эдинбургский». С 1897 г. президент Императорской академии наук. В 1910 г. стал генерал-инспектором военно-учебных заведений. Известен как талантливый поэт и переводчик.

РУСИН Александр Иванович (1861–1956) – адмирал (1916). Выпускник Морского училища (1882) и Гидрографического отдела Николаевской Морской академии (1888). Морской агент в Японии (1899–1904), исполняющий должность начальника морской походной канцелярии главнокомандующего сухопутными и морскими силами против Японии (1905). Командир эскадренного броненосца «Слава» (1905–1907). Начальник Николаевской Морской академии (1908–1910) и директор Морского корпуса (1908–1913). Начальник Главного морского штаба (1913–1914). В годы мировой войны – начальник Морского Генерального штаба (1914–1917) и одновременно Морского штаба Верховного главнокомандующего (1916–1917). С июня 1917 г. в отставке. После Гражданской войны жил в эмиграции, возглавлял Всезарубежное объединение русских морских организаций. Умер в Касабланке.

САВИНКОВ Борис Викторович (1879–1925) – русский политический деятель, один из лидеров партии эсеров и организаторов заговоров и мятежей в 1917–1918 гг. В 1903–1906 гг., находясь в руководстве «Боевой организации» партии эсеров, участвовал в ряде террористических актов (убийство министра внутренних дел В. К. Плеве, великого князя Сергея Александровича). В 1911 г. эмигрировал. В годы Первой мировой войны добровольцем служил во французской армии. После Февральской революции вернулся в Россию, был комиссаром Временного правительства при Ставке верховного командования, затем комиссаром Юго-Западного фронта и заместителем военного министра (Керенского). Инициатор введения смертной казни на фронте. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в мятеже Керенского – Краснова, в создании Добровольческой армии. В марте 1918 г. создал в Москве

подпольный «Союз защиты родины и свободы», непосредственно участвовал в организации контрреволюционных мятежей в Ярославле, Рыбинске и Муроме (1918). В 1919 г., будучи представителем А. В. Колчака, вел переговоры с правительствами Антанты о помощи белым армиям. В 1920 г. был председателем «Русского политического комитета» в Варшаве, участвовал в формировании антисоветских военных отрядов (С. Н. Булак-Балаховича и др.). В 1921–1923 гг. руководил диверсионной деятельностью против СССР. В августе 1924 г. арестован после нелегального перехода советской границы. На суде Савинков раскаялся, признал крах попыток свержения Советской власти. 29 августа был приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 10 лет. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

САХАРОВ Константин Вячеславович (1881—?) – генерал-лейтенант (1919). Окончил Академию Генштаба (1908). Участник Первой мировой войны, полковник. Участник корниловщины. В 1918 г. направлен Деникиным к Колчаку. С апр. 1919 г. ген. для поручений при Колчаке. С мая 1919 г. нач. штаба, с июня команд. Зап. армией, с июля – 3-й армией. В нояб. 1919 команд. колчаковским Вост. фр. В связи с поражениями был в нач. дек. арестован братьями А. Н. и В. Н. Пепеляевыми и заменен ген. В. О. Каппелем. Служил у атамана Семенова, вскоре эмигрировал в Германию.

СЕМЕНОВ Григорий Михайлович (1890–1946) – генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны, есаул. Окончил Оренбургское военное училище (1911). С июня 1917 г. – комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию добровольческих частей. В сентябре 1918 г. установил в Забайкалье кровавый режим. Вначале А. В. Колчак не признал Семенова, но под давлением союзников примирился с ним и назначил командующим войсками Читинского военного округа. В начале 1919 г. объявил себя атаманом забайкальского казачества. 30 июля назначен Колчаком помощником командующего войсками и главного начальника Приамурского края генерала С. Н. Розанова. 4 января 1920 г. Колчак передал Семенову всю полноту военной и государственной власти на территории восточной окраины России. В сентябре Семенов объявляет о своем подчинении «Правительству Юга России» как «всероссийскому». К ноябрю 1920 г. банды Семенова изгнаны из Забайкалья. Обосновавшись в Харбине, формировал казачьи отряды для борьбы против Советской власти. В сентябре 1945 г. захвачен советскими войсками в Маньчжурии. Казнен 30 августа по приговору Верховного суда СССР.

СЕРГЕЕВ Иван Степанович (1863–1913) – генерал-майор

корпуса флотских штурманов. В 1883–1888 гг. служил в Отдельной съемке Тихого океана и занимался гидрографическими съемками в заливе Петра Великого. В 1889–1891 гг. руководил съемками и промерами в Онежском озере. В 1892–1894 гг. выполнял гидрографические работы на Балтийском море. В 1895 г. на пароходе «Лейтенант Овцын» участвовал в экспедиции по изучению устьев рек Енисея и Оби. В 1895–1898 гг. помощник начальника, а с 1910 г. начальник Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. В 1909–1913 гг. руководил экспедицией в Северном Ледовитом океане на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». Командиром «Таймыра» был назначен капитан 2 ранга Ф. А. Матисен, командиром «Вайгача» – капитан 2 ранга А. В. Колчак.

СТЕССЕЛЬ Анатолий Михайлович (1848–1915) – участник войны 1877–1878 гг., с 1899 г. командовал 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригадой, генерал-лейтенант (1901), с 1903 г. комендант Порт-Артура, с 1904 г. командир 3-го Сибирского корпуса. С 1906 г. в отставке, в 1907 г. осужден за сдачу крепости. Помилован в 1909 г.

СУХОМЛИНОВ Владимир Александрович (1848–1926) – генерал от кавалерии. Окончил Академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны. Последовательно занимал должности командира кавалерийского полка, начальника кавалерийской школы, командира кавалерийской дивизии, начальника штаба, помощника командующего и командующего Киевским военным округом. С декабря 1908 г. – начальник Генерального штаба, в 1909–1915 гг. – военный министр. Снят с этой должности и отдан под суд за злоупотребления и измену, которые на суде не подтвердились. Тем не менее Сухомлинов был признан виновным в слабой подготовке армии к войне и приговорен к пожизненной каторге. После Октябрьской революции в 1918 г. освобожден по амнистии. Эмигрировал в Финляндию, а затем переехал в Германию.

ТОЛЛЬ Эдуард Васильевич (1858–1902) – русский полярный исследователь. Участник экспедиции А. А. Бунге на Новосибирские острова в 1885–1886 гг. Руководил экспедицией в северные районы Якутии, исследовал район между нижним течением рек Лена и Хатанга (1893). Возглавил экспедицию на шхуне «Заря» (1900–1902). Пропал без вести в 1902 г.

ТРУХАЧЕВ Петр Львович (1867–1916) – вице-адмирал (1916). Окончил Морское училище (1887). В Русско-японскую войну командовал миноносцем «Бесстрашный», в 1906 г. исполнял должность заведующего миноносцами Владивостокского порта. С 1906 г. – в Гвардейском экипаже. Командир яхты «Марево» (1909–

1910), эсминца «Войсковой» (1910–1912), крейсера «Олег» (1913–1915). Командующий, затем начальник минной дивизии (1915), начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского моря (1916). Скончался в Новороссийске. Кавалер Георгиевского оружия и ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915).

УНГЕРН ФОН ШТЕРНБЕРГ Роман Федорович (1886–1921) – генерал-лейтенант (1919), барон. Окончил Павловское воен. уч-ще (1908), служил в Забайкальском казачьем войске. Участник Первой мировой войны. В авг. 1917 г. направлен А. Ф. Керенским вместе с Г. М. Семеновым в Забайкалье для формирования добровольч. частей. Командовал конно-азиат. дивизией, отличался садистской жестокостью. После эвакуации япон. интервентов из Забайкалья в 1920 г. отделился от Семенова, ушел в Монголию и в февр. 1921 г. занял Ургу. Получил от монг. реакционеров титул «вана» (правителя), стал фактич. диктатором Монголии. В мае 1921 г. белогвардейцы во главе с У. фон Ш. вторглись на терр. ДВР в р-не Троицкосавска, но в ходе Монгольской операции 1921 г. были разгромлены Кр. армией и монг. революц. войсками. В авг. 1921 г. выдан монголами экспедиц. отряду П. Е. Щетинкина. 15 сент. по приговору Сиб. ревтрибунала расстрелян в Новониколаевске.

ЦВИНГМАН Александр Константинович (1859—?) – контр-адмирал (1912). В 1901–1902 гг. командовал ледоколом «Ермак». Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. отличился при обороне Порт-Артура. Награжден золотым оружием «За храбрость» (1905). С 1912 г. в отставке.

ЭБЕРГАРД Андрей Августович (1856–1919) – русский адмирал (1914). В 1904–1905 гг. – флаг-капитан штаба начальника Тихоокеанской эскадры и наместника на Дальнем Востоке. В 1908–1911 гг. – начальник Морского Генерального штаба, в 1911–1914 г. – командовал морскими силами Черноморского флота. В Первую мировую войну – командующий Черноморским флотом, руководил блокадой Босфора, провел ряд удачных операций. С 1916 г. – в Государственном совете, в 1917 г. – член Адмиралтейского совета.

ЭССЕН Николай Оттович (1860–1915) – родился 11 декабря 1860 г. в Петербурге. После окончания Морского училища ушел в двухлетнее заграничное плавание. В 26 лет закончил Морскую академию, службу проходил на кораблях Тихоокеанской, затем Средиземноморской эскадр. С 1902 г. командир крейсера «Новик», капитан 1 ранга, спустя год назначен командиром эскадренного броненосца «Севастополь», в 1904 г. – флаг-капитан командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой, участник Русско-японской войны, обороны Порт-Артура. С 1906 г. контр-адмирал,

командир 1-й минной дивизии на Балтике, с 1911 г. командующий Балтийским флотом, вице-адмирал, с 1914 г. – адмирал. Скончался на капитанском мостике флагманского корабля 7 мая 1915 г. Кавалер двенадцати российских орденов, в том числе Св. Георгия 3-й и 4-й степеней.

ЮДЕНИЧ Николай Николаевич (1862–1933) – генерал от инфантерии (1905), один из руководителей Белого движения на северо-востоке России. В Первую мировую войну командовал Кавказской армией (1915–1916), в апреле – мае 1917 г. – Кавказским фронтом. С июня – главнокомандующий белогвардейскими войсками на северо-западе России, руководил наступлением в 1919 г. на Петроград. После провала «Похода на Петроград» отступил в Эстонию. В 1920 г. эмигрировал.

Библиографические ссылки

*Адм*ирал Колчак. Его роль и семья//Военно-исторический *вестник*. Париж, 1960. № 16.

Апушкин В. А. Дело о сдаче Порт-Артура в 1904 году. СПб.

Арестант пятой камеры. Протокол заседания *Чрезвычайной след*ственной комиссии. М., 1990. С. 269.

Архив русской революции. М., 1991. Т. 10.

Белое движение. И*сторические пор*треты. М., 2004.

Богданов К. А. Адмирал Колчак. СПб., 1993.

Болдырев В. Г. Директория, Колчак. Воспоминания. Новониколаевск, 1925.

Быков П. Д. Русско-японская война в действиях на море. М., 1972.

Военно-исторический ж*урнал. 1984. №* 9.

Военный сборник. 1904, № 9.

Вопро*сы истории. 199*1, № 11..

Воспоминания контр-адмирала С. В. Евдокимова/Военно-исторический журнал. 2006, № 8.

ГА РФ, ф. 341, д. 52, ч. 1, л. 4.

ГА РФ, ф. 5844, оп. 1, д. 3 а, л. 88.

Гельмерсон Г. Памяти Верховно*го правите*ля России/Часовой, Брюссель, 1974, № 580 (10).

Гинс Г. Н. Сибирь*, союзники и Колч*ак. Т. 1, 2. Пекин, 1921. Савич Н. Три встречи (А. В. К*олчак и Госуд* [арственная] Дума)// Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1*983.*

*Григорович И. К. Во*споминания бывшего морского министра. М., 1993.

Директивы главного командования Красной Армии (1912–1920). М., 1969.

Дневник императора Николая II. М., 1991.

Дневник полковника С. А. Рашевского. Сборник Инженерной академии. Т. 10. М., 1954.

Документы русской истории. Документы о русской полярной экспедиции 1900–1902 годов. М., 1997/3 (28).

Документы русской истории. М. 1997, № 3.

Допрос Колчака. Л., 1925.

Житков К. Г. Адмирал Н. О. Эссен. Пг., 1915.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1981.

Известия Императорского Русского Географического

общества. Т. XIII. Выпуск V. СПб. С. 2–3.
Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904, № 3.
История военного искусства. Т. 3.
История военной связи. Т. 1.
История отечественной артиллерии. Кн. 5.
История отечественной артиллерии. Т. 2. Кн. 5. М., 1970.
История русско-японской войны.
Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982.
Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. М., 1994.
Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний. М., 1996.
Колчак В. И. На Малаховом кургане. СПб., 1899.
Колчаковщина. Екатеринбург, 1924.
Краснов В. Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1, 2. М., 2000.
Краснов В. Колчак. Кн. 1, 2. М., 2004.
Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981.
Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг.
Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938.
Лехович Д.. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.
Лукомский А. С. Из воспоминаний. М., 1991.
Макаров С. О. Документы. Т. 2. М., 1960.
*Мельгунов С. П. Трагедия адми*рала Колчака. Т. 1–3. Белград, 1930–1931.
Миткевич В., Дубенский Д. Роман Исидорович Кондратенко. Его жизнь и боевая деятельность. СПб., 1908.
Морской атлас. Т. 3. Военно-исторический. Часть I. М., 1959.
Морской журнал. Прага, 1928. № 11.
Морской сборник. 1908, № 6,
Новиков Н. Операции флота на Черном море в 1914–1917 годах. М., 1937.
Отечественная артиллерия. М., 1986.
Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.
Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. М., 2003.
Поваляев В. Верховный правитель (роман). М., 2003.
Последние дни колчаковщины. Сборник документов. М., 1926.
РГА ВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 16.
РГВИ, ф. 2003, оп. 1, д. 1165.
РГВИА, ф. 367, оп. 2, д. 6.
РГВИА, ф. 49, оп. 1, д. 26.
Руднев В. Ф. Бой «Варяга» у Чемульпо 27-го января 1904 года.

СПб., 1907.

Руднев Н. В. Командир легендарного крейсера. Тула, 1960.

Русский архив. Архив русской революции. Т. 10, 14. М., 1991–1992.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925.

Русско-японская война. Т. 8. Ч. 2. СПб., 1910. С. 109.

Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 2. СПб.*, 1907.*

*Самые з*наменитые флотоводцы России. М., 2000.

Семенов Г. М. О себе: Воспоми*нания, мы*сли и выводы. Дайран., 1938.

Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. *М., 20*00.

Смирнов А. Отец и сын. Штрихи к портрету/Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб., 2001.

Смирнов М. И. Адмирал. Па*риж,* 1931.

Соломонов В. И. Из материалов по артиллерийской обороне Порт-Артура. Сб. № 3. 1907.

Сорокин А. И. Оборона и падение Порт-Артура. М., 1940.

Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. М., 1952.

Т. Х. Берлин, 1923. Морской журнал. Прага, 1928, № 11.

[Т.]Х. Берлин, 1923. Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутс*ке 21 января* – 7 февраля 1920 г. //Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном.

Флеминг П. Судьба адмирала Колчака (1917–1920). М., 2006.

Хрестоматия по русской военной ис*тории*

ЦГА БМФ, ф. 432, оп. 5, 7174

ЦГА ВМФ, ф. *11,* оп. 1, д. 1, 2.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 2.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 55.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 62.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 63.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 71.

ЦГА *ВМ*Ф, ф. 11, оп. 16, д. 19078.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 3, д. 61.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 5, д. 2865.

ЦГА ВМФ, ф. 11, оп. 6, д. 3.

ЦГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 7174.

ЦГА ВМФ, ф. 609, оп. 1682, д. 836.

ЦГА ВМФ, ф. 610, оп. 1, д. 206.

ЦГА ВМФ, ф. 612, оп. 5, д. 17.

ЦГА ВФМ, ф. 315, оп. 1, д. 1160.
ЦГА РА, ф. 100, оп. 2, д. 177.
Цывкинский Г. Ф. 50 лет в Императорском флоте. Рига, 1921.
Шварц А. В., Романовский Ю. Д. Борьба за П*орт-Артур.* СПб., 1907.
Шварц А. Осада Порт-Артура. СПб., 1914. С. 145.
Шишкин. Адмирал *Колчак//Си*бирская газета. 1990, 5 февраля.
Щепкин Г. Сибирь и Колчак. Новороссийск, 1919.
Щепкин Г. Сибирь и Колчак. Новороссийск, 1920.

notes

Примечания

1

Дата рождения дана по старому стилю.

2

Как считал генерал Ноги, падение Порт-Артура было вопросом нескольких дней. «Вы прибыли как раз вовремя, – заявил он приехавшим к нему в конце июля иностранным корреспондентам. – Еще немного, и вы опоздали бы ко взятию крепости».

3

В марте 1904 г. в Порт-Артур прибыл назначенный комендантом генерал В. В. Смирнов. Генерал же Стессель получил предписание отбыть в Маньчжурскую армию и принять там Восточный отряд. Как пишет генерал Н. П. Линевич, «Стессель отказался подчиниться этому распоряжению, мотивируя это своей незаменимостью в условиях обороны Порт-Артура». Стессель и Смирнов – начальник укрепленного района и комендант крепости – стали игнорировать друг друга. В Порт-Артуре образовалось две партии – «стесселевская» и «смирновская», начались дрязги, сплетни, взаимные обиды. Один лишь человек стоял в стороне от этих интриг. Это был Роман Исидорович Кондратенко. Он стал в ту трудную пору единственным связующим звеном между сухопутными войсками и моряками, «стесселевцами» и «смирновцами», одинаково ценившими его прямоту, непреклонную, заряжающую всех энергию и редкое благородство души. От генерала до рядового все угадывали в нем «душу» Порт-Артура.

4

11 августа японцы заложили первую параллель, к концу августа – вторую. В первой половине октября они вывели шестую штурмовую параллель перед вторым и третьим фортами.

5

18 сентября над укреплениями горы Высокой, над вторым и третьим фортами, стали взвиваться огромные столбы бурого дыма, земли и щебня. Начался обстрел противника 11-дюймовыми гаубицами. На защитников обрушились 15-пудовые снаряды – «шимезы» (бризантные снаряды, начиненные мелинитом). Рассчитанные лишь на 6-дюймовые снаряды форты и другие инженерные сооружения превращались в груды развалин.

Имеются и другие данные. Так, Советская военная энциклопедия (Т. 6. С. 459) отмечает, что японцы потеряли около 8000 человек.

«На штурмах Высокой горы, – пишет А. А. Керсновский (История русской армии. Т. 3. С. 85), – японцы лишились 288 офицеров и 7730 нижних чинов». Он же приводит высказывание по этому поводу французского генерала Гранпре: «Борьба за Высокую гору была битвой гигантов. Ни одна страна в самую славную эпоху своей истории никогда не выставляла в поле солдат, которые дрались бы с таким упорством, храбростью и презрением к смерти, как русская и японская пехота в те дни».

7

Один из участников событий тех дней так излагает ход боев: «5 декабря второй форт взорван и после отчаянной, героической обороны очищен – из 350 защитников лишь 30 осталось в живых (японцев положено 800). 15 декабря взлетел на воздух третий форт. Линия фортов пала. Интервалы между ними – Китайская стенка – оставалась еще в наших руках. Однако 18 декабря японцы, взорвав промежуточные укрепления, утвердились на развалинах и открыли продольный огонь по Китайской стенке. Ее пришлось оставить… Войска отступили на третью и последнюю линию». История Русско-японской войны.

8

В соответствии с заключенной капитуляцией гарнизон в составе 23 000 человек (считая с больными) считался военнопленными. Японской стороне передавалось все боевое снаряжение, все имевшиеся запасы материальных ценностей. Офицеры могли вернуться в Россию, дав честное слово, что не будут участвовать в боевых действиях. Небольшая часть командного состава русской армии воспользовалась этим условием.

Всего же за время осады Порт-Артура его сухопутный гарнизон лишился 6634 человека убитыми, 24 146 человек были ранены и пропали без вести, 4000 умерли от ран и болезней. См.: Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 93–94.

9

Материалы суда и следствия комиссии о сдаче Порт-Артура. РГВИА, ф. 801, оп. 112.

В исторической литературе встречаются различные оценки действий генерала Стесселя. Довольно оригинальна она в работе Керсновского. Он считает, что основная вина коменданта крепости не в ее сдаче врагу, а в его бездеятельности в ходе обороны Порт-Артура. «Упреки, исходившие от современников, – пишет он, – не могут показаться убедительными. Прежде всего генерал Стессель командовал не автоматами, а людьми. Физические и моральные силы этих живых людей достигли в декабре предела, поставленного им природой. Крепости к этому времени больше не существовало… Генерал Стессель, конечно, несет большую ответственность… за преждевременное отступление в крепостной район. Он должен был ввести в дело при Цзиньчжоу весь свой корпус, а не один только полк, армия Оку была бы разбита – и это отразилось бы на всем ходе войны в Маньчжурии. Упустив эту возможность в мае, он мог бы наверстать ее в июне – июле на Зеленых горах атакой и поражением слабой еще армии Ноги, что также имело бы громадные стратегические последствия. Но он предпочел «отсиживаться» и дожидаться ударов, а не бить самому… Другим промахом генерала Стесселя было то, что он не воспользовался ресурсами Ляодуна и не накопил путем реквизиции либо подрядов продовольственных запасов в крепости, чему весной представлялась полная возможность. Наконец, не следовало заключать капитуляции… Единственным выходом из положения, за исключением героического средства… является уничтожение всего, что можно уничтожить, взрыв верков и сдача» (С. 95–96).

10

Николай Оттович фон Эссен родился 11 декабря 1860 года в Петербурге. После окончания морского училища ушел в двухлетнее заграничное плавание. В 26 лет закончил Морскую академию, службу проходил на кораблях Тихоокеанской, затем Средиземноморской эскадр. С 1902 года командир крейсера «Новик», капитан 1 ранга, спустя год назначен командиром эскадренного броненосца «Севастополь», в 1904 году – флаг-капитан командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой, участник Русско-японской войны, обороны Порт-Артура. С 1906 года контр-адмирал, командир 1-й минной дивизии на Балтике, с 1911 года командующий Балтийским флотом, вице-адмирал, с 1914 года – адмирал. Скончался на капитанском мостике флагманского корабля 7 мая 1915 года. Кавалер двенадцати российских орденов, в том числе Св. Георгия III и IV степеней.

11

Сибирская военная флотилия была создана в 1856 году в результате переименования Охотской флотилии. Ее базой до 1971 года являлся Николаевск-на-Амуре, затем – Владивосток. Во время Русско-японской войны участвовала в боевых действиях в Японском море.

12

После 1945 года Успенское кладбище было снесено. На его месте вырос жилой массив.

13

К. Житков (в книге «Адмирал Н. О. Эссен») так описывает день похорон Н. О. Эссена: «В яркий солнечный день 9 мая 1915 г. Петроград отдавал последний долг адмиралу. В 10 часов утра к пристани Храма – памятника войны 1904–1905 гг. – подошел под приспущенным флагом командующего любимейший из миноносцев покойного «Пограничник». После заупокойной обедни и отпевания тело адмирала на лафете перевезено в Ново-Девичий монастырь, где при залпах салюта было предано земле (на монастырском кладбище). Отец Н. О. Эссена, Отто Васильевич Эссен (1828–1876), товарищ министра юстиции и тайный советник, похоронен там же».

14

Смирнов Михаил Иванович (1880–1937) – контр-адмирал (1918). В 1910–1915 гг. служил на Балтике, в 1914–1915 гг. – в командировках на союзные флоты, действовавшие против неприятеля в Северном море и в районе Дарданелл. В 1916 г. – флаг-капитан, а затем начальник штаба Черноморского флота. Вместе с Колчаком в составе миссии ездил в США. В 1919 г. руководил Морским министерством Омского правительства и командовал Речной боевой флотилией. В эмиграции в Великобритании. В 1930 г. издал книгу об адмирале Колчаке с целью помочь сбору средств на продолжение высшего образования для его сына.

15

Месопотамский фронт – театр военных действий, где англичане воевали против турок. В ходе осенней кампании 1918 г. турецкая армия потерпела поражение. После выхода России из войны союзники отказались от наступления в Эгейском море.

16

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – есаул, генерал-лейтенант (1919). После Февральской революции – комиссар Временного правительства в Забайкалье. В ноябре – декабре 1917 г. поднял мятеж против Советской власти. После разгрома в 1921 г. возглавлял в Китае белую эмиграцию. В 1945 г. захвачен советскими войсками и казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

17

Директория – Временное всероссийское правительство, создано Уфимским государственным совещанием 23 сентября 1918 г., председателем стал эсер Н. Авксеньтьев. В октябре правительство переехало в Омск, где был создан Совет министров во главе с П. Вологодским, 4 ноября 1918 г. военным и морским министром был назначен А. В. Колчак. В ночь на 18 ноября 1918 г. Директория, так и не сумевшая добиться реальной власти, была распущена.

18

Радола Гайда (*Рудольф Гейдль*) (1892–1948) – в Первую мировую войну призван в австро-венгерскую армию, в 1915 г. перешел на сторону черногорцев, с 1917 г. в России, командовал ротой, батальоном, полком, дивизией в чехословацких частях. Один из организаторов мятежа чехословацкого корпуса в мае 1918 г., возглавлял Екатеринбургский участок фронта, Сибирскую армию. После Гражданской войны – в чехословацкой армии. В 1939–1945 гг. сотрудничал с фашистами, казнен по приговору чехословацкого трибунала.

19

См. Родина. 2006, № 2, С. 39.